

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2016

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Санкт-Петербург
2017

УДК 328; 94(4)
ББК 67.400.6
Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
члена научно-методического совета
Центра истории парламентаризма
А.Б. Николаева

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ) С.Е. Руднева; доктор исторических наук, заместитель заведующего отделом обеспечения выставочной деятельности Государственного Эрмитажа А.В. Соколов.

Т 13

Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8—9 декабря 2016 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Издательство «Элексис», 2017. Ч. 1. 338 с.

ББК 67.400.6
ISBN 978-5-9909911-5-6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2017.

ISBN 978-5-9909911-5-6

Содержание

Предисловие	6
СЕРГЕЕВ А.И. Приветственное слово участникам международной научной конференции “Таврические чтения 2016” от МПА СНГ	11
РОДЗЯНКО А.О. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко: вехи биографии	15
ЗОРИН В.Ю. Из практики парламентской деятельности Второй Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации	19

Под сенью Таврического дворца

КАШАВЕРСКАЯ Ю.И. Хранители Таврического дворца	28
НИКОЛАЕВА Т.И. С Дудергофских высот к Таврическому саду	38
ЛАНДЕР И.Г. 100-летний юбилей А.С. Пушкина. Праздник 27—28 мая 1899 года в залах и саду Таврического дворца	44
ПАТРИКЕЕВА О.А. Государственная дума Российской империи в пространстве Петербурга	55
НОВОСЕЛОВ Н.В. Археологические исследования на территории оранжерейного комплекса Таврического сада в 2016 году	62

Накануне Думы

АРОНОВ Д.В. Российский либеральный конституционный проект начала XX века — опыт модельной реконструкции	69
КОТОВ А.Э. С.С. Татищев и А.С. Суворин: спор о народном представительстве	77
КОСТЫЛЕВ А.В. На раннем этапе разработки думского избирательного права: обсуждение и принятие избирательного законодательства в законосовещательную Думу (весна — лето 1905 г.)	85
КУЗНЕЦОВ А.А. Институт и состав выборщиков по избирательному законодательству в Государственную думу	94

МУСАТОВ В.В., СИДОРЕНКО Н.С. Политический дискурс в региональном обществе по вопросу о созыве Государственной думы в России в начале XX в. (на материале Урала)	103

**Могло ли в России появиться министерство,
ответственное перед Думой (1906 г.)**

КУЛИКОВ С.В. Николай II, Дмитрий Трепов и идея ответственного министерства	111
СОЛОВЬЕВ К.А. Кадеты и ответственное перед Думой правительство. 1906 год	128
ЛУКОЯНОВ И.В. О докладах С.В. Куликова и К.А. Соловьева	139

Думские выборы в начале XX века

ИВАНОВ А.А. Выборы депутатов в I Государственную думу в Калужской губернии: хроника событий	149
СЕЛЕЗНЕВ Ф.А. Выборы в I Государственную думу от Нижегородской губернии: порядок и ход борьбы	154
ЛАВРИНОВИЧ Д.С. Конституционные демократы и выборы I Государственной думы на территории Северо-Западного края Российской империи	164
КАРПЕНКО К.В. «Третьеиюньская» монархия и положение о выборах 1907 г.: опыт юридической квалификации	174
ИВАНКОВ Э.В. Административный ресурс на выборах в Государственную думу третьего созыва в Северо-Западных губерниях	184
ТИМОХИНА Д.А. «Ясно выразили желание иметь своим представителем кадета...»: к истории дополнительных выборов в III Государственную думу по второй курии г. Санкт-Петербурга 21 сентября 1909 г.	191

**Российский парламент в 1906—1917 гг.:
состав и деятельность**

РЯБУХИН И.В. Отражение функций политической элиты в депутатских интерpellациях первого созыва Государственной думы Российской империи	198
АМБАРЦУМОВ И.В. Вопрос о реформировании законов о межконфессиональном браке в III Государственной думе	207
БОГОМОЛОВ А.Б. Государственная дума и порядок направления законопроектов по Ведомству православного исповедания в 1913—1914 гг.	215

ЗЛАТИНА М.А. Комитет членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны: сфера деятельности и круг проблем (июль — октябрь 1914 г.) ...	221
ДЕМИН В.А. Государственная дума и народное образование	231
МИЧУРИН А.Н. К вопросу о численности политической оппозиции в Государственном совете в 1917 году.	240

Парламент, власть и общество в начале XX века

ЮРКОВСКИЙ Р.Я. Польские депутаты I Государственной думы и Выборгское воззвание	252
КИРЬЯНОВ И.К. Перводумцы: рождение парламентской субэлиты в позднеимперской России	265
ПОРТНЯГИНА Н.А. I и II Государственная дума Российской империи в оценке британских дипломатов (на материалах Британского национального архива)	274
РАСКИН Д.И. Государственные думы и гражданское общество: в поисках модели взаимодействия (на примере Лиги образования)	283
НИТКИН П.С. Роль журналистов в конфликте Н.А. Хомякова и правых в III Государственной думе	291
ЩУКИН Д.В. От тарелки и буфета, до ресторана: «кухня» в политических процессах и повседневности российского парламентаризма начала XX века (по воспоминаниям членов партии кадетов)	296
ЕГОРОВ А.Н. К вопросу о степени влияния Государственной думы на политические настроения населения Российской империи (по материалам Вологодской губернии)	307
ГАВРОЕВА Е.С. М.В. Родзянко и Б.В. Штюмер в 1916 г.	317
ХОЛЯЕВ С.В. Государственная дума под угрозой роспуска: власть и оппозиция на рубеже 1916—1917 гг.	326

НИКОЛАЕВ А.Б.

Предисловие

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории РГПУ,
член НМС при Центре истории парламентаризма
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: abn_mbox@mail.ru

Аннотация: В статье рассказывается о подготовке международной научной конференции «Таврические чтения», а также дана характеристика сборника «Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность».

Ключевые слова: Центр истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, «Таврические чтения».

Предисловие

8—9 декабря 2016 года в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге прошла десятая международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2016»). Пожалуй, это единственное место в мире, где ежегодно собираются историки, политологи, юристы, научные сотрудники архивов и музеев для обсуждения актуальных проблем российского и зарубежного парламентаризма. Подчеркнем, что по итогам каждой из конференций выходят сборники научных статей, которые высоко оцениваются специалистами¹.

Организатором «Таврических чтений 2016» выступил Центр истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма Л.А. Кро-

¹ *Егоров А.Н.* Рецензия на сборник: «Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность»: междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец. 11—12 дек. 2013 г.: сб. науч. ст. / под ред. А.Б. Николаева: в 2 ч. СПб.: ЭлекСис, 2014 // История повседневности. 2016. № 1. С. 162—170; *С. Рязанов С.М., Софьин Д.М.* Рец.: Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11—12 декабря 2014 г.: Сб. науч. статей / Под ред. А.Б. Николаева: в 2 ч. СПб.: ЭлекСис, 2015. 274 с.; 232 с. // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 271—275.

хина (председатель), доктор исторических наук, профессор, начальник отдела экспертно-аналитического управления МПА СНГ и председатель Научно-методического совета при Центре истории парламентаризма К.А. Пшенко (заместитель председателя), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаев (заместитель председателя), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН С.В. Куликов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН И.В. Лукоянов, доктор исторических наук, профессор ИИ Санкт-Петербургского государственного университета О.А. Патрикеева и кандидат исторических наук, доцент ИИ СПбГУ Е.А. Тарасова.

Оргкомитет провел заседания, в ходе которых был выработан план подготовки конференции, сформулированы научные проблемы для обсуждения и утвержден текст информационного письма. Информация о международной научной конференции «Таврические чтения 2016» была опубликована на различных сайтах в Интернете¹. На основе поступивших заявок Центр истории парламентаризма составил программу конференции.

Конференция открылась 8 декабря 2016 года пленарным заседанием, в ходе которого ее участники выслушали приветствия, два выступления приглашенных лиц и четыре научных доклада. В заключительной части пленарного заседания С.И. Мельникова, заведующая кафедрой драматургии и киноведения СПбГИКиТ, и С.М. Овчаров, российский кинорежиссер, представили фильм Глеба Панфилова «Романовы. Венценосная семья» (2000).

Оргкомитет конференции организовал две дискуссионные площадки, первая из которых — «Государственная дума и Февральская революция (27 февраля — 3 марта 1917 г.)» — прошла 8 декабря, со своими взглядами на проблему поделились доцент МГУ Ф.А. Гайда и профес-

¹ X Таврические чтения «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Санкт-Петербург, 8-9 декабря 2016 года) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://journal-labirint.com/?p=6255>; «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2016») // Konferen.ru [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://konferen.ru/preview/5035>; Международная научная конференция «Таврические чтения - 2016» / Мероприятия МПА // Межпарламентская Ассамблея Государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://iacis.ru/activities/events/sekretariat_mpa_sng/mezhdunarodnaya_nauchnaya_konferentsiya_tavrisheskie_chteniya_2016/

сор РГПУ А.Б. Николаев, руководил дискуссией профессор СПбГЭТУ «ЛЭТИ» В.В. Калашников.

В дальнейшем работа «Таврических чтений» проходила по девяти секциям: первая из них была посвящена истории Таврического дворца¹, во второй² и третьей³ рассматривались проблемы истории зарубежного парламентаризма; четвертая секция остановила свое внимание на истории выборов в Государственную думу Российской империи⁴; на пятой секции рассматривалась деятельность российского парламента в 1906—1917 гг.⁵; участники шестой секции обсудили проблемы взаимоотношений Государственной думы, царского правительства и общества⁶; седьмая секция посвятила свою деятельность думской биографии⁷; восьмая секция обсуждала актуальные проблемы развития парламентаризма в странах СНГ⁸, а девятая — студенческая — занималась рассмотрением различных вопросов из истории деятельности Государственной думы Российской империи⁹.

¹ Руководители: А.Л. Рейман и И.Г. Ландер. Секционное заседание, в ходе которого выступило 7 докладчиков, проходило 8 декабря в 9-м зале Таврического дворца.

² Руководитель: Д.И. Портнягин. Секционное заседание проходило в Читальном зале Таврического дворца. В рамках заседания 8 декабря было заслушано 4 доклада, а 9 декабря — 5 докладов.

³ Руководители: Б.В. Петелин и Ю.Г. Акимов. Секционное заседание проходило в 10 зале Таврического дворца в рамках заседания 8 и 9 декабря было заслушано по 4 доклада.

⁴ Руководители: А.В. Костылев и Д.С. Лавринович. На заседании, проходившем в 1-м зале Таврического дворца 8 декабря было заслушано 6 докладов, а 9 декабря — 4 доклада.

⁵ Руководители: В.А. Демин, Д.М. Усманова и М.А. Златина. В ходе секционного заседания, которое состоялось в 6А зале Таврического дворца, 9 декабря было заслушано 6 докладов. 9 декабря заседание проходило в 9-м зале Таврического дворца, на нем прозвучало 4 доклада.

⁶ Руководители: И.К. Кирьянов, Р.Я. Юрковский. Заседание проходило в 14-м зале Таврического дворца. На нем 8 декабря выступило 6 докладчиков, 9 декабря — 6 докладчиков.

⁷ Руководители: А.А. Иванов и Р.А. Циунчук. Секционное заседание, в ходе которого 8 и 9 декабря прозвучало по 4 доклада, проходило в 6-м зале Таврического дворца.

⁸ Руководители: К.А. Пшенко и Е.А. Тарасова. Секционное заседание проходило в 16-м зале Таврического дворца. Участники заседания заслушали и обсудили 8 декабря 4 доклада, 9 декабря — 5 докладов.

⁹ Руководители: О.А. Патрикеева и С.В. Куликов. Секция заседала 8 декабря в Бежевой гостиной Таврического дворца. Участники заседания заслушали и обсудили 6 докладов.

Второй день конференции, 9 декабря 2017 г., открылся дискуссией по докладам представителей академических институтов — старшего научного сотрудника СПб ИИ РАН С.В. Куликова и главного научного сотрудника ИРИ РАН К.А. Соловьева, в которых авторы изложили свои взгляды по вопросу о возможности создания в 1906 году ответственного правительства. Руководил дискуссией ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН И.В. Лукоянов.

В этот же день прошли заседания студенческих секций¹ и продолжили работу секции, проводившие свои первые заседания накануне. В Думском зале были объявлены победители конкурса на лучший репортаж о конференции. Закончилась конференция заседанием, на котором был подведены ее итоги.

Информация о прошедшей конференции размещена на сайтах в Интернете². Дарья Иванова, рассказывая о «Таврических чтениях», приводит любопытные сведения, которые А.О. Родзянко, правнук председателя III и IV Государственной думы М.В. Родзянко, сообщил в кулуарах Таврического дворца уже после выступления на пленарном заседании: « — Мой прадед был видным и очень колоритным деятелем. Он часто приходил с докладами к государю. И, вот, один раз встретился с юным наследником и говорит ему: «а я — самый большой и толстый человек в России». Этим он очень рассмешил цесаревича, — с улыбкой рассказывает Алексей Родзянко. <...> — Заметный был человек, все знали, кто он такой. Иногда даже критиковали за то, что он раздувал свое значение до «второго человека» в Империи после Николая II»³. Своими впечатлениями о конференции поделился в газете «Двадцатый корпус» студент факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена С. Королев, который отметил, что «на конференции с темой «М.В. Родзянко и Б.В. Штурмер в 1916 году» выступила аспирантка нашего факультета

¹ «Развитие парламентаризма в России: история и современность» (зал 6А; руководитель: Е.Е. Петрова; 8 докладов); «Зарубежный парламентаризм: история и современность» (10-й зал; руководитель: Е.А. Беседина; 6 докладов).

² Кононова К.О. Студенты СПбУТУиЭ посетили X ежегодную международную научную конференцию «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения - 2016») // БЕЗФОРМАТА.RU [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://sanktpeterburg.bezformata.ru/listnews/nauchnuyu-konferenciyu-aktualnie-problemi/53171780/>; В Санкт-Петербурге прошли юбилейные «Таврические чтения» // Институт современной России [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://imrussia.org/ru/новости/2702-в-санкт-петербурге-прошли-юбилейные-; и др.>

³ Иванова Д. Таврические разночтения // 1-я линия [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://1-line.spbu.ru/cobytiya/233-1841.html>

Е.С. Гавроева, чей доклад был удостоен похвалы руководителя одной из секций польского профессора Р.Я. Юрковского». Давая общую оценку «Таврическим чтениям», он подчеркнул: «нельзя не упомянуть уже ставшие легендарными обеды в ресторане «Таврический», доброжелательность организаторов и общую серьезную научную атмосферу»¹.

Всего в конференции приняли участие ученые из 21 города России, а также исследователи из Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Польши и США. Среди них как уже известные историки, так и те, кто делает свои первые шаги в науке.

Доклады, прочитанные на конференции, были переработаны авторами в научные статьи для публикации в десятых «Таврических чтениях». Заметим, что они изданы в трех частях. Первая часть включает в себя предисловие, приветствие и выступления на пленарном заседании, а также шесть разделов: «Под сенью Таврического дворца»; «Накануне Думы»; материалы дискуссии «Могло ли в России появиться министерство, ответственное перед Думой (1906 г.)»²; «Думские выборы в начале XX века»; «Российский парламент в 1906—1917 гг.: состав и деятельность»; «Парламент, власть и общество в начале XX века». К первой части сборника прилагается CD-диск с иллюстративными и архивными материалами. Статьи, публикуемые во второй части «Таврических чтений», распределены по семи разделам: материалы дискуссии «Государственная дума и Февральская революция»³; «Думская биографика»; «Источники по истории российского парламентаризма (1906—1917)»; «Из истории представительных учреждений на Дальнем Востоке в 1920-х годах»; «Становление и развитие парламентаризма в странах СНГ»; «Парламентаризм западных стран: теория и практика»; «Зарубежный парламентаризм: история и современность». В приложении ко второй части помещена статья директора Центра истории парламентаризма Л.А. Крохиной, посвященная конкурсу на лучший репортаж о конференции. Третья часть состоит из раздела «Английский парламентаризм: история и современность», сведений об авторах, а также списка сокращений и аббревиатур. Впервые авторские тексты снабжены аннотациями, что снимает острую необходимость представлять их особо в предисловии.

Надеемся, что и эти «Таврические чтения» найдут своего заинтересованного читателя, будут способствовать росту интереса к истории российского и зарубежного парламентаризма.

9 августа 2017 г.

¹ *Королев С.* «Таврические чтения — 2016» // Двадцатый корпус. 2016. Декабрь. № 125. С. 3.

² По техническим причинам публикуются только доклады основных участников и модератора дискуссии.

³ По техническим причинам публикуются только доклады основных участников и модератора дискуссии.

СЕРГЕЕВ А.И.

Приветственное слово участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2016» от МПА СНГ

СЕРГЕЕВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ,
кандидат экономических наук, Генеральный секретарь —
руководитель Секретариата Совета МПА СНГ
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: kanz@iacis.ru

Аннотация: В своем слове Генеральный секретарь — руководитель Секретариата Совета МПА СНГ приветствует участников международной научной конференции «Таврические чтения 2016». Автор, приводя данные о составе участников конференции, указывает, что в ней принимают участие ученые из двадцати городов России и пяти зарубежных стран, а также победители международного культурно-образовательного форума государств — участников СНГ «Дети Содружества». В приветственном слове выражена уверенность в том, что конференция будет содействовать сохранению и развитию лучших традиций российского парламентаризма, обогатит наши знания о процессе его становления в России.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации В.В. Путин, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко, МПА СНГ, Центр истории парламентаризма, «Таврические чтения».

Приветственное слово участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2016» от МПА СНГ

Доброе утро, уважаемые участники «Таврических чтений» 2016 года!

Позвольте мне от имени Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств сердечно приветствовать вас в Таврическом дворце Санкт-Петербурга, в штаб-квартире МПА СНГ.

Пожелание успешной и плодотворной работы просила передать вам Председатель Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания нашей страны Валентина Ивановна Матвиенко.

Сегодня в историческом Думском зале, где начинал работать первый парламент России, а в настоящее время законотворческой деятельностью занимаются парламентарии Содружества, проходит уже десятая по счету, можно сказать, юбилейная международная научная

конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность». Я не сомневаюсь, что X Таврические чтения пройдут успешно, вызовут большой интерес.

Сегодня в Думском зале собрались ученые из двадцати городов России, а также из пяти зарубежных стран: Беларуси, Казахстана, Киргизии, Польши и Соединенных Штатов Америки. Они примут участие в работе пленарного заседания, дискуссионных площадок и секций конференции. Рад видеть сегодня в зале много молодежи, в том числе и победителей международного культурно-образовательного форума государств — участников СНГ «Дети Содружества». Форум проходил на побережье прекрасного озера Иссык-Куль летом этого года по инициативе Жогорку Кенеша Кыргызской Республики — парламента Кыргызской Республики и Межпарламентской Ассамблеи СНГ. И мы специально пригласили победителей конкурсов этого форума в Санкт-Петербург, чтобы они познакомились не только с достопримечательностями нашего города, но и могли поучаствовать в работе этой интересной и важной конференции.

Нынешний год и год будущий богаты юбилейными датами.

В этом году исполнилось 110 лет со дня начала работы Первой Государственной думы России в Таврическом дворце. Именно в этом зале 27 апреля 1906 года открылось первое заседание Думы, это стало крупным политическим и общественным событием. Этот день в жизни современной России стал памятной датой — Днем российского парламентаризма. И сложилась хорошая традиция — проводить ежегодно в конце апреля в нашем дворце в Думском зале заседание Совета законодателей Российской Федерации. И также по хорошей традиции в этот день к парламентариям и законодателям России приезжает Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, и в этом году он был во дворце, выступал перед законодателями и отвечал на их вопросы.

А в следующем году мы будем отмечать 100-летие Февральской и Октябрьской революций. Я бы выделил слова Президента России, сказанные им в связи с этими событиями совсем недавно в Послании Федеральному Собранию России: «Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революции в России не только для историков, ученых; российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий, это наша общая история, и относиться к ней нужно с уважением», конец цитаты. Уверен, что наша конференция также внесет свой вклад в изучение истории революции.

Как нам известно, события, произошедшие в ходе революции, не обошли стороной и Таврический дворец. Являясь символом нескольких эпох, дворец и сегодня как никогда востребован, его жизнь про-

должается. В наши дни здесь работает Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств. Она была основана 27 марта 1992 года, поэтому 2017 год для нас также является юбилейным: мы будем отмечать 25-летие деятельности Ассамблеи. Главной задачей МПА СНГ является разработка модельных законодательных актов для сближения национальных правовых систем стран Содружества. По итогам последнего пленарного заседания МПА СНГ общее количество разработанных и принятых Ассамблеей модельных законодательных актов достигло 504-х. И мне очень приятно, что вот в этой законодательной работе, в большой экспертной работе, которая ее сопровождает, принимают участие ученые-историки, которые находятся сегодня в этом зале. Хотел бы особо их за это поблагодарить.

Другим важным направлением работы Межпарламентской Ассамблеи является проведение различных конгрессов, форумов, конференций. И я хочу сообщить вам, может быть, вы одни из первых, кто услышит это, что в октябре 2017 года в Таврическом дворце, а такое решение принято совсем недавно, состоится 137-я Генеральная Ассамблея Межпарламентского союза — крупнейшего и старейшего объединения парламентариев, учрежденного в 1889 году и объединяющего законодательные органы власти 174-х государств мира. Таким образом, Таврический дворец в 2017 году станет еще и центром мирового парламентаризма.

Хорошей традицией стала передача парламентами государств — участников МПА СНГ в дар Ассамблее бюстов выдающихся депутатов первых Государственных дум Российской империи. В настоящее время в атриуме Таврического дворца установлены бюсты председателя Первой Государственной думы Сергея Андреевича Муромцева, это подарок современной Государственной Думы России, и основоположника азербайджанского парламентаризма, депутата Первой Государственной думы Алимардан-бека Топчибашева, возглавившего думскую фракцию депутатов-мусульман, это подарок парламента Азербайджана. И вот совсем недавно, 24 ноября, в Таврическом дворце прошла торжественная церемония передачи в дар МПА СНГ бюста депутата Первой Государственной думы от степных областей современного Казахстана Алихана Букейханова, его бюст передан в дар Парламентом Республики Казахстан. И, принимая этот дар, Валентина Ивановна Матвиенко подчеркнула, что мы помним нашу общую историю, сохраняем ее и создаем современное ее продолжение. Как видите, в Таврическом дворце формируется галерея образов видных исторических личностей, внесших вклад в развитие парламентаризма стран Содружества. И, может быть, в дискуссиях на X «Таврических чтениях» историки назовут еще имена тех исторических деятелей, бюсты которых достойны находиться в этой галерее.

Убежден, что сегодняшняя конференция будет содействовать сохранению и развитию лучших традиций российского парламентаризма, обогатит наши знания о процессе его становления в России; и материалы конференции, как всегда, будут востребованы депутатами, историками, политиками, специалистами, преподавателями и студентами вузов — всеми, кого интересует история.

Я благодарен всем, уважаемые участники конференции, кто приехал на конференцию. Особо хотел бы выделить: здесь, в Думском зале, присутствует большое количество аспирантов и студентов санкт-петербургских вузов. Ведь именно молодежи предстоит в будущем строить и развивать новую Россию и Содружество Независимых Государств, используя опыт исторических предшественников и исторические уроки. Я хочу высказать благодарность Центру истории парламентаризма и его научно-методическому совету, которые, кстати, тоже отмечают свое 10-летие и действуют и работают в рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ, за прекрасную идею проведения таких конференций и за прекрасное воплощение этой идеи в жизнь.

Я желаю участникам «Таврических чтений» 2016 года плодотворных дискуссий, интересных встреч и творческих достижений.

Благодарю вас за внимание.

РОДЗЯНКО А.О.

Председатель Государственной думы М.В. Родзянко: вехи биографии

РОДЗЯНКО АЛЕКСЕЙ ОЛЕГОВИЧ,
президент Американской торговой палаты в России
(Москва, Россия);
arodzianko@amcham.ru

Аннотация: А.О. Родзянко сообщает семейные предания о своем прадеде — председателе III и IV Государственной думы М.В. Родзянко.

Ключевые слова: М.В. Родзянко.

Я буду рассказывать то, что знаю: как из услышанного в нашей семье, так и из книг — я много читал о своем прадеде и его времени. Конечно, мнение мое окрашено тем, что я правнук Михаила Владимировича Родзянко и, соответственно, отношусь к нему, наверное, с большей симпатией.

Он был человеком ярким, в свое время привлекал к себе очень много внимания, был поводом для карикатур, с одной стороны, с другой стороны, был, наверное, самым долго служащим председателем царской Думы, с 1911 по 1917 год включительно, и действительно играл очень заметную роль в дни Февральской революции и время перед ней. Левые его считали — и до сих пор, наверное, считают — крайне правым монархистом, правые его считали революционером. А фактически кем он был по убеждениям? Он был монархистом английского стиля, то есть он искал для России путь развития монархии при представительском государстве, при парламентаризме, и у него это, естественно, не получилось. Но идея осталась и, как видно, продолжает развиваться. И нынешняя Дума как бы берет свое начало, считает себя наследником, той царской Думы, которая была с 1906 по 1917 год.

Моя семья после революции бежала из России. В 1920 году они через Новороссийск отбыли в Югославию, тогда это называлось Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, и жили там с 1920 года до конца Второй мировой войны, когда опять оказались беженцами и шли на запад, пока не нашли американцев и перебрались в Америку, где я, мои братья и сестры родились и выросли. Но всегда они оставались верными своей культуре, очень любили Россию и пытались это передать нам, своим детям, и я пытаюсь передать своим детям, и они дальше своим, то есть моим внукам, эту принадлежность к российской культуре и к России.

Откуда Михаил Владимирович Родзянко взялся, кем он был, как он попал в свою роль?

Один из первых предков, Петр Еремеевич, который жил в XVIII веке и скончался в 1808 году, является прапрадедом моего прадеда. Бабушка Михаила Владимировича — Екатерина Владимировна Квашнина-Самарина, приближенная ко двору, фрейлина, дружила с императрицей при Александре I. Впоследствии она много лет была управляющей Смольного института. Она сыграла большую роль в воспитании Михаила Владимировича, потому что его мать скончалась буквально сразу после его рождения и в его жизни не участвовала. Отец председателя Думы — Владимир Михайлович Родзянко — был генералом, служил в Корпусе жандармов. А его отец, Михаил Петрович Родзянко, муж Квашниной-Самариной, был выпускником Пажеского корпуса в 1807 году, воевал в 1812 году, получал награды за храбрость, скончался в 1828 году в возрасте 40 лет. Незадолго до смерти он был назначен начальником Южного округа Корпуса жандармов. Это было сразу после восстания декабристов, и он вел расследование Южного общества, которое было самым радикальным и которое требовало действительно убить царя, всех его наследников, и возглавлял его знаменитый Пестель. В это время было очень популярно среди аристократов участвовать в движении масонов, и прапрадед был масоном и также был назначен на расследование Южного общества. И много слухов о том, что это Южное общество было тесно связано с масонами, и он попал в некий конфликт интересов между тем, что он масон, и тем, что он от царя вел расследование. В семье бытует мнение, что его отравили, и отравила его именно другая сторона конфликта интересов. Так что с тех пор никто из семьи не участвовал в масонстве. Мать председателя Думы — Мария Павловна, урожденная Витовтова. И она, как я говорил, скончалась очень скоро после того, как родился Михаил Владимирович. Он был младшим из трех братьев: у него был брат Николай, брат Павел, и третий он, Михаил.

К чему это все? К тому, что все мы воспитываемся своими родителями, а они своими родителями, и какие-то взгляды на жизнь, какие-то мнения, какие-то философские моменты передаются — вольно или невольно — из поколения в поколение. И поэтому, мне кажется, это надо иметь в виду, когда стараешься понять, из каких мотивов исходил человек, почему он делал то, что делал.

Супругой Михаила Владимировича была княжна Анна Николаевна Голицына, и самый известный член ее семьи был после Петра видным деятелем Сената. Этот князь Голицын составил некие кондиции, то есть то, что должно было быть прототипом конституции при приходе на престол Анны Иоанновны. Анна Иоанновна знаменита тем, что взяла эти кондиции и разорвала их, Голицына посадила в тюрьму в

Шлиссельбурге, и он там скончался. Его имения отобрали и вернули семье при Елизавете Петровне. Так что все это, наверное, каким-то образом отражалось и на Анне Николаевне Голицыной, и, как говорится, «шерше ля фам»: она, наверное, влияла и на своего мужа.

Михаил Владимирович жил со своими детьми до самой смерти, которая случилась в эмиграции в Югославии. Среди них был мой дед, и с ним была его жена, моя бабушка. Она под диктовку записывала воспоминания моего прадеда, и благодаря ее запискам эти воспоминания впоследствии были изданы и на английском, и на русском языке.

Александр Павлович Родзянко, племянник председателя Думы, известен тем, что во время Гражданской войны был командующим Северо-Западной армии, которая шла на Петроград и дошла до Пулковских высот, а потом была отброшена назад. Он был спортсменом-конником, выступал в олимпийской сборной России в 1912 году и тоже оставил свои воспоминания об этой кампании. Я тоже люблю лошадей, и мне была интересна эта история.

Он участвовал в Белом движении, воевал, — и это тоже некий контрапункт или сравнение. Старшие братья Михаила Владимировича были гораздо более консервативными, и в своих воспоминаниях брат Александра Павловича пишет, что был у своего дяди Миши, и дядя Миша был либералом, и он очень внимательно относился к тому, как живут рабочие и крестьяне вокруг него; и самое интересное то, что это было неожиданно, что это было так. То есть он отличался в этом смысле от своих старших братьев.

Теперь немножко вернемся к деятельности Михаила Владимировича, и что мы об этом помним и что бы я хотел рассказать.

Как я говорил, на него нападали и слева и справа, и, как ни странно, это продолжается и сейчас. Как будто человек все еще живой, и его не забыли, и эту тему не забыли, и правые не забыли, что революционер, и левые не забыли, что он реакционер, и это все продолжается как ни странно. Он стал председателем Думы в 1911 году как компромисс, когда ушел Гучков.... Он был крупным, он был очень большим, у него был глубокий бас, и это помогало ему вести заседания. Наверное, звуковая система была послабее, и, соответственно, его голос играл большую роль. Его считали не очень интеллектуальным или даже недалеким, кто-то его называл самоваром: он очень горячился. Но, с другой стороны, его все считали незлым человеком, он находил путь к тому, чтобы его уважали в целом, и когда его переизбирали, это происходило довольно большим большинством в Думе.

Когда началась Первая мировая война, то первая реакция всех была сплотиться вокруг власти, вокруг Государя и всячески помогать. Никто из стран-участниц — ни Германия, ни Англия, ни Франция, ни Россия — не ожидал, что это будет настолько длинная и кровавая вой-

на, все, в том числе и Россия, думали, что, ну, там пару месяцев стоим, и все уйдут домой... Россия была не готова к войне, и как только начались серьезные бои, стало понятно, что снабжение слабое, организация слабая, воевать таким образом с немцами нельзя. И председатель Думы, будучи земским деятелем — он попал в Думу через земство, а это было некое самоуправление на местах — стал пытаться создавать комитет для поддержки, для организации тыла, для того чтобы поставлять нужные материалы армии, и всячески возмущался против бездействия или бездарности министров. Был очень-очень ярким противником Распутина, считал, что распутинское присутствие при дворе — огромный урон престижу царя.

Когда царь решил стать главнокомандующим, он ему писал письма, отговаривая от этого, считая, что если будут неудачи, а они обязательно будут, то любая неудача будет ложиться на главнокомандующего напрямую, а царь должен быть на шаг дальше от этого, и писал письма, уговаривая его этого не делать. Потом уже, когда начались волнения в Петербурге, в Москве, он писал телеграммы царю, предупреждая его об этом. Но уже было поздно. И в какой-то момент вместе со своими коллегами решили, что нужно предложить царю отказаться от престола в пользу своего сына при регентстве младшего брата царя, Михаила Александровича. И поехала делегация. И генералы об этом знали, договорились, а царь всех удивил тем, что он отрекся и за своего сына, который, как мы теперь знаем, был болен гемофилией. Тогда этот факт скрывался, был неочевидным, неявным. Но царь, конечно, хорошо это знал, и, понимая, что сын не может править, он за него тоже отрекся, а это создало кризис, т.к. не было такого права, то есть право наследия должно было передаваться определенным образом, а отречение нарушило это. По семейным воспоминаниям, когда Михаил Владимирович поздно вечером вернулся домой, а жил он недалеко отсюда на Фурштатской улице, там было что-то вроде коктейля, много народу собралось, все были очень возбужденные и веселые, и когда он пришел, заметили, что он бледный как смерть, и спросили: «А что такое? Сейчас что-то новое, интересное будет, перемены идут, как хорошо», — а он говорит: «Нет, вы не понимаете, это конец, это будет кровь, это будет ужас». Это он сказал в тот самый день, когда узнал об отречении императора.

Его очень быстро отстранили. Он был главой Временного комитета Государственной думы, который назначил Временное правительство, но фактически участия во Временном правительстве он не принимал.

В 1918 году, после Октябрьского переворота, он уехал на юг и был при Деникине до 1920 года, когда он вместе с моим дедом, бабушкой и старшими братьями и сестрами отца уехали в эмиграцию, жили в Югославии, впоследствии в Германии, потом в Америке.

ЗОРИН В.Ю.

**Из практики парламентской деятельности
Второй Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации**

ЗОРИН ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ,
доктор политических наук, профессор,
депутат Государственной Думы
Федерального Собрания РФ второго созыва
(Москва, Россия);
e-mail: v.y.zorin@mail.ru

Аннотация: В России именно парламентарии играют особую роль в урегулировании межнациональных конфликтов, становлении межконфессионального сотрудничества и развитии гражданского общества. Они обеспечивают правовую поддержку реализации государственной национальной политики, оказывают через законодательные механизмы содействие общественно-государственному партнерству, способствуют развитию важнейшего общественного института национально-культурной автономии. В статье представлены основные вехи развития российского парламентаризма в постсоветский период.

Ключевые слова: Государственная национальная политика, национально-культурная автономия, история российского парламентаризма.

**Из практики парламентской деятельности
Второй Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации**

Парламентаризм может рассматриваться как система власти, предусматривающая наличие парламента в качестве представительного органа, наделенного законодательными и контрольными полномочиями, и основанная на принципе разделения государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную, каждая из которых является независимой и самостоятельной в осуществлении своих конституционных полномочий.

В отличие от многих европейских стран, где парламентские традиции складывались веками, в России первое представительное учреждение парламентского типа (в современном понимании этого термина) было создано лишь в 1906 году. 27 апреля 2016 года исполнилось 110

лет со дня начала работы Первой Государственной думы в России. Сегодня в нашей стране этот день отмечается как день российского парламентаризма. Этот праздник введен совсем недавно, и я хотел бы поделиться с читателем историей вопроса и рассказать, как происходило его учреждение.

Понимание роли и места органов народного представительства в политической системе современной России пришло не сразу. Невозможно без всестороннего осмысления многовековой истории законодательных учреждений — от Вече, Боярской думы и Земских соборов до современных форм парламентской демократии — осмыслить процесс становления российского парламентаризма. Осмыслить — значит, определить какие периоды прошла в своем формировании российская государственность и практика государственного строительства.

Напомним читателям, что именно 27 апреля 1906 года в Санкт-Петербурге в Таврическом дворце открылось первое заседание Государственной думы Российской империи, появление которой на свет стало ответом российского императора Николая II на первую русскую революцию. Для монарха это был непростой шаг. Весной 1918 года популярная российская газета «Наше слово» писала о том, что «верховой следственной комиссией, возглавляемой бывшим главковерхом Крыленко, подготовлен ряд процессов против видных деятелей старого режима. Серия процессов откроется процессом над Николаем II». Верховная следственная комиссия поделила время царствования Николая II на два периода: до 17 октября 1905 года и после дарования конституции. Поступки бывшего императора за первый период его царствования следственная комиссия игнорировала. Неограниченный монарх мог поступать до 1905 года как ему угодно. Однако бывшему императору инкриминировался целый ряд преступлений, совершенных после октября 1905 года, когда он был связан, хотя и плохой, но все-таки конституцией. Николаю II ставился в вину переворот 3 июня, когда был изменен избирательный закон в Госдуму. Как можно видеть, уже сто лет назад большевики рассматривали Государственную думу в качестве важнейшего элемента государственного строя страны и покушение на нее считали государственным преступлением, подлежащим строгому наказанию.

Судьба первого органа российского парламентаризма известна. Она не была простой. Временное правительство, захваченное социалистическими партиями, в борьбе со своими буржуазными оппонентами, контролировавшими Государственную думу, делали ставку на Учредительное собрание. Как известно, все закончилось в результате энергичных действий матроса Железняка.

В нашу новейшую историю российский парламентаризм оказался еще раз вписан осенью 1993 года, когда президент Борис Ельцин рас-

пустил Съезд народных депутатов. Но это событие дало вторую жизнь Государственной думе, членом которой во второй половине 1990-х годов был и автор этой статьи. В депутатском корпусе было образовано 4 фракции и 3 депутатские группы, плюс нефракционные и неформальная группа «Демократический выбор России». За четыре года работы депутаты приняли 1036 федеральных законов и 715 из них на данный момент имеют юридическую силу. Также было ратифицировано 212 законов, двусторонних договоров и соглашений, международных конвенций. Всего депутаты этого состава рассмотрели 1730 законопроектов.

Государственная дума также приняла пять федеральных конституционных законов: «О судебной системе Российской Федерации», «О Правительстве Российской Федерации», «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», «О военных судах Российской Федерации». Кроме того, депутатами Думы второго созыва приняты Бюджетный кодекс РФ, II часть Гражданского и I часть Налогового кодексов. Экономические законы, которые принимала Дума, были преимущественно направлены на усиление вмешательства государства в экономику. В основном принимались законы, увеличивающие госрасходы. Многие решения Государственной думы носили политический характер и были рассчитаны на общественный резонанс. Законодательная деятельность уделяла внимание не только внутриполитическим и социальным вопросам, но и внешнеполитическим делам.

В августе 1996 года премьером был утвержден Виктор Черномырдин, в апреле 1998 года — Сергей Кириенко, сентябре 1998 года — Евгений Примаков, мае 1999 года — Сергей Степашин, августе 1999 года — Владимир Путин.

В мае 1999 года депутаты предприняли попытку начать процедуру импичмента президента России Бориса Ельцина, но левая оппозиция потерпела поражение. Как отмечал позже Председатель Государственной Думы того периода Г.Н. Селезнев: «Главное, что при мне ни вторую, ни третью Госдуму не распустили, Парламентаризм узнаваем в обществе. А это уже немало». А временами противостояние с Администрацией Б.Н. Ельцина достигало крайней точки¹.

Я был избран председателем комитета по делам национальностей, в котором работали представители всех политических сил Госдумы второго созыва. Именно наш комитет выступил инициатором и организатором первого празднования Дня парламентаризма. 27 апреля 1999 года члены нашего комитета и депутаты от большинства парламентских партий посетили могилу председателя первой Госдумы Сергея Андреевича Муромцева. Однако политиков первого эшелона там не было.

¹ Усов А.Д. Геннадий Селезнев. Прямая речь. М., 2016. С. 95.

После небольшого митинга, на котором также присутствовали несколько депутатов Мосгордумы и ученых МГУ им. М.В. Ломоносова, участники направились в университет, где состоялся круглый стол на тему «Российский парламентаризм в XX веке». Он завершился принятием обращения, в котором было предложено 27 апреля отмечать как День российского парламентаризма, полагая, что его проведение «станет новым стимулом для изучения опыта прошлого и его творческого применения в наше время»¹.

Члены комитета подготовили соответствующий законопроект и в июле 1999 года внесли его в Совет Госдумы. Однако пленарное рассмотрение состоялось только 26 мая 2000 года, уже в Госдуме третьего созыва. Докладывал законопроект новый председатель комитета Александр Ткачев (он представлял Агропромышленную депутатскую группу). Проект был внесен Иосифом Кобзоном, Владимиром Лукиным, Валентином Никитиным, Владимиром Рыжковым, Александром Ткачевым, депутатами Думы второго созыва Олегом Гонжаровым, Владимиром Зориным, Виктором Ромашкиным, Владимиром Темиргановым². Недолго длившееся обсуждение было торпедировано депутатом Николаем Коломийцевым от КПРФ, который назвал историческую дату «некорректной» и предложил начать отсчет парламентаризма в России с избрания Михаила Романова на царство или Земского собора. В итоге за предложение проголосовало 53 депутата, против 31 голос³.

Таким образом, в начале 2000-х годов был впервые поставлен вопрос о необходимости отражения на государственном уровне значения парламентаризма в отечественной истории. Инициаторы этой идеи исходили из того, что за парламентаризмом — будущее России. Мы исходили из того, что современное российское общество начинает осваивать парламентские подходы и мышление, что представительная власть и далее будет активно развиваться. Введение этого дня, — говорил я в те дни во время дебатов, — позволило бы обществу отметить труд законодателя на федеральном и региональном уровнях.

¹ Российский парламентаризм в XX веке: материалы Круглого стола. М., 2000. С. 30.

² Проект Закона о «Дне парламентаризма в России» // Деловая пресса. 2000. 18 мая. № 19 (50) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_695_aId_24319.html

³⁴ «О дне парламентаризма в России» / Стенограммы обсуждения законопроекта № 99062574-2 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, 2017 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/99062574-2>

Критики законопроекта считали, что он не бесспорен как с правовой, так и с экономической точек зрения. К сожалению, в 2000 году законопроект принять не удалось, причем во многом из-за критического настроя коммунистов, либеральных демократов и ряда других политических сил. Характерно, что 366 избранников не голосовали по этому законопроекту. Возможно, и сами парламентарии на тот момент еще не до конца осознавали перемены в жизни страны.

Но идея празднования парламентаризма оставила след в общественно-политическом дискурсе. На Всероссийской конференции «Российский парламентаризм: исторический опыт и современные тенденции развития», которая была проведена в Казани в марте 2006 года, вновь прозвучало, что России нужен День парламентаризма. Эту позицию поддержали первым вице-спикер ГД РФ Олег Морозов и полномочный представитель президента РФ в Приволжском федеральном округе Александр Коновалов.

Наконец, 8 июня 2012 года проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 1-1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» (установление памятной даты России: «27 апреля — День российского парламентаризма)», среди авторов которого значатся такие авторитетные законодатели, как Валентина Матвиенко и Сергей Нарышкин, заново представил глава комитета ГД РФ по конституционному законодательству Владимир Плигин. Он отметил, что «за короткий период времени с 1993 года в нашей стране произошли принципиальные перемены: принята всенародным голосованием в 1993 году Конституция России, она объявила права и свободы человека высшими ценностями, тем самым гарантируя новые формы взаимоотношений личности, общества и государства. В стране сформирована демократическая политическая система, многопартийность стала реальностью. Только эффективная партийно-парламентская система способна обеспечить проведение политики большинства и защиту меньшинства... Дополнение памятных дат новой памятной датой — Днем российского парламентаризма — будет содействовать пониманию фундаментальной роли парламента Российской Федерации и законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, а также будет содействовать вовлечению граждан в общественно-политическую деятельность»¹. Не могу не привести результаты голосо-

¹ Здесь и далее: «О внесении изменений в статью 1-1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»» в части установления памятной даты — Дня российского парламентаризма / Стенограммы обсуждения законопроекта № 70521-6 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/70521-6>

ния: проголосовало «за» — 441 чел., 98,0 %, «против» — 0 чел., воздержалось — 0 чел., не голосовало — 9 чел., 2,0 %. Результат: решение принято. Это стало наглядным свидетельством продвижения парламентаризма по пути общественного согласия в понимании важнейших вех отечественной истории и возрастающего чувства ответственности перед следующими поколениями.

Законодательная деятельность представляет собой сложный процесс, требующий не только специальных знаний, но и серьезных политических усилий, переговоров и консультаций. Вспомним историю принятия закона о национально-культурной автономии. Наряду с Конституцией Российской Федерации, «Концепцией национальной политики Российской Федерации», этот закон заложил новую модель этнической политики в постсоветской России. Попутно хочу заметить, что преамбула Конституции «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» позволяет трактовать понятие «многонациональный народ» как тождественное понятиям «российская нация», «россияне», в смысле политической нации и согражданства. Это особенно важно в свете развернувшейся в настоящее время дискуссии о целесообразности принятия закона о российской нации.

В 2016 году миновало 20-летие со дня принятия закона о национально-культурной автономии. Мне, как участнику этого процесса, приятно отметить, что данный закон востребован. Сегодня в стране действует около 1600 национально-культурных автономий, в том числе 19 федеральных и около 250 региональных. В Республике Крым, например, создано 75 региональных и местных НКА. Отметим, что 79 национальностей из 193 представлены этими автономиями. Их число продолжает увеличиваться, и это свидетельствует о том, что такая форма этнической самоорганизации стала эффективным инструментом в реализации прав и свобод граждан в их национально-культурном развитии, играет значимую роль в деле гармонизации межнациональных отношений, укреплении и развитии межнационального диалога. Сегодня национально-культурные автономии — партнеры федеральных и региональных властей, они принимают активное участие в реализации государственной национальной политики. Но опять же, это произошло не сразу.

Идея создания национально-культурных автономий в России как экстерриториальной формы самоопределения представителей российских национальностей появилась еще в начале XX века. Пришедшие к власти большевики во главе с В.И. Лениным были принципиальными противниками идеи НКА, отстаивая лозунг национально-территориальной автономии. Лишь в конце 1980-х гг. стало очевидным, что национальная политика требует корректив. В декабре 1987 г. был создан подраздел национальной политики ЦК КПСС, а в 1988 г. на

ХІХ партийной конференции КПСС впервые был поднят вопрос о возможности создания в СССР национально-культурных автономий. Однако советское руководство не поддержало это предложение, исходя из марксистского понимания национально-культурной автономии, как «чуждой рабочему классу».

С распадом Советского Союза, после долгих и трудных дискуссий, политики и эксперты пришли к заключению о допустимости внедрения в Российской Федерации института НКА. Тем не менее, и в Правительстве РФ, и в Федеральном Собрании было немало людей, скептически оценивавших возможность успешного создания и развития национально-культурных автономий. И это можно было понять. Идея НКА долгие годы третировалась как «австро-марксистская» и «бундовская», т.е. как идеологически вредная.

Проект закона «О национально-культурной автономии» не раз отправляли на доработку, однако в 1995 г. Государственная Дума РФ первого созыва приняла его в первом чтении. Второе чтение состоялось через пять месяцев, уже во второй государственной Думе. Разработчики законопроекта смогли убедить все думские фракции в необходимости поддержать этот закон. За это время в Комитет поступили замечания и поправки от 10 комитетов и 35 субъектов Федерации, было предложено 50 поправок, 18 из которых были учтены и внесены в текст законопроекта. В итоге 22 мая 1996 г. Федеральный закон N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» был принят Государственной Думой, 5 июня одобрен Советом Федерации и, наконец, 17 июня 1996 г. подписан Президентом России¹.

Реализация закона «О национально-культурной автономии» открыла новую страницу в истории государственной национальной политики России, во многом способствовал улучшению межнациональной обстановки в нашей стране, развитию диалога между властью и обществом. Со временем, в результате государственно-общественного сотрудничества стало понятно, что потенциал НКА очень велик: автономии участвуют в урегулировании и профилактике конфликтов на национальной почве, способствуют развитию межкультурного диалога, содействуют интеграции российских граждан, укреплению дружбы народов².

Само появление национально-культурных автономий стало результатом этнополитических процессов, развернувшихся в Российской

¹ Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законоотворчества. М., 1999. С. 305—308.

² Народы и конфессии Приволжского федерального округа. Справочник для государственных служащих / Ред. В.Ю. Зорин. М., 2002.

Федерации после распада СССР. Страна переживала процесс этнического возрождения, возникновения национальных общественных организаций, подъема этнического самосознания. В то же время возникала угроза территориальной целостности и национальной безопасности нашей страны. Оформившиеся национально-культурные автономии стали площадкой для развития общественных инициатив, самоорганизации представителей этнических групп¹. Государство поддерживало создававшиеся НКА.

Процесс совершенствования закона об НКА продолжается до сих пор, законодатели уже внесли 9 поправок. На заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, которое состоялось 31 октября 2016 года в Астрахани, вновь поднимался вопрос о необходимости уточнения этого закона с учетом реалий правоприменительной практики. Вопросы действительно есть.

Около трети всех НКА объединяют представителей всего трех национальностей РФ (татар, евреев, немцев), еще треть образованы представителями 15 других крупных национальностей. Большинство получают спонсорскую помощь из стран СНГ или российских национальных республик. В то же время НКА, созданные малочисленными народами, испытывают значительные трудности с финансированием.

При этом процесс создания новых НКА продолжается. За последнее время национально-культурные автономии демонстрируют тенденции к сближению друг с другом, расширяют контакты в области гуманитарного сотрудничества, проводят совместные мероприятия. Они выполняют позитивную, созидательную функцию в общественной и культурной жизни Москвы и России в целом, принимают активное участие в решении задач государственной национальной и миграционной политики, включая социальную адаптацию и интеграцию трудových мигрантов².

Парламентаризм — это фундаментальная основа демократии. Мировая история свидетельствует о том, что уровень развития и эффективности работы представительных органов власти напрямую связан с успехами демократического государства в укреплении всех сфер политической, экономической и общественной жизни. Опыт России в этом отношении имеет сложную и дискуссионную ретроспективу, но, бе-

¹ Степанов В.В. Национально-культурная автономия в России как идея и правовая норма // Право и этничность в субъектах Российской Федерации / Ред. Н.А. Воронина, Маркус Галдия. М., 2004. С. 93—114.

² Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов / Отв. ред. В.Ю. Зорин, В.В. Степанов. М., 2013.

зусловно, глубокие и прочные исторические корни. Именно парламентарии играют особую роль в урегулировании межнациональных конфликтов, в становлении межконфессионального сотрудничества, в развитии гражданского общества. Сегодня российская представительная власть проходит один из важнейших этапов своей истории, который связан, прежде всего, с повышением роли и значения партий в общественной жизни, ростом их ответственности за настоящее и будущее нашего государства. И это уже находит свое отражение в парламентской жизни страны, в экономических и социально-политических инициативах, в активной деятельности политических объединений по их реализации. В частности, это возвращение к выбору части депутатов по мажоритарной системе, это и новая практика предвыборных партийных праймериз.

Завершить изложение я хотел бы цитатой из Послания Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию 1 декабря 2016 года: «Считаю, что курс на развитие политической системы, институтов прямой демократии, на повышение конкурентности выборов абсолютно оправдан, и мы, безусловно, будем его продолжать. Выросла роль Государственной Думы как представительного органа. В целом укрепился авторитет законодательной власти. Его надо поддерживать, подтверждать делами. Это касается всех политических сил, представленных в парламенте».

Под сенью Таврического дворца

КАШАВЕРСКАЯ Ю.И.

Хранители Таврического дворца

КАШАВЕРСКАЯ ЮЛИЯ ИВАНОВНА,

член Ассоциации искусствоведов,

свободный исследователь

(Санкт-Петербург, Россия);

e-mail: asd123ert@rambler.ru

Аннотация: В XIX—XX веках в Таврическом дворце были большие изменения, которые привели к частичной утрате исторических интерьеров. В 1905 г. здание передали Государственной думе. Переделки во дворце вызвали обеспокоенность общественности, что отразилось в печати. В 1919 г. гл. архитектор дворца Г.А. Голубев обнаружил разрушение живописи в Церкви. Нашли разрушения живописи и в других помещениях. В 1935 г. начались реставрационные работы. Под руководством Н.В. Перцева была воссоздана живопись Круглого зала. Великая Отечественная война прервала начатые работы. В результате воздушной бомбардировки здание значительно пострадало. В 1945 г. начались ремонтно-восстановительные работы, которыми руководила районный архитектор ГИОП М.М. Налимова. Она стала для дворца заботливым хранителем, как и сотрудники б. музея Штиглица, в котором находились семь панно из Таврического дворца. Все последующие годы за сохранностью здания и его реставрацией наблюдала архитектор ГИОП М.И. Чижова, сейчас этим занимается гл. специалист КГИОП Г.А. Недашковская. В 2011 году КГИОП согласовал важнейший документ: «Программа ремонтно-реставрационных работ по сохранению объектов культурного наследия федерального значения, входящих в ансамбль «Дворец Таврический». Рекомендации по содержанию объекта».

Ключевые слова: исследователи, хранители, реставраторы.

Хранители Таврического дворца

«Пренебрежение к прекрасной старине
плохая атмосфера для новой красоты»

Владимир Курбатов

В XIX—XX веках в Таврическом дворце происходили большие изменения, которые привели к частичной утрате исторических интерьеров. Однако, сооружение архитектора И.Е. Старова постоянно имело пользователей, следовательно, дворец жил и сохранялся.

В периодических изданиях середины XIX века неоднократно публиковались очерки и исторические материалы о дворце. Первая историко-художественная оценка Таврического дворца была дана И.Э. Грабарем в «Истории русского искусства»¹. В последующие годы публикации продолжались². К сожалению, многие авторы повторяли предыдущие исследования.

Первое наиболее полное научное исследование истории строительства дворца, основанное на архивных материалах, было выполнено Анатолием Николаевичем Петровым, известным историком архитектуры. Он изучил документы архивов Москвы, Ленинграда, Одессы, Крыма. Были просмотрены все публикации о дворце в Российской национальной библиотеке. В 1952 году научная сотрудница института «Ленпроект» Н.В. Васильева продолжила сбор материалов и приступила к написанию историко-художественной справки. Но смерть автора не позволила завершить работу, которую через два года окончил А.Н. Петров³.

Как известно, в 1905 году Таврический дворец передали Государственной думе. Для наблюдения и руководства по приспособлению здания для работы нового учреждения была образована комиссия, которая выдвинула требование, чтобы перестройка не была капитальной, и после нового здания для Думы, дворец можно было бы привести в первоначальное состояние. Но уже первый принятый проект архитектора П.И. Шестова с устройством железобетонных конструкций

¹ Грабарь И. История русского искусства. М., 1915. Т. III. С. 354.

² Голлербах Э.Ф. Архитектор И.Е. Старов. Жизнь и творчество. М., 1939; Михайлов А.И. Архитектор Старов. К 200-летию со дня рождения. М., 1944; Каменский В.А. Таврический дворец. М.; Л., 1948; Белехов Н.Н., Петров А.Н. Иван Старов. М., 1950; Гречуха В.Ф. Смольный и Таврический дворец. Л.; М., 1953; Розадеев Б.А. Смольный, Таврический дворец. Л.; М., 1958; Сухотин Я.Л. Таврический дворец. Л., 1963 и др.

³ Васильева Н.И., Петров А.Н. Таврический дворец. Историческая справка. Л., 1953 // КГИОП. П. 157. Н-779. Л. 2

противоречил принятому решению, а вскоре и вовсе забытому¹. По поводу этой перестройки И.Э. Грабарь писал: Большая галерея была «одним из великолепных архитектурных шедевров не только России, но и в целой Европе».

После неожиданного обрушения потолочной подшивки в зале заседания, произошедшем в 1907 г., экспертная комиссия обследовала все стропила и стропильные фермы, признав конструкции прочными. Однако, для пожарной безопасности их следует заменить несгораемыми. Одновременно возник вопрос об устройстве над Залом заседания стеклянного купола². Петербургская общественность была встревожена предложенными изменениями. Об опасности, грозящей дворцу, предупреждал известный в то время искусствовед, критик, художник Александр Александрович Ростиславов в очерке «Жертва событий». Он писал: «ходят слухи о переделках потолка в зале заседания в стеклянный, и может быть прекрасному памятнику старины уже наносятся смертельные раны. И невольно жалеешь его, как близкое, дорогое существо»³. Однако, проект соответствующих работ, составленный архитектором А.А. Бруни, был утвержден⁴. С горечью писал А.А. Ростиславов: «К сожалению, никто не подумал спасти Таврический дворец от только что учиненного нового вандальского изуродования. Это чудное сооружение обречено на гибель, но нельзя не оплакивать каждую новую рану. До сих пор, по крайней мере, почти не тронут был его наружный вид. Сейчас же огромная стеклянная крыша, по форме в псевдорусском стиле, так нелепо торчит над ротондой-залом заседания и выглядывает из-за купола главного фасада. Допустим, стеклянный потолок был необходим, но неужели конструкция его должна была вылиться в такую дику здесь форму?»⁵.

В сентябре того же года ставится вопрос о переустройстве театра под склад печатных изданий Государственной думы. Это решение вызвало резкие протесты со стороны художественной общественности города. В журнале «Старые годы» появилась статья Петра Петровича Вейнера, искусствоведа, редактора и издателя этого журнала, под названием «Столичный вандализм». Он писал: «... Много изменений произошло во дворце... Опять грозит дворцу новая беда: решили разрушить театр. Потолки театра предлагают снести и стеклянные крыши поставить. Жалость ждать нельзя... Кто может — вступитесь за Таври-

¹ Там же. Л. 51.

² *Смирнов Н.В.* Перестройка перекрытий зала заседаний Государственной думы. СПб., 1911 // КГИОП. П. 157. Н-4351.

³ Старые годы. 1907. Январь. С. 22.

⁴ *Смирнов Н.В.* Указ. соч.

⁵ Старые годы. 1910. Ноябрь. С. 44.

ческий дворец!»¹. Но протесты общественности остались без внимания и в 1908 г. помещение театра было перестроено под библиотеку и книгохранилище. Об этом с болью писал П.П. Вейнер: «К чему театр, когда Думе нужен архив и нужна библиотека? Зачем поддерживать историческую постройку Старова, когда есть архитектор Бруни?»². О неузнаваемых изменениях писал А.А. Ростиславов в заметке «Жертва событий: Приспособление Таврического дворца под Государственную думу»: Дело, конечно, прошлое, но ведь далеко не конченное, ибо и сейчас идут усиленные работы к дальнейшему приспособлению... Не печально ли, что может быть величайший акт в нашей истории будет навсегда связан с актом вандализма, совершенно не нужного и не оправдываемого? На отпускаемые и затраченные средства можно было приспособить под временную Думу что угодно, не касаясь одной из крупнейших достопримечательностей Петербурга»³. Петербургская общественность еще надеялась, что дворец можно будет воссоздать в прежнем виде. Как писал И.Э. Грабарь: «Хочется думать, что погибло еще не все и не навсегда, и когда будет, наконец, выстроено здание для Думы, дивный дворец, достойный «загородных домов Помпея и Мекената» будет восстановлен во всем своем временно утраченном великолепии»⁴.

В 1912 году были проведены небольшие ремонтные работы. Тогда же произведен обмер помещений, имевших живописную отделку и выполнен ряд копий деталей росписи. Война 1914 года прервала все работы во дворце. Только через три года выполнили ремонт некоторых помещений в связи с открытием во дворце Учредительного собрания. Всеми работами руководил академик архитектуры Владимир Алексеевич Шуко, по эскизу которого художник Орест Карлович Аллегри написал живописный фриз Большой галереи, воспроизведя мотивы росписи плафона Д.Б. Скотти 1819 г.⁵

В мае 1919 года на заседании Археологического отдела Владимир Васильевич Суслов, архитектор, реставратор, один из инициаторов охраны памятников истории и культуры, огласил протокол осмотра комиссией Таврического дворца, занятого в тот период под постой воинских частей. Он указывал на порчу живописи екатерининского времени и на сырость в церкви Воздвижения Креста Господня, произошедшую от неисправности крыши. Академик архитектуры Петр Петрович Покрышкин предложил освободить дворец от воинского постоя. На этом же заседании было поручено Алексею Павловичу Келлеру, художнику и архитектору, произвести ремонт и обмеры Тавричес-

¹ Старые годы. 1908. Июнь. С. 342—344.

² Там же.

³ Старые годы. 1907. Январь. С. 21—23.

⁴ Грабарь И. Указ. соч. С. 354.

⁵ Васильева Н.И., Петров А.Н. Указ. соч. Л. 57.

кого дворца. Признавая необходимость сохранить в целостности дворец, как выдающийся памятник екатерининской эпохи, просить Отдел охраны и регистрации памятников возбудить ходатайство об освобождении здания на все время работ¹.

В декабре того же года архитектор дворца Георгий Александрович Голубев также сообщает в Комиссию по охране памятников искусства и старины о разрушении живописи в церкви. Он писал: «Гибель живописи, имеющейся в этой комнате не только на потолке, но и по стенам, будет большой утратой для истории отечественного искусства, так как представляет собой исключительную ценность, вследствие большой сохранности и отсутствия следов реставрации, как установлено это было при обмерах под наблюдением академика архитектуры В.В. Шуко в 1912 году». О разрушениях живописи в других помещениях писал сотрудник Археологического отдела Н.В. Купцов, прося принять неотложные меры². Ограниченность материальных ресурсов и нехватка специалистов в 1920-е годы не позволила выполнить реставрационные работы.

В августе 1933 года комиссия в составе заведующего Охраной памятников и старины архитектора П.А. Всеволожского, представителя коменданта Управления прораба Котова, ответственного руководителя реставрацией художника В.Е. Щербакова и др. осмотрели работы в Круглом зале и пришли к выводу, что наложенная штукатурка не просушивается и это повлечет за собой дефекты при окончании раскраски. После реставрации живописи на потолке вновь выступили сырые места. Кровельные работы до сих пор не исправлены³.

Через два года начались реставрационные работы в связи с подготовкой к XV Международному конгрессу физиологов, проведение которого было запланировано в Таврическом дворце. В 1937 году Николай Васильевич Перцев, художник-реставратор и один из членов комиссии, обследовал парадные помещения, которые в 1819 году расписал художник Д.Б. Скотти. Многие залы требовали безотлагательного вмешательства реставраторов. И в следующем году Н.В. Перцев с бригадой художников приступил к работам, при этом были тщательно изучены научные документы. Почерневшие и недостающие изображения кессона Круглого зала выполнили заново и наклеили на плафон, к тому времени частично отклеившегося от железобетонного перекрытия. Отреставрировали фриз на барабане⁴. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала все намеченные работы. 23 февраля 1943 г.

¹ Переписка // КГИОП. П. 157. П-3209. Л. 235.

² Там же. ЛЛ. 224, 227, 230, 235.

³ Там же. Л. 185.

⁴ *Кашиверская Ю.И.* Николай Васильевич Перцев — реставратор ГИОПа // Н.В. Перцев. Материалы по реставрации. СПб., 2001. С. 61.

в результате воздушной бомбардировки в центральной части дворца были повреждены железная кровля, ферма и световой фонарь над залом заседания. При этом пострадала декоративная роспись потолка и стен зала, роспись на плафоне Купольного зала и в помещениях восточного крыла здания¹.

В докладной записке главному архитектору города Н.В. Баранову сообщалось, что к августу месяцу этого же года восстановительные работы заканчиваются, остались лишь часть работ, относящихся к капитальному ремонту, как не первоочередные².

Архитектор К.В. Лавринович обследовал дворец Урицкого, в те годы он так назывался, и отметил, что в настоящее время здание никем не эксплуатируется, находится под надзором и охраной коменданта Степанова. Кровля отремонтирована как покрытием железом (местами), так и отдельными заплатами из мешковины на сурике по сетке «Рабитц». Выбитые стекла в оконных переплетах заменены картоном и фанерой, а в световых фонарях железом. Работы ведутся подрядными организациями: Ленизо, Ленмостстрой, Сантехконтра³.

В апреле-мае 1944 года в центральной части дворца был проведен восстановительный ремонт в объеме, позволившем только расконсервировать здание для проведения VII сессии Ленинградского совета депутатов трудящихся. Была включена система центрального отопления по временной схеме, отремонтированы электросети, произведен заплаточный ремонт кровли над центральной частью здания, закрыт фанерой фонарь над Залом заседания и т.д.⁴

В следующем году началось восстановление дворца. Работами руководила Мария Михайловна Налимова, районный архитектор Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры (ГИОП), ставшая заботливым хранителем дворца. Эта маленькая хрупкая женщина боролась за научную реставрацию здания.

В газете «Вечерний Ленинград» от 11 января 1947 г. писали: «Заканчивается ремонт Таврического дворца. В 1946 году был начат капитальный ремонт. Восстановлено все центральное отопление, крыша покрыта кровельным железом. В Зале заседаний восстановлены поврежденные металлические конструкции огромной стеклянной крыши. Реставрирована роспись потолков в Белоколонном зале и в Зале Ротонде. Заканчивается настил нового паркета».

При реставрации живописи и проведении научно-исследовательс-

¹ КГИОП. Переписка п.157. П-781. лл. 160, 170а

² ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-341. Оп.1. Д. 101. Л. 25.

³ Там же. ЛЛ. 25, 26; Переписка // КГИОП. П. 157. П-781. Акт от 2.03.1943 г.

⁴ Переписка // КГИОП. П. 157. П-781. Л. 126.

ких работ по раскрытию характера росписей М.М. Налимова обнаружила в Музее Академии художеств холсты с росписью, снятые в 1905 году. Среди бесценной находки были холсты, выполненные талантливыми мастерами монументально-декоративной живописи эпохи классицизма и материалы с фиксацией росписи отдельных фрагментов, исполненные бригадой художников под руководством Владимира Алексеевича Шуко в 1912 году. Кроме того, архитектору Дмитрию Владимировичу Красовскому удалось определить их принадлежность к комнатам дворца¹.

Большое внимание реставрации дворца уделял Николай Николаевич Белехов, начальник ГИОПа. В 1947 году он писал супруге художника Бориса Константиновича Рериха в Москву: «Многоуважаемая Татьяна Григорьевна! В настоящее время производятся работы по реставрации Таврического дворца в Ленинграде. По нашим сведениям у Вас сохранились фотографии интерьеров дворца и его росписей, в выполнении которых принимал участие Ваш покойный супруг худ[ожник] Рерих Б.К. Фотографии с изображением росписей могут быть полезны для реставрационных работ, а потому ГИОП Ленинграда просит Вас не отказать в любезности предоставить указанные фотографии во временное пользование для снятия фото-копий или в собственность Инспекции путем покупки...»².

В 1948 г. старший архитектор М.М. Налимова, осматривая работы по реставрации живописи плафона и стен комнаты б. зала истории ВКП(б), предупредила пользователя, что означенная комната может войти в эксплуатацию лишь после реставрации печей, всех дверных и оконных заполнений, зеркальных обрамлений с восстановлением утраченных частей и покрытием порезок золотом, ремонтом пола³. В следующем году при осмотре фасадов дворца после ремонта, было установлено, что вопреки указаниям Инспекции о порядке приемки и производства фасадных работ, часть фасада со стороны внутреннего двора и сада уже загрунтована до окончания всех подготовительных работ к окраске и до их приемки. Переплеты оконных и дверных проемов закрашены без предварительной очистки и т.д. Поэтому М.М. Налимова предложила вести работы строго в соответствии с техниче-

¹ *Кашаверская Ю.И.* Росписи Таврического дворца и их реставрация // Таврические чтения 2009. (Ч. II). Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература, искусство. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева (отв. ред.) и А.Л. Реймана. СПб., 2011. С. 126.

² Переписка // КГИОП. П. 157. П-782. Л. 185.

³ Там же. Л. 113.

кими условиями производства фасадных работ и предписывает исправить все нарушения и дефекты¹.

В пятидесятых годах реставрационные работы проводились по проекту архитекторов И.Г. Капцюг и В.К. Якоби. Живописные работы выполнялись под руководством Н.В. Перцева, а в конце 1950-х годов под наблюдением П.В. Кондрашовой². В 1960-е годы группой реставраторов-художников руководил О.Ю. Педаяс³. В эти же годы воссоздавалось мебельное убранство главных интерьеров дворца, которое в XVIII—XIX веках было передано в другие дворцы. Заново изготавливались намершие изразцовых реставрированных печей в Ротонде. Все последующие годы проводилась реставрация люстр и бра⁴.

Работы выполнялись планомерно и не только общественность следила за их ходом, но и жители города. Так, например, И.М. Воргунов направил письмо председателю Исполкома, в котором писал, что при ремонте вестибюля центрального входа дворца рабочие носят строительные материалы через исторические двери. Он предложил снять их на период ремонта. Начальник ГИОПа Алексей Викторович Победоносцев в ответе Воргунову сообщил, что подрядной организации и пользователю здания дано соответствующее указание⁵.

В 1965 г. ректор Ленинградского Высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной профессор Я.Н. Лукин обратился в ГИОП с просьбой осмотреть и определить состояние фресковых росписей семи фрагментов, полученных б. Музеем Штиглица из Таврического дворца в 1911—1913 годах, которые они бережно хранили все эти годы. В дальнейшем указанные фрагменты оказались в Государственном Эрмитаже, возможно для укрепления красочного слоя, и по акту от 16 января 1946 года снова переданы музею им. Мухиной. Сотрудники ГИОПа и художник-реставратор Н.В. Перцев осмотрели их и установили, что эти семь панно были вырезаны из потолка Колонного зала при замене деревянных конструкций металлическими в 1910 году. Из заключения Н.В. Перцева: «Данные панно представляют большую ценность, так как роспись их выполнена известным живописцем-декоратором 1-й половины XIX века Иваном Карловичем Скотти в 1819 году по проекту Карла Ивановича Росси. В памятниках архитектуры Ленинграда подлинных образцов росписи, принадлежавших И.К. Скотти, сохранилось очень мало, а потому указанные выше панно приобретают совершенно исключительное значение... Государствен-

¹ Там же. Л. 57.

² Там же. П-788. Л. 31.

³ Там же. П-789. Л. 149.

⁴ Там же. П-787. Л. 114.

⁵ Там же. П-786. ЛЛ. 106, 104.

ная инспекция считает, что ввиду большой художественной ценности все семь панно должны и впредь находиться на музейном хранении»¹.

В 1968 г. Н. Цапкин, директор Ленинградской Высшей партийной школы, занимавшей в те годы помещения дворца, обратился в Трест не жилого фонда с просьбой убрать в лекционном зале № 7 изразцовую печь, не представляющую, по его мнению, никакой исторической или художественной ценности, но уродующей помещение и мешающей расстановке оборудования в зале для полноценного потока слушателей на 70 мест. В ответ на письмо Цапкина начальник отдела ГИОП Михаил Павлович Тубли сообщает: «Интересующая Вас печь, находящаяся в лекционном зале № 7, связана с имеющимся художественным декором указанного помещения и снятию не подлежит»².

Еще одно обращение в ГИОП в 1983 г. проректора той же школы О.А. Пашаева с просьбой о перепланировке существующих помещений лестничной клетки, выходящей в сад и примыкающей к хозчасти школы и, на его взгляд, архитектурной ценности не представляющих. На это архитектор ГИОПа Мария Ивановна Чижова категорически возражала. Она считала, что устраивать кабинеты в данном объеме нельзя, так как переделка исторической лестницы с пробивкой в капитальных стенах исказит первоначальный облик памятника, состоящего под государственной охраной, и повлечет за собой нарушение несущей способности капитальных стен, а также осложнит эвакуацию людей и материальных ценностей в случае возникновения пожара³.

И эти обращения были несмотря на то, что еще в 1931 г. принят Декрет правительства об охране памятников революции, старины, искусства и природы, а постановлением Ленинградского областного Исполкома от 24 августа 1931 г. запрещалось без письменного заключения Бюро по охране памятников (в дальнейшем — ГИОП) и разрешения специнспекции Ленсовета производство всяких ремонтно-строительных работ, меняющих наружный или внутренний вид памятников, состоящих под государственной охраной или на учете Бюро охраны⁴.

В настоящее время все работы, проводимые в Таврическом дворце, курирует главный специалист Центрального района КГИОП Галина Анатольевна Недашковская, не допускающая замены исторических деревянных конструкций и дающая предписание о выполнении их из бруса лиственницы, специально для этого заказанного.

Строгое выполнение своих производственных обязанностей и бережное отношение к памятникам старины сотрудниками КГИОП не допустило самовольных перестроек во дворце.

¹ Там же. П-790. Л. 49.

² Там же. ЛЛ. 156, 153.

³ Там же. П-793. ЛЛ. 157, 155.

⁴ Там же. П-3209. Л. 179.

Реставрационные и ремонтные работы продолжаются. В Комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры имеется согласованный документ: «Программа ремонтно-реставрационных работ по сохранению объектов культурного наследия федерального значения, входящих в состав ансамбля “Дворец Таврический”. Рекомендации по содержанию объекта», выполненный организацией ООО «Петр Великий». Цель программы — расчет затрат, необходимых для проведения ремонтно-реставрационных работ на период 2012—2018 гг.¹

И в заключении хочется еще раз вспомнить слова А.А. Ростиславова: «Чем дальше, тем больше выясняется, что красота и оригинальность Петербурга — именно в его прекрасных постройках XVIII и первой половины XIX века. В них его история. Их надо беречь, как драгоценность, чтобы не утратилась, не изуродовалась физиономия города...»².

¹ Там же. П. 157. Н-11428.

² Старые годы. 1907. Январь. С. 22—23.

НИКОЛАЕВА Т.И.

С Дудергофских высот к Таврическому саду

НИКОЛАЕВА ТАМАРА ИВАНОВНА,
заслуженный работник культуры РФ,
почетный реставратор Санкт-Петербурга,
член Ассоциации искусствоведов РФ
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: tamara.iv.nikolaeva@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы истории гидроснабжения Таврического сада с использованием ресурсов Лиговского канала. Своим началом канал связан с речкой Лигой (Лиговкой), вытекавшей из Дудергофского озера. Прорытый в 1718—1725 годах по проекту директора Морской академии Г.Г. Скорнякова-Писарева, канал питал водой Таврический сад до конца XIX века. Найденный в ЦГИА СПб документ, датированный 12 сентября 1877 г., позволяет объяснить причины ухудшения состояния канала и невозможность его использования для поддержания жизнеспособности ландшафта сада. Установлена также связь южных предместьев Петербурга и Таврического ансамбля. Зеленые насаждения, получаемые из оранжерей Таврического сада, использовались при разбивке садов в Красносельских военных лагерях и в Театральном саду.

Ключевые слова: Таврический сад, Лиговский канал, насаждения Таврических оранжерей для Красносельских ландшафтов.

С Дудергофских высот к Таврическому саду

Таврический сад — один из лучших образцов городского пейзажного парка, созданный на протяжении десятилетия с 1783 по 1793 гг. В его формировании приняли участие архитекторы И.Е. Старов, Ф.И. Волков и садовый мастер В. Гульд. Приехав из Англии, талантливый паркостроитель «упражнялся» в Аничковом саду, Осиновой роще, Елагином острове, в Петродворце. В это время получили распространение английские пейзажные сады, пришедшие на смену французским регулярным садам. Большая роль в них отводилась созданию водного «декора». В «Осиновой роще» В. Гульд разбил парк с четырьмя озерами (1778). В Английском парке, раскинувшемся на юго-западе от Нижнего парка Петродворца, Д.Кваренги, садовые мастера Д. Медерс, В. Гульд также создали живописный парковый ландшафт (1779—

1790). Пять прудов, канал, ручьи, протоки, каскад, два шлюза, использованные с нарочитой прихотливостью, явились композиционным центром парка.

Этот прием, искусно примененный в Английском парке, оказал заметное влияние на формирование Таврического сада. В саду, общей площадью около 30 гектаров, 2,8 га отвели водным пространствам, достигнув значительного разнообразия ландшафта. Занимаясь планировкой сада, Гульд наметил пруды и каналы, источником водоснабжения которых стал Лиговский канал. Его прорыли по трассе бывшей Новгородской дороги в 1718—1725 гг. по проекту директора Морской Академии Г.Г. Скорнякова-Писарева для питания водой фонтанов Летнего сада. Первоначально с 1710 г. вода подавалась к фонтанам из Безымянного Ерика с помощью водовоздного колеса, вращаемого лошадьми. Затем стали использовать первую в России паро-атмосферную машину. Из них она по трубам под естественным напором направлялась к фонтанам Летнего сада.

Свое начало и название канал получил от речки Лиги (Лиговки), вытекавшей из Дудергофского озера, относящегося к поселению, которое возникло на склонах Ижорской возвышенности. Склоны некогда были берегом древнего моря, отчего и получили название глинта. Обширную долину, лежащую перед глинтом и имеющую наклон к северу, прорезало русло извилистой и быстрой реки Дудергофки. Перекрытая плотинами и дамбами, она затопила низкие берега и образовала три озера — Безымянное, Долгое и Дудергофское.

К жившим здесь племенам ижора и воль с давних пор стали присоединяться ильменские славяне. В XI веке Ижорская земля вошла в Новгородское государство. Территория нынешнего Красного Села принадлежала к Дудергофскому погосту Ореховского уезда Вотской пятины (по названию находившегося близко селения Дудорова). В XV веке эти земли вошли в состав московского государства, а в начале XVII века их захватили шведы. По Столбовскому договору 1617 года к Швеции отошел Дудоровский погост. На захваченные земли, расположенные вдоль берегов Финского залива и называемые Ингерманландией, шведы стали переселять финских крестьян, что отразилось в названии многих населенных пунктов.

В ходе Северной войны (1700—1721) Россия вернула земли, захваченные шведами, и начала их освоение.

В литературе название «Красное» связывается с красивым положением этой местности. Историк города М.И. Пыляев в книге «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» пишет, что до 1811 г. это поселение называлось в официальных бумагах «дворцовым селом Красным»¹.

¹ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 430.

Найденный в Российском государственном историческом архиве документ позволяет дать новую трактовку названия, связав его с переселением под Петербург по указанию Петра I крестьян из подмосковного Красного Села, которое возникло в царствование императора Петра Великого¹. Крестьяне подмосковного Красного Села были переведены императором на новое место для усиления русского элемента в завоеванной Ингерманландской области. Переселенцы образовали слободы, соответствующие по названию слободам подмосковного Красного Села, а именно: Братошинскую, Коломенскую и Павловскую.

Петр I ценил не только уникальные возможности местности около Дудергофских гор, но и ее стратегическое значение как узла дорог, в том числе водных, в иноземные страны — на Колывань (Ревель) и в Курляндию, проходящих впоследствии через Братошинскую и Коломенскую слободы.

Лиговский канал выполнял судоходную роль и в черте города проходил через Ямскую слободу, пересекал Невскую «перспективу» по современной трассе Лиговского проспекта в направлении к специально вырытым двум бассейнам в районе Бассейной улицы (ныне ул. Некрасова) на пересечении с Греческим проспектом. Этот самый длинный канал был протяженностью около тридцати километров, и его вода считалась очень полезной и вкусной. Примечательно, что только этой водой поили слонов, привезенных из Персии, так как невовская вода считалась для них вредной. Наводнение 1777 года испортило фонтаны Летнего сада, и их решили не восстанавливать. Но надобность в Лиговском канале не отпала в связи с устройством Таврического сада и необходимостью питать его водную систему. Вопрос ремонта канала, заключавшийся в прочистке, укреплении берегов, исправлении шлюзов решился за счет личных средств Г.А. Потемкина. Осенью 1783 г. воды канала наполнили вырытый в саду пруд. Основные гидротехнические работы были закончены на следующий год. Сверкающая, журчащая вода исполняла блестящее «соло» естественной жизни природы в городской среде.

Найденный в ЦГИА СПб документ «Об улучшении Лиговского канала», датированный 12 сентября 1877 г., содержит важные сведения за малоизвестный период². В нем отмечается, что благодаря «энергической деятельности князя Потемкина»³ с Дудергофских высот к столице за 30 слишком верст (больше 32 км) была проведена чистая вода. Но со временем вследствие непрочности старой водопроводной дамбы около городской черты вода выливалась в овраг и далее в залив. Толь-

¹ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. 1913 г. Д. 196. Л. 15.

² ЦГИА СПб. Ф. 576. Оп. 1. Д. 65. ЛЛ. 140 об., 142 об., 143, 144, 165, 166.

³ Там же. Л. 140 об.

ко небольшая ее часть попадала в канал постоянно засорявшийся, а затем через городскую территорию к Таврическому саду, «служа не к пользе, а во вред жителей»¹. Вода из нижнего Дудергофского озера проходила через машинное здание Бумажной фабрики Печаткина и поступала в речку Лиговку сильно загрязненной. Речка протекала у Красного села, деревень Константиновка и Горелово. У деревни Горелово был устроен шлюз, направляющий воду в Лиговский канал. От Красносельского вокзала до Гореловского шлюза Лиговка имела перепад в 17,8 саж (36 м), и из-за быстрого потока не могла отстаиваться, сохраняя приобретенный грязный вид при вытекании с Бумажной фабрики. От гореловского шлюза лиговский поток разделялся на две части. Одна часть, составляющая продолжение речки Лиговки и получающая воду через шлюз в малом количестве, направлялась к деревне Лигово, а другая в Лиговский канал, протекая на протяжении одной версты (1 км) в искусственных берегах. Далее вода канала соединялась с болотистой водой Черной речки, которая летом пересыхала, и текла в ее берегах на протяжении 340 сажен (700 м), а затем снова в искусственных берегах до бассейнов, устроенных в Петербурге. Таким образом, канал загрязнялся уже в Красном селе, где Бумажная фабрика Печаткина спускала в него свои воды. Естественно, все это негативно сказывалось на водоснабжении Таврического сада. Дворцовое управление и Городская управа вели между собой спор без уступок за чей счет устроить снабжение прудов².

В 1891—1892 гг. Лиговский канал на участке от Таврического сада до Обводного канала заключили в трубу и засыпали. Гидросистема сада стала снабжаться из городского водопровода. В 1914 г. трубу продлили для другой части канала. В 1926 г. засыпали участок канала до Московского проспекта, в 1965—1969 гг. до пересечения с Краснопутиловской улицей, где сделали отвод в речку Красненькую³. Сейчас канал сохранился лишь в периферийной части города и служит северо-восточной границей Красносельского района. История водоснабжения Таврического сада позволяет представить, как функционировали водные лабиринты, сохраняя свою первозданную особенность и значимость в одном из лучших пейзажных парков Петербурга.

С другой стороны и Таврическому саду суждено было сыграть важную роль в формировании ландшафта военных лагерей предместья столицы — Красного Села.

¹ Там же.

² *Петрова Е.Н.* Быв. Таврический сад, ныне сад им.1-й Пятилетки в Ленинграде. Историческая справка. Л., 1941 // КГИОП. Н-1115. С. 17.

³ *Шульц О.Л.* История развития гидросистемы Красносельского района // Памятники истории и культуры Петербурга: Исследования и материалы / Под ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1997. С. 209.

Впервые войска для маневров собрали здесь в 1765 г. в царствование императрицы Екатерины II. Она повелела в лагерях «не солдатство токмо ружейной эксерции обучать, но пользу установленных Ея Императорским Величеством новых учреждений видеть; генералам подать случай показывать новые опыты доказанного уже ими искусства, ревнительным офицерам являть частию свою способность быть таковыми же и частию обучаться тому, чего не ведают»¹.

В XIX в. устройство лагерей продолжилось в 1819 г., а через четыре года их организовывали постоянно с участием самих императоров. Лагерь начинался от Царскосельского шоссе и простирались до Дудергофского озера. Как отмечал историк города М.И. Пыляев, лагерь под Красным Селом представлял довольно красочную картину: кавалерия обычно располагалась в деревне, а пехота — в палатках, размещаемых на свободном пространстве².

В лагерях солдаты размещались в четырехугольных холщовых палатках, так же, как и офицеры. Вид лагеря был «холодный и неуютный». На голой местности зеленые насаждения отсутствовали. Офицеры позволяли себе сажать только цветы в горшках по краям дерновых скамеек, устроенных возле палаток. Разведение цветников, клумб и посадка деревьев строго запрещались³. Учения носили длительный характер. В свободное время отдыхать было негде, вне палаток приходилось оставаться на солнцепеке.

Император Николай I знал об этих недостатках и в 1849 г. утвердил план посадки деревьев в военных лагерях. 23 сентября 1850 г. государь повелел развести сады в лагере гвардейского корпуса. В следующем году деревьями, привезенными из Таврического сада, засадили территорию у ставки государя при лагере лейб-гвардии Семеновского полка и наследника-цесаревича у лагеря лейб-гвардии Гренадерского полка⁴.

Николай I хотел, чтобы у военных чинов были светские развлечения в свободное от служебных обязанностей время. В связи с этим полковнику Н. Синельникову поручили наблюдение за устройством театра. Для летнего театра определили место на правой стороне нового шоссе, ведущего из Красного Села мимо Бумажной фабрики, в низине Безымянного озера. Составление проекта взял на себя безвозмездно губернский инженер-архитектор Н.А. Сычев. 13 декабря 1850 г.

¹ Военная энциклопедии / Под ред. К.И. Величко. СПб., 1913. Т. 13. С. 259.

² Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 435.

³ Исторический вестник. 1913. Т. 133. № 8. С. 651.

⁴ Там же. С. 655.

император утвердил из двух вариантов фасада — упрощенный. Архитектору Театральной дирекции А.К. Кавосу было предложено изменить план с улучшением видимости для зрителей и уменьшением размеров сцены¹. К постройке деревянного театра приступили весной 1851 года. Из Таврического сада на полковых лошадях были доставлены в Красное Село деревья и кусты для устройства Театрального сада в низине Безымянного озера. Разбивку Театрального сада возложили на подпоручика лейб-гвардии Саперного батальона Херодынова. К 1 июля театр построили и открыли. На переднем занавесе был изображен большой Красносельский лагерь².

Внешний вид лагерей сильно преображался с устройством садов. Сохранилось описание благоустроенного Красносельского палаточного лагеря³. Палатки каждого батальона распределялись по 8 рядов в длину и глубину. В каждой роте было 16 палаток, в плане стоящих квадратом. Между ротами соблюдалось расстояние в 15, а между батальонами в 27 шагов. За палатками нижних чинов устраивали палатки офицеров. За поселением находились сады с прогулочными аллеями и дорожками.

В истории существования Таврического дворца и сада продолжают выявляться неизвестные и малоизвестные факты к числу которых относятся связи между уникальным ансамблем и южными предместьями великодержавной столицы — Дудергофом и Красным Селом, которые сыграли свою существенную и преобразовательную роль.

¹ Николаева Т.И. Красное Село времен расцвета под Петербургом... // Очерки истории Красного села и Дудергофа. СПб., 2007. С. 129.

² Исторический вестник. 1913. Т. 133. № 8. С. 656—658.

³ Домбровский Ф.В. Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям. СПб., 1896. С. 295—296.

ЛАНДЕР И.Г.

**100-летний юбилей А.С. Пушкина. Праздник 27—28 мая
1899 года в залах и саду Таврического дворца**

ЛАНДЕР ИНГА ГЕОРГИЕВНА,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры графики
Высшей школы печати и медиатехнологий СПбГУПТД
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: Lander_Inga@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена празднованию столетия со дня рождения А.С. Пушкина в 1899 году. В залах Таврического дворца проходило официальное чествование, включавшее премьеры оперы, балета, хоров в исполнении артистов Императорских театров и певцов Придворной капеллы. В народном театре Таврического сада была представлена феерия «Сказка о золотой рыбке». В статью включены ранее не публиковавшиеся рукописные материалы, материалы из петербургской периодики.

Ключевые слова: Таврический дворец, празднование 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, Общедоступный театр городского попечительства о народной трезвости в Таврическом саду.

**100-летний юбилей А.С. Пушкина. Праздник 27—28 мая
1899 года в залах и саду Таврического дворца**

Празднование 100-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина пришлось на эпоху смены художественных приоритетов. Если открытие памятника Пушкину, состоявшееся 6 июня 1880 г. в Москве, речь Ф.М. Достоевского искренно всколыхнули сердца и умы, то праздник 1899 проходил вполне официально.

Это было государственное торжество с разработанной государственной программой. Была создана комиссия Академии наук во главе с Константином Константиновичем Романовым. Судя по отчетам о праздновании¹, поступавшим со всей страны, «на местах» следовали единому сценарию: торжественные молебны и собрания, лекции, присвоение имени Пушкина различным институциям, театральные представления, гуляния, раздача дешевых изданий. В каждом учебном за-

¹ *Ситовский В.В.* Пушкинская юбилейная литература. 1899—1900: Критико-библиографический обзор. 2-е изд. СПб., 1902.

ведении — от гимназии до университета проходили заседания, «торжественные акты», лекции, концерты, театрализованные чтения.

Такое навязывание праздника вызвало отторжение у творческой молодежи, в частности, в журнале «Мир искусства» были опубликованы статьи Василия Розанова, Федора Сологуба, Дмитрия Мережковского, который писал: «... и дремавшие академии пробуждаются, и какое-то министерство заказывает 40.000 гипсовых пушкинских бюстов, и кто-то изобретает игру «Смерть Пушкина», — лото или карты, и бесчисленные жалкие руки тянутся со святыми лептами, и готовятся пушкинские велосипедные гонки, и пушкинский шоколад, и совершается рождение Пушкина в Суворинском театре с облаками, громами и молниями К. Маковского ...»¹.

Впервые для придания «народности» происходящему была задействована реклама (афиши, открытки, календари, упаковка) и, так называемые, «низкие жанры» искусства — народные гуляния и представления, балаганные увеселения. Кстати, не только радикалисты мирискуснического окружения, но и вполне лояльные к происходившему современники, со скептицизмом отзывались о торжествах.

В череде юбилейных мероприятий, проводившихся в Петербурге в 1899 году, упоминается и праздник, проходивший в Таврическом дворце².

К предстоящему событию была выпущена цветная программа «Пушкинский праздник в залах и саду Таврического дворца» работы художницы Елены Самокиш-Судковской³. В программе анонсировалось три отделения с апофеозом и фейерверком. Все собранные средства должны были пойти на создание памятника Пушкину в Петербурге.

Устройство вечера проходило под председательством Вел. Кн. Константина Константиновича и Соединенных литературных и художественных обществ: «27 мая в залах Таврического дворца ... представители от имени печати и 12 литературных и художественных обществ устроили вечер, который не отличался ни блеском, ни интересною программой и почему-то весь был оперным», — писал публицист Анатолий Иванович Фаресов⁴.

¹ Мережковский Д. Праздник Пушкина // Мир искусства. 1899. № 15. С. 12—13.

² Кратко о празднике сказано в нескольких публикациях: Сиповский В.В. Указ. соч.; Березовая Л.Г. 100-летний юбилей А.С.Пушкина. 1899 год // Отечественная история. 2000. № 1. С. 116; Таврический дворец / Авт. текста Б.М. Матвеев. СПб., 2016. С. 107—109.

³ Пушкинский праздник в залах и саду Таврического дворца / Худож. Е. Самокиш-Судковская. СПб., 1899. Хромолитография, 1 л. об. 46x30 см.

⁴ Фаресов А.И. Александр Сергеевич Пушкин и чествование его памяти. СПб., 1899. С. 22

Течение праздника 27 мая можно реконструировать по наиболее подробным газетным публикациям в «Петербургском листке».

Пространство Таврического дворца было поделено на несколько «зон» — в Купольном зале (нынешнем Органном) был выставлен бюст Пушкина¹. Скульптура была декорирована кадочными растениями — пальмой, кипарисами, у подножья пьедестала размещен лавровый венок и пальмовая ветвь.

Далее гости проходили в декорированный зеленью Екатерининский зал, из которого было устроено фойе, там же проходило костюмированное шествие пушкинских героев. Справа у окон была сооружена утопавшая в зелени эстрада, на которой разместился придворный оркестр. В противоположном конце зала пять окон были задрапированы живописными панно: «У лукоморья дуб зеленый» В.П. Овсянникова, «Село Михайловское» К.Я. Крыжицкого, «Бал из «Евгения Онегина»» Е.П. Самокиш-Судковской, «Святогорский монастырь» Г.П. Кондратенко и «Полтава» Н.С. Самокиша². Каждый из этих художников традиционной академической школы в своем творчестве касался пушкинской темы. В центре зала на подиуме находился убранный экзотическими цветами и зеленью шатер для «Особ императорской фамилии».

В бывшем Зимнем саду был устроен театральный зал. Сцену украшали два медальона с изображением поэта. Театральные живописцы Орест Аллегри и Петр Ламбин расписали занавес по эскизу Василия Шрайбера.³ Стены были декорированы панно, выполненными студентами Академии художеств: «Масса электрических лампочек осветила ... стены, на которых приютился весь сказочный эпос. Вот Наина и Черномор, мудрая сова, кошки, зверье всякое, таинственные звезды и бледный месяц, помощник древних ведунов, и лукоморье, и ... веселый хоровод парней и девушек с покровительницей всех влюбленных луной. На противоположной стороне иной мир ... Там юг и зной, украинская ночь, серебристые тополя, как часовые-великаны охраняющие башню, в которой «скован Кочубей сидит и мрачно на небо глядит». Дальше Руслан перед замком Черномора»⁴.

¹ Очевидно, гипсовый, авторство не установлено.

² Валерий Павлович Овсянников (1862—1911), Константин Яковлевич Крыжицкий (1858—1911), Елена Петровна Самокиш-Судковская (1863—1924), Гавриил Павлович Кондратенко (1854—1924), Николай Семенович Самокиш (1860—1944).

³ Орест Карлович Аллегри (1866—1956), Петр Борисович Ламбин (1862—1923), Василий Павлович Шрайбер / Шрейбер (1859—1905).

⁴ Петербургский листок. 1899. 28 мая.

Члены императорской семьи заняли ложу, украшенную лавровой каймой¹. В зале был весь аристократический Петербург, представители литературы, искусств и художеств, иностранные гости. «На празднике мы заметили от литературного мира»: драматурга Алексея Антиповича Потехина, академика писателя и этнографа Сергея Васильевича Максимова, писателя и литературного критика Иеронима Иеронимовича Ясинского, известного педагога и благотворителя Якова Григорьевича Гуревича, ректора АХ скульптора Владимира Александровича Беклемишева и др.»².

Театральное представление включало в себя премьерные музыкальные номера разных жанров — оперу, балет, хоры. Следует отметить, что в газетных рецензиях отражены изменения, внесенные в программу вечера, по сравнению с анонсом, опубликованном в афише Судковской.

Фанфары возвестили начало представления, на сцену вышли певчие Придворной капеллы, которые впервые исполнили гимн «Боже, царя храни!» на слова Пушкина с музыкой Танеева. Поясним: в 1814 году В.А. Жуковский написал стихотворное переложение британского гимна «God Save the King»³. «В 1816 году ... накануне торжеств по случаю основания Лицея возникла мысль о полном русском тексте для публичного хорового исполнения. Можно предполагать, что заказал его Пушкину сам *Егор Антонович* Энгельгардт. Торжества состоялись 14 октября, ... на них был исполнен гимн...»⁴.

К лицейскому торжеству Пушкин сочинил следующие строки: «Там — громкой славою / Сильной державою / Мир он покрыл. / Здесь безмятежною / Сенью надежною / Нас осенил. / Брани в ужасный час / Мощно хранила нас / Верная длань — Глас умиления, / Благодарения, / Сердца стремления — / Вот наша дань»⁵.

¹ Великие князя Владимир Александрович и устроитель праздника Константин Константинович, вел. княгиня Милица Николаевна, великая княжна Елена Владимировна, принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, княгиня Анастасия Николаевна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, принц Александр Николаевич Ольденбургский и принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская.

² Петербургский листок. 1899. 28 мая.

³ Боже, Царя храни! / Славному долги дни / Дай на земли! Гордых смилителю, / Слабых хранителю, / Всех утешителю — / Все ниспошли! (Жуковский [В.А.] Молитва русских // Сын Отечества. 1815. № 48. С. 96) Первое исполнение — на музыку английского гимна, Варшава, 1816.

⁴ Пушкин А.С. Стихотворения лицейских лет. 1813—1817. СПб., 1994. С. 684—685.

⁵ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1959—1962. Т. 1. С. 418.

Этот текст, очевидно, и был исполнен в Таврическом дворце на музыку композитора-любителя Александра Сергеевича Танеева (1850—1918). Возможно, высочайшему выбору композитора способствовало то, что он был отцом Анны Вырубовой.

Первое же исполнение гимна на музыку А.Ф. Львова состоялось 23 ноября 1833 г. в зале Придворной капеллы. Как отмечает исследователь Н. Рамазанова: «Полный пушкинский текст не вошел в окончательный вариант русского гимна с музыкой Львова, да он и не мог использоваться композитором, так как не соответствовал метроритму его музыки»¹.

После исполнения гимна состоялась премьера одноактной оперы Сергея Рахманинова «Алеко», автор либретто — Владимир Иванович Немирович-Данченко. В 1892 г. юный Сергей Рахманинов всего за семнадцать дней написал выпускную работу — одноактную оперу «Алеко» на сюжет пушкинских «Цыган», а 27 апреля 1893 г. состоялась ее премьера в Москве на сцене Большого театра. Но подлинная жизнь этого произведения началась как раз с исполнения его в Таврическом дворце. В роли Алеко выступил друг Рахманинова — Федор Иванович Шаляпин. Известно, что Шаляпин упоминал о некоем сходстве между великим поэтом и Алеко, поэтому на этот спектакль он загримировался под Пушкина. В роли Земфиры выступала замечательное драматическое сопрано Мария Адриановна Дейша-Сионицкая, певшая эту партию еще в 1893 г. Партию молодого цыгана исполнил тогда еще совсем молодой тенор Мариинского театра Иван Васильевич Ершов. Публика отметила цыганский танец в исполнении артистов балета, одной из которых была Анна Павлова.

Затем последовала еще одна премьера — опера «Бахчисарайский фонтан» Антона Степановича Аренского, руководителя Придворной певческой капеллы. Артист Самус прочитал текст поэмы Пушкина. Были представлены: картина «Гарем», татарская песня в исполнении женского хора, ноктюрн «Настала ночь». Сцену Заремы с Марией исполнили контральто Ольга Густавовна фон Бремзен и г-жа Седова. Зрители отметили декорации комнаты Марии и пейзаж в «Алеко», исполненные (Иваном?) Суворовым².

В конце музыкального отделения певцы Придворной Певческой капеллы исполнили два хора — «Анчар» своего руководителя А.С. Аренского и «Вакхическую песнь» Цезаря Кюи.

Затем из театрального зала публика переместилась в Екатерининский зал, где началась торжественная художественная процессия. Это

¹ Рамазанова Наталья. А.С. Пушкин и А.Ф. Львов: К истории создания «Народного гимна» // Нева. 2001. № 2. С. 214—219.

² Петербургский листок. 1899. 30 мая.

было костюмированное шествие пушкинских героев, в котором приняло участие более трехсот человек (в первоначальной Программе было заявлено пятьсот человек).

Процессию открывали герольды, за ними следовали гусяры, вещий Боян с дружинниками. «А вот и они — первый плод вдохновенной музы поэта. — Руслан и Людмила, преследуемые Финном. Черномор угрюмо кивает своей неуклюжей головой, несомый свитой, трясется-трясется колдунья ... А за ними — гарем Гирея, далее москвич в Гарольдовом плаще — Онегин, летописец, бродячие чернецы с шинкаркою, чудная белка ... Каменный гость, классический Дон Жуан, Пиковая дама, Германн, Кочубей в цепях, цикл сказок и, наконец, шведский король Карл XII, которого несут на носилках»¹.

Процессия была поставлена живописцем Валерием Павловичем Овсянниковым, режиссером балета Петром Семеновичем Панчиным, скульптором Леонидом Владимировичем Позеном. Среди художников процессии упоминаются декоратор В.П. Шрайбер и знаменитый иллюстратор Николай Николаевич Каразин. На наш взгляд перегруженность деталями, слащавость «русского стиля» не вполне соответствовала стенам Таврического дворца и самой персоне Пушкина, хотя, по мнению корреспондента «Петебургского листка», «процессия имела успех и не даром: устроители вложили в нее много вкуса»².

Праздник закончился апофеозом, участники процессии создали живую картину у памятника Пушкину. Представляется, что авторы сценария были знакомы с изображениями торжеств в честь Шекспира, которые организовал в XVIII веке знаменитый реформатор европейского театра Дэвид Гаррик.

Официальные корреспонденты отмечали успех праздника в Таврическом дворце. Об обещанном в саду фейерверке упоминаний не встречается. (Для нас остался открытым вопрос о сборе пожертвований на памятник Пушкину в Санкт-Петербурге, ведь именно это было провозглашено в Программе праздника, предполагаем, что средства были переданы на открытие памятника Пушкину-лицеисту работы Роберта Баха).

В красочной афише Е. Самокиш-Судковской, которую воспроизводили и в газетах, сказано, что этот праздник «памяти народного поэта».

Оказывается, что в тот же вечер 27 мая в 7 часов в Общедоступном театре городского попечительства о народной трезвости в Таврическом саду происходила еще одна премьера. Попечительство о народной трезвости было создано в 1894 г. «для ограждения населения от злоупот-

¹ Там же.

² Там же.

ребления крепкими напитками». Во время традиционных народных гуляний вместо балаганов стали создавать эстрады, на которых выступали профессиональные артисты и музыканты, бесплатно играли полковые оркестры. Одним из самых значительных дел стала организация в Петербурге театров Попечительства. Само Общество попечительства о народной трезвости помещалось в доме на углу Потемкинской и Кирочной улиц, естественным стало открытие театра и столовой на территории Таврического сада.

У всех петербургских народных театров Общества была единая труппа, в которую входили драматические, оперные и балетные артисты, при необходимости привлекали артистов других театров¹. Театральной труппой заведовал бывший актер Александринского театра, педагог, постановщик Николай Федорович Сазонов (1843—1903), а главным режиссером был примечательнейший Алексей Яковлевич Алексеев (1850—1939, сценический псевдоним Яковлев). Он начинал творческий путь как исполнитель куплетов, продолжил как сценарист и режиссер «Пантомимного театра» Берга, работал как режиссер и декоратор в антрепризах А.В. Лейферта. Его мечтой было устройство народного театра в Петербурге. У А. Алексеева был опыт постановки Пушкинских произведений в балаганных театрах. Как художник-декоратор, он оформлял феерии, процессии, считал, что зрелище должно быть «кратким, концентрированным, радостным, пестрым и ярким»².

За 15 лет существования в репертуаре петербургских народных театров было 667 произведений, треть из которых — на сюжет из русской классики, поэтому перед началом спектаклей читали небольшую лекцию, зрители приобретали программки с пояснением сюжета. Цены на билеты снижались в воскресные и праздничные дни и повышались в будние, когда спектакли могла посещать более обеспеченная публика. Вход в сад стоил 10 копеек.

В Таврическом саду 27 мая дана была опера И.П. Ларионова «Барышня-крестьянка», шедшая в первый раз. Иван Петрович Ларионов (1830—1889) — композитор, собиратель музыкального фольклора, жил в Перми и Саратове. Известно, что «Барышню-крестьянку» давали в 1875 г. в Санкт-Петербурге на сцене Клуба художников на Троицкой улице (ныне — театр «Зазеркалье»). Эта опера прочно вошла в репертуар петербургских народных театров. Ее исполняли не только в юбилейном году, но и позже в Театрах на Васильевском острове, на быв-

¹ За 15 лет Попечительство дало 9 518 спектаклей, в репертуаре было 667 произведений, около одной трети из них — классические (в этом сказывалась просветительская линия, проводимая руководством Попечительства).

² Алексеев А. Воспоминания // Петербургские балаганы. СПб., 2000. С. 72—98.

шем Стеклянном заводе на Глухоозерной улице. Иногда опера шла вместе со сценами из «Евгения Онегина» и «Каменного гостя». Роль Лизы с успехом исполняла певица Мария Иванова-Шуф, Берестова — господин Тульчинский.

27 и 28 мая театр и сад были переполнены публикою. Многие пришли на представление феерии «Сказка о рыбаке и рыбке», объявления о котором размещали в «Петербургском листке» с начала мая 1899 года. Впечатление о спектакле были самыми восторженными: «Особенно были хороши трудные декорации, быстрые перемены их, свежесть роскошных костюмов и бойкое исполнение разнообразных балетных танцев. Эффектно играла исполнительница главной роли «старухи» г-жа Романовская, мила была «Золотая рыбка» г-жа Забойкина, недурен «Старик» Шумин. Петербургская публика не видела еще на летних сценах такой роскоши в постановке феерий, какую представляет из себя «Сказка о рыбаке и рыбке»¹. «Мы были на последнем праздничном гулянии в Таврическом саду, когда публике было предложено смотреть новую феерию «Золотая рыбка». Говоря по чистой совести столь прекрасной постановки ... трудно было ожидать от общедоступного театра ... «Золотая рыбка» имеет заслуженный успех и справедливо вызывает шумные рукоплескания и восторги зрителей, переполняющих театр»².

Нас заинтересовало, чем так восхищался корреспондент «Петербургского листка». И, вот в Отделе редкой книги Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки нами был обнаружен рукописный текст большой феерии-балета, который «переделал для сцены из сказки А.С. Пушкина А.Я. Алексеев»³. Алексеев-Яковлев славился постановкой декоративных масштабных массовых сцен, изображением фантастических эффектов.

В пьесе «Золотая рыбка» — пролог, три действия, апофеоз. Кроме трех основных действующих лиц заявлены — Воевода, Велик боярин, Привратник, Слуга, Машка, Дашка, Катька, Варька, Степанида, Рыбак (это роли со словами), а также — бояре, дворяне, боярыни, боярышни, отроки, слуги, стражники, крестьянки, служанки, рыбаки ...

Пьеса Алексеева-Яковлева построена по законам балаганного театра, зрителю которого требовалась смена ритма, «чистая перемена», то

¹ Петербургский листок. 1899. 30 мая.

² Петербургский листок. 1899. 3 июня.

³ Золотая рыбка. Большая феерия-балет в трех действиях, картинах, с прологом и апофеозом. Переделал для сцены из сказки А.С. Пушкина — А.Я. Алексеев. Рукопись. 50 с. Б.м., б.г. // Отдел редкой книги, рукописных, архивных и изобразительных материалов Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки. I / А47 90437 (Собрание К.П. Ларина, суфлера Александринского театра).

есть после многолюдной сцены — малочисленная (а в это время за занавесом готовилась еще более пышное действо). Это схоже с приемами иллюстрирования детской книги или лубка.

Спектакль начинался с Пролога, представляющего подводное царство, в котором происходит праздник. В изображении подводного царства были заняты балет и пантомимические группы, изображавшие разных рыбок, раков, устриц, жемчужные и перламутровые раковины, кораллы, белые водяные лилии, разные водяные цветы, водоросли. По окончании балета в Царство опускается невод, который поднимает Рыбку наверх. «... необходимо сказать и о костюмах. ... материал употреблялся ярких и чистых цветов и все украшалось золотыми и серебряными кружевами, галунами, аграмантами, цветными камнями, блестками и стеклярусом. Костюмы выполнялись с большой тщательностью».¹

Следующая картина представляет всем нам знакомую сцену со Стариком, закидывающим невод, правда, она дополнена новыми персонажами — рыбаками в большой лодке, которые ведут беседу со Стариком. В канонический пушкинский текст вставлены простонародные причитания старухи: «Беднота нас совсем одолела / А работать почти не под силу / Ведь того и гляди с голодухи / Ноги протянем мы оба...». «Ну, иди, старый хрен, шевелися / Ну, ступай, попроси, поклонися!». После появления нового корыта идет «вставной номер» — пляска Старика по радостному поводу. Алексеев добавляет еще нескольких персонажей — резонерствующих молодых, которые обличают злую, несправедливую Старуху, жалеют Старика. С ними по-своему расправляется Старуха: «Не суйте свой нос, где не надо! А ко мне коль еще забредете, Угощу вас изрядно ухватом! Головы вам расшибу я горшками!» И, действительно, в конце сцены требования столбового дворянства Старуха швыряет в них и Старика чашки, валеки, скалку, поленья. Это напоминает Петрушечный театр. В «сцене Столбовой дворянки» — опять внепушкинская «отсебятина». Новая декорация представляет богатый сад и толпу крестьян с подношениями. Старуха-Дворянка — скорее типичная комическая молодящаяся старуха в ожидании приезда знатного гостя — Воеводы. В этой сцене постановщик иронизирует над нравами в духе Галантного века — «благородный персонаж» Воевода декларирует: «Всем, я желаю, чтоб было спокойно, чтоб ладно жилось, чтоб бедных людишек не обижали, не разоряли, не били понапрасну!». Далее следует сатирическая сцена: людишки, которых пинает и щиплет Старуха, боятся жаловаться. В конце Воеводу угощают и услаждают хороводом. Сцену завершает вставная сцена пляски девушек и парней.

¹ *Лайфарт А.* Балаганы // Петербургские балаганы. СПб., 2000. С. 43.

После антракта следует действие: «Хочу быть вольною царицей». Оно начинается с номера с Привратником, жалующимся на хозяйку: «Всех поедом ест сварливая баба! / Сам чорт ей угодить не сможет!». Привратник пытается увещевать баб — Арину и Степаниду, которые не принадлежат Старухе, поэтому могут безнаказанно петь и гулять. Вот Степанида поет куплеты: «Как у нашего соседа / Весела была беседа ... На беседе я была, / Сладку водочку пила / Сладку водку выпивала / Пирогоми заедала / Еще кроме пирога там закусочка была / На закуске и грибочки / И селедочки кусочки, / А сосед — вот не солгать — Лих баб, девок угощать / Пей и ешь! — Да, не хочу! / Захвораешь — вылечу! (Непонятно, как это соотносилось с устоями Попечительства о народной трезвости — И.Л.).

Далее следует перемена декорации. На многочисленном пиру у Старухи-Царицы — знатные гости «все в роскошных блестящих нарядах», стража, отроки, слуги, прислужницы. Велик-боярин (отсылка к комедии о Фроле Скабееве): «Дозволишь, царица веселье начать? / ... А после заморских, смешных плясунов / Тебе мы, царица, покажем». Начинаются танцы разных народов как в классических балетных постановках: китайский, японский, итальянский, испанский, польский, венгерский, шотландский, цыганский, заканчивается все малороссийским казачком и потешным трепаком.

Мы помним о неумных желаниях Старухи: «Чтоб служила мне рыбка золотая / И была бы у меня на посылках». Эти слова заглушает удар грома, слышна буря, гаснут свечи, мрачные облака скрывают всю группу. Когда облака расходятся — перед зрителями вновь — ветхая землянка и Старик, который резюмирует: «Многого захочешь — и малое потеряешь! / Чай теперь твоя душенька довольна ...».

В глубине сцены открывается блестящий апофеоз «Потерянное счастье». В вышине — роскошный подводный терем Золотой рыбки. Рыбка указывает на трех старух: с новым корытом, дворянку на крыльце терема, царицу со свитой и дружиной.

«На самом деле, декорации, да еще и движущиеся, превосходны <...> Прибавьте к этому более чем удовлетворительное исполнение феерии артистами, разнообразие танцев и красивую группировку танцовщиц, наконец, хоровое пение и световые эффекты <...>». «Укажите, где, в каком еще саду преподносится публике столько интересных, разнообразных и, главное, строго нравственных развлечений как в Таврическом саду»¹.

Хочется заметить, что эмоциональные заметки автора статей в Петербургском листке, выражают не только его художественные предпочтения в пользу феерии, но и истинное положение вещей в искусстве на сломе столетий. Федор Сологуб писал: «Зачем же этот праздник,

¹ Петербургский листок. 1899. 3 июня.

все эти жалкие торжества, эти спектакли, гулянья, чтения и пения, флаги и фейерверки, пушки, — и что там еще будет? — вся эта бутфорская рухлядь, обязательно хранимая на складе для обязательно-справляемых годовщин?»¹. Нарождающийся русский модерн и символизм, европеизированная эстетика мирискусников потеснят приторное академическое многословие. Об этом свидетельствуют праздники и выставки, которые будут происходить в Таврическом саду в наступившем XX веке.

¹ Сологуб Ф. К. Всероссийскому торжеству // Мир искусства. 1899. № 15. С. 39.

ПАТРИКЕЕВА О.А.

**Государственная дума Российской империи
в пространстве Петербурга**

ПАТРИКЕЕВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА,
доктор исторических наук, доцент, профессор
Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: o.patrikeeva@spbu.ru

Аннотация: Цель настоящей статьи — проследить за изменениями, произошедшими в облике Литейной части Петербурга после размещения здесь в начале XX века Государственной думы Российской империи. Бывшее средоточие казарм и военных разъездов постепенно превратилось в один из самых красивых и фешенебельных районов города. Застройкой Литейной части столицы занимались самые именитые петербургские архитекторы: Иван Богомолов, Алексей Бубырь, Николай Васильев, Иван Бургазлиев. Именно здесь, в Литейной части Петербурга, появились первые в столице и в России жилищные кооперативы, отличавшиеся повышенной комфортностью. Разительно изменилась инфраструктура этого района. Размещение здесь Государственной думы привело к развитию трамвайной сети, появлению рынков, магазинов, кинотеатров. Статья написана на основе архивных документов, материалов периодической печати начала XX в., воспоминаний современников.

Ключевые слова: Таврический дворец, депутаты Государственной думы, Государственная дума Российской империи, Литейная часть Петербурга.

**Государственная дума Российской империи
в пространстве Петербурга**

С учреждением в России в 1905 г. Государственной думы встал вопрос о ее размещении. Для первого российского парламента в Петербурге решили выстроить специальное здание. Идеальной площадкой для такого строительства, по мнению городских властей, являлось Марсово поле. К началу XX в. этим просторным плацем в центре города владело военное ведомство. Оно сдавало поле в аренду предпринимателям для устройства катков, балаганов, летних кинематографов. Вре-

мя от времени здесь проходили разводы и учения расквартированного поблизости Павловского полка.

Однако ввиду нехватки средств на новое строительство пока решили остановиться на одном из имеющихся в столице зданий. Выбор пал на Таврический дворец. «Помещение Государственной думы в Таврическом дворце рассматривать лишь как меру временную»¹, — говорилось в официальных документах. Впоследствии дважды — в 1906 и 1910 гг. — в России проводились конкурсы на лучшее здание национального парламента². Эти проекты так и остались невостребованными.

На рубеже XIX—XX вв. Таврический дворец занимал довольно скромное положение в жизни столицы империи. У него не было строго определенного назначения. Дворец располагался на окраине в Литейной части. Еще в петровские времена здесь находился пушечный Литейный двор, который и дал название всей зафонтанной приневской части города.

В самом начале XX в. Литейная часть Петербурга была чрезвычайно мало застроена и заселена. В обширном квартале между Захарьевской, Шпалерной и Потемкинской улицами протянулись казармы Кавалергардского полка. По соседству на Кирочной улице — казармы для солдат и офицеров Преображенского полка.

Размещение здесь первого российского парламента вдохнуло в эту местность новую жизнь. Весной 1906 г. в Литейной части столицы возникло «Общество скупки пустопорожних земель»³. А уже к лету 1906 г. цены на недвижимость вокруг Таврического дворца выросли примерно в 2—3 раза⁴. Естественно, депутаты Государственной думы стремились снимать жилье поблизости, как правило, в многоквартирных доходных домах — самом распространенном типе жилых зданий Петербурга, появившемся еще в середине XIX в.

Буквально в двух шагах от Таврического на Шпалерной улице, в доме № 39 проживал Владимир Митрофанович Пуришкевич. Это был довольно скромный дом, тогда без особых удобств, с печным отоплением. Лидер ультраправых занимал 6-комнатную квартиру № 9 на третьем этаже. Соседом Пуришкевича по дому стал талантливый публи-

¹ Об учреждении Особой комиссии по приспособлению Таврического дворца для Государственной думы и общая переписка // РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

² См. подробн. об этом: *Басс В.Г.* Петербургская неоклассическая архитектура 1900—1910-х годов в зеркале конкурсов: слово и форма. СПб., 2010. С. 115—119.

³ Хроника // *День*. 1906. 24 марта.

⁴ Хроника // *Маленькая газета*. 1906. 3 июня.

цист Василий Васильевич Розанов, писавший, в том числе, и великолепные репортажи с думских заседаний.

В 1908—1912 гг. рядом с Таврическим дворцом, по адресу: Шпалерная, д. 44 а и д. 44 б, появились два здания в популярном тогда стиле модерн. Оба здания называли «жилыми домами Думы», поскольку среди лиц, их населявших, оказалось немало членов и сотрудников аппарата нижней палаты российского парламента. Например, князь Николай Владимирович Голицын, в ведении которого находился думский архив¹.

Михаил Владимирович Родзянко поселился на Фурштатской улице в доме № 20. Это один из первых жилых домов Петербурга, выполненный в непривычном для города неорусском стиле известным архитектором Иваном Богомоловым в 1875 г. Пятый этаж пристроили позднее, в начале 80-х гг. XIX в. Как раз на пятом этаже М.В. Родзянко занимал просторную 10-ти комнатную квартиру. В 1912 г. он присоединил к ней соседнюю четырехкомнатную квартиру. Весной 1917 г. здесь проходили частные совещания членов Государственной думы. Годовая плата за две квартиры составляла — 3 600 руб.² Много это или мало в ценах того времени? Для сравнения: проезд в трамвае стоил 5 копеек, килограмм хлеба — 12 копеек, визит к врачу — в среднем — 20 копеек. М.В. Родзянко также принадлежал каретный сарай во дворе дома, который он превратил в гараж для своего автомобиля.

На углу Потемкинской и Сергиевской (ныне — Чайковского) улиц, прямо напротив входа в Таврический сад, в доме № 83 в апреле 1906 г. князь Д.И. Бебутов снял большую квартиру для организации клуба и собраний Конституционно-демократической партии. Впоследствии здесь проживали некоторые депутаты фракции кадетов, в частности, Василий Алексеевич Маклаков. Современники свидетельствовали: «В квартире имелся громадный зал на сто человек с балконом, большая комната для библиотеки, две столовые, комнаты для Центрального Комитета, для канцелярии. Словом, квартира поместительная и роскошная»³. С 1912 по 1916 гг. в этом доме жили Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский. Здесь они принимали многих видных деятелей Серебряного века, так называемый салон Мережковских посещали Александр Блок, Николай Бердяев, Андрей Белый, Вячеслав Иванов. «Взяли квартиру первую попавшуюся: очень большую, на Сергиевс-

¹ Описание дома греческого подданного Салоно-Махло по Шпалерной улице № 44 б. 1913—1917 // ЦГИА. СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 8449. Л. 37.

² Описание дома В.С. Сергеева по Фурштатской улице № 20. 1876—1917 // ЦГИА. СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4062 а. Л. 75.

³ Цит. по: Бройтман Л.И., Дубин А.С. Улица Чайковского. М., 2003. С. 438.

кой, у самой решетки Таврического сада, — вспоминала Зинаида Гиппиус. — С моего балкона виден был и соседний Таврический дворец, где помещалась Государственная дума»¹.

В начале XX в., после появления в Литейной части первого российского парламента, сформировалась застройка небольшой и тихой Таврической улицы. Большинство зданий было построено по проектам известного столичного архитектора Александра Хренова.

Именно в этом районе города появились первые жилые кооперативные дома. Самый первый — на Кавалергардской улице, второй неподалеку — на Бассейной, 60. Этот дом представляет для нас особый интерес. Дом был построен к осени 1913 г. В его строительстве принимали участие знаменитые столичные архитекторы Алексей Бубырь и Николай Васильев. Квартире № 30 на 4-м этаже приобрел лидер конституционных демократов Павел Николаевич Милюков. «Русский европеец», как его называли, П.Н. Милюков очень ценил комфорт. Какое-то время он снимал жилье в Эртелевом переулке (ныне улица Чехова). По соседству находились контора знаменитой суворинской газеты «Новое время», а также дом, где проживал дважды премьер-министр России Иван Логгинович Горемыкин. Однако Павел Николаевич стремился иметь собственное, а не съемное жилье.

«Квартиры со всеми удобствами. Отопление центральное водяное и во все квартиры проведена горячая вода в ванные и кухни»² — говорилось в рекламном объявлении. Квартира П.Н. Милюкова состояла из семи жилых комнат, людской, прихожей, кухни, коридора, ванной, кладовой. В доме на первом этаже находились: оборудованная механическая прачечная с сушильной и гладильной, химчистка, парикмахерская, аптека, булочная и пекарня, мясная и молочная лавки. А с 1916 по 1918 гг. еще и кинематограф. Доходы от этих магазинов и учреждений в значительной степени покрывали расходы по содержанию и управлению домом.

Весной 1911 г. на Гагаринской улице полным ходом шла реконструкция особняка для семьи П.А. Столыпина. Будущий особняк главы правительства находился в десяти минутах ходьбы от Таврического дворца³. Резонно предположить, что это обстоятельство сыграло далеко не последнюю роль при выборе П.А. Столыпиным нового места жительства. В мае 1911 г. он получил в Городском кредитном обществе ссу-

¹ Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 285.

² Описание дома I Бассейного товарищества для устройства постоянных квартир по Бассейной улице № 60, Литейная часть, 3-й участок. 1913—1916 // ЦГИА. СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9120. Л. 2.

³ Залоговые свидетельства, страховые полисы и план дворового места по Гагаринской улице дом № 5 // ЦГИА. СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2235. Л. 12.

ду в 62 тысячи рублей под залог недвижимого имущества на перестройку дома № 5 по Гагаринской улице¹. Ссуда была выдана на 37 лет и шесть месяцев². Работу по перестройке здания выполнял столичный архитектор Иван Бургазлиев, один из лучших выпускников Института гражданских инженеров Императора Николая I³. Однако переехать в новый дом П.А. Столыпин так и не успел. В начале сентября 1911 г. он, как известно, погиб от руки террориста. До 1917 г. здесь жили его вдова и дети.

Очень важно было наладить хорошее транспортное сообщение между центром города и Таврическим дворцом. Самым популярным видом городского транспорта в России в начале XX в. стал электрический трамвай, пришедший на смену конно-железнодорожной конке, как ее тогда называли.

Первые электрические трамваи в Российской империи появились в 90-е гг. XIX в. в городах со сложным холмистым рельефом: сначала в Киеве, затем в Нижнем Новгороде и Москве. Лошади здесь просто не справлялись с крутыми спусками, поворотами и подъемами. Совсем иное дело — Петербург, с его ровным, как блюдце, городским рельефом. По улицам Петербурга электрические трамваи пошли только в 1907 г. Первая трамвайная ветка связала Васильевский остров с Дворцовой площадью. Компании конно-железных дорог, имевшие монопольное право на пассажирские перевозки в городе, всячески препятствовали появлению нового вида транспорта в столице.

Из письма талантливого журналиста, редактора газеты «Жизнь Алтая» Георгия Дмитриевича Гребенщикова, посетившего Таврический дворец 15 ноября 1912 г.: «Все-таки я отважился пойти. Сблазн слишком велик — открывается 4-я Государственная дума. Таврический дворец от центра далеко, и туда трамваи не ходят. Туда черепашьям шагом тащатся конки. Со Знаменской площади сажусь на верхний этаж. Оттуда лучше видно вокруг. Пара крупных лошадей тащит огромный вагон, четко стуча подковами по каменной мостовой. Длинной вереницей нас обгоняют извозчики с депутатами. Избранники страны стягиваются к месту своего назначения. В конце Знаменской улицы нам

¹ Дело правления Санкт-Петербургского кредитного общества по залогоу имущества П.А. Столыпина // ЦГИА. СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2596 а. Л. 15.

² Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о несостоятельности существующих в исторической литературе утверждений, что в последний год жизни П.А. Столыпин якобы предчувствовал свою скорую гибель. См., напр.: Джанибекян В.Г. Тайна гибели Столыпина. М., 2001. С. 296—297; Табачник Д.В., Воронин В.Н. Убийство Столыпина. Харьков, 2010. С. 60.

³ Личное дело Ивана Бургазлиева. 1891—1896 гг. // ЦГИА. СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 569. Л. 30.

пересадка на другую конку. Едем вправо, потом влево, потом все-таки вправо — к Таврическому саду и по Шпалерной. Сад большой, в нем много обнаженной зелени: снег стоял. Оранжереи. Соседи студенты острят: — Здесь выращиваются депутатские отношения к русской конституции. — Нет, здесь приучаются к растительной жизни... Пошли казармы, казармы, казармы. Масса военных, постовых. Разъезды. Наряды. А вот среди низменных желтых казарм и приземистый Таврический дворец. ...Ход для публики с Таврической улицы. Для министров и депутатов со Шпалерной — парадный»¹.

Еще осенью 1905 г. Особая комиссия по приспособлению здания Императорского Таврического дворца под размещение в нем Государственной думы постановила: «Для наиболее удобного сообщения с Таврическим дворцом проложить линию электрического трамвая по одной из улиц, примыкающих к зданию дворца»². Однако дело с прокладкой трамвайных путей затянулось. Трамвай в Литейной части Петербурга появился во многом благодаря настойчивости Распорядительного комитета Государственной думы, который в течение нескольких лет направлял многочисленные письма и ходатайства в Городскую управу. «Распорядительный комитет считает долгом обратить внимание на те неудобства, которые сопряжены с отсутствием скорого трамвайного сообщения не только для членов Государственной думы и чинов канцелярии, но и для многочисленной публики, посещающей собрания Государственной думы. Причем численность последней достигает 1 000 человек»³. В феврале 1913 г. электрический трамвай здесь, наконец, появился. Маршрут № 18 проходил от Михайловской площади в центре города через Литейную часть до Лафонской площади (ныне пл. Пролетарской диктатуры).

К началу XX в. в Литейной части не было ни одного крупного магазина или рынка. Первый держатель думского буфета и ресторана Август Августович Ломач постоянно жаловался на необходимость «получать массу товаров с рынка, находящегося в расстоянии пяти верст»⁴ от Таврического дворца. В 1913—1914 гг. здесь построили знамени-

¹ Гребенщиков Г.Д. В Таврическом дворце // Гребенщиков Г.Д. Собр. соч. в 6-ти томах. Барнаул, 2013. Т. 1. С. 491—492.

² Об учреждении Особой комиссии по приспособлению Таврического дворца для Государственной думы и общая переписка // РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

³ По ходатайству председателя Распорядительного комитета Государственной думы о скорейшем проведении линий трамвая к Таврическому дворцу // ЦГИА. СПб. Ф. 513. Оп. 57. Д. 89. ЛЛ. 6—7.

⁴ Об устройстве ресторана-буфета при Государственной думе // РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 8. Л. 49.

тый Мальцевский рынок, названный так по имени владельца — купца Ивана Сергеевича Мальцева. Рынок славился продуктами и товарами хорошего качества при относительно низких ценах.

Как видим, размещение Государственной думы Российской империи в Таврическом дворце изменило вектор развития Литейной части Петербурга. За несколько лет унылое петербургское захолустье превратилось в один из самых фешенебельных районов города.

НОВОСЕЛОВ Н.В.

**Археологические исследования на территории оранжерейного
комплекса Таврического сада в 2016 году**

НОВОСЕЛОВ НИКОЛАЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ,
научный сотрудник
АНО НИИ Культурного и природного наследия
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: diogen-n@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена результатам археологической разведки, проводившейся на территории оранжерейного комплекса Таврического сада в июне 2016 г. Задачей исследования являлось выявление на обследуемом участке культурных напластований и исторических сооружений. Для решения этой задачи на обследуемой территории было выполнено 5 археологических шурфов общей площадью 20 м.кв. В ходе разведки выявлены остатки оранжерей XIX в. и культурные напластования конца XVIII—XX вв. Археологические материалы, обнаруженные при раскопках, дополнили информацию о развитии этой части Таврического сада.

Ключевые слова: Таврический сад, археологический шурф, оранжерея, культурный слой, археологические находки.

**Археологические исследования на территории оранжерейного
комплекса Таврического сада в 2016 году**

В июне 2016 г. Санкт-Петербургская археологическая экспедиция АНО НИИ Культурного и природного наследия¹ проводила разведочные археологические исследования на территории земельного участка с кадастровым номером 78:31:0001202:7 (площадь 2,7 га), расположенного в границах объекта культурного наследия федерального значения «Дворец Таврический. Сад Таврический с прудом».

Обследуемый участок расположен в северо-западной части Таврического сада и ограничен с севера Шпалерной улицей, а с запада —

¹ Начальник экспедиции П.Е. Сорокин, начальник отряда — руководитель работ Н.В. Новоселов.

Потемкинской улицей (рис. 1 см.: CD-диск). Согласно историческим документам, с конца XVIII в. на обследуемой территории располагались оранжереи, в которых выращивались растения для Таврического дворца и сада. В течение XIX — XX вв. внешний облик и планировка оранжерейного комплекса неоднократно менялись: старые оранжереи много раз ремонтировались и перестраивались, некоторые из оранжерей сносились, а на их месте или рядом с ними возникали новые сооружения. В 1970-е гг. из-за ветхости конструкций большинства оранжерей было принято решение их снести, а на освободившемся месте построить новый оранжерейный комплекс. Новый комплекс был построен в 1977—1981 гг. В 1990-е годы он был заброшен, коллектив расформирован, а растения перенесены в другие питомники и тепличные хозяйства. В настоящее время часть зданий комплекса сдается в аренду различным организациям; большинство же строений находится в заброшенном состоянии. Состояние оранжерей можно считать аварийным: многие стекла разбиты, и обрушения стеклянного покрытия постоянно продолжаются, металлические конструкции корродированы, площадь внутри оранжерей заросла травой, кустарником и деревьями, некоторые из которых проросли сквозь секции остекления и поднимаются выше кровли.

Задачей исследования являлось выявление на обследуемом участке культурных напластований и исторических сооружений. В ходе разведки было выполнено 5 археологических шурфов (размеры 2 x 2 м) общей площадью 20 м.кв. В результате шурфовки удалось установить наличие культурных отложений, определить их мощность и этапы формирования, выявить остатки исторических сооружений, существовавших на данном месте в разные исторические периоды, уточнить особенности палеорельефа данной территории.

Шурф 1 был заложен в северо-восточной части обследуемой территории, внутри оранжереи, построенной в 1977—1981 гг. Под слоями, связанными с разрушением исторических оранжерей, в пределах шурфа раскрыт участок стены и часть системы подпольного калориферного отопления, относящиеся к оранжерее XIX в. (рис. 2).

Стена располагалась по линии запад — восток, параллельно южной границе шурфа. В пределы шурфа попадала лишь северная часть стены. Верх кладки находился на глубине около 0,5 м от уровня современной дневной поверхности (отметки 5.14—5.15 по Балтийской высотной шкале, далее — БС). Верхняя часть стены (три ряда кирпичной кладки) была выполнена из кирпича (формат 25—26 x 12—13 x 6,5—7 см) на известковом растворе без определенной системы. Нижняя часть стены представляла собой кладку, выполненную из известняковых плит, скрепленных известковым раствором.

С севера к стене примыкала конструкция калорифера подпольной

отопительной системы. Основание конструкции представляло собой платформу, выполненную из кирпичей, скрепленных известковым раствором. Ширина основания 1,27—1,3 м. Край платформы был сложен из целых кирпичей; в кладке центральной части использованы преимущественно половинки кирпичей. Верх платформы находился на уровне нижней (известняковой) кладки стены. Над кладкой основания были устроены каналы калорифера отопительной системы. Каналы располагались параллельными рядами в направлении север — юг. Ширина каналов 0,12—0,15 м. Стенки между каналами были сложены из кирпичей, скрепленных глиной. Кладка стенок сохранилась на высоту одного кирпича. Формат кирпичей аналогичен формату кирпичей стены оранжереи. Ширина стенок 0,12 м (полкирпича). Стенки калорифера не доходили до интерьерного фаса стены оранжереи, оставляя пространство, равное 0,12—0,15 м. С севера каналы калорифера ограничивались стенкой такой же ширины, расположенной в направлении запад — восток. Один из кирпичей конструкции имел клеймо «... П.» («А.П.»), которым маркировались кирпичи завода А. Правдина, что позволяет датировать конструкцию периодом существования завода — 1855—1887 гг.

Шурф 2 располагался на газоне в северо-западной части обследуемой территории (рис. 3).

В центральной части шурфа под слоями газонного покрытия и нивелировочных подсыпок конца XX в. была выявлена траншея, проложенная в направлении север — юг, в которую был впущен керамический трубопровод. Траншея датируется в пределах первой половины — середины XX в.

Еще одна траншея, проложенная в направлении запад — восток, была раскрыта в южной части шурфа. Глубина траншеи около 1 м (отметки дна 3.78—3.74 БС). В верхней части траншея была заполнена мешаной желтой супесью с включениями гумуса, с включением в нижней части большого количества щепы. В траншею была впущена деревянная труба (диаметр 0,32 м), составленная из двух частей (верхней и нижней). Части трубы изготовлены из бревна, разделенного вдоль на две половины (рис. 4). Верх трубы находился на отметках 3.87—3.85 БС.

В северо-западном углу шурфа под поздними напластованиями сохранился участок гумусного почвенного слоя. Слой разделялся на два горизонта. Нижний горизонт (мощность около 0,15 м), лежащий на материковой поверхности, можно интерпретировать как слой погребенной почвы — а верхний (мощность около 0,25 м) как слой перемешенной плодородной почвы.

Шурф 3 был заложен на газоне в юго-западной части обследуемой территории (рис. 5).

Под нивелировками конца XX в. в западной и восточной частях шурфа на глубине около 0,8 м (отметки 5.10—5.15 БС) были выявлены участки бетонных стяжек толщиной 0,05—0,07 м. В пределы шурфа попадали лишь части конструкций. Стяжки заливались по опалубкам, выставленным параллельно друг другу в направлении север — юг. Расстояние между стяжками 1,2 м. Основанием стяжек являлись камни и кирпичи, уложенные без определенной системы и пролитые цементным раствором. Данные конструкции, вероятно, являлись основаниями грядок, расположенных внутри оранжерей.

В центральной части шурфа была раскрыта стальная труба, расположенная параллельно краям бетонных стяжек в направлении север — юг. Южная часть трубы была отрезана и демонтирована.

Подставкой для трубы являлась тумба прямоугольной в плане формы (размеры по 0,53 x 0,78 м), выполненная из кирпичей, изготовленных машинным способом и скрепленных цементным раствором. Тумба была ориентирована параллельно краям стяжек. Верх тумбы находился на глубине около 0,8 м (отметки 5.19—5.17 БС). Верхняя плоскость тумбы была обмазана цементным раствором, боковые плоскости в верхней части имели уклон и были оштукатурены. На уровне отметок 5.00—4.98 БС по периметру тумбы фиксируется натек штукатурного раствора на грунт. Таким образом, верхняя часть конструкции была выполнена открытым способом и в период ее использования оставалась открытой. Нижняя часть тумбы была выполнена из кирпичей и их фрагментов, уложенных в яму и пролитых цементным раствором.

Выявленные конструкции (участки бетонных стяжек, кирпичная тумба и стальная труба), по-видимому, относятся к одному строительному периоду. Характерные особенности кирпичей, из которых была сложена тумба, тонкостенная стальная труба значительного диаметра, использование бетона и цементного раствора позволяют датировать этот строительный период первой половиной — серединой XX в. Вероятно, устройство этих сооружений можно связать с реконструкцией оранжерейного комплекса, проводившимся в 1950-е гг.

В ходе работ кирпичная тумба была демонтирована. Ниже уровня тумбы залегали слои гумусной плодородной земли общей мощностью около 0,7 м. Данные отложения можно интерпретировать как слои перемещенной плодородной почвы.

Под гумусными слоями на отметках 3.98—3.94 БС была выявлена материковая поверхность, представляющая собой слой желтого песка с включениями прослоек гумуса. Неоднородность материка позволяет предположить, что в данном месте изначально находился склон берега реки или оврага.

Шурф 4 был разбит в юго-восточной части обследуемого участка. Согласно историческим планам, в первой половине XVIII в. здесь на-

ходило старое русло реки Саморойки, преобразованное в конце XVIII — начале XIX в. в тупиковый канал, сообщающийся с системой прудов Таврического сада. К началу XX в. канал пересох и был частично засыпан.

Стратиграфия шурфа отображала слои разновременных засыпок канала. Культурные напластования представлены слоями гумуса, разделенными прослойками светлой супеси, строительного мусора и битой садовой керамики (рис. 6). Данные отложения были прослежены на глубину до 2,5 м. Дальнейшее заглубление было невозможно из-за сильного подпора грунтовых вод. Исторических конструкций в пределах шурфа выявлено не было.

Шурф 5 находился в центральной части обследуемой территории. Культурные отложения в пределах шурфа были практически полностью уничтожены перекопами второй половины XX в. За границами перекопов на локальном участке в центральной части шурфа на глубине около 1 м от уровня современной дневной поверхности (отметки 4.72—4.65 БС) был выявлен почвенный гумусный слой. Мощность слоя 0,72—0,78 м. Данный слой можно интерпретировать как слой перемещенной плодородной почвы (рис. 7). Исторических конструкций в пределах шурфа выявлено не было.

Археологические находки. В шурфовке на территории оранжерейного комплекса Таврического сада собрана коллекция археологических находок, включающая более 1000 предметов, из которых на хранение взято 88 экземпляров. Это предметы материальной культуры XIX—XX вв.: фрагменты цветочных горшков разных форм и размеров, изделия из стекла, фрагменты фаянсовой и фарфоровой посуды, изделия из металла, которые дают представление о развитии этой территории в разные периоды. Важно отметить, что большинство найденных предметов имеет отношение к садоводству. Подавляющее количество находок (более 800 предметов) происходит из шурфа 4.

Самую большую группу находок составляют фрагменты цветочных горшков (787 фрагментов цветочных горшков происходит из шурфа 4). Найденные фрагменты относятся к красноглиняным коническим сосудам разных размеров (диаметр от 8 до 30 см) с венчиками различной формы: слабовыраженными, скругленными сверху, оформленные в виде валика с отгибом наружу или в виде широкого уплощенного пояса (рис. 8). Сосуды имели плоское днище с отверстием для стока воды. Особый интерес представляют фрагменты двух горшков с клеймами на стенках: «Т.С. 849» и «...С». Датировка цветочных горшков в настоящее время затруднительна. Найденные фрагменты можно датировать лишь в широком диапазоне — конец XVIII—XIX вв.

К другой разновидности садовой керамики относятся поддоны под цветочные горшки. Данные изделия представляли собой плоскодон-

ные плосковидные сосуды со срезанным наружу и скругленным венчиком, изготовленные из красножгущейся глины и покрытые с внутренней стороны поливой зеленого оттенка. Высота поддонов 3—4 см, диаметр 10—16 см. Фрагменты подобных поддонов были найдены нами в слоях конца XVIII — начала XIX вв. в ходе раскопок на территории Летнего сада в 2009—2011 гг.

Особый интерес в собранной коллекции вызывают две фарфоровые бирки овальной формы (размеры 8,4 x 5,1 см). На лицевой стороне бирки имели надглазурные надписи с указанием названий растений, выполненные черной краской: «Flor. Millefolii» (тысячелистник) и «Rad. Angelic.» (красная ангелика). Бирки крепились к деревянной основе рамками овальной формы, сделанными из медесодержащего сплава (рис. 9).

К интересным находкам, имеющим отношение к садовому хозяйству, относятся фрагменты керамических ограждений садовых клумб и газонов. Данные предметы представляли собой полые изделия сложной формы, напоминающей изогнутые и перевитые корни деревьев или кораллы (рис. 10). Изделия имели плоские основания с отверстиями для крепления. Высота изделий — 12—12,5 см, толщина по основанию 5,5 см, сохранившаяся длина — 14—18 см. Данные предметы были вылеплены, а не отформованы. Подобные ограждения были устроены в Зимнем саду, созданном в северной части Висячего сада Малого Эрмитажа по проекту А.И. Штакеншнейдера (50-е гг. XIX в.). Их можно увидеть на акварели Э.П. Гау 1865 г. В ходе последней реставрации Висячего сада эти элементы были воссозданы из полимерного материала (рис. 11).

В ходе раскопок не было обнаружено находок, которые можно датировать временем ранее конца XVIII — начала XIX в. Единственной находкой, относящейся к более раннему времени, является фрагмент чубука белоглиняной трубки, датирующийся временем не позднее середины XVIII в.

* * *

В ходе археологической шурфовки, проводившейся на территории оранжерейного комплекса Таврического сада, удалось выявить остатки исторических сооружений, установить наличие культурных отложений, определить их мощность и этапы формирования, получить дополнительные данные о палеорельефе обследуемого участка и о характере использования данной территории в конце XVIII — первой половине XX вв.

Обнаруженные в разных местах обследуемой территории мощные гумусные слои позволяют предположить, что в конце XVIII — начале

XIX вв. это место могло использоваться для складирования плодородной земли, потребность в которой при устройстве Таврического сада была весьма велика. В процессе шурфовки не было выявлено конструкций и культурных отложений, которые определенно могли бы быть датированы XVIII в. Возможно, это связано с локальным характером проведенных работ и в ходе дальнейших археологических исследований на этом месте такие объекты могут быть обнаружены.

Дальнейшее археологическое изучение этой территории может дать важную информацию как по истории расположенных на ней объектов, так и по истории садового искусства в целом.

Накануне Думы

АРОНОВ Д.В.

Российский либеральный конституционный проект начала XX века — опыт модельной реконструкции

АРОНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
«История правовых учений»
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева» (Орел, Россия);
e-mail: aronovdv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются методологические аспекты модельной реконструкции либерального проекта Основного закона России начала XX в., степень допустимости подобного мысленного эксперимента в исторической науке. В результате анализа имеющихся источников, а также ряда сформулированных в настоящей статье принципов модельной реконструкции, делается вывод о допустимости подобного метода исследования. Последний никоим образом не претендует на создание новой исторической реальности, а служит лишь вспомогательным инструментом для дефрагментации отдельных эпизодов исторического прошлого.

Ключевые слова: российский либерализм, либеральные проекты Основного закона России, конституционные проекты российского либерализма, опыт модельной реконструкции.

Российский либеральный конституционный проект начала XX века — опыт модельной реконструкции

Одной из сравнительно малоисследованных тем в современной историографии является проблема изучения конституционного наследия российского либерализма начала XX в. Актуальность данной проблематики имеет, прежде всего, академический аспект, связанный с изучением новых сторон этого явления на основе введения в научный оборот ранее практически не использовавшихся источников, формирова-

ния на основе сравнительного анализа имеющихся в распоряжении исследователей либеральных проектов Основного закона, принципов построения его общей концепции.

Историография данной проблемы, скорее одного из ее аспектов, а именно самих текстов либеральных проектов, как источников в части изучения либеральной политико-правовой мысли, концепции реформирования государственного строя Российской империи, а, по большому счету всей социально политической системы страны, достаточно обширна. Начало ее формирования относится к периоду перехода российского либерализма от теоретической, позднее партийной деятельности непосредственно к процессу законотворчества в начале XX в. В этот период современники и, прежде всего, сами участники создания соответствующих проектов, оставили нам достаточно большой массив материалов как общественно-политического, так и мемуарного характера (при всей условности в разделении данных жанров применительно к одному и тому же периоду). Основными предметами для обсуждения выступали «освободительный»¹, «муромцевский»² и «герценштейновский» (проект Московской городской думы)³, история их создания, а также целевое назначение. Так, создатели «освободительного» проекта Ф.Ф. Кокошкин, В.В. Водовозов упоминали, что проект создавался преимущественно в агитационных целях без расчета на возможность его использования в качестве основы для конституализации государственно-правового строя страны⁴. Касательно «муромцевского» законопроекта, особенно на заключительной стадии его подготовки, наиболее распространенной является точка зрения о том, что подъем общественного движения в стране может создать ситуацию участия либералов в отправлении государственной власти вплоть до нормативно-правового реформирования базовых институтов социального управления⁵,

¹ Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз. Словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://be.sci-lib.com/article075133.html>

² Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.

³ См.: Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. № 21 (29 мая). Стб. 1735—1746.

⁴ Шацко К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985. С. 225.

⁵ См.: Записка, составленная советом из Ковалевского В.И., Ковалевского М.М., Милюкова П.Н., Гессена В.М., Головина Ф.А., Лазаревского Н.И. и Муромцева С.А., представленная государю по поводу выработанного Советом министров проекта основного и избирательного закона // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 281. Л. 1.

что потребует быстрого принятия изменений в Основные законы страны. Исходя из этого практически все авторы, писавшие о «муромцевском» проекте, отмечают специфику его структуры, ориентированную именно на инкорпорирование в текст Основных законов, требующее минимума технической работы, естественно при условии наличия соответствующей политической воли. Что же касается «герценштейновского» проекта, то на настоящий момент достоверных сведений об истории его создания, ходе работы над ним в современной историографии нет, в диссертациях посвященных Московской городской думе, рассматривающих ее деятельность в период подготовки проекта едва ли не пошагово, о работе над этим масштабным документом, сведения отсутствуют¹. Строго говоря, проект носит достаточно сырой, фрагментарный характер, однако для нас он интересен тем, что содержит ряд разделов, содержащих нормы, которые регулируют ту часть общественных отношений, которых ни «освобожденческий», ни «муромцевский» законопроект по разным причинам не касаются вообще.

Еще одним либеральным проектом, который так или иначе присутствует в историографии проблемы начиная с начала XX в. выступает «екатеринославский» проект, представляющий собой суть замечания к иным проектам, известным его авторам, однако ни по структуре, ни по объему на роль самостоятельного проекта он претендовать не может. Еще более обойдены вниманием такие проекты как «гучковский»² и «харьковский»³. Говоря о первом из них, можно сказать, что он крайне редко упоминался в работах историков уже постсоветского периода как один из либеральных конституционных проектов начала XX в. Оставляя в стороне принципиальный спор о принадлежности «октябристов» к либеральному лагерю, что требует отдельной широко дискуссии, можно отметить, что если оценивать проект в отрыве от иных нюансов их партийного законотворчества, можно говорить о его содержании, как о более чем отражающем базовые постулаты либерализма как политического, а, скорее в силу известных причин, политико-правового течения, как в политике, так и в интеллектуальной сфере. Вместе с тем анализ документа как такового не только показывает, что он не только остался на стадии несистематизированных набросков

¹ См.: *Вдовин С.Е.* Деятельность партийно-политических групп гласных Московской городской думы 1904 — февраль 1917 г.: Дис. ... к. ист. наук. М., 2002; и др.

² См.: Проект Конституции Российской Империи с разделами: Государств. устройство, Права граждан, Народное просвещение // ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 5.

³ См.: Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков, 1906. С. 136—153.

ряда разделов Основного закона, но, судя по тому, что в деле лежат три машинописные копии текста (в одной не хватает одной страницы), очень быстро утратил интерес к себе со стороны разработчиков. Не упоминается о нем ни в воспоминаниях видных октябристов той эпохи, ни в материалах, отражающих деятельность органов коллегиального управления «Союзом 17 октября»¹. И, наконец, последний известный нам на сегодняшний день проект, а именно «харьковский», был вообще забыт и лишь сравнительно недавно вновь введен в научный оборот. Будучи, по сути, калькой с «освобожденческого» проекта, он, тем не менее, подвергся определенным изменениям в рамках дискуссии внутри Харьковского юридического общества. И хотя внесенные изменения в процентном отношении к тексту «освобожденческого» законопроекта в целом сравнительно невелики, но именно из измененной части практически все было использовано в «муромцевском» проекте Основного закона².

Существует, конечно же, не только либеральная историография истории либерального законодательства в России начала XX в. Однако называть историографией густо насыщенные махровым антисемитизмом писания крайне правых о «герценштейновском» проекте вряд ли было бы корректно с научной точки зрения.

Таким образом, полагаем, что можно говорить о том, что мы имеем устоявшуюся совокупность текстов, доказательно относимых к результатам либеральной правовой мысли в России начала XX в.

В советское время изучение либерального периода в истории политико-правовой мысли, мягко говоря, не приветствовалось.

На современном этапе особое место в историографии либерального законодательства принадлежит комплексу работ А.Н. Медушевского³, детально рассмотревшего историю российского либерального законодательства, выявившего его сущностные характеристики и предложив-

¹ См.: *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007; Партия «Союз 17 октября» // Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. М., 1996. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905—1907 гг.

² *Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В.* Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законодательстве начала XX века // История государства и права. 2017. № 1. С. 47—49.

³ См.: *Медушевский А.Н.* Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9; *его же.* Русский конституционализм второй половины XIX — начала XX в. // Первая российская революция 1905—1907 гг. Обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991. С. 100—137; *его же.* Политическая философия русского конституционализма: Дис. в виде научного доклада ... д. филос. н. М., 1994.

шего системное видение его места и роли в истории отечественной и мировой политико-правовой мысли.

К либеральным проектам Основного закона России обращался в целом ряде своих работ и В.В. Шелохаев, сформулировавший базовую концепцию наличия у российских либералов целостной концепции преобразования общественно-политической системы России, модели реформирования страны¹. Данные идеи получили дальнейшее развитие в рамках его научной школы, в трудах представителей которой раскрывались отдельные частные аспекты либерального конституционного законотворчества². Однако и в рамках изучения истории российского либерализма начала XX в. речь шла, по преимуществу, о «муромцевском» проекте, далее по частоте упоминания шел «освобожденческий» проект и далее, с довольно заметной разницей, мы имеем дело с «герценштейновским» проектом.

Тот короткий промежуток времени, который разделяет наиболее активный этап либерального конституционного законотворчества от этапа перехода к собственно ответственному парламентскому законотворчеству, крайне быстро, практически скоростно, эволюционировавшего к фактической борьбе за выживание фракции в парламенте, фактически вывел тематику конституционного законотворчества, как из политической публицистики, так и из исследовательского поля либеральной юридической науки. В политической публицистике место проектов Основного закона заняла совокупность законопроектов внесенных фракцией кадетов в Государственную Думу Первого и Второго созывов. Что же касается полномасштабного научного обращения к данной проблематике, то оно относится уже к периоду после событий конца февраля 1917 г. и его следует рассматривать как отдельную страницу в истории российского конституционализма либерального толка.

Соответственно, мы имеем дело с совокупностью тематически однородных документов (все они представляют собой и титульно и сущ-

¹ См.: *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

² См.: *Аронов Д.В., Бухвостова Д.В.* Перспективы исследования либерального конституционного законотворчества в России // История государства и права. 2008. № 20. С. 7—9; *Малышева О.Г.* Развитие конституционных идей и зарождение парламентаризма в России. I и II Государственные думы: Дис. ... к. ист. н. М., 1994; *Пахоменко Н.Б.* Из истории конституционных проектов в России. М., 2000; *Карнишин В.Ю.* Конституционализм М.П. Драгоманова в контексте общественно-политического развития Украины второй половины XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 51—58; и др.

ностно проекты Основного закона России), выполненных в весьма узких хронологических рамках (фактически в течение года), при этом авторские коллективы ряда проектов частично совпадают, им свойственна общая идейно-политическая ориентация (от дискуссии о либерализме октябристов и кадетов, как уже отмечалось выше, мы в данном случае, абстрагируемся).

Вместе с тем, что собственно и подвигло нас к опыту модельной реконструкции общелиберального проекта Основного закона России начала XX в., кратко описанным выше законопроектам присущи и весьма серьезные различия. За краткостью настоящей статьи мы не будем вдаваться в подробности, отсылая заинтересованного читателя к ряду опубликованных в связи с этим работ¹. Здесь же отметим, что, прежде всего, эти различия касаются не столько разницы в структурах законопроектов (деление на статьи, разделы, соотнесение с действующими нормативно-правовыми массивами и т.д.), сколько их содержательной части, т.к. в ходе их анализа выяснилось, что они, по сути, дополняют друг друга. В качестве примера приведем «герценштейновский» проект, который, хотя и в самом общем, почти декларативном виде, но, тем не менее, содержит разделы, связанные с организацией местного самоуправления и по рабочему вопросу, которые, по определению, не разрабатывались в рамках «освобожденческого» и «муромцевского» проектов. Эти, а также иные сходные мотивы, и прежде всего стремление показать в концентрированном виде все богатство либеральной правовой мысли подвигли нас к тому, чтобы сформулировать ряд частных принципов, на которых была основана предлагаемая модель общелиберального проекта Основного закона.

По известным основаниям мы не будем уподобляться структуре современных введений к квалификационным работам в которых с упорством достойным лучшего применения принято перечислять методы исследований, о которых, к великому сожалению, сами соискатели, зачастую имеют такое же представление, как господин Журден из произведения Ж.Б. Мольера (Поклена) «Мещанин во дворянстве», который узнал, что всю свою жизнь (более сорока лет), он говорил про-

¹ Аронов Д.В., Калугин П.А., Золотухина Е.К. Реформа местного суда в либеральном законодательстве начала XX века // История государства и права. 2014. № 9. С. 20—24; Аронов Д.В. Статус монарха в либеральных проектах Основного закона России начала XX века // История государства и права. 2013. № 3. С. 14—17; его же. Реформа местного самоуправления в либеральных проектах Основного закона России начала XX века: опыт сравнительного изучения // История государства и права. 2014. № 12. С. 41—46.

зой. Соответственно от общенаучных методов исследования к частным.

Прежде всего, это строгое следование принципу отсутствия в истории сослагательного наклонения. Модельная реконструкция оперирует только с известными сущностями, объективность которых (насколько это возможно в понятийном поле истории), доказывается частно-историческими, источниковедческими исследованиями.

Соответственно мы никоим образом не создаем (мысленно) новую историческую реальность, а лишь объединяем ранее (современниками) не сведенные вместе сущности.

Здесь мы приходим к формулировке еще одного принципа моделирования, а именно сравнимость, если угодно конгруэнтность, понимаемая хотя бы в исходном латинском значении данного термина. В нашем случае это принадлежность исходного материала для построения модели к общему течению политико-правовой мысли, политико-правовой практики, общность условий возникновения, целеполагания. Набор этих признаков может меняться, например хронологические рамки могут быть различными, но в любом случае внутри них должно быть некое общее у базовых социально-политических процессов. Собственно поэтому сущностно невозможен проект либеральной конституции синтезированный из материалов проектов общественных преобразований в России начиная со времен М.М. Сперанского, или дворянского конституционализма середины XIX в., записки С.А. Муромцева «О внутреннем состоянии России весной 1881 г.», классического набора либеральных проектов Основного закона, проектов периода Временного правительства, Гражданской войны и последующего творчества периода эмиграции.

Также представляется значимым указать на необходимость следования принципам социологического позитивизма при конструировании своего рода скелета проекта Основного закона, исходя из того, что здесь основу составляют именно общественные отношения, на урегулирование которых направлен нормативно-правовой акт. Если угодно, то исследовательская гипотеза модели формируется в рамках данного научного направления. Что же касается процесса обретения данной гипотезой фактологической основы или, продолжая несколько вольную аналогию, обретение скелетом плоти, то здесь на помощь приходит юридический позитивизм, предполагающий строгое следование внутренней логике нормотворчества, предполагающей отсутствие коллизий между нормами, наличие внутренней логики, единообразной терминологии.

В связи с последним тезисом нельзя не отметить, что на этот вопрос ответ еще предстоит найти. Вопрос о языке итоговой модельной реконструкции остается, как представляется, открытым. Иначе гово-

ря, допустимо ли современному исследователю «причесать» язык статей и параграфов, привести их к некоему общему знаменателю, а если да то к какому — одному из стилей законопроектов или осовременить в минимально возможной степени все материалы? Неким аналогом здесь может выступать техническая реконструкция памятников античности в Риме, когда восстановленные части умышленно не пытаются представить оригинальными, а за счет и применяемых материалов и фактуры умышленно делают заметными наблюдателю. Последний в этом случае может оценить как масштаб исходного сооружения, так и степень современного участия в восстановлении его исходного облика. Аналогия, конечно же, не доказательство, но, как представляется, некую общую сущность процесса она, в данном случае, схватывает. Или же работая с источниками целесообразно сохранить язык оригинала, сопроводив текст соответствующими авторским вставками и примечаниями, применяемыми при публикации архивных источников, нередко содержащих значительные лакуны? Вопросов здесь пока больше чем ответов, особенно если речь идет о публикации итогов реконструкции, а не просто о ее использовании как вспомогательного инструмента в творческой лаборатории историка и/или историка права.

Таковы наши общие размышления и общие выводы на тему допуска в инструментарий исторической науки метода модельной реконструкции. Предлагаемая система частных принципов построения модели общелиберального Основного закона, созданная на их основе структура модельного проекта, как нам представляется, может выступать в качестве дополнительного исследовательского инструментария при изучении определенных периодов исторического прошлого, дающих исследователю достаточно обширный, но по тем или иным причинам не систематизированный современниками материал. Модельная реконструкция типологически принадлежащих однородному политическому, общественному, научному или иному виду общественной мысли материалов, как нам представляется, позволяет лучше понять ее общее состояние в определенный момент времени, уровень развития, степень разработки той или иной проблемы общественного бытия. Ни-коим образом, не покушаясь на базовый принцип исторической науки, об отсутствии у Клио сослагательного наклонения, и не претендуя на лавры т.н. «альтернативщиков», полагаем возможным обратить внимание сообщества на данный инструмент для понимания исторического прошлого.

КОТОВ А.Э.

**С.С. Татищев и А.С. Суворин:
спор о народном представительстве**

КОТОВ АЛЕКСАНДР ЭДУАРДОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: akotov@inbox.ru

Аннотация: В мае 1905 г. между двумя старыми знакомыми — историком С.С. Татищевым и редактором «Нового времени» А.С. Сувориным — завязалась полемическая переписка. В это время в условиях неизбежного уже военного поражения и нараставшей революции возобновились давние дискуссии о Земском соборе. Демократически и во многом славянофильски настроенный Суворин был, разумеется, сторонником последнего. «Государственник» и «птенец гнезда Каткова», аристократ Татищев — безусловным противником. В этой полемике, которую Татищев, с согласия своего корреспондента, показывал С.Ю. Витте, словно воскрес давний спор Каткова со славянофилами.

Ключевые слова: Земский собор, А.С. Суворин, С.С. Татищев, М.Н. Катков, «Новое время», русско-японская война, консерватизм, революция 1905 г.

**С.С. Татищев и А.С. Суворин:
спор о народном представительстве**

В мае 1905 г. между двумя старыми знакомыми, — историком Сергеем Спиридоновичем Татищевым и редактором «Нового времени» Алексеем Сергеевичем Сувориным, — завязалась полемическая переписка. В это время в условиях уже неизбежного военного поражения и нараставшей революции возобновились давние дискуссии о Земском соборе. Впрочем, оба собеседника были людьми старшего поколения: Суворин родился в 1834 г., а Татищев — в 1846 г. Соответственно, и на проблемы начала XX столетия они смотрели отчасти из века XIX-го.

Редактор «Нового времени» являлся давним приверженцем идеи Земского собора. Он поддержал ее еще при графе Н.П. Игнатьеве¹. Ее же Суворин отстаивал и в 1902 г. в своем письме к С.Ю. Витте, написанном по поводу виттевской брошюры о земстве². И, наконец,

¹ Новое время. 1882. 14 мая.

² Письмо А.С. Суворина С.Ю. Витте // *Витте С.Ю.* Избранные труды. М., 2010. С. 527—535.

поздней осенью 1904 г., когда уже была предрешена судьба Порт-Артура, редактор «Нового времени» приступил к систематической пропаганде Земского собора. На страницах своей газеты он сравнил «эпоху» Святополк-Мирского с началом 1860-х, и высказывал надежду на наступление «именно такой весны, которая походила бы на эволюцию, а не на революцию со всеми ее ужасами, беспорядками, разгулом страстей, произволом, насилием и проч.» И если славянофилы в своей риторике 1860-х гг. лишь осторожно упоминали о «плебейх человечества», то Суворин уже напрямую пишет о необходимости свободы: «Слово «свобода» не даром у нас популярно. Оно было в нашем языке испокон века и испокон века было любезно русскому сердцу. Всякое «освободительное» движение было у нас популярно, были ли то ирландцы, греки и буры, или итальянцы и славяне. Да, даже славяне пользовались нашей любовью не столько потому, что они славяне, братья наши по крови, сколько потому, что они были угнетены и хотели свободы»¹.

С другой стороны, публицист видел и разницу «между тем народом и обществом, которые встречали реформы 60-х годов, и теперешним»: «Однородный состав общества в значительной степени облегчал задачи реформ и делал самое настроение, самый подъем духа более общим, более светлым, более заразительным и даже более понятным всем и каждому. Теперь однородности этой совсем нет, общество разншерстное и гораздо больше, и желания его гораздо разнообразнее и точнее». Впрочем, взгляд Суворина на соотечественников был вполне оптимистичен: «Если считать даже одно т. н. общество, то на стороне благосмыслия — огромное большинство, а если брать весь народ, то это большинство подавляющее. И для него-то и необходимо, чтоб реформа была проведена не бюрократическим путем; как бы ни были талантливы и сведущи представители бюрократии, а этого отрицать у нее невозможно, они одни не могут справиться с этой реформой и не могут взять на себя за нее и за ее последствия ответственность»³.

Любопытно, что помимо своего традиционного публицистического «спарринг-партнера» В.П. Мещерского, Суворин вступил в полемику с аксаковским эпигоном — С.Ф. Шараповым, утверждавшим, что «Нынешняя Россия еще долго не может дать Земского собора». Ссылаясь на авторитет самого И.С. Аксакова, редактор «Нового времени» утверждал, что «эти строки, полные скороспелого отчаяния, соединенного с самоуверенностью непогрешимости своих выводов, продиктованы [...] крайней растерянностью и легкомыслием»³.

Упомянув вскользь старые и с тех пор многократно повторенные тезисы Н.А. Любимова о созыве Генеральных штатов как о причине

¹ Новое время. 1904. 30 ноября.

² Новое время. 1904. 15 декабря.

³ Новое время. 1905. 16 января.

крушения монархии, Суворин предлагал ориентироваться на пример Англии — не поясняя, впрочем, почему «возобновление» Земских соборов будет похоже именно на Англию, а не на Францию¹. Даже в январе 1905 г. публицист утверждал, что «революция в государстве, где сто миллионов одноплеменного народа, понятия не имеющего о том, что такое революция, надеющегося только на государя и верящего только в него,— очень большой вопрос»².

Зная о том, что в Министерстве внутренних дел обсуждается вопрос об однодневном Земском соборе, посвященном вопросу продолжения войны³, Суворин 19 мая напоминал о рескрипте 18 февраля 1905 г. и требовал немедленного созыва Земского собора, считая его единственной возможностью сплотить народ и власть и «вызвать заглохшее патриотическое чувство, разумное, одушевленное, дельное»: «Надо вызвать не одного Минина, не одного Пожарского, которых никто не знает, но в платья которых теперь готовы нарядиться разные комиссии. Надо вызвать целый сонм людей, за которыми бы стояли города и села и чувствовали бы связь со своими избранниками. А другого средства поднять, воскресить это патриотическое чувство, кроме Земского собора, нет и нельзя его найти. Без этого же чувства страна — дикая орда, готовая рассыпаться, и уж проявляется склонность к этому разложению и даже междоусобной вражде»⁴.

Это, по мнению Суворина, дало бы возможность даже после Цусимы выиграть японскую войну, превратив ее из империалистической в отечественную: «Пусть японская армия проедется по Сибирской железной дороге, которую мы провели, пусть покажет свое искусство в строительстве и передвижении. Пусть сравняется с нами своими силами, ибо только тогда можно сравнивать, только тогда можно говорить, что желтое племя победило белое. И только тогда Россия может сказать, что она побеждена, только тогда, а не теперь, когда она воевала в чужой стране, в тридесятом царстве [...] А мы в это время, когда Япония будет совершать такой же страннический подвиг, какой совершили русская армия и флот, мы в это время станем отстаивать не Порт-Артур и Маньчжурию, а родные поля, города и села». В случае же, если Земский собор отказался бы от продолжения войны, именно он, по мнению Суворина, мог бы заключить мир — куда более отвечающий национальным интересам, чем это сделали бы дипломаты⁵.

По всей вероятности, именно это предположение и побудило С.С. Татищева обратиться 21 мая к Суворину с обширным письмом. Уво-

¹ Там же.

² Новое время. 1905. 25 января.

³ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 350.

⁴ Новое время. 1905. 19 мая.

⁵ Новое время. 1905. 21 мая.

ленный в свое время со скандалом из министерства иностранных дел и поддерживавший тесные связи с министерством дел внутренних, Татищев (не путать с современником — виленским и саратовским губернатором Сергеем Сергеевичем Татищевым) остался в истории русской политической словесности как один из наиболее ярких «птенцов гнезда Каткова». По свидетельству близко знавшего его Ю.С. Карцова, «Татищев был государственным и до мозга костей человеком власти. Революцию он ненавидел и ни разу ничем от нее не поживился. Свою службу в департаменте полиции не только не считал позорною, а ставил себе в заслугу и ею гордился. Все, что пахло «интеллигентщиною», претило ему и оскорбляло сильно в нем развитое художественное начало»¹.

Татищев неоднократно публиковался в «Новом времени», однако их отношения с Сувориным были непростыми. Тот же Карцов вспоминал: «С успехами Татищева Суворин мирился, но нисколько им не радовался. Вообще он не любил, чтобы в его газете кто-нибудь пожил лавры. Однажды попросил я у Суворина разрешения поместить фельетон о Татищеве. — За кого вы меня принимаете? Стану я хвалить Татищева, — осадил он меня с первого слова»². Не мог забыть редактор «Нового времени» и «высокомерный тон, обиды, вольные и невольные, которые в отношении Суворина позволял себе Татищев, неосторожно задевая демократическую его мнительность»³. Став членом Совета Главного управления по делам печати, Сергей Спиридонович, конечно же, тона не переменял.

Следуя давней традиции катковского направления ссылаться на авторитет классических историков Французской революции, в своем письме к Суворину Татищев привел ряд обширных цитат из Ипполита Тэна. Ссылаясь на этот авторитет, он пытался внушить своему корреспонденту, что государством должны управлять специалисты и делал следующий вывод: «Из всех видов анархии нет хуже, вреднее, опаснее, гибельнее для государства анархии умственной, т. е. такого состояния, при котором труд, знания и опыт ставятся ни во что, голос разума насильственно заглушается и раздаются на свободе только эпилептические возгласы и крики невежд и глупцов. От установления такого «правового порядка» едва ли поздоровится России»⁴.

Не отвечая пока на это письмо, Суворин в следующей передовице, не называя имени своего «приятеля», изложил все его аргументы и

¹ Карцов Ю.С. Сергей Спиридонович Татищев. (Страница воспоминаний). Пг., 1916. С. 36.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 32.

⁴ ГА РФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 797. Л. 42 об.

отвечал следующее: «Понятно, что Земский собор не может сам вести переговоры, но они должны вестись с его ведома, чтоб страна знала, что от нее требуют и чтобы не выскочили такие отцы отечества, которые разом объявят, что они все превосходно сделали, что превосходнее ничего нельзя было сделать, ибо таково положение. Земский собор может сказать, что он не разделяет мнения отцов отечества, что Россия не может идти на те уступки, которые от нее требуют, а потому она предпочитает войну унижительным условиям мира. В этом и весь вопрос, и Тэн против этого ровно ничего бы не сказал, а напротив, этого бы потребовал¹.

В ответ на это Татищев обвинил Суворина, а с ним и «большинство русских публицистов» в полном незнакомстве как «с техникою дипломатического дела», так и с историей международных отношений: «Подумайте только: в какое положение был бы поставлен уполномоченный, которому собрание народных представителей приказало бы во что бы то ни стало заключить мир? Ведь ему пришлось бы не договариваться с противником, а просто принять все их требования, без всяких переговоров... Не собор указал на Пожарского в 1612 г., и на Кутузова в 1812-м — а голос всей страны [...] Таков ответ историка неисправимому идеологу, каким Вы всегда были, являетесь и теперь. Не могу при этом не указать Вам на другие чудовищные ереси, которыми изобилует сегодняшнее «Новое время»². На следующий день Татищев послал Суворину еще более эмоциональную записку: «По Вашему, для успеха мирных переговоров важны не дарования и способности уполномоченного, а то, чтобы за ним наблюдали (!!!!) «Земский Собор и совершенно свободная печать, как в Соединенных Штатах». Я никогда не считал и не считаю Вас в политике дураком, но не могу не признать, что Вы в ней совершеннейший психопат»³.

Суворин в следующей передовице развивал свой тезис о Земском соборе как о средстве общественной мобилизации: «Я не знаю, за что выскажется Земский собор, но я убежден, что он придаст государю особенную силу не только в России, но и повсюду, где знают русское имя. Правительство использовало только бюрократию, чины и чиновников, но оно не использовало общества, не искало среди него талантов и способностей; да, правду сказать, и средств у него не было для этого при настоящем режиме. Но то, что оно использовало в обществе, было хорошо, горячо, великодушно. Это — искренние жертвования на войну, флот и раненых. Это — земские госпитали, работавшие превосходно. Все то, что шло от общества, было запечатлено бескорыстием и патриотизмом. Не спрашивали, зачем война и

¹ Новое время. 1905. 22 мая.

² РГАЛИ. Ф. 459. Оп.1. Д. 4190. ЛЛ. 78—78 об.

³ Там же. Л. 80 об.

почему война, а давали на нее и делали. Я говорю о Земском соборе, потому что это — самосознание и признание за обществом права на государственную деятельность, на контроль за администрацией, на свободный голос о всем том, что творится. Только при Земском соборе может явиться убеждение, что мы или сильны или бессильны, что наш рост — обман или правда. Японцы готовились к войне при парламенте, при свободе печати, при обязательной честности¹.

Татищев отреагировал на эту статью новыми упреками: «нет, Вы не психопат, — едкое слово это вырвалось у меня в раздражении, — Вы Гамлет, как и большинство русских людей, рассуждающих, но не действующих»². Суворин в ответ также несколько снизил тон: «Старый режим показал себя таким, что в него никто не верит и он ничего не делает порядочного. Я верю в дарование Сергея Юльевича. Но смотрите, он вдруг найдет, что слишком много Сергеев — Сергей Юльевич, Сергей Спиридонович и Сергей Николаевич (Сигма). Все возможно. Это соображение фельетонное, но иногда и фельетонисты бывают пророками, хоть малыми»³. День спустя редактор «Нового времени» продолжал: «Я убежден, что если не соберут собор, то Розен заключит самый позорный мир, гораздо позорнее того, что заключила Франция. А если соберут, то этого не будет. Отдавать на волю уполномоченного все условия, это значит предоставить ему продать Россию. Ее и прежде продавали, а теперь продадут окончательно. Я лично никому не веру. Около царя должен быть собор и свобода печати, полнейшая, как в Соединенных Штатах»⁴.

В свою очередь, Татищев попытался спасти гражданственность своего корреспондента с помощью эстетики, в длинном письме изложив своего рода квинтэссенцию своих прежних публицистических трудов: «То, что Вы выражаете словом «режим» — фу, какое поганое слово и отчего Вы его не пишете через «ѣ» — это Самодержавие, создавшее Россию и распространившее русское владычество на шестую часть вселенной [...] Вглядитесь ближе, кто ополчается на самодержавие. В первых рядах всевозможные инородцы и иноверцы, исконные враги и ненавистники России [...] А русские их союзники, жалко тащущиеся в их хвосте, все эти адвокаты, техники, педагоги, фармацевты, ветеринары, бастующие студенты, негодующие гимназисты, истерические акушерки и курсистки, всякие, до социалистов включительно, недоноски российского просвещения, отщепенцы от всего родного, от всего, во что верует и чем живет стомиллионный православный русский народ. Это ли его представители. Такими никогда не признает их на-

¹ Новое время. 1905. 24 мая.

² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4190. Л. 82.

³ ГА РФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 797. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 45.

род, как не признает выразителей своих упований и верований в гласных от земских собраний и городских дум, про которых можно лишь сказать, что они в ослеплении безумия не ведают, что творят, дерзновенно посягая на все, что мило, дорого и свято истинно-русским людям, что купили они ценою неисчислимых жертв, потом и кровью ряда предшествующих поколений: единство, мощь и величие отечества»¹.

Добившись от Суворина согласия показать эту переписку С.Ю. Витте, Татищев сам перешел на литературный слог: «история одна может беспристрастно решить, кто виноват в ужасающих бедах, обрушившихся в наши дни на Россию. Но знайте, приговор ее не совпадет с Вашим. Не власть обвинит она, а недостойных и неспособных слуг власти, которые при данном состоянии общества не изменятся от одной перемены “режима”, не говоря уже о том, что деспотизм толпы куда тяжелее самовластия в одном лице. Иначе не значит еще лучше, и как бы не попасть нам из огня да в полымя? Изучая происхождение нашего революционного движения, я уже теперь предвкушаю все прелести, которые неизбежно принесло бы оно с собою, если бы удалось ему когда-либо захватить на “платформе” власть. Вспомните вещие слова Пушкина: русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Спасение России — мир внешний и порядок внутренний, — может дать ей только историческая единоличная самодержавная власть, разумная, просвещенная и честная в своих органах и исполнителях, власть, опирающаяся на все живые народные силы, сплачивающая их вокруг престола и внимающая голосу земли в самобытных государственных учреждениях, отвечающих пользам и нуждам России, разуму и духу ее истории»².

Суворин смог ответить лишь тем, что самодержавие, по его мнению, «пережило себя». Вполне пророческим же высказываниям Татищева о перспективах революционного движения редактор Нового времени противопоставил свою убежденность в том, что «народ не выпустит власти из своих рук»³. Днем позже страдавший от первых симптомов болезни, которую позднее определяют как рак горла, публицист попытался подкрепить свой оптимизм конкретными аргументами: «Масса писем, получаемых ежедневно нами, говорит о необходимости продолжать войну. Целая треть этих писем — крестьянские. Они лишены всякого признака того патриотизма, который называется квасным. Напротив, все они разумны, все смотрят опасности прямо в глаза, почти все говорят о Земском соборе и о готовности принести всевозможные жертвы для спасения отечества от унижения, которое больно отзывается во всех сердцах. Эти письма, подписанные иногда целыми группами крестьян, драгоценные свидетельства народного со-

¹ Там же. Л. 52 об.

² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4190. Л. 86.

³ ГА РФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 797. Л. 54.

знания, глубоко уязвленного национального достоинства и преданности своей Родине и государю. Все эти письма — яркое доказательство того, как малоосновательно распространенное мнение о невежестве и тупости народа, который якобы не дорос до высоких чувств истинного патриотизма и не может представлять себя самого на Земском соборе иначе, как через посредство людей образованных». Именно это давало Суворину надежду на то, что «Земский собор представит даровитую Россию, представит широкий круг независимых людей, среди которых найдутся и министры, заблещут таланты, явится настоящее общественное мнение, настоящий контроль над бесправием и суматохой»¹.

Публикации «Нового времени» о Земском соборе с самого начала вызывали сомнения в Главном управлении по делам печати². К лету над изданием нависла угроза судебного преследования. «Государственный» Татищев считал, что это только повредит государству, однако выговаривал Суворину: «Не доставало бы только, чтобы Вы, добиваясь во что бы то ни стало предания суду, усугубляли с этой целью нападки Вашей газеты на дворянство, вопреки Вашему собственному убеждению. Хорошо, нечего сказать, понимают русские люди исполнение своего долга пред Отечеством, и это ли не проявление той умственной анархии, что терзает, позорит и губит Россию»³.

Идея Земского собора в это время все больше теряла свою актуальность — и, вероятно, с самого начала полемики была анахронизмом. Своего рода анахронизмами были и оба участника спора. При всех различиях своих воззрений, Суворин и Татищев оставались людьми пореформенного времени. Первый продолжал и развивал национально-демократические тенденции позднего славянофильства — и, конечно же, соответствовал им в большей степени, чем признанные «эпигоны» этого направления типа С.Ф. Шарапова. Татищев же рассуждал в духе вышедших еще во времена «диктатуры сердца» знаменитых диалогов «Против течения», в которых *alter ego* М.Н. Каткова Н.А. Любимов, опираясь на опыт Французской революции, предостерегал власть от любых, даже самых осторожных, экспериментов с представительством. И Татищев, и Суворин проявили себя в равной степени и как проникательные критики, и как неисправимые идеалисты: один идеализировал общество, другой — самодержавие. Увидеть же представителей общества, ставших самодержцами, им обоим, к их счастью, уже не довелось.

¹ Новое время. 1905. 29 мая.

² Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 330.

³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4190. Л. 95.

КОСТЫЛЕВ А.В.

**На раннем этапе разработки думского избирательного права:
обсуждение и принятие избирательного законодательства
в законосовещательную Думу (весна — лето 1905 г.)**

КОСТЫЛЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры философии

и социально-гуманитарных дисциплин

Санкт-Петербургского государственного аграрного университета

(Санкт-Петербург, Россия);

e-mail: usala@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена выработке и принятию избирательного законодательства в законосовещательную, «Булыгинскую», как ее называли современники, Думу. Оно явилось основой для всей думской избирательной системы начала XX в. Хотя его обсуждение и происходило практически без привлечения общественности, оно вызвало довольно резкую дискуссию внутри правительственного лагеря. В ходе столкновения сторонников сословной и цензово-куриальной систем выборов победили вторые. Тем не менее, избирательное законодательство нуждалось в дальнейшей корректировке. Ограниченность количества избирателей, куриально-цензовое с элементами сословного представительства устройство выборов, неоговоренность условий протекания предвыборной борьбы — все эти составляющие выборного законодательства никак не могли вызвать сочувствия в широких кругах общественности в условиях начавшейся первой российской революции.

Ключевые слова: российский парламентаризм начала XX в., реформы государственного строя 1905—1906 гг., думское избирательное право, этапы принятия и разработки избирательного законодательства в России, выборы в Государственную думу.

**На раннем этапе разработки думского избирательного права:
обсуждение и принятие избирательного законодательства
в законосовещательную Думу (весна — лето 1905 г.)**

Выборное законодательство в первый российский парламент находилось в тесной связи с регулирующими статус Государственной думы актами и, как и они сами, выражало ту меру уступок, на которую самодержавие было способно пойти перед лицом широкого общественного движения на фоне разгорающейся в стране революции. О вынужден-

ном характере избирательных законов в Думу говорит тот факт, что все они были подготовлены вне того порядка, который в то время считался нормальным законодательным. Российская думская избирательная система сложилась не сразу. Ее разработка прошла несколько этапов, связанных с необходимостью глубокого реформирования государственного строя и, в первую очередь, с изменением функций и полномочий самого органа народного представительства.

Впервые о привлечении «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке законодательных предположений» говорилось в царском рескрипте 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина. И хотя совещание это так и не было созвано в том виде, в каком декларировалось правительством, т.е. с участием общественных деятелей, рескрипт все же заставил бюрократию хотя бы келейно заняться выработкой предварительных планов обещанной реформы.

Булыгин образовал под своим руководством весьма малочисленную комиссию, взявшую на себя разработку главным образом технической стороны дела. Деятельность министра и его сотрудников воплотилась в конечном итоге в официальную записку — «Соображения министра внутренних дел о порядке осуществления высочайших его императорского величества предуказаний, возведенных в рескрипте от 18 февраля». В этом документе и были сформулированы основные положения, на которых бюрократия планировала сформировать законсовещательное представительство. Официальная записка была составлена главным помощником председателя комиссии, главным техническим специалистом в разработке избирательного законодательства, крупным чиновником МВД С.Е. Крыжановским.

Проблема избирательного права занимает в «Соображениях» отнюдь не последнее место. Как подчеркивал их автор, «правильная постановка этого дела (выборов — А.К.) представляется едва ли не самым важным вопросом предстоящего преобразования. От оснований, на коих будут произведены выборы, зависит самый состав избираемых лиц, зависят и те воззрения и та степень понимания дел государственного управления, которую они принесут с собой»¹. В записке предлагалось провести всеобщие выборы при условии имущественного и других личных цензов. Сословная организация представительства отвергалась, несмотря на явное сочувствие членов комиссии этому принципу, в их понимании наиболее полно соответствовавшему национальным традициям. Но хотя за этим принципом стоит «все историческое прошлое России», в современном обществе, как указывалось в «Соображениях», экономический прогресс «уже расшатал, а во мно-

¹ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

гом и уничтожил те сословные подразделения, которые существуют в законе»¹. Булыгин и его помощники опасались, что последовательное соблюдение сословного принципа на выборах в преимущественно аграрной стране может привести к почти исключительно крестьянскому по составу представительному органу. Поэтому сословные выборы неизбежно потребовали бы их искусственной регуляции в пользу дворянства. Кроме того, в «Соображениях» отмечалось, что нельзя не считаться с общественным мнением, которое настроено резко отрицательно к введению сословной организации представительства. Отказ же от всеобщих и равных выборов обосновывался весьма расхожими и типичными для консерваторов аргументами, почерпнутыми одновременно у немецких юристов и отечественных публицистов. В конечном итоге комиссия пришла к выводу, что всеобщее голосование «не может обеспечить избрание в Государственную думу представителей зрелых общественных сил», только собственники «способны противостоять случайным увлечениям», только в них «складывается тот правильный консерватизм, который обеспечивает спокойное и планомерное развитие государства и составляет истинную его силу»².

Из-за отсутствия в России прямого подоходного обложения, предлагалось ввести специальное определение ценза по размерам недвижимости и торгово-промышленного оборота. Копией для устройства выборного процесса должна была послужить куриальная система выборов в земские учреждения. В качестве поправок к земской системе 1864 г. булыгинское совещание планировало, во-первых, для сокращения выборной процедуры в сельской курии использовать волостные сходы, а не выбирать уполномоченных на особых съездах, во-вторых, для «устранения искусственной, преследующей свои особые цели выборной агитации» производить выборы только из числа лиц, имеющих право голоса на данном съезде, и, в-третьих, для обеспечения более широкого представительства в Думе крупных собственников, в составе съездов уездных избирателей выделить особую группу, избирающую своих выборщиков отдельно. Для более полного представительства высших классов рекомендовалось также не отстранять от участия в выборах лиц, состоящих на действительной военной и государственной гражданской службах. Разумеется, правом голоса обладали лишь мужчины. От выборов отстранялись кочевники, жители Великого княжества Финляндского и евреи (до пересмотра ограничительного законодательства)³.

Консервативный политический подтекст этого первого чернового наброска закона 6 августа не вызывает сомнений. Его авторы откро-

¹ Там же. Л. 40.

² Там же. Л. 48.

³ Там же. ЛЛ. 37, 47—50.

венно планировали создать представительство, состоящее почти исключительно из имущих классов, преимущественно дворянства. Проект, несмотря на некоторые претензии, нисколько не учитывал реалий начала XX века: возросшее значение городов, значительную структурную дифференциацию населения и т.п.

26 мая 1905 г. в Совете министров началось обсуждение первоначального булыгинского, а точнее «крыжановского» проекта. Приняв с некоторыми оговорками идею законосовещательной Думы с правами обсуждения государственной росписи доходов и расходов, ограниченного законодательного почина и запросов министрам, Совет в основном одобрил и предложенные в проекте принципы избирательной системы. Некоторые весьма существенные изменения в них все же были внесены. Из опасения, что крестьяне, как априори считалось, верная опора трона, будут слабо представлены в Думе, Совет министров предложил изъять из выборов одну ступень (общее для всех уездное избирательное собрание), предоставив каждой курии в уезде избирать выборщиков напрямую в губернские избирательные собрания¹.

Главный булыгинский «генератор идей» С.Е. Крыжановский впоследствии определил этот шаг как «удар в самое сердце булыгинской системы». Свою правоту он обосновал тем, что именно в едином уездном собрании выборщики от всех курий «должны слиться в одно бытовое целое» и послать в губернию «лиц, представляющих весь уезд в совокупности», т.е. достаточно известных местных деятелей. Поправка же министров приводила к группировке губернских избирательных собраний по классовому признаку, «открывая этим (как оно и оказалось на деле) полный простор агитации, исходившей из действительной или предполагаемой розни классовых интересов»². Таким образом, наиболее вероятным последствием реализации первоначального проекта было бы гораздо более ограниченное представительство крестьян на последней стадии выборов, а, следовательно, и в Думе.

Добиваясь пересмотра поправки в Совете, Булыгин и Крыжановский составили записку, где квалифицировали позицию министров как «возвращение в скрытой форме к сословным выборам». Они доказывали, что «при всей политической надежности крестьянства как сословия (основной тезис официальной доктрины — А.К.) присутствие крестьян в большом количестве в Думе не принесет пользы для дела, а при случае может даже причинить правительству немалые затруднения». Запугивая царя и его министров поглощением крестьянами всех остальных разрядов населения в Думе, Булыгин и его помощник предла-

¹ Материалы по учреждению Государственной думы. 1905 г. [СПб., 1905]. С. 50.

² Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, 1939. С. 42, 46.

гали вернуться к прежнему принципу выборов¹.

Полемика о сословном составе Думы, в частности о крестьянском представительстве, была центральным вопросом на всех стадиях выработки избирательного закона 6 августа. Точку зрения большинства Совета министров можно определить как промежуточную между сословно-патриархальной позицией широкого круга тесно связанной с дворянством бюрократии и особой «антикрестьянской» точкой зрения Булыгина и его сотрудников. Одобрив в целом цензовый принцип, положенный в основу булыгинского проекта, Совет министров внес в него следующие коррективы: 1) размер земли, дающий право голоса на съездах землевладельцев, было предложено исчислить по расписанию земского положения 1890 г.; 2) из списка избирателей исключались владельцы торгово-промышленных заведений по признаку годового оборота; 3) была введена однообразная норма стоимости недвижимого имущества для участников съездов — 15 тыс. рублей. В основу распределения мест между выборщиками различных курий в губернском избирательном собрании легли налоговые платежи². Именно благодаря этому крестьяне впоследствии избирали относительно большинство выборщиков. Совет министров оставил также неизменной предложенную Булыгиным приблизительную норму представительства — 1 выборный на 250 тыс. человек, опасаясь, что ее снижение приведет к чрезмерному расширению депутатского корпуса. При распределении мест между отдельными частями империи, центральным губерниям, ввиду их большой доходности (плюс 1 руб. 10 коп. от средней суммы налогов на человека в год) и государственного значения было дано преимущество. К городам, превышавшим 100 тыс. жителей и имевшим по первоначальному проекту право отдельного представительства, прибавились некоторые чисто русские: Ярославль, Нижний Новгород, Воронеж, Курск, Орел и Самара. Этот шаг явно отражал стремление власти увеличить представительство титульной нации, так как среди «стотысячников» половину составляли города с преимущественно нерусским населением.

В Совете была предпринята попытка некоторого расширения количества избирателей за счет плательщиков квартирного налога. Относительно них в подготовленной по результатам совещания «Мемории» указывалось, что они «внесут с собой в Думу тот технический навык и деловой опыт, который столь нужен будет этому учреждению...»³. Участие квартиросъемщиков было, однако, ограничено таким высоким разрядом налога (10-м), который ставил под сомнение само предполагаемое расширение.

¹ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 62—75.

² Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 46.

³ Там же. С. 41.

Демарш Булыгина с целью сохранения первоначальной системы избирательных съездов успеха не имел. Если верить Крыжановскому, председательствовавший на совещании Д.М. Сольский, правда, был смущен его запиской. Остальные же с полным равнодушием восприняли этот документ. И сам Булыгин, ведший себя на публичных обсуждениях довольно пассивно, как это нередко бывало, на заседании промолчал¹.

Начавшиеся 19 июля в Петергофе совещания под председательством царя были призваны окончательно определить основания планируемой реформы. Император в дополнение к члену Государственного совета А.С. Стишинскому, пригласил участвовать в них таких столпов правых, как А.А. Голенищев-Кутузов, А.А. Бобринский, князь А.А. Ширинский-Шихматов, граф А.П. Игнатьев 2-й. Единственным представителем либеральной общественности на совещаниях был В.О. Ключевский, отнюдь не принимавший участия в оппозиционных выступлениях либералов.

Проблема выборов в Думу занимала на совещаниях значительное место и была одной из самых дискуссионных. Ее обсуждение заняло половину заседания 23-го июля и полностью два последующих дня работы — 25 и 26 июля. Недовольные проектом Булыгина в целом, «зубры», как называли несколько позже современники правых в Государственном совете за ретроградство, направили острые критики на его избирательные статьи. Ратуя за представительство «лучших людей земли», а не за создание парламента по западноевропейскому образцу, правые обрушились прежде всего на объединение различных сословий в одном избирательном собрании. Открывший обсуждение А.С. Стишинский сразу же выступил за обособленное представительство «двух вполне организованных, жизнеспособных, а потому имеющих будущность сословных групп — дворянства и крестьянства»². Выступивший затем А.П. Струков выразил главную идеологию всех правых. Он заявил, что русский народ «привержен историческим началам и не ищет новизны», и для того, чтобы Дума получила «облик, соответствующий народному настроению», выборы не должны быть смешанными. В противном случае они вызовут «ожесточенную борьбу одних классов против других». Превознося достоинства сословных выборов, он отметил и такое их полезное, с его точки зрения, свойство, как отсутствие предвыборной агитации, в которой, по его мнению, отказались бы участвовать «лучшие люди» из дворянства. Отвергая, как и все сословники, сугубо материальный принцип имущественного ценза, Струков предлагал принимать во внимание прежде всего его заслуги перед отече-

¹ Там же. С. 46.

² Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917. С. 79—81.

ством и даже даровать дворянству право прямого представительства в Думе. Его всецело поддержал А.А. Нарышкин, назвавший дворянство не только самым «благонадежным в политическом смысле», но и сословием, способным защитить интересы «всех групп и классов». Только при достаточном в Думе участии дворян она будет «выразительницей мнений и пожеланий всего населения»¹, — подчеркивал консерватор.

Данное выступление как нельзя более откровенно разоблачает истинный замысел правой группировки созвать преимущественно дворянскую Думу. Нередко декларируя тезис о двух опорах престола, большинство сословников на деле не очень-то твердо верило в политическую благонадежность крестьянства. Именно опасениями сословников за слишком левый в политическом отношении состав Думы проникнута их критика тех статей проекта, в которых определялся состав избирателей и условия получения ими избирательных прав. Тот же А.А. Нарышкин резко высказался против попыток С.Ю. Витте поднять вопрос об участии в выборах рабочих и слишком легкомысленного, на его взгляд, отношения министров к проблеме участия в них евреев. По его мнению, евреи — «элемент совершенно неблагонадежный» и потому вредный для будущей деятельности Думы. Уже при постатейном обсуждении проекта опять-таки Нарышкин предложил исключить из состава избирателей лиц, уплачивающих государственный квартирный налог. Его смущало наличие среди квартирнанимателей слишком большого количества «адвокатов и дельцов», якобы могущих внести в выборы элемент коррупции. Благодаря В.Н. Коковцову и Д.Ф. Трепову это предложение было отвергнуто.

Массированное наступление правых на бессословную систему выборов вызвало дружный отпор со стороны участников его обсуждения в Совете министров. Если Сольский как бы успокаивал их своим заявлением о том, что планируемая правительством система «весьма близко подходит к сословной» и вполне достаточно ограждает интересы дворянства, то член Государственного совета и видный юрист Н.С. Таганцев занял на совещании вполне четкую позицию. Сословный принцип он резко отвергал, прежде всего, на том основании, что преимущественно дворянская по составу Дума не будет выразительницей мнений всего населения. Об устарелости сословной дворянской организации говорил на совещании единственный представитель либеральной общественности В.О. Ключевский. По его мнению, народ может истолковать сословный характер выборов как защиту интересов одного дворянства. «Тогда встанет в народном воображении мрачный призрак сословного царя. Да избавит нас Бог от таких последствий»², — подчеркивал историк.

¹ Там же. С. 81—82.

² Там же. С. 87—90, 91—94.

Решающую роль в этом споре сыграло, однако, умение противников сословности учитывать сиюминутные политические интересы государственной власти. Так, В.Н. Коковцов, внесший значительный вклад в защиту представленного совещанию проекта, использовал опыт земской деятельности дворянства как доказательство его отнюдь не верноподданических политических настроений. «Жалованная дворянству грамота не удостоверяет верность его Престолу», — именно эта фраза может служить лейтмотивом выступлений министра финансов на совещании. Боязнь преобладания в Думе дворян «земского типа» при сословных выборах сквозила и в грубых репликах великого князя Владимира Александровича в адрес не в меру увлекшихся апологетов «традиций» А.А. Бобринского и А.А. Нарышкина¹. Неудача с планами введения исключительно сословных выборов не остановила правых. На заседаниях 25 и 26 июля И.Г. Глазов и П.Л. Лобко отстаивали предложение об отдельных выборах для представителей каждой курии уже в общем губернском избирательном собрании. На этот раз сословники рядились в тогу защитников крестьянства и аргументировали свою позицию необходимостью особо обеспечить его интересы. Их поддержал сам царь, назвавший мысль об отдельном крестьянском представительстве «правильной»². «Зубры», ободренные этим, всецело поддержали поправку Глазова-Лобко. Главноуправляющий землеустройством П.Х. Шванебах внес на обсуждение компромиссный вариант: отвергнуть отдельные выборы в губернских избирательных собраниях от каждой курии, но обеспечить предварительное избрание 1 или 2 депутатов Думы от крестьян голосами лишь крестьянских выборщиков. Откорректированное Коковцовым в сторону уменьшения крестьянского представительства, это предложение в результате бурного обсуждения все же получило одобрение³.

Принятие поправки об отдельном крестьянском представительстве было единственным сколько-нибудь заметным успехом правых на совещании. Стоило бы в принципе согласиться с выводом одного из первых исследователей Петергофского совещания о том, что «в результате обсуждения был принят в завуалированной форме сословный принцип выборов»⁴. При этом, однако, не лишним будет заметить, что принятый лишь частично, в отношении крестьян, он, в подобном виде сыграл, как известно, впоследствии с правительством злую шутку.

¹ Там же. С. 96—101, 112—115.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 138—143.

⁴ *Гальперин Г.Б.* К вопросу об истории возникновения Государственной думы // Ученые записки Ленинградского юридического института. 1939. Вып. 1. С. 71.

Петергофское совещание ознаменовало собой завершающий этап в процессе учреждения общероссийского законосовещательного представительства и сопутствующего ему избирательного законодательства. Выработанные в соответствии с решениями совещания «Учреждение Государственной думы» и «Положение о выборах в Государственную думу» вступили в законодательную силу 6 августа 1905 года. Дума 6 августа, получившая в исторической литературе название «булыгинской», так никогда и не была созвана, но ее избирательная система оказалась более жизнеспособной и в основных чертах получила впоследствии применение на практике. Дальнейшая разработка избирательного законодательства была предопределена Манифестом 17 октября.

Общественная реакция на издание августовских актов продемонстрировала необходимость существенной переработки думского законодательства. Закон 6 августа отстранял от выборов как раз наиболее политически активные категории российского общества, тех, кто собственно и вынудил бюрократию и царя встать на путь реформ. Строгое соблюдение сословно-цензового начала лишало избирательных прав большинство уездной интеллигенции, служащей в земстве. Ими обладали в уездах почти исключительно земельные собственники, из которых крупные находились в привилегированном положении. В городах для единственного вида ценза, по которому в списки избирателей могли попасть лица умственного труда, квартирного, был установлен очень высокий (10-й) разряд. По данному цензу не имел права голоса даже крупный фабрикант А.И. Гучков, не говоря уже о широком круге научных работников, журналистов, учителей. По официальным данным, в полуторамиллионном Санкт-Петербурге по августовскому закону насчитывалось 6560 избирателей, в более чем миллионной Москве — 8179¹. Августовский закон оставлял за бортом весь многомиллионный российский рабочий класс. Избирательное право крестьян являлось достаточно формальным. Выбирать уполномоченных на уездный съезд предстояло только членам волостного схода, учреждения, ведавшего чисто административно-хозяйственными нуждами. На практике крестьяне придавали мало значения выборам участников схода, избирали отнюдь не тех, кто пользовался всеобщей симпатией, часто производили выборы по жребию. В законе о переизбрании членов волостного схода специально для выборов в Думу не говорилось ни слова. В таких условиях избранники крестьян вряд ли могли считаться истинными представителями земледельческого сословия. Ничтожность количества избирателей, куриально-сословное устройство выборов, неоговоренность условий протекания предвыборной борьбы — все эти составляющие выборного законодательства никак не могли вызвать сочувствия в широких кругах общественности.

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 38. Л. 389.

КУЗНЕЦОВ А.А.

**Институт и состав выборщиков по избирательному
законодательству в Государственную думу**

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
профессор Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета имени И. Канта
(Калининград, Россия);
e-mail: akuza@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена выборщикам в Государственную думу — важнейшему институту избирательного законодательства. Показаны принципы и источники, положенные в основу распределения выборщиков между избирательными куриями, рассмотрен механизм расписания и изучены основные этапы его трансформации в 1905—1907 гг.

Ключевые слова: Избирательное законодательство, расписание выборщиков, имущественные курии, Государственная дума, правительство.

Институт и состав выборщиков по избирательному законодательству в Государственную думу¹

Важной особенностью избирательного закона в Государственную думу были не прямые, а многоступенчатые выборы. Предпоследним рубежом для всех избирательных курий было избрание т.н. выборщиков (слово это сейчас у всех «на слуху» в связи с известными событиями в США). Сама по себе многоступенчатость выборов вполне допускается даже требовательными ревнителями демократии. Согласно теории выборов она оправдывается стремлением приблизить избирателя к избираемому, потребностью уравновесить и представить разного рода региональные, социальные, конфессиональные и пр. интересы.

История избирательного законодательства в императорскую Государственную думу не обделена вниманием исследователей², однако

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00533.

² См. библиографию по истории Государственной думы: Институт выборов в России (история и современность). Библиографический указатель. Раздел III. Выборы в Государственный совет и Государственную думу Российской империи [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.democracy.ru/library/bibliodict/biblio>.

институт и состав выборщиков до сих пор не получил специальной разработки, что хотя бы отчасти пытается восполнить данная статья.

Многоступенчатый характер думских выборных правил был обусловлен тем, что в их основу были положены начала земского выборного закона 1864 г., имевших аналогичные положения. Считается, что разработчики земских избирательных правил Н.А. Милютин и П.А. Валуев за основу взяли пример австрийского выборного производства в органы местного самоуправления. Русский закон вводил принцип всеобщего представительства и деление избирателей на 3 имущественные курии, вместо 5 (как у австрийского образца): землевладельцев, городских избирателей и выборных от сельских обществ¹. Сам принцип куриального деления обосновывался ее создателями тем, что ни сословный, ни территориальный принципы «не согласны с деятельностью земских учреждений», пространствами и малой численностью населения России². Общее число уездных земских гласных по 34 земским губерниям по свидетельству историка земства Б. Веселовского постоянно росло и к середине 1880-х гг. составляло 13329 человек³.

Распределение числа гласных избираемых в каждом уезде куриальными съездами регламентировалось статьей 33 Земского закона 1 января 1864 г. весьма расплывчато «...принимаются в соображение: число землевладельцев, количество принадлежащих им удобных земель, населенность городов, число и ценность городских недвижимых имуществ, число волостей, количество сельского населения и пространство угодий, состоящих в наделе сельских обществ. На сем основании полагается число гласных в каждом уезде согласно прилагаемой при сем ведомости»⁴.

Фактически выборы проходили по расписанию, составленному под покровом бюрократической тайны и спущенному сверху для исполнения. Точность и объективность этого распределения, судя по тому, что делали чиновники МВД уже в начале XX в. вызывает большие сомнения. Поводом служит постоянный рост числа земских гласных-дворян. По подсчету Б.Б. Веселовского 1860-80-х гг., число уездных

¹ Ярцев А.А. Западные теории государственного и общественного самоуправления и опыт их практической реализации в дореволюционной отечественной мысли // Место западных идей в российском общественном и правовом сознании: сб. науч. ст. Калининград, 2016. С. 73.

² Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1951. С. 234—235; Труды комиссии о губернских и уездных учреждениях. СПб., 1860. Ч. 2. Кн. 2. С. 27—28.

³ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. III. С. 48—49.

⁴ Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных учреждениях от 1 января 1864 года // ПСЗ-2. Т. XXXIX. Ст. 40457.

гласных дворян выросло на треть — до 55,2 %¹, весьма странная тенденция, если вспомнить о т.н. «оскудении дворянства» наблюдавшемся в эту эпоху.

Через полвека все это повторилось при подготовке Избирательного закона в Государственную думу. Начало его разработки положил рескрипт Николая II, адресованный министру внутренних дел А.Г. Булыгину «о привлечении избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений»², изданный 18 февраля 1905 г. Во исполнение царской воли, под руководством министра было учреждено особое Совещание. 16 марта 1905 г., Николай II пожелал, чтобы Совещание занялось составлением законодательного предположения об учреждении будущего народного представительства³.

Во главе работ по думскому законодательству встал помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД, Сергей Ефимович Крыжановский. Согласно его воспоминаниям, чувствуя себя «едва ли не новым Сперанским», «стараясь связаться с традицией» он взял за образец для «простоты и целесообразности» земскую избирательную систему⁴. Им были составлены основные положения будущих выборных правил, однако, «распределения долей участия отдельных разрядов населения в уездных избирательных собраниях составлено не было»⁵.

Законодательные предположения МВД включали: Положение о выборах и Учреждение Государственной думы, а также «Соображения МВД об осуществлении рескрипта 18 февраля 1905 г.». «Соображения» объясняли достоинства разработанного министерством закона о выборах. Аргументируя отказ от сословного начала, его составитель указывал на опасность в этом случае преобладания в Думе крестьян, «не готовых к сознательному законотворчеству». Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы отвергались на том основании, что это понижает уровень развития депутатов, отбирая «умственную посредственность», в то время как стране нужны представители «зрелых общественных сил»⁶.

¹ Веселовский Б.Б. Указ. соч. С. 681.

² Законодательные акты переходного времени. 1904—1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов. СПб., 1909. С. 22.

³ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. [Берлин, 1938]. С. 19, 34—37.

⁵ Там же. С. 39.

⁶ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 37—44.

Для современной ситуации в России по «Соображению» МВД, лучшей гарантией духа «правильного консерватизма» в Государственной думе должен был стать имущественный ценз. Понимая общественное недовольство цензовой системой, Крыжановский как решающий аргумент приводил довод о «неразумности делать опыты с незнакомой системой выборов» и открыто заявлял, что «государственная власть должна иметь ясное представление о вероятном составе, взглядах и настроениях того представительства..., которое призывается к жизни»¹. Докладывая Совету министров лишь общие начала избирательного закона, МВД затребовало и получило в марте — июне 1905 г. от губернаторов подробные сведения о вероятном составе будущих избирателей. Материалы с мест, показали опасность для власти лишиться привычной опоры в лице крупного дворянского землевладения. Сведения по 30 из 51 губернии европейского центра, учитывали 148479 владельцев неполного земельного ценза и 44048 обладателей полного ценза, необходимого для выборов по земскому избирательному закону 1864 г. Дворяне составляли большинство — 45,49 % лишь среди полноцензовиков, но среди мелких землевладельцев их доля снижалась до 15,84 %. Крестьяне в составе землевладельческой курии составляли более одной трети всех избирателей².

С 26 мая по 28 июня 1905 г. в Совете министров под председательством графа Д.М. Сольского состоялось обсуждение проекта МВД. Пагубное, по свидетельству С.Е. Крыжановского, влияние на работу Совещания оказало выступление С.Ю. Витте, высказавшегося за широкое привлечение представителей крестьянства, как «надежного элемента в смысле охранения существующего порядка»³. Смущенные идеей крестьянского цезаризма, члены Совета министров, для гарантии крестьянского представительства, постановили объединить выборщиков всех курий на губернском избирательном собрании. Это, по мнению Крыжановского, стало роковым ударом в самое сердце подготовленных им избирательных правил, предполагавших выдвижение губернских выборщиков на общем для всех курий уездном съезде. Вместо кулуарных уездных выборов представители разных сословий на губернском выборном собрании непременно проявили бы «рознь классовых интересов»⁴. В результате, ключевой вопрос о расписании выборщиков между отдельными куриями, отложенный составителями проекта

¹ Там же. Л. 49.

² РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 135.

³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 422. См. также: Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 40.

⁴ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 42.

до выяснения принципиальной схемы выборов, пришлось решать в последний момент, по свидетельству Крыжановского, «сплеча, путем распределения выборщиков в соответствии с размерами прямых налогов и местных сборов, лежащих на землях и других недвижимых имуществах каждого разряда избирателей». Трое суток считали Крыжановский и его сотрудники В.С. Налбандов и А.А. Буров «на арифмометрах и распределяли выборщиков согласно налогам. Получилась таблица, давшая в результате Первую Думу»¹.

В основу расчетов легли следующие нормы представительства, утвержденные Советом министров. На одного депутата Думы в великорусских губерниях приходилось 250 тысяч, а на окраинах 350 тысяч жителей; на 1 депутата выбиралось 15 губернских выборщиков; число уездных выборщиков было пропорционально численности населения; представительство землевладельческой, крестьянской и городской в уездах определялось пропорционально размеру налогообложения.

Однако логичный и по-своему справедливый порядок определения состава выборщиков с самого начала стал объектом ведомственных манипуляций. В МВД было составлено несколько схем расчета представительства различных курий. Окончательный выбор пал на схему IV, в которой, в нарушение высказанного в Совете министров пожелания, наряду с земским налогообложением учитывался и размер землевладения, что было выгодно помещикам, земли которых были обложены в значительно меньшей степени. Другим способом подтасовки стали произвольно выбранные чиновниками МВД исходные данные для составления расписания выборщиков. Мною проделана частичная сверка данных МВД, с данными по налогообложению и размерам земельной собственности из источников земской статистики и ЦСК. В результате по Новгородской губернии сведения ЦСК показывают, что Крыжановский и Ко недоучли более 800 тыс. дес. крестьянской наделной и купчей земли. Перевод городской собственности производился по нормам земского обложения крестьянской, а не помещичьей земли, что значительно снижало представительство горожан². Составители расписания выборщиков осознано искали такую комбинацию цензов, которая давала бы преимущество землевладельцам. Кроме того, не учитывалась динамика распределения собственности между категориями избирателей, которая в России шла по пути сокращения дворянской собственности в пользу буржуазной.

¹ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 107—127.

² См.: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. XXXVIII: Новгородская губерния. С. 10; РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ. 397—398.

Создатель закона в самом важном деле — распределении выборщиков — открыто преследовал цель приложить «все старания, чтобы исчислить крестьянских выборщиков в возможно скромных цифрах и тем сократить влияние на выборы крестьянского элемента», тем более, что правильность расчетов, по признанию Крыжановского, никто и никогда не проверял¹.

Число выборщиков от различных курий было сведено в таблицы и помещено в качестве Приложения к тексту Положения о выборах. Такой порядок давал законодателям значительную свободу в будущих манипуляциях ключевыми правилами избирательного производства. Тем не менее, изначальный проект состава выборщиков по куриям в главных началах базировался пускай не совсем точных, но объективных данных. Нами были изучены исходные материалы и подготовленные МВД варианты поуездных расчетов по большинству губерний Европейской России. Обнаружились дополнительные факторы, учтенные разработчиками при подготовке расписания: каждая курия в уезде должна быть иметь хотя бы 1 голос и послать одного представителя от губернии в Думу; число выборщиков одного разряда избирателей не могло превышать число двух других, учитывался национальный и конфессиональный состав населения и т.д. Немаловажную роль играло сознательное регулирование представительства ради политических и социальных интересов власти. Весьма серьезно препятствовали «излишнему» крестьянскому представительству, прилагались усилия по ограничению польского и еврейского элемента в Западном крае². В силу названных причин поуездное распределение выборщиков серьезно отклонилось от исходных данных. В 49 губерниях и областях Европейской России, по которым имеются архивные материалы, в 34 случаях (69,4 %) отклонения от исходных параметров превышают допустимую разницу в 1—2 выборщика на губернию, причем в 20 случаях расчетные показатели отличались на 5 и более, превышая в 5 губерниях 10 и более куриальных представителей. Примером могут служить Владимирская, Екатеринославская и Киевская губернии, где число выборщиков от городской курии в первых двух случаях было сокращено на 12, а в третьем увеличено на это же число³.

6 августа 1905 г. были объявлены Учреждение Государственной думы и Положение о выборах. Но работа в МВД над избирательным законом продолжилась составлением выборных расписаний для окра-

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 46.

² Там же.

³ Расчеты сделаны по: РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ. 793, 799, 902; Ф. 1327. Оп. 1. Д. 135а. ЛЛ. 1—85; Д. 135б. ЛЛ. 190—196, 278—309. Д. 135н. ЛЛ. 29—34.

ин империи: Польши, Сибири, Кавказского и Степного края¹. В результате число выборщиков выросло с 5728 до 5826, при следующем распределении голосов между куриями: выборщики от волостей 2530 или 43,42 %, от землевладельцев 1955 или 33,56 %, от городов 1341 или 23,02 %².

Дальнейшим шагом развития избирательного законодательства стала работа Царскосельских совещаний, проходивших 5, 7 и 9 декабря 1905 года. На них по инициативе премьера С.Ю. Витте, но при активном участии Крыжановского, были приняты очередные поправки избирательного законодательства, изданные 11 декабря 1905 г. в форме высочайшего указа Правительствующему Сенату³.

Главным изменением стало появление новой «рабочей» избирательной курии, общим числом — 217 выборщиков-рабочих. Они распределялись пропорционально своей численности между уездами и городами, а в городах с отдельным представительством входили в состав городских выборщиков.

Для определения количества рабочих-выборщиков брались сведения о численности рабочих фабрично-заводской промышленности, что еще более нарушало логику избирательного расчета, основанную имущественном цензе.

Последний этап развития избирательного законодательства связан с изданием Положения о выборах 3 июня 1907 г. Сама идея изменения избирательного закона, без «нарушения по возможности оснований действующей системы» (т.е. путем изменения состава избирателей и выборщиков) была высказана премьер-министром И.Л. Горемыкиным сразу же после начала работы I Государственной думы весной 1906 г. Глава правительства поручил С.Е. Крыжановскому, ставшему к тому времени товарищем министра внутренних дел, подготовить проект. Этот вариант, получил уже в правительстве прозвище «бесстыжий», из-за явно тенденциозного перераспределения цензового представительства. Он сохранял в своей основе булыгински-виттевский закон, главные изменения касались текста приложений. Это ослабляло юридическую основательность обвинений правительства в нарушении Основных законов 23 апреля 1906 г. Кстати, это понимал Николай II, который в своем письме, сопровождавшем акты 3 июня 1907 г., Манифест о роспуске II Государственной думы и Положение о выборах

¹ Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. СПб., 1907. С. 135—139.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 38; Ф. 1327. Оп. 1. Д. 135а-н; Ф. 1544. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 458—485; Положение о выборах в Государственную думу. СПб., 1907. С. 114—123.

³ ПСЗ-3. Т. XXV. Ст. 27029.

подчеркивал, что «утвердил только законы о выборах т.к. приложения никогда не утверждались мною...»¹.

Избирательный закон и расписание выборщиков вновь составлялось наспех, «сломя голову», за «два дня и две ночи» под руководством Крыжановского чиновниками МВД А.К. Черкасом и А.А. Евтифеевым. Подписанный царем в ночь с 6 на 7 июня 1907 г., он был опубликован Сенатом задним числом².

В отличие от расписания выборщиков по избирательным правилам 6 августа и 11 декабря 1905 г., в основу которых был положен имущественный принцип, расчеты расписания Положения о выборах 3 июня носили совершенно произвольный характер, «в соответствии с видами правительственной власти»³. По свидетельству С.Ю. Витте «состряпанный наскоро», «по-курьерски испеченный» новый выборный закон прямо подтасовывал состав уездных выборщиков под выгоды правительства⁴.

Были отброшены нормы соотношения численности населения и величины налогообложения. Пользуясь своей бесконтрольностью, составители расписания цинично извратили саму идею цензового представительства. Прежде всего, произошло радикальное более чем двукратное сокращение численности крестьянской курии. На территории Европейской России по закону 11 декабря 1905 г. избиралось 2530 (42,46 %) крестьянских выборщиков, по закону 3 июня 1907 г. лишь 1147 (22,22 %). Троекратным было падение числа крестьянских и казачьих выборщиков в Донской области, Казанской, Пермской, Самарской, Тамбовской и Уфимской губерниях, абсолютный рекорд сокращения дала Вятская — почти в семь раз с 148 до 23. Механизм сокращения был достаточно прост — во всех уездах крестьяне получали от 1 до 5 выборщиков, без прежней дифференциации, учитывавшей их численность и уплачиваемые подати. Лишь в 6 губерниях из 51 сокращение числа избираемых от крестьян составило менее 10, а в Минской не изменилось вовсе. Такое ослабление крестьянской избирательной курии невозможно объяснить лишь политическими мотивами. Все 5 губерний (Бессарабская, Волынская, Донская обл. Курская и Пермская), где среди крестьянских и казачьих выборщиков во вторую Думу доминировали правые и октябристы, сократили свое представительство по новому избирательному закону в 2—3 раза⁵. Аналогичная норма дейст-

¹ Шванебах П.Х. Записки сановника // Голос минувшего. 1918. № 1—2—3. С. 134.

² Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 111—114.

³ Падение царского режима. М.: Л., 1926. Т. V. С. 426.

⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы и стенографические записи. Рукописные заметки. СПб., 2003. Т. 2. С. 456.

⁵ Таблицы партийного состава выборщиков во Вторую Государственную думу // Вестник народной свободы. 1907. № 6. Приложение.

вовала в отношении землевладельческой курии, хотя ее численность выросла ненамного — всего на одну треть с 1958 до 2644 выборщика. Лишь в немногих: Вятской, Казанской Московской и Олонецкой произошло удвоение числа представителей землевладельцев на губернию. В большинстве прибавка составляла в пределах 30—60 %. В западных губерниях — Волынской, Киевской и Минской, где среди помещиков преобладали поляки, численность землевладельческих голосов в губернском избирательном собрании не изменилась, а в Полтавской даже сократилась на 9. Тем не менее, громадное сокращение голосов крестьян обеспечило абсолютное доминирование землевладельческой курии на губернских избирательных собраниях, получившей абсолютное большинство в 51,23 %.

Наконец, произошло фактическое уменьшение роли городов на думских выборах, за счет резкого сокращения — с 26 до 7 — городов с отдельным представительством. Города, терявшие право избирать депутатов, выбирали теперь не прежних 80 выборщиков, а лишь по 3—4, на губернский избирательный съезд. Трудно говорить о социальных преимуществах для городского нобилитета т.к. он был и без того гарантирован резким имущественным ограничением состава городских избирателей. В результате городская курия, получила 688 (13,33 %) по 1 городскому съезду избирателей и 570 (11,04 %) по 2 городскому съезду. Представительство рабочей курии числом в 112 выборщиков (2,17 %) осталось фактически неизменно малозначительным¹.

Общая оценка трудов чиновников МВД над расписанием выборщиков по Положению 3 июня 1907 г. весьма невысока. Мы видим «бесстыжие» арифметические расчеты, подтасованные под выгодный власти результат. Впрочем, сам автор закона не обольщался на его счет, называя его «послушным и гибким орудием» в руках правительства, он признавал его «искусственной» и временной мерой, т.к. начала положенное в его основу — крупное землевладение — быстро разлагалось и вскоре должно потерять свое значение².

¹ Высочайше утвержденное 3 июня 1907 г. Положение о выборах в Государственную думу. СПб., 1907. С. 136—145.

² Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 116, 120.

МУСАТОВ В.В., СИДОРЕНКО Н.С.

**Политический дискурс в региональном обществе
по вопросу о созыве Государственной думы в России
в начале XX в. (на материале Урала)**

МУСАТОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат физико-математических наук,
начальник научного центра патентов и изобретений
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета
(Челябинск, Россия);
e-mail: c74pi@mail.ru

СИДОРЕНКО НАДЕЖДА СЕМЕНОВНА,
доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории и права
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета
(Челябинск, Россия);
e-mail: sidorenkons@rambler.ru

Аннотация: В статье анализируется содержание политического дискурса в исторической ситуации начала XX в., связанной с созданием в России представительного учреждения. В рамках специфической культурной системы уральского общества выявлены три основных типа политического дискурса в соответствии с политической позицией адресантов — консервативного, либерального и социалистического. Раскрыта специфика набора стратегий и лексем их характеризующих. Отмечена динамика политического дискурса, его реакция на изменение политической ситуации, движение его консервативного и либерального сегментов к поддержке и продвижению правительственного проекта создания Государственной думы в России.

Ключевые слова: политический дискурс, парламентаризм, коммуникативные стратегии, Урал.

**Политический дискурс в региональном обществе
по вопросу о созыве Государственной думы в России
в начале XX в. (на материале Урала)**

Изучение истории создания и деятельности Государственной думы развивается в разных аспектах и на разных теоретико-методологичес-

ких основаниях. В числе новых подходов, открывающих дополнительные возможности, выступает направление так называемой «новой политической истории». В отличие от классической «событийной» истории, оно содержит ряд дополнительных возможностей, ориентируя на изучение не только области материального, но и выявление субъективирующей роли политических институтов общества, на анализ содержания политического дискурса, культуры и языка¹.

Понимая под политическим дискурсом текст, интерпретируемый автором в соответствии с его политической позицией в конкретной исторической ситуации, в настоящей статье предпринята попытка анализа текстов губернских периодических изданий за 1905 г., а также неперiodических изданий (листовок, прокламаций, брошюр различной политической направленности), с целью анализа ситуации общения в региональном измерении в связи с обсуждением вопроса о созыве в России в начале XX в. представительного учреждения.

Региональный подход позволяет расширить историческое поле исследования, углубив наши представления о процессе становления думской практики в России. Выбор региона исследования определяется его ролью в экономической и культурной жизни страны. К концу XIX в. вектор пространственного развития России был направлен на вовлечение в экономику страны мощных ресурсов Урала, преодолению его относительной обособленности. Промышленное развитие края сопровождалось ростом грамотности и культуры населения, переменами в мировоззрении, оживлением общественной и политической активности. Отражением этих процессов явился политический дискурс. Его становление происходило в условиях начавшейся Первой российской революции и было связано с опубликованием рескрипта 18 февраля 1905 г. положившего начало гласному обсуждению вопросов совершенствования политической системы России².

В ходе изучения политических текстов выявлено три основных типа политического дискурса — консервативный, либеральный и социалистический, которые в рамках основной функции — политического влияния в борьбе за власть — по-разному выстраивали стратегию воздействия на адресата.

Уральский консервативный дискурс был направлен на защиту существующей политической системы и принципа преемственности в ее развитии. Стремясь взять инициативу в политической коммуникации, консерваторы активно использовали не только официальную губернскую печать, но и неофициальные отделы епархиальных ведомостей,

¹ *Большакова О.* Новая политическая история: Современная зарубежная историография. Аналитический обзор. М., 2006. (Сер.: История России). С. 11.

² Конституционная реформа в России начала XX века. М., 2015. Т. XIX. С. 126—128.

имевших достаточно широкое распространение среди населения региона. По данным Св. Синода в уральских епархиях в 1905 г. в 70 % общего числа церквей имелись приходские библиотеки¹.

Достижению цели — оказанию влияния в сфере мотивов, установок, потребностей и ценностных ориентаций читателей — служили различные жанры и приемы (репортажи, политические высказывания, стихи, верноподданные телеграммы и др.). В языковой системе, являющейся функциональной единицей коммуникативного процесса, преобладали, согласно классификации О.Н. Паршиной², конструкции, связанные с реализацией стратегий убеждения, защиты и удержания власти. Важное место занимал эмоционально-оценочный компонент, связанный со стереотипным представлением о месте и роли самодержавия в ценностной картине мира. Данный принцип занимал высшую ступень в шкале ценностей и служил основой бинарной позиции противопоставления ему других форм, прежде всего — парламентаризма. Наиболее типичными выступали следующие лексемы — «святой русский царь самодержец», «сила России — Православие, Самодержавие и Русская народность», «Драгоценный бриллиант в венце Русского самодержца», «период «междоцарствия ничего кроме предательства своей страны не принес, а потому народ и решил, что ему без царя не быть...»; «общественное представительство, земский собор или парламент — могут только погубить Россию, а спасти ее может только все тот же русский Самодержавный царь» и др.³

Особые опасения высказывались в отношении того, что вопрос о созыве представительного учреждения поднимается в условиях нарастающей революционной волны. Это расценивалось, как «непростительный шаг», который будет истолкован «общественным мнением» как признание правительства в своей беспомощной слабости, как «уступка «общественному мнению»⁴. Попыткам реформ противопостав-

¹ Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале (1905 — февраль 1917). Челябинск, 2000. С. 50.

² См.: Паршина О.Н. Российская политическая речь. М., 2011. С. 232.

³ Ростовцев К. Драгоценный бриллиант в венце русского самодержца // Уфимские губернские ведомости. 1905. 16 января; Ростовцев К. Святой русский царь самодержец // Там же. 9 февраля; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г. Вятка, 1906. С. 102—104; М.В. Опасное недоразумение // Уфимские губернские ведомости. 1905. 8 февраля; Мацнев С.В. Русские люди... // Там же. 22 февраля; М.В. Нужны ли народные представители // Там же. 28 мая; М.В. Ликвидация русской истории // Там же. 10 июня.

⁴ Истинно русские патриотические голоса из Уфимской губернии // Уфимские губернские ведомости. 1905. 19 января; Политика уступок // Там же. 10 февраля; Обращение председателя уездного съезда С.В. Мацнева // Там же. 22 февраля.

лялась необходимость «следования принципам твердой политики Александра III — успокоение, а потом преобразования». Эту линию отразили публикации о прошедших в январе 1905 г. очередных дворянских собраниях, выразивших, что всегда будут составлять «партию благонадежного консервативного направления»¹.

В качестве основного противника консервативный политический дискурс выделяет, прежде всего, земскую либеральную интеллигенцию. Стратегии дискредитации противника соответствовал критический оценочный компонент, содержащий недоверие земцам на основании их политических взглядов и убеждений, а также их деловых качеств. Примером может служить ряд лексем — «измышления нашей интеллигенции, несозревшей, не мыслящей, но безрассудно увлекающейся подражанием западу»; «земская говорильня»; «возбуждение разных, противных духу и вере и взглядам всего русского народа несбыточных ходатайств»; «если хозяйственные дела землевладельцев и земледельцев идут не самым лучшим образом, есть ли основание по совести думать, что эти земские и городские люди в состоянии вести дело государственное?» и др.²

Стремясь сдержать становившуюся все более широкой практику обсуждения вопросов об усовершенствовании государственного строя, уральские консерваторы поддержали намерение власти к пересмотру закона о печати и усилению контроля над ней³. Опасения правых не были лишены основания. По мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, правительственный указ, дававший одновременно с опубликованием рескрипта 18 февраля 1905 г. значительную свободу собраний для обсуждения вопросов политического преобразования России, отменяя предыдущий и не создав нового законодательства о собраниях, совершенно перевернул все существующие понятия дозволенного и запретного⁴.

¹ Сидоренко Н. С. Дворянская правая и ее роль в консолидации консервативных сил Урала в начале XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 18. № 10 (269). 2012. С. 67.

² Письмо русского человека из Бирска // Уфимские губернские ведомости. 1905. 5 февраля; Сообщники убийц // Там же. 13 февраля; Ложные вести о Земском соборе // Уфимские губернские ведомости. 1905. 16 февраля; Что лучше или что хуже // Уфимские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1905. 20 февраля; Царская воля и наша интеллигенция // Уфимские губернские ведомости. 1905. 5 марта; Куда же мы идем? // Там же. 15 марта.

³ Русский. Информативная статья // Уфимские губернские ведомости. 1905. 18 февраля.

⁴ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 432—433.

Опубликование Манифеста от 6 августа 1905 г. о созыве законосовещательной Думы изменило содержание консервативного политического дискурса. Его активность резко снизилась. Признав необходимость некоторых политических реформ, авторы подчеркивали, что основанием для этого являлись, прежде всего, указанные «с высоты Царского престола... общественные жизненные недочеты» и призыв самого монарха ко всем гражданам Русской земли в необходимости их «уврачевания», в том числе с помощью «доверием народа обложенных выборных людей на совет Царский». В этой связи они нацеливали своих единомышленников «откликнуться на зов Царя не словом, а самым делом... выбрать и послать Ему верных, истинно русских, православных, искренно преданных Вере, Царю и Отечеству людей в Его Государственную думу»¹. Еще более сдержанными по тону стали публикации в связи с опубликованием Манифеста 17 октября 1905 г. о созыве законодательной думы. В то же время, уральская правая печать призывала следовать воле монарха. Одновременно, исходя из установок Русского собрания — ведущей консервативной организации страны — призывала к необходимости политической организации для участия в предстоящих выборах в Думу.

Либеральный политический дискурс на страницах уральской губернской прессы по вопросу созыва представительного учреждения не был столь однороден, как консервативный. Общим в данной среде следует отметить горячее одобрение рескрипта от 18 февраля 1905 г., нашедшее выражение в верноподданнических телеграммах от губернских и уездных земств, органов городского самоуправления. Они выражали надежду на то, что «дарованные» реформы укрепят монархию на основе соглашения между властью и обществом. Так, в адресе Пермского земского собрания говорилось: «Во всей массе русских людей да почерпнете Вы, Государь, силы для Вашей исторической роли, при дружном содействии земских сил страны. С Вами Бог и вся Россия»².

В то же время, сторонники умеренного и левого крыла по-разному определяли основание для такого соглашения. Так, правое его крыло поддержало законодательную основу булыгинской думы, выразив готовность к компромиссу с властью в условиях нараставшего революционного движения. Левое — напротив, усилило оппозиционный тон, выражая неудовлетворенность статусом законосовещательной думы³.

¹ Уфимские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1905. 15 сентября.

² Телеграммы // Уфимские губернские ведомости. 1905. 24 февраля.

³ Сидоренко Н.С. С мечтой о великой России: уральские либералы и консерваторы в Государственной думе России (1906—1917). М., 2006. С. 20—21.

Дискурс уральских левых либералов содержал стратегии убеждения в необходимости бойкота выборов.

Определенные различия выявлены и в отношении Манифеста 17 октября 1905 г. Правое крыло либералов восприняло его как «вполне отвечающего интересам населения». Часть левых либералов, принимая его, в то же время, выразили сомнения в возможности полного и последовательного осуществления «дарованных» реформ в связи с сохранением в стране и крае режима усиленной охраны, действия чрезвычайных законов и других подобных мер¹. Другая часть левых либералов были неудовлетворены им. Они настаивали на необходимости создания «представительства» «на основе всеобщего, равного и тайного голосования». На митингах и в печати они выдвигали требование: «первое заседание Государственной думы должно явиться учредительным собранием для выработки основных законов Российской империи и однопалатной системы представительства»².

Осенью 1905 г. в связи с накалом революционной борьбы и переходом части революционных сил к вооруженной борьбе против самодержавия, в либеральном дискурсе появились стратегия компромисса с властью. Со страниц печатных органов они призывали население края к участию в выборах: «ты сам, через своих представителей, путем мирной работы устраивай с ними (депутатами — Н.С.) свое благополучие». Одновременно либералы усилили критику социалистов, призывавших к срыву выборов и дальнейшей борьбе за республику: «нам республика сейчас не нужна, т.к. к этой форме правления мы еще не готовы»³. Либералы значительно активизировали пропагандистскую деятельность, используя не только печатные средства, но и устную пропаганду⁴.

Социалистический политический дискурс представленный, преимущественно текстами листовок и отдельными статьями нелегальной периодики, отличался категоричностью содержания, основанной на бинарной позиции противопоставления монархии — демократической республике, исключавшей правомерность буржуазной республики и парламентаризм. Наиболее типичной выступала стратегия дискредитации и нападения, неотъемлемым компонентом которых было умышленное формирование негативного образа монархии. Политическую

¹ ОГАЧО. Ф. И-596. Оп. 1. Д. 62. Л. 7; Пермские губернские ведомости. 1905. 28 октября.

² Митинг в Благородном собрании // Пермские губернские ведомости. 1905. 28 октября.

³ Там же.

⁴ Об устройстве народных чтений // Пермские губернские ведомости. 1905. 29 октября; Митинг мещан г.Екатеринбурга // Там же. 12 ноября.

систему России характеризовали лексемы «феодальная», «отсталая», «Долой самодержавие!» В условиях Первой российской революции радикальный сегмент политического дискурса на Урале становился все более широким и носил наступательный характер. В рамках данной политической культуры была отвергнута идея созыва законосовещательной Думы. Булыгинская дума характеризовалась в терминах «наглое издевательство над рабочим классом России», «грубая попытка обмануть русское крестьянство и весь русский народ», «подделка народного правительства», «Долой совещательную Думу! Бойкот Думе! Долой царское правительство!» и др.¹

Издание Манифеста 17 октября 1905 г. о созыве законодательной думы не привело к существенным изменениям в содержании социалистического политического дискурса на Урале. Более того, его масштаб расширился, в его структуре более четко были определены группы адресатов и их особенности, которые учитывались в процессе коммуникации². Он включал как русский, так и татарский тексты, с учетом национальной специфики населения Урала. Исходным тезисом выступало отрицание «буржуазного парламентаризма» и противопоставление ему созыва революционным путем Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Манифест и провозглашенные в нем начала демократизации общества были представлены как очередной «трюк самодержавия». Социалистическая литература содержала призывы к бойкоту выборов в Думу. Для сельского адресата стратегия дискредитации содержала дополнительно тезис о безосновательности надежд крестьянских масс в решении земельного вопроса в данной думе. Средствами формирования стали лексемы — «новый обман», «хватит ли на всех земли?», «... нет — эта Дума не может выразить воли народа; она может представить лишь волю богатых классов...» и др.³

Применительно к данному типу политического дискурса можно говорить о наличии манипулятивной стратегии, которая реализовывалась на основе социального и психологического воздействия на адресата. Социалистическая литература содержала призывы к бойкоту Думы и дальнейшей борьбе, в том числе — вооруженной. Это нашло отражение в ряде лексем — «рано еще предаваться радости, рано служить молебны, рано праздновать победу», «наше дело — окончательно свергнуть царское самодержавие и заменить его демократической республи-

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп.1. Д. 1221. Л. 1; ОГАЧО. Ф. И-596. Оп. 1. Д. 68. Л. 9.

² ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 165. ЛЛ. 117—118.

³ Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. М., 1955. С. 744.

кой», «мы должны организоваться, вооружиться, чтобы взять действительную свободу, ту, которая нам нужна, которую никакие цари и его слуги не смогут у нас уже отнять», «Будьте готовы к кровавому бою за свободу! Свобода или смерть! К оружию, граждане» и др.¹ Тех, кто не разделял подобные идеи, характеризовали, как отступников, «изменников делу народной свободы».

Таким образом, анализ политического дискурса в уральском региональном обществе по вопросу созыва Государственной думы, позволяет проследить определенный культурный разлом, который нашел отражение в многочисленных фактах политических митингов, демонстраций и прямых столкновений сторонников различных политических течений в октябре — декабре 1905 г. В то же время, его содержание не оставалось неизменным. В условиях нарастания революционной волны в уральском политическом дискурсе проявилась тенденция к поиску консенсуса. В полной мере он не был достигнут, но призывы его консервативного и части либерального сегментов к адресантам в поддержку центральной и местной власти способствовали сдерживанию дальнейшего роста радикализма и созданию необходимой политической ситуации для реализации начал парламентаризма.

¹ ПГАНИ. Ф. 160. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

**Могло ли в России появиться министерство,
ответственное перед Думой (1906 г.)**

КУЛИКОВ С.В.

**Николай II, Дмитрий Трепов и идея ответственного
министерства**

КУЛИКОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

отдела новой истории России СПб ИИ РАН,

член НМС при Центре истории парламентаризма

(Санкт-Петербург, Россия);

e-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается один из ключевых эпизодов политической истории России периода I Государственной думы — попытка образования министерства, ответственного перед Думой и состоящего из представителей Конституционно-демократической партии. Вопреки историографической традиции, автор приходит к выводу, что главный сторонник этого, дворцовый комендант генерал Дмитрий Трепов, в данной случае действовал, исходя из своих политических представлений, а не в качестве дилетанта от политики. В статье детально, с привлечением ранее неиспользованных источников (в частности — воспоминаний князя Бориса Васильчикова) и установлением точной хронологии, реконструируется история эксперимента с ответственным министерством на фоне общественно-политического контекста 1905—1906 гг. Неудача попытки образования кадетского министерства, по мнению автора (и здесь он, в известной мере, следует историографической традиции, представленной эмигрантскими работами Василия Маклакова), была предопределена непримиримой позицией лидера кадетов, Павла Милюкова, а не точкой зрения Николая II, не говоря уже о Дмитрие Трепове.

Ключевые слова: ответственное министерство, Императорский двор, Государственная дума, царь, Совет министров.

**Николай II, Дмитрий Трепов
и идея ответственного министерства**

Судьба идеи ответственного министерства в легислатуру I Государственной думы до сих находится в центре внимания исследователей¹, причем обыкновенно они рассматривают эту проблему, принимая во внимание историографическую традицию, основанную лидером Кадетской партии П.Н. Милюковым², заинтересованным участником событий апреля — июля 1906 г. Влияние П.Н. Милюкова сказывается, прежде всего, при трактовке главных героев настоящего доклада — императора Николая II и дворцового коменданта генерала Д.Ф. Трепова: их поведение объясняется случайной реакцией царя и его сотрудника на оппозиционность нижней палаты, а не их собственными, сложившимися ранее, политическими взглядами. И если для Николая II ныне иногда делаются исключения³, то с Д.Ф. Треповым, как будто бы, все ясно: в истории с ответственным министерством он проявил себя как типичный дилетант от политики. Между тем, к 1906 г. генерал имел определенные политические взгляды, которые начали формироваться с 1896 г., когда Д.Ф. Трепов был назначен московским обер-полицмейстером, однако в том же году начальником Московского охранного отделения стал С.В. Зубатов — он и оказался политическим ментором обер-полицмейстера.

Чему же научил начальственного ученика его подчиненный, чью парадоксальную незаурядность однозначно признавали как поклонники, так и противники С.В. Зубатова? «Зубатов, по свидетельству его коллеги П.П. Заварзина, определенно держался того мнения, что самодержавие как олицетворение суверенной национальной власти исторически способствует прогрессу России». «При Иоанне Грозном, — часто говорил С.В. Зубатов, — четвертовали и рвали ноздри, а при Николае II мы на пороге к парламентаризму»⁴. В ходе делового общения Д.Ф. Трепов и С.В. Зубатов дошли не только до «полицейского

¹ См., напр.: *Кара-Мурза В.В.* Реформы и революция. К истории попытки образовать ответственное министерство в I Государственной думе. М., 2011.

² *Милюков П.Н.* Три попытки (Из истории русского лжеконституционализма) // Самодержавие и либералы в революцию 1905—1907 гг. М.; Л., 1925. С. 55—82.

³ *Куликов С.В.* Николай II и парламентаризм (1906—1917) // Таврические чтения 2008. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Сб. науч. ст. СПб., 2009. С. 16—75.

⁴ *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 1. С. 443.

социализма», но и «до взглядов на самодержавие и политическую свободу, занимаясь не столько статикой самодержавия, сколько его динамикой», и «всячески старались сочетать свободу и порядок»¹. Неудивительно, что на посту московского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепов получил известность как деятель, который полагал необходимым, чтобы «реформы шли сверху, а не требовались снизу»². «Будучи в Петербурге, он, — писал о Д.Ф. Трепове С.В. Зубатов, подразумевая государственную деятельность генерала в 1905—1906 гг., — остался верен выработанным принципам и со свойственной ему прямоотой и искренностью проводил их на практике»³. Накануне состоявшегося 11 января 1905 г. назначения Д.Ф. Трепова петербургским генерал-губернатором он заявил Николаю II, что «в данный момент считает необходимым систематическою строгостью восстановить порядок в России, но, одновременно с этим, вводить постепенно и последовательно либеральные мероприятия, клонящиеся к установлению конституционного порядка», причем генерал поинтересовался у монарха, «принял ли он окончательное решение относительно дарования конституции и неуклонного ее проведения», но получил «уклончивый ответ»⁴. Однако определенным ответом Николая II стал сам факт назначения Д.Ф. Трепова генерал-губернатором, а в мае 1905 г. — и товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией.

В 1905—1906 гг. политические взгляды Д.Ф. Трепова соединяли ритуальную преданность исторической власти и реальную приверженность курсу на постепенное проведение либеральных реформ — до конституции включительно. Великий князь Николай Николаевич сообщил рабочему деятелю М.А. Ушакову, что Д.Ф. Трепов — «человек либеральный»⁵, а ближайший сотрудник великого князя, генерал Г.О. Раух, подразумевая Д.Ф. Трепова, подчеркивал: «Его политические убеждения как-то не вяжутся часто с его деятельностью. Словом, в нем было как будто два человека. При действительной готовности на самые крутые меры и на крайний консерватизм, он, вместе с тем, в душе был, можно сказать, либералом и сочувствовал конституции»⁶. О том, что Д.Ф. Трепов «старался в пользу конституции», сообщил

¹ С.В. Зубатов — В.Л. Бурцеву. 18 декабря 1906 г. // *Козьмин Б.П.* Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.; Л., 1928. С. 69.

² *Половцов А.А.* Дневник. 1893—1909. СПб., 2014. С. 347.

³ С.В. Зубатов — В.Л. Бурцеву. 18 декабря 1906 г. // *Козьмин Б.П.* Указ. соч. С. 69.

⁴ *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 37.

⁵ К истории Манифеста 17 октября // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 416.

⁶ *Раух Г.О.* Дневник // Красный архив. 1926. Т. 19. С. 105.

А.С. Суворину и В.И. Ковалевский¹. С другой стороны, начальник Главного управления по делам печати МВД А.В. Бельгард указывал, что «всякое желание или даже мысль государя, которые Трепов угадывал, были для него законом»². Следовательно, двойственные, на первый взгляд, воззрения Д.Ф. Трепова лишь отражали двойственные, консервативно-либеральные, по своей природе, воззрения Николая II.

«Трепов в нашей новейшей истории — воплощение противоречий, — писал В.А. Маклаков. — Либеральная общественность считала его своим главным врагом. Она в нем помнила только знаменитую фразу приказа: “Патронов не жалеть”»³. Действительно, для предотвращения волнений в столице Д.Ф. Трепов издал 14 октября 1905 г. знаменитое «Объявление по С.-Петербургу», которое, в частности, содержало фразу, обращенную к войскам: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Когда накануне начальник Канцелярии Министерства Императорского двора генерал А.А. Мосолов, являвшийся шурином Д.Ф. Трепова, после ознакомления с текстом «Объявления», спросил у него: «Понимаешь ли ты, что после этого тебя будут называть не Треповым, а “генералом патронов не жалеть”?», Д.Ф. Трепов ответил: «Знаю это и знаю, что это будет кличка непочетная, но иначе поступить, по совести, не могу. Войск перестали бояться, и они стали сами киснуть. Завтра же, вероятно, придется стрелять. А до сих пор я крови не проливал. Единственный способ отвратить это несчастье и состоит в этой фразе. Неужели ты думаешь, что я не понимаю всех последствий этих слов для себя лично?»⁴. Г.О. Раух характеризовал упомянутую фразу как слова, «так много прошумевшие и так мало оправданные на деле»⁵, а С.В. Зубатов относил ее «к области канцелярского красноречия»⁶. Следовательно, пресловутая фраза имела исключительно пропагандистское значение. Подразумевая Д.Ф. Трепова, А.А. Мосолов отмечал: «Он оказался прав: толпа побоялась войск после этого энергичного приказа, и ни одного выстрела за этот день дано не было»⁷. Борьбу с революционным движением Д.Ф. Трепов сочетал с активной реформаторской деятельностью. Опровергая легенду о генерале «как о каком-то могущественном, по влиянию, реак-

¹ Суворин А.С. Дневник. М., 2000. С. 448.

² Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 225.

³ Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 256—257.

⁴ Мосолов А.А. Указ. соч. С. 43.

⁵ Раух Г.О. Указ. соч. С. 104.

⁶ С.В. Зубатов — В.Л. Бурцеву. 18 декабря 1906 г. // Козьмин Б.П. Указ. соч. С. 72.

⁷ Мосолов А.А. Указ. соч. С. 43.

ционер» и «изверге реакции», П.Б. Струве подчеркивал: «Ничем подобным он не был... Трепов не был вовсе реакционером по убеждениям. Достаточно сказать, что введение университетской автономии и опубликование Манифеста 17 октября состоялось благодаря влиянию Трепова»¹.

И в самом деле, Д.Ф. Трепов сыграл заметную роль при подготовке Указа 27 августа, восстановившего университетскую автономию, Манифеста 17 октября, предусматривавшего дарование гражданских свобод, расширение избирательного права и превращение законосовещательной Государственной думы в законодательную, наконец, Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. — первой действующей конституции в истории России. В начале ноября 1905 г. Николай II именно через Д.Ф. Трепова, а тот — через сенатора Н.П. Гарина, передал товарищу государственного секретаря П.А. Харитонову повеление о составлении проекта новых Основных законов, причем в ходе своей работы он, вместе с Н.П. Гариным, явно по совету Д.Ф. Трепова, использовал проекты конституции, подготовленные Союзом освобождения и С.А. Муромцевым, будущим председателем I Государственной думы, а также программу кадетской партии, в результате чего в проекте П.А. Харитонova проводились начала парламентарной монархии. Д.Ф. Трепов входил в узкий круг лиц, с которыми Николай II обсуждал проект П.А. Харитонova, отредактированный высшими чинами Государственной канцелярии. «Вечером, — записал император 2 марта 1906 г., — у меня были Трепов, Гейден и Орлов по вопросу об Основных законах. Разговорились до 12 час.»². В апреле 1906 г. Д.Ф. Трепов являлся противником той редакции проекта Основных законов, которая была итогом его последующей переработки в Совете министров, под руководством графа С.Ю. Витте, в духе дуалистической, а не парламентарной монархии.

По просьбе Д.Ф. Трепова В.И. Ковалевский, при участии лидеров кадетской партии (И.В. Гессен, Ф.А. Головин, Н.И. Лазаревский, П.Н. Милюков и С.А. Муромцев), а также М.М. Ковалевского подготовил контрпроект Основных законов и Объяснительную записку к нему. Главная идея кадетского контрпроекта состояла в необходимости изменения дуалистического проекта кабинета в духе парламентаризма, т.е. возвращения к началам, на которых базировался проект П.А. Харитонova. Мотивируя необходимость этого, авторы Объяснительной записки отмечали: «Стоящий превыше изменчивых настрое-

¹ Струве П.Б. Легенды и трагедия. По поводу смерти генерала Трепова // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 38.

² Дневники императора Николая II (1894—1918). М., 2013. Т. 2. Ч. 1. С. 117.

ний и партий и вне преследуемой ими политики, государь должен быть воплощением идеи единства и величия Империи, правды и блага на своей земле. Ошибка временных правителей не должна служить источником недоверия или нерасположения к верховной власти. “Король, — гласит английский закон, — не может делать зла”. Этими словами англичане выражают ту мысль, что за всякую неправду или ошибку отвечают члены правительства, а не король. Такую ответственность министры с председателем Совета министров принимают на себя, скрепляя своими подписями приказы, отдаваемые ими от имени государя». Исходя из этих соображений, составители контрпроекта признавали в статье 8, что «особа государя императора священна, неприкосновенна и неответственна». «Но, — тут же подчеркивали они, недвусмысленно проводя идеал парламентарной монархии, — необходимо было бы в особой статье категорично указать на ответственность министров, а также на то, что все правительственные акты для их законности нуждаются в скрепе подлежащего министра, этим самым принимающего на себя ответственность»¹. Кадетский контрпроект и Объяснительную записку к нему Д.Ф. Трепов, отредактировав их, передал Николаю II 18 апреля 1906 г., причем под влиянием контрпроекта монарх лично восстановил опущенную по инициативе С.Ю. Витте статью проекта П.А. Харитонов о контрассигнации министрами актов, исходящих от императора².

По просьбе Д.Ф. Трепова В.И. Ковалевский, при участии вышеперечисленных лиц, подготовил и проект тронной речи Николая II для церемонии открытия I Государственной думы. В проекте, также отредактированном Д.Ф. Треповым, провозглашались: политическая амнистия, необходимость участия Думы в разработке законов о гражданских правах и свободах, в пересмотре избирательного закона на основе всеобщего избирательного права, в улучшении положения крестьян и рабочих и в изменении Положения об усиленной и чрезвычайной охране, а главное — установление ответственности кабинета перед нижней палатой и расширение ее прав в области финансового законодательства³. Очевидно, что изложенная в проекте тронной речи программа соответствовала политическим взглядам не только его авторов, но и Д.Ф. Трепова. Проект, переданный генералом Николаю II 25 апреля 1906 г., лег в основу составленного им обращения к I Государственной думе, зачитанного царем в Зимнем дворце 27 апреля, в день ее открытия. Накануне Д.Ф. Трепов исходил из того, что с Государ-

¹ Из архива С.Ю. Витте // Красный архив. 1925. Т. 11—12. С. 118.

² Куликов С.В. Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы // Нестор. 2004. № 4. С. 29—64.

³ Из архива С.Ю. Витте. С. 142-143.

ственной думой, получившей, в результате выборов, кадетское большинство, «надо по возможности сговориться и, во всяком случае, избегать всего того, что может усилить ее оппозиционность и повысить общественное возбуждение». Содействуя назначению, вместо С.Ю. Витте, председателем Совета министров И.Л. Горемыкина, генерал расценивал его как «человека, отличительной чертой которого является спокойная рассудительность, с которым, ввиду создавшейся между ними связи, и ему лично легко будет сговариваться и вообще сохранить свое влияние у государя»¹. Однако последующие события не оправдали ожиданий Д.Ф. Трепова в отношении И.Л. Горемыкина, особенно в связи с тем, что 5 мая В.Д. Набоков, озвучивая Адрес Думы царю, заявил: «Государь, только перенесение ответственности перед народом на министерство может укоренить в умах мысль о полной безответственности монарха; только министерство, пользующееся доверием большинства Думы, может крепить доверие к правительству, и лишь при таком доверии возможна спокойная и правильная работа Государственной думы»². В отличие от И.Л. Горемыкина генерал воспринял пожелания нижней палаты весьма внимательно.

Во время состоявшегося 6 мая в Петергофе приема по поводу дня рождения Николая II Д.Ф. Трепов поинтересовался у министра финансов В.Н. Коковцова, как он относится «к идее министерства, ответственного перед Думой и составленного из людей, пользующихся общественным доверием», и насколько он полагает возможным «теперь, после открытия Думы, сохранить министерство, зависящее исключительно от монарха и его воли», а затем прямо спросил собеседника: «Вы полагаете, что ответственное министерство равносильно полному захвату власти и изъятию ее из рук монарха, с претворением его в простую декорацию?»³. Тогда же, отвечая на проповеди С.Ю. Витте «о необходимости разогнать Думу», Д.Ф. Трепов заявил: «Как бы не так, пойду я это советовать государю, такую опасную нелепость»⁴. После того, как Дума выразила кабинету И.Л. Горемыкина, выступившему 13 мая 1906 г. с правительственной декларацией, вотум недоверия, Д.Ф. Трепов оказался во главе той части окружения Николая II, представители которой выступали за соглашение власти с оппо-

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 535.

² Государственная дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 1. С. 60.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 174.

⁴ Киреев А.А. Дневник. 1905—1910. М., 2010. С. 143.

зией путем образования ответственного министерства в виде Совета министров, составленного из депутатов-кадетов. И.И. Петрункевич признавал, что Д.Ф. Трепов «превратился в наиболее ревностного сторонника кадетского министерства»¹. По свидетельству П.Н. Милюкова, генерал и его единомышленники (прежде всего — министр Императорского двора барон В.Б. Фредерикс) «говорили и думали» о необходимости кадетского министерства «очень серьезно»². Соответственно, дворцовый комендант являлся противником роспуска нижней палаты. «Самая мысль о роспуске Государственной думы, — писал о Д.Ф. Трепове начальник Петербургского охранного отделения генерал А.В. Герасимов, — привела его в ужас. Ему казалось, что тогда начнется всеобщее восстание»³. Между тем, большинство Совета министров, по крайней мере — официально, занимало противоположную позицию.

На заседаниях 7 и 8 июня правительство, за исключением трех министров (иностраннных дел — А.П. Извольского, народного просвещения — П.М. фон Кауфмана и финансов — В.Н. Коковцова), выступило за роспуск нижней палаты. Указав на то, что «компромисс с Думой мог бы выразиться: 1) учреждением министерства из партии конституционалистов-демократов или 2) министерства из среды общественных деятелей, приемлемых для Думы», большинство министров полагали: «Ясно, что как первое, так и второе министерство в таком только случае могло бы ужиться с Думой, если бы оно согласилось ей подчиниться и вести ту политику, разрушительную для всякой правительственной власти, которую преследует Дума». Впрочем, о колебании правительства свидетельствовало его согласие с предложением В.Н. Коковцова об обсуждении вопроса о роспуске нижней палаты, «ввиду важности рассматриваемого вопроса», в Особом совещании под председательством императора и «при участии не только членов Совета министров, но и других лиц, монаршим доверием к сему призванных». Аргументы правительства Николая II не убедили, поскольку Особый журнал о необходимости роспуска Думы он держал у себя целый месяц и, поставив на нем знак рассмотрения (%), вернул его уже не И.Л. Горемыкину, а преемнику последнего — П.А. Столыпину, написавшему на журнале: «Рассмотрено Его Величеством в Петергофе»⁴. Несмотря на бескомпромиссность нижней палаты, царь искал соглаше-

¹ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. 1937. Т. 22. С. 230.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 383.

³ Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Т. 2. С. 219.

⁴ Особый журнал Совета министров 7 и 8 июня 1906 г. «О роспуске Государственной думы и о борьбе с антиправительственными выступлениями в печати» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год. М., 2011. С. 28—31.

ния с нею и для достижения этого был готов использовать все возможные средства — вплоть до эксперимента с ответственным министерством. «Желание государя наладить нормальные отношения с Думой, — подчеркивал В.А. Маклаков, — не исчезло ни после Адреса, ни даже после конфликта Думы с правительством. И после государь шел на уступки так далеко, как ожидать было трудно. Переговоры об образовании думского министерства показывают, что он и тогда еще верил в зрелость русской общественности»¹.

Для предотвращения запланированного И.Л. Горемыкиным роспуска Думы Д.Ф. Трепов перешел в наступление, используя свое служебное положение. «Во время поездки царя в Красное Село для присутствия при окончании маневров, — вспоминал А.А. Мосолов, — у Трепова сделался очень серьезный сердечный припадок. Несмотря на это он, лежа в кровати, все же продолжал руководить охраною государя. По приезде же в Петергоф проболел более недели»². Судя по дневникам Николая II, упомянутая поездка произошла 19 июня³. «В это время, — отмечал А.А. Мосолов, — у царя шли совещания о том, какое министерство составить ко времени Первой Думы. Трепов считал, что раз царь подписал Манифест 17 октября, то он должен составить министерство из лиц, принадлежащих к преобладающей партии, т.е. кадетов». «Основная мысль Трепова, — объяснял мотивы его поведения А.А. Мосолов, — была та, что раз император дал известные свободы и их узаконил, всякое с его стороны отступление от них явилось бы опасностью для династии»⁴. А.В. Герасимов также указывал, что Д.Ф. Трепов делал «секретные доклады государю в том смысле, что для блага России и сохранения династии необходимо пойти на уступки и создать думское министерство»⁵. «Секретные доклады» могли иметь место 11 и 24 июня, когда, согласно царским дневникам⁶, Николай II специально принимал Д.Ф. Трепова, который, несомненно, с ведома монарха, в промежуток между указанными датами вел переговоры с лидерами Кадетской партии на предмет образования ответственного министерства. Д.Ф. Трепов предлагал встретиться с ним председателю I Думы С.А. Муромцеву⁷ и, через Генри Ламарка (петербургского корреспондента американской газеты «The Chicago Daily

¹ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 156.

² Мосолов А.А. Указ. соч. С. 46.

³ Дневники императора Николая II. С. 138.

⁴ Мосолов А.А. Указ. соч. С. 46, 47.

⁵ Герасимов А.В. Указ. соч. С. 219.

⁶ Дневники императора Николая II. С. 138.

⁷ Милоков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // С.А. Муромцев. Сб. ст. М., 1911. С. 47.

News»¹⁾, И.И. Петрункевичу²⁾, но они не пошли на встречу, сославшись на партийную дисциплину³⁾, хотя, по сведениям А.А. Мосолова, «у Трепова были встречи с Муромцевым»⁴⁾. Точно известно, что партийной дисциплиной пренебрег П.Н. Милюков.

При посредничестве того же Г. Ламарка Д.Ф. Трепов тайно встретился с П.Н. Милюковым в кабинете ресторана «Кюба», причем о содержании своей беседы с дворцовым комендантом лидер кадетов официально поведал только в феврале 1909 г. Отвечая на вопрос Д.Ф. Трепова об условиях, на которых кадетская партия согласилась бы сформировать новое министерство, П.Н. Милюков выдвинул семь пунктов: всеобщая политическая амнистия, отмена смертной казни, снятие исключительных положений, чистка высшего провинциального чиновничества, реформа Государственного совета, всеобщее избирательное право и принудительное отчуждение частновладельческих земель с вознаграждением помещиков по справедливой оценке. Комментируя программу П.Н. Милюкова, Д.Ф. Трепов заметил, что частичная амнистия возможна, но полная амнистия, распространяющаяся на бомбистов, встретит самое решительное противодействие, очевидно — со стороны царя. Генерал соглашался с необходимостью увольнения одиозных губернаторов и всеобщего избирательного права, но реформу Государственного совета находил излишней, так как, по его словам, эти «старички» пойдут за всяким правительством. Д.Ф. Трепов выразил полное согласие с принципами кадетской аграрной программы, но предпочитал, чтобы они были возведены народу царским манифестом как особая монаршая милость: «Пусть это сделает царь, а не Дума!». Затем собеседники перешли к составлению списка возможных кандидатов в министры, причем генерал находил полезным хотя бы временно сохранить П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел, сославшись на «тяжесть занятий» руководителя МВД и необходимость его частых поездок ко Двору⁵⁾. В эмигрантских мемуарах П.Н. Милюков не упомянул о последнем обстоятельстве, хотя и описал свидание с Д.Ф. Треповым в более драматическом ключе.

«Свидание, — вспоминал П.Н. Милюков, — протекало в очень любезных тонах. Я из нас двоих был гораздо больше настороже. Трепов прямо приступил к теме, предложив мне участвовать в составлении “министерства доверия”... Я сказал ему, что теперь нельзя выбирать лиц; надо выбирать направления. Наша дальнейшая беседа и по-

¹ *Кара-Мурза В.В.* Указ. соч. С. 40.

² *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 230.

³ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 376.

⁴ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С. 47.

⁵ Речь. 1909. 17 февраля.

шла, поэтому, не о “лицах”, а о “программе”»¹. Это место воспоминаний созвучно с выводами П.Н. Милюкова из его статьи «Невозможность коалиционного министерства», опубликованной в газете «Речь» 16 июня 1906 г. «Дело в решительной и бесповоротной перемене всего курса, — писал тогда лидер кадетов, — перемене, всем видимой, для всех понятной, перемене, гарантированной не только надежностью лиц, но и возможностью контролировать их действия. Выбирать здесь лиц, почему-либо более приятных или менее приятных, — нельзя: надо выбирать направление, и предоставить выбранным направлениям предложить людей, для них приемлемых. Если хотят, чтобы общественные деятели вложили в трудное дело управления всю ту силу, которую имеет представленное ими направление, и весь свой нравственный авторитет, накопленный их предыдущей деятельностью, тогда уже нельзя входить в приватные переговоры и выбирать из готовой программы то, что нравится, выбрасывая то, что не подходит»². Сопоставление процитированных выводов и эмигрантских мемуаров П.Н. Милюкова наводит на мысль, что его встреча с Д.Ф. Треповым состоялась 15 июня 1906 г., что подтверждается и последующим изложением этих мемуаров.

«Не помню, — вспоминал П.Н. Милюков далее, — ставил ли Трепов формально вопрос о так называемом “коалиционном” министерстве; но он понял, что приведенные мною соображения его исключают. Он потом и хлопотал именно о министерстве “кадетском”. Наша дальнейшая беседа и пошла поэтому не о “лицах”, а о “программе”. Недолго думая, Трепов вынул из кармана записную книжку и деловым тоном спросил меня, какие условия ставят к[а]д[еты] для вступления в министерство. Он не ограничился при этом простою записью пунктов программы, уже известных ему из “адреса” Государственной думы. По поводу каждого из предъявленных мною пунктов он вдавался в специальные обсуждения... Кажется, пунктов было семь, включая тут и основное условие — образование ответственного министерства из думского большинства. По вопросу о “принудительном отчуждении” нашей аграрной программы, которое так возмущало Горемыкина, Кокцовца и Столыпина, — Трепов, к моему изумлению, сразу ответил полным согласием. Очевидно, этот вопрос им заранее был обдуман и решение составлено. Но — очевидно, тоже обдуманно — он сопроводил свое согласие по существу чрезвычайно характерной оговоркой. Пусть это сделает царь, а не Дума! Пусть крестьяне из рук царя получат свой дополнительный надел — путем царского манифеста... На воп-

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 377.

² Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906. СПб., 1907. С. 491.

росе об амнистии генерал, напротив, споткнулся. “Царь никогда не помилует цареубийц!” <...> Решение его тут было тоже заранее составлено. Но в книжку все же он записал и этот пункт. Всеобщее избирательное право, как и следовало ожидать, никакого сопротивления не встретило... Пересмотр “Основных законов”, новая конституция, созданная учредительной властью Думы, но “с одобрения государя”, отмена Государственного совета — вся эта государственная юриспруденция вовсе не приводила в священный ужас генерала... Все это просто принималось к сведению и записывалось в книжку без возражений. Общее впечатление, произведенное на Трепова нашей беседой, во всяком случае не исключало дальнейших переговоров. Как признак возникшего между нами взаимного доверия, Трепов дал мне, на прощанье, номер своего телефона в Петергофе и предложил сноситься с ним непосредственно. Правда, этой его любезностью мне не понадобилось воспользоваться»¹. Возникает вопрос, а так ли уж сильно добивался П.Н. Милюков получения министерского портфеля, если он так и не воспользовался «любезностью» Д.Ф. Трепова?

По сведениям А.А. Мосолова, у Д.Ф. Трепова были встречи «и с другими выдающимися кадетами», причем генерал жаловался шуруину «на их несговорчивость и непонимание настоящего положения»². Тем не менее, Д.Ф. Трепов представил Николаю II список кадетского министерства, очевидно — согласованный с «выдающимися кадетами», прежде всего — с П.Н. Милюковым. Из списка Д.Ф. Трепова явствовало, что «партия конституционалистов-демократов (кадетов), имеющая в составе Государственной думы наибольшее число членов, добивается образования министерства из своего состава и намечает следующих кандидатов»: председатель Совета министров — П.Н. Милюков, И.И. Петрункевич или С.А. Муромцев, министр финансов — Н.Н. Кутлер, юстиции — В.Д. Набоков, земледелия — И.И. Петрункевич, народного просвещения — А.А. Мануйлов, внутренних дел — П.Н. Милюков, товарищи министра внутренних дел — князь Г.Е. Львов, Н.Н. Щепкин и Ф.Ф. Кокошкин, обер-прокурор Св. Синода — Н.Н. Львов или князь Е.Н. Трубецкой. Относительно поста военного министра Д.Ф. Трепов сообщал, что кадеты «добиваются замены генерала Редигера другим лицом»³. Следовательно, назначение министров Двора, военного, морского, иностранных дел, торговли и промышленности и государственного контролера (шести министров из тринадцати — почти половина) П.Н. Милюков оставлял за императо-

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 377—378.

² Мосолов А.А. Указ. соч. С. 47.

³ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 217.

ром, а потому кадетское министерство, по сути дела, мало отличалось от коалиционного министерства.

О необходимости кадетского министерства Николаю II докладывали и другие сановники. Так, назначенный член группы центра Государственного совета князь Б.А. Васильчиков, которого А.П. Извольский относил к числу своих «старых друзей, приверженных наилучшим либеральным идеям»¹, изложил «одному лицу» собственный взгляд «по вопросу о включении кадетов в состав министерства, и через это лицо и по поводу этого разговора я, — вспоминал Б.А. Васильчиков, — был вскоре вызван в Петергоф к его величеству»². Под 16-м июня Николай II записал: «Принял кн. Васильчикова»³. «В разговоре с государем я, — читаем у Б.А. Васильчикова, — высказал следующий свой взгляд: кадеты, как политическая партия, несомненно, представляют из себя силу, с которой нельзя не считаться, но они являются опасными не столько сами по себе, сколько по своей тесной связи с социалистами и революционерами; задачей минуты является постараться поправить эту связь и тем обезвредить кадетов и в то же время ослабить социалистов. Единственным для этого средством, в моих глазах, было скомпрометировать кадетов властью; если бы удалось вовлечь их в состав министерства, конечно, без их вечных спутников — социалистов, то последние никогда бы этого не простили своим соседям и оппозиция была бы, в значительной мере, ослаблена. Передавая это, я, однако же, далеко не был уверен в успехе подобной попытки, т.к. признавал, что в силу своей особой партийной психологии кадеты более склонны к безответственной политике оппозиции, чем к ответственности, сопряженной с властью». Николай II внимательно выслушал Б.А. Васильчикова, но «никакого своего суждения не высказал»⁴. Очевидно, царь в это время сравнивал достоинства и недостатки кадетского и коалиционного министерств, что показала встреча, состоявшаяся на следующий день.

Депутат от фракции умеренных граф П.А. Гейден, тесно связанный с Б.А. Васильчиковым, посещая В.Б. Фредерикса 17 июня, убеждал барона уговорить императора вызвать в Петергоф С.А. Муромцева и поручить ему формирование нового министерства. Вынеся впечатление, что для Николая II и его окружения неприемлемы всеобщая политическая амнистия и отмена смертной казни, П.А. Гейден согласился с невозможностью широкой амнистии и предположил, что кадеты вряд ли ее потребуют. Очевидно, что и в данном случае, как и при

¹ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 75.

² Васильчиков Б.А. Воспоминания. М.; Псков, 2003. С. 202.

³ Дневники императора Николая II. С. 138.

⁴ Васильчиков Б.А. Указ. соч. С. 202.

беседе П.Н. Милюкова с Д.Ф. Треповым, вопрос о полной амнистии оказался камнем преткновения. Впрочем, В.Б. Фредерикс, записал П.А. Гейден в дневнике, «ни минуты не защищал министерство [И.Л. Горемыкина] и признал, что теперь нужен другой склад мыслей и взглядов, чтоб говорить с Думой. Но все опасался, что кадеты увлекут под гору». П.А. Гейден возразил, что «хуже всего работает в этом направлении министерство и что Горемыкин и Гурко не могут не раздражать». Вечером 17 июня П.А. Гейден узнал, что «будто бы смена Горемыкина решена и хотят сформировать коалиционное министерство кадетов и более правых Думы и Государственного совета». С точки зрения самого П.А. Гейдена, «это был бы самый умный исход»¹. Очевидно, шансы коалиционного министерства увеличивались.

Насколько серьезно Николай II и его окружение относились в это время к решению вопроса об образовании нового кабинета, приемлемого для нижней палаты, видно из эпизода, приводимого в мемуарах военного министра генерала А.Ф. Редигера, который 18 июня получил от императора записку с приказанием выступить на заседании Думы по делу о еврейском погроме в Белостоке «для защиты войск от нападков на них», более того, это приказание царь подтвердил 20 июня, во время всеподданнейшего доклада военного министра. «Я, — вспоминал А.Ф. Редигер, — был далек от всех вопросов внутренней политики, но все же знал, что на роспуск Думы не решаются, и что идет речь о привлечении в состав кабинета умеренных ее членов, чтобы попробовать работать с нею. Я не брался судить о том, насколько это было возможно и желательно, но не желал бы являться и помехой в этой комбинации». На заседании Совета министров 20 июня А.Ф. Редигер сообщил В.Б. Фредериксу, что 22 июня будет выступать в Думе по Белостокскому делу и ожидает от нижней палаты такого скандала, что ему «придется снять мундир». На следующий день, 21 июня, в Красном Селе происходило заседание Совета государственной обороны под председательством великого князя Николая Николаевича, который по окончании заседания, в половине одиннадцатого вечера, сказав А.Ф. Редигеру, что знает (очевидно — от В.Б. Фредерикса) о его предстоящем выступлении в Думе, заявил военному министру: ему «нельзя выступать, так как это может вызвать скандал, могущий повредить комбинации о преобразовании министерства». В ответ на слова генерала, что у него имеется «приказание государя», Николай Николаевич немедленно потребовал свою тройку и помчался в Петергоф к двоюродному племяннику, и уже в половине девятого утра 22 июня камердинер императора телефонирует А.Ф. Редигеру из Петергофа повеле-

¹ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 285—286.

ние Николая II, что военному министру, жившему в Царском Селе, «не надо ехать в город»¹.

Видя, что шансы кадетского министерства уменьшаются, Д.Ф. Трепов пошел ва-банк и перенес вопрос о нем из области частных переговоров в сферу публичной политики, поскольку именно по указанному вопросу дал интервью агентству Рейтер, опубликованному в английских газетах 24 июня и полностью перепечатанному в газете «Новое время» 25 июня. Несомненно, этот пробный шар исходил не только от дворцового коменданта, но и от императора, который в сентябре 1905 г. использовал в качестве мэсиджа, адресованного лидерам либеральной оппозиции, интервью генерала, данное английскому журналисту У.Т. Стэду и опубликованное в «Русских ведомостях»². В интервью Рейтер Д.Ф. Трепов исходил из того, что I Государственная дума едина и радикальна, потому что «все партии объединяются желанием свергнуть старый режим», и только когда их цель будет достигнута, тогда «воцарится в Думе мирное настроение». Однако эта цель недостижима при каком-либо среднем решении, тем более, что кабинет И.Л. Горемыкина не справляется с положением в стране, хотя, с другой стороны, инертности И.Л. Горемыкина генерал противопоставил «смелость» по отношению к нижней палате П.А. Столыпина. «Ни коалиционное министерство, ни министерство, взятое вне Думы, — считал Д.Ф. Трепов, — не дадут стране успокоения». Новое министерство должно быть образовано из кадетов, поскольку «они — сильнейшая партия в Думе». Пребывая вне власти, кадетская партия «дает свободу действий» трудовикам, чтобы «напугать правительство близостью революционной опасности», но «когда центр будет призван к власти», то «союз думского центра и трудовиков будет разорван». Рассматривая революцию как результат искусственно вызванного возбуждения общественного мнения («главная сила революции заключается в том, что она располагает теперь почти всею прессою»), Д.Ф. Трепов продолжал «безусловно отвергать принцип экспроприации» и, как бы возобновляя полемику с П.Н. Милюковым, находил «невозможным говорить» о всеобщей политической амнистии. «Конечно, — соглашался Д.Ф. Трепов, — кадетское министерство сопряжено с большим риском, но страна находится в таком положении, что следует пойти на этот риск. Если даже это средство не поможет, придется — и только тогда — обратиться

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 54—55.

² Куликов С.В. К истории создания законодательной Государственной думы. Николая II, У.Т. Стэд и Манифест 17 октября 1905 г. // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. СПб., 2013. Ч. 1. С. 52—60.

ся к крайним средствам»¹. Естественно, что под «крайними средствами» генерал подразумевал роспуск Думы, и ничего более.

В конце июня — начале июля 1906 г. Д.Ф. Трепов и его сторонники, подчеркивал А.А. Мосолов, «желали довести законным путем конституционный опыт до конца. Они надеялись, что однородное министерство, опирающееся на благоразумный элемент новой Думы, получило бы достаточный авторитет для изменения избирательного закона конституционным порядком». Д.Ф. Трепов полагал, что, по сравнению с образованием кадетского министерства, «еще опаснее было бы пошатнуть престиж верховной власти, игнорируя только что данную конституцию»². И если идея ответственного министерства воплощения не получила, то по вине не Д.Ф. Трепова, а П.Н. Милюкова. Уже после роспуска Думы В.Н. Коковцов рассказал 10 июля А.А. Половцову, что «вследствие влиятельных настояний генерала Трепова государь решил образовать кабинет из конституционно-демократической думской партии. Окончательные об этом переговоры, — записал в своем дневнике А.А. Половцов, — велись с профессором Милюковым, который пожелал привлечь в состав министерства и поляков, во главе коих стоял граф Иосиф Потоцкий. Совещание по сему предмету последовало в одном из смежных с Думой ресторанов. На поставленный Милюкову вопрос о том, какая была бы его программа, он отвечал: “Наша программа Вам известна: амнистия, отмена смертной казни, равноправие”. — “А аграрный вопрос?” — спросил Потоцкий. “Это для нас вопрос политический, а не социальный”, — отвечал Милюков. “Какими средствами, — спросил Потоцкий, — Вы будете достигать своих целей? Ведь, вероятно, Вы начали бы с того, что уволили бы всех нынешних генерал-губернаторов, губернаторов, жандармов, полицмейстеров, военачальников?”. — “Конечно, — отвечал Милюков, — но ведь можно будет набрать других”. “Но в таком случае это будут исполнители новых насильственных мероприятий, а не защитники свободы”. — “Да, но уж хотя бы и один день, да мой день!”». «Последние слова», закончил свой рассказ В.Н. Коковцов, «были доведены до сведения его императорского величества, что и спасло Россию от горестного нового эксперимента»³. Судя по всему, медвежью услугу лидеру кадетов оказал не кто иной, как сам В.Н. Коковцов, который мог узнать о содержании беседы П.Н. Милюкова с графом И.А. Потоцким непосредственно от него, поскольку общался с графом в начале июля 1906 г.⁴ Во всяком случае, первичной причиной краха кадетского министерства стала, все же, непримиримость П.Н. Милюкова и, в

¹ Новое время. 1906. 25 июня.

² Мосолов А.А. Указ. соч. С. 183.

³ Половцов А.А. Дневник. 1893—1909. СПб., 2014. С. 535.

⁴ Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 184.

целом, кадетской партии, поскольку даже по вопросу об амнистии они так и не пошли на разумные, а потому — неизбежные, уступки, что признавал и П.Н. Миллюков, который писал в 1921 г.: «конечно, к[а]-д[еты] не могли бы отказать в амнистии террористам (это был основной пункт расхождения, даже более серьезный, чем аграрная реформа)»¹.

После роспуска Думы Д.Ф. Трепов заявил А.В. Герасимову в резком тоне: «Посмотрим, как вы с вашим Столыпиным справитесь, когда вся Россия загорится из-за вашей опрометчивости»². Хотя прогнозы дворцового коменданта оправдались не в полной мере, он по-прежнему пользовался благоволением со стороны Николая II, между тем, современники полагали, что из-за несостоявшегося эксперимента с ответственным министерством генерал, якобы, попал в опалу. В действительности Д.Ф. Трепов собирался уходить в отставку, но не по причине политических разногласий с императором, а вследствие резкого ухудшения состояния здоровья. «Дмитрий Федорович, — писал Е.П. Медников С.В. Зубатову 26 августа 1906 г., — уходит, он страдает в сильнейших размерах астмой, а вернее жабой»³. В письме от 3 сентября Е.П. Медников сообщал, что Д.Ф. Трепов «от грудной жабы задыхался и только говорить мог при открытом окне, сидя на подоконнике»⁴. Болезнь, а не опала, стала причиной того, что Николай II не взял дворцового коменданта в свое плавание по финляндским шхерам, во время которого Д.Ф. Трепов скончался от сердечного приступа. «Узнал о скоропостижной смерти Д.Ф. Трепова, — записал император 2 сентября. — Тяжелая потеря вернейшего человека»⁵. «Здесь, — писал царь матери 27 сентября уже из Петергофа, — я теперь замечаю отсутствие моего доброго и верного Трепова»⁶. По личному указанию Николая II Д.Ф. Трепов удостоился невиданной чести — он был похоронен под сенью западного входа придворного Петропавловского собора в Петергофе.

¹ Миллюков П.Н. Три попытки. С. 69.

² Герасимов А.В. Указ. соч. С. 224.

³ Е.П. Медников — С.В. Зубатову. 26 августа 1906 г. // Козьмин Б.П. Указ. соч. С. 122.

⁴ Е.П. Медников — С.В. Зубатову. 3 сентября 1906 г. // Там же. С. 125.

⁵ Дневники императора Николая II. С. 152.

⁶ Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 202.

СОЛОВЬЕВ К.А.

Кадеты и ответственное перед Думой правительство. 1906 год

СОЛОВЬЕВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ,

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН
(Москва, Россия);
e-mail: kirillsol22@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена перспективам формирования ответственного перед Думой правительства в мае — июле 1906 г. По мнению автора, в историографии преувеличивается вероятность создания кадетского кабинета в период работы I Думы. Это, прежде всего, объясняется спецификой источниковой базы. Источники личного происхождения и даже делопроизводственные материалы воспроизводят эмоциональный настрой того времени. В обществе господствовало представление, согласно которому Россия весной 1906 г. переживала начало подлинной революции, которая должна была завершиться сменой власти. В действительности для формирования кадетского кабинета было мало оснований. Среди высокопоставленных чиновников не было солидарности на этот счет. Кадеты не обладали большинством в Думе и во многих случаях зависели от трудовиков. В самой их фракции не было единства. Они не могли предложить очевидных кандидатов на должности министров. Наконец, кадеты не были склонны к уступкам и компромиссу с действующей властью, уверенные в своей скорой неминуемой победе.

Ключевые слова: Государственная дума, ответственное правительство, кадеты, бюрократия

Кадеты и ответственное перед Думой правительство. 1906 год

Историки часто повторяют слова о недопустимости сослагательно-го наклонения. Однако эта, казалось бы, вполне оправданная позиция не может удовлетворить взыскательного читателя, который на своем опыте ежедневно убеждается (может быть, и напрасно), что многое зависит от личного выбора человека. Пускай нередко его решение предопределено склонностями и обстоятельствами. Пускай часто этот выбор мнимый. Пускай человеку обычно лишь кажется, что он что-либо выбирает. И все же это не отменяет того убеждения, видимо присущего каждому, что хотя бы гипотетически в некоторых случаях он мог бы поступить иначе. В любом случае представление о неминуемости прошлого, которое уже состоялось, лишает исследователя ощу-

щения ритма изучаемого им времени. Детерминистские конструкции превращают человека, мечтающего, заблуждающегося, а, главное, не знающего своего будущего, в алгебраическую функцию, подчиняющуюся строгим законам.

Подобный подход тем более не годится при изучении эпох, когда жизнь стремительно менялась и современник не поспевал за этими метаморфозами или, напротив, в своих ожиданиях «обгонял» время. Так было и в России в 1906 г. Тогда многим казалось, что настоящая революция только начинается. События 1905 г. лишь предвещали радикальные преобразования будущего. Ведь в России пока еще не было собственных «Генеральных штатов», «штурм Бастилии» и т. д. Иными словами, русская революция не соответствовала канону, который возводился к событиям во Франции в конце XVIII в. Исходя из этого, можно было сделать вывод, что России предстояли беспокойные и судьбоносные времена¹. Оставалось дожидаться созыва Государственной думы, начало работы которой открыло бы новую эру в истории страны.

Так думали не только депутаты, общественные деятели, но и высокопоставленные чиновники. Это побуждало их к диалогу с думским большинством. Они (например, Д.Ф. Трепов и А.П. Извольский) полагали необходимым договориться и содействовать формированию правительства, ответственного перед народными представителями. Многие депутаты уверились в реалистичности этого проекта и уже делили министерские портфели. Исследователь, погружаясь в атмосферу весны — лета 1906 г., лихорадочного ожидания будущего, сам начинает верить, что тогда оставалось лишь полшага до формирования парламентского кабинета².

Как будто противоречия всему тому, что было уже сказано, отмечу, что эта иллюзия основана на недоразумении. Весеннее возбуждение 1906 г. охватило многих представителей петербургского общества, но далеко не всех.

Правда, в литературе обычно обращают внимание на тех сановников, которые ждали существенных политических подвижек³. И таких

¹ См.: *Соловьев К.А.* Ситуация реформы. Несостоявшаяся революция 1906 г. // От «Кровавого воскресенья» к третьеиюньской монархии. Материалы научно-практической конференции. М., 2015. С. 14—28.

² *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977. С. 107—108; *Кара-Мурза В.В.* Реформы или революция. К истории попытки образовать ответственное министерство в I Государственной думе. М., 2011. С. 38—48.

³ *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 284—288; *Старцев В.И.* Указ соч. С. 68—84; *Кара-Мурза В.В.* Указ. соч. С. 38—48; Россия в 1905—1907 гг.: Энциклопедия. М., 2016. С. 692—695.

было действительно немало. В конце мая 1906 г. депутат Думы, один из основателей «Союза 17 октября» граф П.А. Гейден всячески (и небезуспешно) убеждал своего родственника — начальника канцелярии Императорской главной квартиры А.Ф. Гейдена, что верховной власти следовало поспешить с уступками, дабы предупредить эскалацию политической напряженности¹. 1 июня П.А. Гейден встречался с министром иностранных дел А.П. Извольским. Они согласились, что формирование кадетского правительства — необходимое условие преодоления кризиса². Спустя две недели, 17 июня, Гейден провел переговоры с бароном В.Б. Фредериксом. Министр императорского двора вполне соглашался с идеей сформировать кадетское правительство. Его пугала лишь политическая амнистия, на которой настаивали депутаты с момента созыва Думы³. Более того, 24 июня Фредерикс попросил Гейдена предоставить ему список возможных кандидатов в министры из членов партии кадетов⁴.

Переговорщиков с разных сторон было много. Так, Трепов поддерживал контакты не только с Милюковым (о чем обычно пишут в литературе), но и с председателем Думы С.А. Муромцевым⁵. В конце июня Н.Н. Львов убеждал Извольского, что именно Муромцев — идеальный кандидат на должность председателя Совета министров⁶, а его коллегами по правительству должны стать Д.Н. Шипов, В.Д. Кузьмина-Караваев, П.Н. Милюков и др.⁷ С Муромцевым вел переговоры и член Государственного совета (а в прошлом министр земледелия) А.С. Ермолов, рассчитывавший стать посредником между «высшими сферами» и думской оппозицией⁸.

В переговорах принял участие и П.А. Столыпин. Хорошо известна его беседа с П.Н. Милюковым. А 28 июня он провел консультации с членом Государственного совета Д.Н. Шиповым. Министр внутренних дел предлагал последнему самому занять место председателя правительства. Шипов категорически отказывался, полагая, что кабинет должен быть сформирован из представителей думского большинства. Схожую мысль он отстаивал и во время аудиенции у императора⁹. Иде-

¹ Письма П.А. Гейдена // ГА РФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 103. Л. 24.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 49 об.

⁴ Там же. Л. 57 об.

⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 379.

⁶ Записки А.П. Извольского // АВП РИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 56. ЛЛ. 2—6.

⁷ Там же. ЛЛ. 6—7.

⁸ ГА РФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 103. ЛЛ. 57 об., 58 об.

⁹ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 450—458.

альным кандидатом на должность главы правительства он видел как раз Муромцева¹.

Посредником между чиновничеством и депутатским корпусом выступал князь Г.Е. Львов. В конце мая — в июне он вел переговоры со Столыпиным относительно формирования ответственного перед Думой правительства. По словам министра внутренних дел, царь был вполне готов к такому развитию событий. Львов полагал, что ситуация в корне изменилась лишь к концу июня 1906 г. Тогда, по его сведениям, Николай II прямо заявил Столыпину, что совесть не позволяла ему «отдать народ в руки Милюкова и К°»².

Трепов, Фредерикс, Столыпин и, наконец, Извольский играли деятельную роль в переговорах с депутатами. Мотивы их были разными. Ими двигали страх и убеждения, прагматические и теоретические соображения. Так, Извольский, судя по всему, был сторонником парламентарной монархии. Он был категорически против роспуска Думы, который, по его мнению, имел бы непредсказуемые последствия. Извольский предлагал решать политические проблемы иначе: прежде всего, думать об изменении состава правительства³. При этом следовало иметь в виду, что Дума пользовалась безусловным авторитетом как в России⁴, так и за рубежом⁵.

Историография «назначила» главным переговорщиком со стороны «высших сфер» Д.Ф. Трепова⁶. И действительно многим верилось, что его усилия не будут напрасны, а завершатся радикальной сменой политического режима. Брата Д.Ф. Трепова — А.Ф. Трепова (впоследствии министра путей сообщения и председателя Совета министров) — это как раз и страшило. Он долго (но без всякого видимого успеха) пытался убедить брата в опасности самой затеи. Однако Д.Ф. Трепов лишь повторял одно: «Все пропало и нужно спасать государя и династию от неизбежной катастрофы»⁷.

Впрочем, были более влиятельные на тот момент представители высшей бюрократии, которые выступали против столь решительных шагов навстречу думскому большинству. Немаловажно, что одним из них был председатель Совета министров И.Л. Горемыкин, которого

¹ Там же. С. 460—461.

² Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 37.

³ Записки А.П. Извольского // АВП РИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 49. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 10 об.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ См.: Старцев В.И. Указ. соч. С. 72—84.

⁷ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903—1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 178.

несправедливо представлять недееспособным рамоликом. Его жесткая позиция во многом предопределила роспуск I Думы.

Горемыкин был реалистом, понимавшим расклад сил в обществе и признававшим определенную силу за Государственной думой. 19 апреля 1906 г., т. е. еще до своего назначения председателем Совета министров, он подал императору записку, в которой обрисовал перспективы взаимодействия с депутатским корпусом. При всем своем скептическом отношении к народному представительству, он исключал возможность возвращения России в прежнее, дореформенное состояние. «Мысль об участии народных представителей в законодательной деятельности правительства успела пустить во всех слоях русского народа глубокие корни, недоверие и даже ненависть к чиновничьему строю управления настолько всеобщие и болезненные, что монархической власти угрожала бы серьезная опасность, если бы сделаны были шаги, оправдывающие предположения о том, что с народным представительством намерены покончить или сузить его до пределов призрачности»¹.

Горемыкин полагал наивным рассчитывать на то, что отношения депутатов и правительства сложатся сразу, в период работы Думы первого созыва. Напротив, она должна была в самом скором времени проявить «деловую неспособность». Деятельность депутатов свелась бы к бесконечным прениям, дерзким выходкам в отношении представителей власти или даже провокациям беспорядков среди населения. И все же правительство не должно было спешить с роспуском Думы, — убеждал Горемыкин императора. Это решение могло бы иметь необратимые последствия. «К этой мере придется прибегнуть лишь в том случае, если Дума узурпирует не принадлежащую ей власть и обратится в Учредительное собрание. Таких действий, конечно, допускать нельзя ни под каким предлогом». Однако в такое развитие ситуации Горемыкин не верил. Он считал, что кадеты будут придерживаться осторожной, выжидательной линии поведения. Они прибегнут не к «штурму» власти, а к «подкопу» под правительство². «При таком обороте дела надо дать Думе самой похоронить свой престиж в народном сознании и обнаружить свое бессилие. Такое положение может представить известную опасность, но эта опасность будет меньше той, которую представило бы распускание Думы с ореолом жертвы политической реакции». И все же Горемыкин считал легкомысленным растягивать первую сессию Думы. Ей он отводил шесть недель, после которых депутатов следовало распустить и собрать спустя некоторое время для рассмотрения государственной росписи³.

¹ Записка И.Л. Горемыкина 19 апреля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 520. Л. 22 об.

² Там же. Л. 24.

³ Там же. Л. 25.

Прогноз Горемыкина сбился лишь отчасти. Дума оказалось существенно более радикальной, чем рассчитывал премьер-министр, который, исходя из конъюнктуры, скорректировал свою тактическую линию. Он был категорически против ответственного перед Думой правительства. В условиях, когда многим казался вопрос о его формировании уже решенным, Горемыкин взял на себя инициативу.

1 июля 1906 г. весьма информированное «Новое время»¹ опубликовало состав будущего кадетского правительства². О том, что его создание было уже практически делом времени, говорил бывшему государственному секретарю А.А. Половцову министр финансов В.Н. Коковцов. По его словам, этому развитию событий помешал лишь поразивший царя цинизм П.Н. Милюкова, проявленный в ходе переговоров с Треповым³. 9 июля 1906 г. А.В. Богданович занесла в свой дневник слова члена Государственного совета А.И. Пантелеева. По его сведениям, император был уже готов подписать указ о роспуске Думы, но вскоре передумал и этот вопрос отложил⁴.

В действительности 9 июля манифест о роспуске Думы был уже опубликован. Этому предшествовали два дня бурных обсуждений в Совете министров. 7 июля 1906 г. его заседание было назначено на 20.00. Министры находились в тревожном ожидании. Их председатель Горемыкин был вызван в Царское Село к 17.00. Полагали, что он должен вернуться в 21.00. Он прибыл на заседание в добром расположении духа. Сообщил коллегам, что вопрос о роспуске Думы решен, а сам он освобожден от столь тяготивших его обязанностей председателя Совета министров⁵. В 21.30 на заседание приехал П.А. Столыпин⁶, новый глава правительства. Он поделился с коллегами, что буквально несколько часов назад он выдержал давление со стороны Фредерикса, уверенного, что роспуск Думы будет иметь самые драматические последствия⁷. Впрочем, некоторые в правительстве согла-

¹ Динерштейн Е.А. А.С. Суворин. М., 1998. С. 124.

² Новое министерство // Новое время. 1906. 1 июля.

³ Половцов А.А. Дневник. 1893—1909. СПб., 2014. С. 535.

⁴ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 393.

⁵ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 185.

⁶ В июле 1906 г. П.А. Столыпин объяснял А.И. Гучкову, что роспуск Думы был вынужденной мерой со стороны властей, объяснявшейся не столько низкой работоспособностью этого состава нижней палаты, сколько ее деструктивной деятельностью. По мнению премьер-министра, она вносила брожение в широкие общественные круги и, что было наиболее опасно, в армию. Таким образом, дальнейшая работа Думы угрожала самому правопорядку (Письма А.И. Гучкова // ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 670. Ч. 2. Л. 59).

⁷ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 186.

шались с Фредериксом. А.П. Извольский, П.М. Кауфман, В.Н. Коковцов выступили против роспуска Думы¹. Они же были сторонниками существенного обновления состава правительства. Правда, в данном случае ставился вопрос о приглашении в состав кабинета не депутатов, а бюрократов, более приемлемых для думского большинства².

Ранним утром 8 июля, после продолжительного заседания, министры выходили на улицу, не переставая говорить о случившемся. Более всех волновался Коковцов: «О бирже я не говорю, на бирже будет полный крах. Но что будет в России, что будет в Санкт-Петербурге». Его коллеги подсмеивались над ним, а он презрительно пожимал плечами. Бесконечную уверенность в себе и своих подчиненных демонстрировал морской министр А.А. Бирилев: «Что за вздор. А вот пусть попробуют, приведу из Кронштадта несколько флотских экипажей и всех на штыках разнесем». Бывший на тот момент товарищем министра внутренних дел С.Е. Крыжановский впоследствии вспоминал, что по иронии судьбы именно экипажи, на которые возлагал надежды Бирилев, взбунтовались буквально на следующий день³.

Утаить от столичной общественности принятое решение было сложно. В Петербурге началось передвижение войск, что не могло не обратить внимание депутатов⁴. Горемыкин был настроен весьма решительно. «Нужна только твердость, — рассуждал он. — Народ не тронется, и если революционная чернь пойдет на Петергоф, то уж, конечно, назад не вернется»⁵.

Современники в дневниках и воспоминаниях не забывали об одном историческом анекдоте, который столь часто ими повторялся, что с большой долей уверенности можно усомниться в его анекдотичности. Будто бы вечером 8 июля Горемыкин вернулся домой и приказал ни в коем случае его не будить. Видимо, опытный чиновник хорошо знал, что может случиться. Этой ночью к нему приехал фельдъегерь от государя с особым пакетом, который никто не спешил открывать. Утром Горемыкин проснулся, прочитал за завтраком газеты, где был опубликован долгожданный Манифест о роспуске Думы и лишь затем открыл предназначенный для него конверт, в котором заключалась

¹ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. Ч. I. С. 34—35.

² Там же. С. 36 — 37.

³ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 125.

⁴ *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб., 2009. С. 207—208.

⁵ Речь. 1914. 2 февраля.

просьба императора повременить с разгоном народного представительства¹. Но теперь назад дороги уже не было.

Этот эпизод свидетельствует о том, что неопределенность оставалась вплоть до последних мгновений жизни народного представительства. Страх, охвативший высшую бюрократию, — серьезный козырь в руках у кадетов, который мог перевесить решительность любого из противников ответственного кабинета. Представители думского большинства не смогли воспользоваться своими преимуществами по целой совокупности обстоятельств. Прежде всего, по той причине, что никакого **думского большинства не было**. Кадеты не вполне контролировали Думу. Трудовики по многим вопросам занимали самостоятельную позицию и всячески это подчеркивали. Они опасались кадетской «умеренности» и рассчитывали радикализировать своих «соседей» справа. Расклад сил в представительном учреждении ставил кадетов в зависимость от трудовиков, а не наоборот. Это делало сомнительными перспективы диалога лидеров Партии народной свободы с правительственными чиновниками.

Трудовики, по словам С.А. Муромцева, не таясь, заявляли, что их целью было обратить Думу в недееспособное собрание². Они неожиданно для себя были вознесены на политический олимп и полагали, что в скором времени окажутся еще выше. «Напрасно изволите беспокоиться, — объяснял лидер Трудовой группы А.Ф. Аладьин Милюкову. — Массы... в наших руках. Они пойдут тогда, когда мы это найдем нужным. Левые партии не имеют значения. Влиянием пользуемся мы...»³. Полон оптимизма был и другой лидер трудовиков С.В. Анкин: «Вы спрашиваете, куда мы идем? К революции, должно быть. Если будет кадетское министерство, оно развяжет руки, — страна пойдет во всю. Если будет, как теперь, — к осени разгорится такая какофония, резня, черт знает что. Если разогнать Думу, будет еще хуже. Или с меньшей кровью или с большей. Главное — надо организовать, создавать новые формы, забирать в свои руки жизнь»⁴.

¹ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 286; Богданович А.В. Указ. соч. С. 419; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 571; Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 176; Киреев А.А. Дневник, 1905—1910 гг. М., 2010. С. 167; Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 192; Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 125—126; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 71; Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 399; ПЦР. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 96; Рейн Г.Е. Из пережитого. Берлин, 1938. Т. 2. С. 15.

² Письма П.А. Гейдена // ГА РФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 103. Л. 61 об.

³ Наследие А.В. Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 79.

⁴ Богораз-Тан В.Г. Мужики в Государственной думе. М., 1907. С.64.

Для лидеров трудовиков Дума — это, прежде всего, высокая трибуна, удобная для агитационных целей. Хотя бы по этой причине трудовики в комиссионной работе активного участия не принимали. Для них интерес представляли лишь пленарные заседания¹.

Еще большие перспективы открывались благодаря агитации на местах. В июне 1906 г. Аникин, разъезжая по Саратовской губернии, излагал крестьянам точку зрения фракции². По мнению лидеров трудовиков, революцией следовало управлять: например, организовать на местах земельные комитеты, которые будто бы способствовали решению аграрного вопроса. В действительности же они бы стали агентами влияния Думы, местными революционными правительствами. «Если вы вдумаетесь серьезно, — объяснял Аладьин коллегам-депутатам 26 мая 1906 г., — возможен ли разгон или роспуск Думы на вакант, то может быть вы поймете, что руководит нами, когда мы хотим начать немедленную работу по организации на местах комитетов. Мы хотим, действительно, привести русский народ в то движение, которое остановить невозможно...»³

Кадеты не встречали однозначной поддержки «слева». При этом и сама **фракция не была монолитной**. Во многих местных отделениях партии доминировало ее левое крыло, по своим взглядам мало отличавшееся от трудовиков⁴. Эта позиция была представлена и среди кадетов-депутатов.

Такое положение вещей отчасти обуславливало партийный догматизм, приверженность декларируемым принципам, вокруг которых спланивались кадеты, придерживавшиеся разных, в некоторых случаях диаметрально противоположных взглядов. В силу этой причины подталкиваемый слева, не имея возможности уступать, Милюков в ходе переговоров занимал жесткую, бескомпромиссную позицию, отнюдь не способствовавшую их благоприятному исходу.

Беседуя с Треповым в ресторане «Кюба», Милюков ставил условия в то время, как его контрагент деловито записывал, практически ни в чем не возражая лидеру кадетов. Дворцовый комендант не был против отчуждения частновладельческой земли, всеобщего избирательного права, изменения текста Основных законов, упразднения Государственного совета. Его смущала лишь возможная амнистия политичес-

¹ Письма П.А. Гейдена // ГА РФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 103. Л. 64.

² Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 25.

³ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 683.

⁴ Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 171, 177.

ких преступников. В конце беседы Трепов дал Милюкову номер своего телефона и просил сноситься непосредственно с ним для разрешения всех возникавших вопросов¹.

Возможно, Милюков был действительно воодушевлен подобным ходом переговоров и уверен в их итоговом успехе. Он все меньше сомневался в неоправданности уступок оппонентам и критикам, отрицая саму идею формирования коалиционного кабинета: «Нельзя торговаться с жизнью, приставляя нос Ивана Петровича к губам Ивана Ивановича; надо брать живое, как оно есть, или не брать его вовсе»².

Примечательно, что, занимая столь жесткую позицию, требуя исключительно кадетского кабинета, лидеры партии народной свободы **сомневались в возможности сформировать дееспособное правительство** из однопартийцев. Среди скептиков был и сам Милюков, который не скрывал от собеседников своей невысокой оценки деловых качеств единомышленников. Он полагал, что в I Думе можно назвать лишь двух депутатов, которых можно было пригласить в состав будущего правительства: И.И. Петрункевича и В.Д. Набокова. Из тех же кадетов, кто в Думу не попал, Милюков назвал Н.Н. Кутлера и А.А. Мануйлова³.

Не было в партии единодушия относительно будущего самого Милюкова в кадетском правительстве. Когда в конце июня — начале июля С.А. Муромцев уверился, что его кандидатуру всерьез рассматривают на должность председателя Совета министров, он задумался о перспективах сотрудничества с Милюковым, которое его не слишком радовало. Муромцев пригласил лидера кадетов к себе в кабинет и прямо заявил: «Двум медведям в одной берлоге ужитья трудно»⁴.

Наконец, **тактические установки партии кадетов** не позволяли придавать большое значение переговорам с правительством. В партии народной свободы казалось, что сама логика исторического процесса ведет к радикальному преобразованию власти, которая должна быть перереформирована в соответствии с кадетской программой как единственной реалистичной среди всех прочих партийных проектов.

Кадеты полагали, что на них работает сама история. Рано или поздно (причем, скорее рано) их идеи должны были восторжествовать вне зависимости от исхода переговоров с представителями «старого режима». «Поток жизни» возносил их на вершины власти. Как писал П.Н. Милюков: «Тот, кто хочет управлять жизнью, прежде всего, не

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 377—378.

² Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника, 1905—1906. СПб., 1907. С. 491—492.

³ Письма П.А. Гейдена // ГА РФ. Ф. 887. Оп. 1. Д. 103. Л. 63 об.

⁴ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 460—461.

должен ее бояться и во всяком случае не должен ей ставить преграды, иначе он будет сметен с дороги. Надо верить в то, что жизнь сама сумеет отстоять себя и найдет для своих страстей, для сталкивающихся интересов, для неразрешенных противоречий самый разумный исход, если ей дадут возможность самой искать, размышлять и сравнивать. Вместо этого, всему этому житейскому морю хотят противопоставить преграду, и удивляются, что волны разбивают камни и что каждый день приходится сызнова, без всякой пользы и без надежды на успех, вновь начинать Сизифову работу»¹.

Кадеты не были склонны опасаться социалистов, видя в них утопистов, далеких от понимания реального политического расклада сил². Как писал Л. Шиф в «Вестнике народной свободы»: «Только кадеты и большевики из существующих прогрессивно-демократических партий последовательны в своей тактике — первые в своем реализме, вторые — утопизме; у прочих утопические и реалистические элементы переплетаются между собою, фатально парализуя друг друга...»³

* * *

Ситуация весны — лета 1906 г. как будто бы благоприятствовала формированию ответственного перед Думой правительства, но кадеты оказались не готовы к переговорам с представителями бюрократии. У них не было консолидированной фракции, стабильного большинства в Думе, свободы маневра при обсуждении программных установок будущего кабинета и даже более менее согласованного в партийной среде списка кандидатов на должности министров. Главное же заключается в том, что абсолютно убежденные в своем итоговом успехе они не придавали исключительного значения этим переговорам. Они не поняли, что судьба приоткрыла им «щелочку» во власть, чем можно было в тот момент воспользоваться. Им же в июне 1906 г. казалось, что вскоре все двери будут настезь открыты.

¹ Милюков П.Н. Итоги избирательной кампании // Вестник народной свободы. 1907. № 8. Стб. 517.

² Гессен В.М. Тактика партий в первой Государственной думы // Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. 1. С. 123; Милюков П.Н. Год борьбы. С. 112; Петрункевич И.И. Политическая роль первой Государственной думы // Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. 1. С. 95.

³ Шиф Л. Народно-социалистическая партия // Вестник народной свободы. 1907. № 9. Стб. 590.

ЛУКОЯНОВ И.В.

О докладах С.В. Куликова и К.А. Соловьева

ЛУКОЯНОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела новой истории России СПб ИИ РАН,
член НМС при Центре истории парламентаризма
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: lukoianov@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена переговорам, происходившим в мае-июне 1906 г. вокруг создания нового правительства. В ней предпринята попытка суммировать идеи, высказанные в докладах С.В. Куликова и К.А. Соловьева, с предшествовавшей историографией и показать, что, по мнению большинства авторов, шансы на создание кабинета с участием общественных деятелей в России летом 1906 г. имелись, а на учреждение ответственного министерства — нет.

Ключевые слова: Совет министров, ответственное министерство, революция 1905—1907 гг., Государственная дума.

О докладах С.В. Куликова и К.А. Соловьева

История переговоров, проходивших в мае — июне 1906 г. между некоторыми общественными деятелями и сановниками о возможности создания министерства с участием публичных политиков, является важным событием эпохи 1905—1907 гг. Внимание к их деталям влияет как на оценку границ допустимого для власти, так и представлений лидеров «общества» о своих политических возможностях.

Доклады К.А. Соловьева и С.В. Куликова имеют одну и ту же исходную точку — жесткое противостояние между I Думой и Советом министров, определившееся в мае 1906 г. Ни палата, настроенная революционно, ни правительство И.Л. Горемыкина, отвергшее радикальные рецепты решения наболевших проблем, прежде всего, аграрной, не предполагали сотрудничать друг с другом. Ситуация зашла в тупик, и было ясно, что из него можно выйти либо распустив Думу, изменив избирательный закон и проведя новые выборы в надежде получить более умеренный состав депутатов, либо сменить кабинет, назначив в него более компромиссных людей, но «отнюдь не по образцу парламентского министерства». Был и третий вариант — ждать, пока общество не успокоится само, убедившись в верности правительственного курса, что требовало времени и терпения. Все их министр народ-

ного просвещения П.М. фон Кауфман, поднявший вопрос о дальнейших действиях, считал затруднительными, но второй — путь создания министерства с участием общественных деятелей — менее, чем другие¹. Эти предложения П.М. фон Кауфмана, прозвучавшие на секретных заседаниях Совета министров 1, 7 и 8 июня 1906 г., рассматривались участниками обсуждения не как дальнейшие уступки либералам, а лишь как пути выхода из законодательного ступора. П.М. фон Кауфман считал манифест 17 октября 1905 г. лишним: «Россия вообще ко всем обещанным свободам не готова, масса населения в них вовсе не нуждается, ибо их не понимает и воспользоваться ими не сумеет». Но раз дали — пути назад нет². К единодушному мнению министры не пришли. Большинство во главе с И.Л. Горемыкиным настаивало на досрочном прекращении полномочий Думы. Меньшинство же (В.Н. Коковцов, П.М. фон Кауфман и А.П. Извольский) опасалось, что роспуск палаты «обозначил бы собою явный разрыв правительства с населением», что исключало успокоение страны. Отмечая некоторый раскол в депутатской среде, они предлагали «попытаться найти какую-либо возможность к совместной работе с Думою или по крайней мере к установлению известного общения с более умеренными ее членами», не останавливаясь в случае необходимости перед сменой правительства³. В итоге Николай II разрешил начать переговоры с оппозицией о возможности создать кабинет с участием депутатов.

Однако первые контакты на эту тему стартовали раньше, еще в конце мая 1906 г. Впервые об этом обстоятельно написал Е.Д. Черменский, а затем — В.И. Старцев⁴. Сначала начальник Военно-походной канцелярии А.Ф. Гейден и министр иностранных дел А.П. Извольский вступили в контакт с лидером самой умеренной думской фракции мирного обновления П.А. Гейденом. Речь сразу зашла о необходимости чисто кадетского министерства и о желании либералов, чтобы власть скорее вступила «на откровенно конституционный путь». В понимании П.А. Гейдена «конституционный путь» означал, по-видимому, правительство думского большинства, что подразумевало его ответственность перед

¹ Выступление П.М. фон Кауфмана на секретном заседании Совета министров 1 июня 1906 г. // РГИА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 310. ЛЛ. 2—3.

² Записка П.М. фон Кауфмана Николаю II 3 июня 1906 г. // РГИА. Ф. 954. Оп. 1. Д. 311. ЛЛ. 1 об.—2 об.

³ Особый журнал Совета министров 7 и 8 июня 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. Ч. 1. С. 30—43; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 284—285.

⁴ Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 283—302; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977. С. 66—107.

палатой. Формировать кабинет должен был его глава — председатель Думы С.А. Муромцев¹.

Впрочем, П.А. Гейдена вполне бы устроило создание коалиционного министерства из бюрократов, «кадетов и более правых Думы и Государственного совета»². Выглядевшая заманчивой на бумаге, такая комбинация практически не имела шансов в жизни. Политическое лицо нижней палаты определяло сотрудничество кадетской фракции (150—170 депутатов) с трудовиками (100—110 человек), стоящими левее³. Формирование большинства «направо» (кадеты и более умеренные, чем они, депутаты) не могло дать более 220—230 голосов, что арифметически не составляло половины (из 499 избранных) депутатов. Его расширение упиралось в позицию группы «автономистов» (около 60 голосов), а точнее, доминировавшего в ней польского коло (32—33 депутата), ограничивавшего свою роль отстаиванием в Думе чисто польских интересов, не вмешиваясь в другие дела. В свою очередь, кадеты дорожили союзом с трудовиками (кстати, не таким уж прочным, на что обратил внимание и К.А. Соловьев)⁴, так как именно он обеспечивал работоспособность Думы. Разумеется, лидеры конституционных демократов это понимали, что объясняет осторожное поведение П.Н. Милюкова и соблюдение им максимальной конфиденциальности во время переговоров о кадетском правительстве.

Е.Д. Черменский и В.И. Старцев рассматривали вопрос о замене правительства не только через призму переговоров отдельных сановников с лидерами «общественности», но и учитывал давление на самодержавие справа⁵. Поддержка придавала Николаю II уверенности, постепенно настроение во власти менялось. За месяц (с конца мая до конца июня 1906 г.) первоначальная готовность составить правительство из общественных деятелей сменилась на другую комбинацию: в кабинет можно ввести умеренных политических деятелей (разумеется, без всякой ответственности перед Думой), а палату придется распустить в любом случае из-за ее несомненной революционности. Прежней

¹ Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 283, 285.

² Там же. С. 286.

³ Уверенность П.Н. Милюкова в том, что кадеты могут опираться в Думе на 240 депутатов (Старцев В.И. Указ. соч. С. 78) выглядела явной бравадой.

⁴ Соловьев К.А. Кадеты и ответственное перед Думой правительство. 1906 год // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Межд. научн. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 8—9 декабря 2016. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 135.

⁵ Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 288—290; Старцев В.И. Указ. соч. С. 87—89.

позиции продолжали придерживаться лишь Д.Ф. Трепов (кадетское министерство, о них речь впереди), А.С. Ермолов и отчасти — А.П. Извольский (коалиционный кабинет во главе с С.А. Муромцевым, однако его создание он не увязывал с поддержкой в Думе)¹. Встреча министра иностранных дел с монархом 25 июня 1906 г. также показала, что управлять переговорами с общественными деятелями Николай II намерен сам. Именно от него исходило поручение привлечь к ним П.А. Столыпина — сторонника введения в правительство общественных деятелей исключительно для того, чтобы они разделили ответственность за досрочный роспуск Думы. От первоначальных разговоров о кадетском министерстве эту позицию отделяла уже пропасть: речь шла не о дальнейших уступках либералам, а об использовании их для укрепления авторитета правительства и подавлении массового движения. П.А. Столыпин, кстати, и А.П. Извольский смотрели на проблему шире: они предполагали привлечь в Совет министров некоторых правых, в частности, Ф.Д. Самарина.

В конце июня 1906 г. казалось, что соглашение с некоторыми общественными деятелями о вхождении в правительство вот-вот будет достигнуто: с подачи П.А. Столыпина Николай II принял 28 июня Д.Н. Шипова как кандидата в премьеры, однако последний зарекомендовал себя категорическим противником роспуска «неработающей» Думы. Разговор стороны истолковали по-разному. Если царь был вполне удовлетворен тем, что расспросив Д.Н. Шипова о позиции кадетов и его мнении, он сам ему ничего не пообещал, то по другую сторону, наоборот, были уверены, что решение об «общественном кабинете» уже принято и его осуществление — вопрос нескольких дней. Обилие встреч, бесед, переговоров (особенно 24—28 июня) вызвали у кадетов иллюзию, что власть готова пойти на принципиальные уступки Думе и что формирование кадетского министерства — дело ближайшего времени². Однако дело обстояло иначе. Вероятно, 30 июня царь заявил Коковцову: «я никогда не имел в виду пускаться в неизвестную для меня даль, которую мне советовали испробовать»³. Когда же вместо этого состоялся роспуск Думы, то для оппозиции это явилось большим сюрпризом. Однако Е.Д. Черменский подчеркнул, что такое решение далось нелегко, до начала июля 1906 г. Николай II колебался, испытывая давление со стороны Д.Ф. Трепова и В.Б. Фредерикса. Думается, что в такой оценке есть некоторое преувеличение. Николай II, верный себе, до последнего момента демонстрировал нерешительность

¹ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 118—120; Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 291—293.

² Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 293—301.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 178.

или неуверенность, но речь могла идти только о деталях: будут ли в правительстве «посторонние» и в какой день сподручнее распустить Думу? По крайней мере, сам же Е.Д. Черменский высказал уверенность в том, что ко времени разговора с Д.Н. Шиповым Николай II уже полностью оставил идею кадетского министерства¹, к чему можно добавить — а была ли она у него вообще?

Доклад К.А. Соловьева развивает идею Е.Д. Черменского о крайне незначительных ресурсах кадетов для формирования своего правительства. Он в частности подчеркнул условность поддержки кадетской партии трудовой группой и расхождения их по целому ряду важных позиций. В добавление к суждениям К.А. Соловьева можно вспомнить книгу М.М. Винавера «Конфликты в Первой Думе», которая уже тогда разрушила миф о единой либеральной оппозиции перед лицом самодержавного правительства. Кроме того, требуя кадетского кабинета, лидеры партии одновременно «сомневались в возможности сформировать дееспособное правительство из однопартийцев»: уж слишком мало среди них было деловых людей. В конечном итоге ее — оппозицию — К.А. Соловьев обвиняет в неудаче: «кадеты оказались не готовы к переговорам с представителями бюрократии», переоценивая перспективы революции². Тем не менее, несмотря на отсутствие шансов создать кадетский кабинет, К.А. Соловьев, так же как и Е.Д. Черменский, признал, что неопределенность в составе будущего кабинета существовала до последних дней июня и даже дальше — «вплоть до последних мгновений жизни народного представительства», впрочем, не уточняя ее характера³. В целом, доклад К.А. Соловьева лежит в русле прежней историографии, отличаясь от нее заостренным вниманием к некоторым обстоятельствам, в частности, к неспособности кадетских лидеров стать государственными деятелями.

В отличие от К.А. Соловьева, С.В. Куликов сконцентрировал внимание исключительно на одном эпизоде — переговорах между Д.Ф. Треповым и П.Н. Милюковым. Они давно известны как по мемуарам самого П.Н. Милюкова, обнародовавшего их факт еще в 1909 г., так и по исследованиям⁴. Речь идет, прежде всего, об их личной встрече в ресторане Кюба в середине июня 1906 г., на которой собеседники обсудили возможность сформировать кадетское правительство и о по-

¹ Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 300.

² Соловьев К.А. Кадеты и ответственное перед Думой правительство. 1906 год // Таврические чтения 2016. Ч. 1. С. 138.

³ Там же. С. 135.

⁴ Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 286—287; Старцев В.И. Указ. соч. С. 71—74.

литической программе такого кабинета хотя бы в самых общих чертах¹. Самого П.Н. Милюкова и вслед за ним исследователей удивила податливость сановника: Д.Ф. Трепов принял почти все условия (а их было 7) кадетского лидера, споткнувшись лишь на политической амнистии, но не возразив против аграрной программы, допускавшей принудительное отчуждение частновладельческих земель (Д.Ф. Трепов полагал оформить ее царским манифестом — прием, использованный им при обсуждении программы С.Ю. Витте в октябре 1905 г.).

Почему дворцовый комендант оказался столь уступчив? Исследователи, как правило, полагают, что его мягкость объясняется испугом, который он испытывал от угрозы усиления массового движения в случае досрочного роспуска Думы. Расхождение сводится лишь к тому, действовал ли Д.Ф. Трепов с согласия Николая II² или по собственной инициативе³.

В отличие от предшественников С.В. Куликов объяснил поведение Д.Ф. Трепова не его испугом перед революцией, а якобы существовавшими с 1890-х гг. у дворцового коменданта либеральными убеждениями, которые вполне отвечали представлениям самого царя, которые автор определил как «двойственные, консервативно-либеральные по своей природе». С.В. Куликов подобрал отдельные свидетельства и фразы современников, которые действительно называли Д.Ф. Трепова либералом (великий князь Николай Николаевич, Г.О. Раух, А.С. Суворин, А.А. Мосолов), не уточняя при этом, в каких контекстах они находятся и вообще что такое либерализм в представлениях как самого Д.Ф. Трепова, так и тех, кто оценивал таким образом его взгляды. При этом он опустил другие, «невыгодные» для своего утверждения мнения.

Так, князь С.Д. Урусов, который с полным основанием может быть отнесен к числу либералов как член партии демократических реформ и депутат I Думы, не рассматривал Д.Ф. Трепова как единомышленника и оценивал личность и действия дворцового коменданта совершенно иначе. В мемуарах он рассказал, как Д.Ф. Трепов преследовал «ли-

¹ Историки долгое время пользовались списком, который привел в своих мемуарах по памяти В.Н. Коковцов (*Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 175; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 287). К сожалению, она была у экс-министра весьма несовершенна: сопоставление с настоящим списком Д.Ф. Трепова, сохранившемся и ныне опубликованном (РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (195/2683). Д. 4. Л. 3; *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 217) показывает, что точного совпадения между ними нет ни по одной позиции.

² *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 71.

³ *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 286.

беральный дух» печати еще в Москве, а затем и в должности петербургского генерал-губернатора. Колебания же честного, по мнению князя, действовавшего «по убеждению и совести», но излишне прямолинейного генерала он объясняет недалекостью и политической некомпетентностью: Д.Ф. Трепову, чтобы убедиться в ошибочности взглядов, необходимо было «испытать ошеломляющий удар “оглоблей по виску”»¹. Низкая оценка политических способностей дворцового коменданта была вообще характерна для современников. Кто-то не церемонился, как, например, генерал А.А. Киреев, и просто называл генерала дураком².

Дворцовый комендант до участия в переговорах с П.Н. Милюковым был известен как сторонник С.Ю. Витте, помогавший осенью 1905 г. ему проводить свою программу. Однако неоднократно цитировалось письмо Николая II Д.Ф. Трепову 16 октября 1905 г.: «Вы единственный из моих слуг, на которого я могу *совершенно* положиться. Благодарю вас от всего сердца за вашу преданность мне, за ревностное служение родине и за редкую честность и прямоту. Меня тронуло ваше вчерашнее письмо, написанное ночью, несмотря на усталость от прожитого дня, такое ясное и последовательное. Оно мне *значительно* облегчило тяжесть окончательного решения вопроса о вступлении на путь самых широких реформ. <...> Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное! Тем не менее, по совести, я предпочитаю даровать *все сразу*, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же»³. Нет оснований полагать, что такой текст «либерал-консерватор» мог адресовать единомышленнику — идейному либералу. Но что это было за упомянутое «письмо» Д.Ф. Трепова? Вероятно, Николай II имел в виду записку генерала, помеченную 16-м же октября⁴. В ней Д.Ф. Трепов призывал царя к сдержанности: «я не думаю, чтобы Вы даровали всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право», поэтому процедуру выборов следовало бы тщательно разработать до обнародования, используя прусскую конституцию. «Либерал» оказался противником неприкосновенности личности и ее свобод (так как они не защищены судом), а еврейское равноправие признал преждевременным. Чтобы правительство С.Ю. Витте не

¹ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 538.

² Киреев А.А. Дневник 1905—1910. М., 2010. С. 151. Запись 23 июня 1906 г.

³ ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. ЛЛ. 6—7.

⁴ Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 232. ЛЛ. 1—4 об.

выглядело слишком самостоятельным, Д.Ф. Трепов предложил царю создать личный кабинет для докладов ему по военным и гражданским вопросам (что, кстати, совершенно выходило за пределы законодательства). По сути, в записке генерал изложил программу того, как минимизировать данные в манифесте 17 октября обещания и не допустить самостоятельного от царя правительства.

Расширение круга источников позволяет говорить о неоднозначности взглядов и поступков дворцового коменданта, которые не сводятся к приверженности его одной политической доктрине. Также очевидно, что его слова и действия часто расходились. По-видимому, объяснить поведение Д.Ф. Трепова в 1905—1906 гг. возможно, если принять во внимание те приемы, которые он использовал в своей деятельности. Так, «заметная роль» генерала при подготовке указа 27 августа 1905 г., восстановившем автономию университетов, была объяснена в салоне Богдановичей В.В. Назаревским, председателем московского цензурного комитета, который «вспоминал, как он был у Трепова после заседания Совета министров, когда Трепов вопреки министру народного просвещения провел автономию университетов. Трепов хвалился Назаревскому, что ему удалось ее провести. Назаревский возражал ему, говоря, что это гибельная мера, а Трепов был уверен, что автономия продержится два месяца, что в университетах будут свалки и снова отнимут автономию»¹. Не о подобном ли исходе думал дворцовый комендант, ведя переговоры о кадетском министерстве? Показательна в этом отношении антивиттевская всеподданнейшая записка Д.Ф. Трепова 17 ноября 1905 г., в которой он констатировал, что манифест 17 октября не только не остановил беспорядки, но и усилил смуту в России². Зловеще звучало утверждение автора о начавшемся брожении среди солдат и моряков — ведь в записке 16 октября он уверял царя, что войска ему преданы³. Был ли это намек на то, что данные в манифесте обещания придется брать назад? Прием Д.Ф. Трепова раскусил А.П. Извольский, который представил план генерала так: «Он рассчитывал с большим основанием, что подобный кабинет с первых же шагов должен был войти в конфликт с императором. Если бы только это случилось, он принял бы строгие меры: с помощью войск столицы раздавил бы кадетское правительство и установил бы воен-

¹ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 466—467. Запись 16 ноября 1908 г.; *Куликов С.В.* Николай II, Дмитрий Трепов и идея ответственного министерства // Таврические чтения 2016. Ч. 1. С. 115.

² Всеподданнейшая записка Д.Ф. Трепова от 17 ноября 1905 г. о положении дел в империи за 3 недели после 26 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 24. ЛЛ. 1—20.

³ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 232. Л. 3 об.

ную диктатуру»¹. Жаль, что С.В. Куликов совершенно проигнорировал эти свидетельства.

Есть и другие факты, подкрепляющие подозрения А.П. Извольского. Буквально в те же дни, когда генерал вел переговоры с П.Н. Милюковым, ему поступила анонимная записка от 19 июня 1906 г. о необходимых мерах для спасения России. Ее автор предлагал созвать сословно-национальный Земский собор для придания Государственной думе законосовещательного статуса, что, по его мнению, позволило бы создать в нижней палате твердый центр из консервативно настроенных землевладельцев и крестьян для защиты самодержавия. Очередной «спаситель отечества» предложил невозможный сценарий, совершенно игнорировавший расстановку сил в Думе и вообще реалии 1905—1906 гг. Такое сочинение не заслуживало ни малейшего внимания. По мнению же Д.Ф. Трепова, выраженному им в резолюции 22 июня 1906 г., этот наивный текст «представляет выдающийся интерес». Особенно ему понравились «мысли о политико-экономическом значении деревни и по земельному вопросу», которые «заслуживают особого внимания»². «Выдающийся интерес» мог означать лишь созвучное анонимному автору желание генерала «сдать назад», то есть вернуться к политической ситуации до 17 октября 1905 г. и поиск пути того, как это можно сделать. Типичное для военной стратегии, такое решение в гражданской жизни не имело шансов на успех, чего генерал, похоже, не понимал. Такая версия, давно высказанная Е.Д. Черменским³, объясняет поведение дворцового коменданта куда лучше, чем предположение о его идейном либерализме в купе с «консервативно-либеральными» убеждениями Николая II.

К сожалению, и С.В. Куликов, и К.А. Соловьев в своих докладах не остановились на различии кабинета из (или — с участием) общественных деятелей и ответственным правительством. Фразу об «ответственном министерстве» произнес лишь П.Н. Милюков в разговоре с Д.Ф. Треповым. Однако лидер кадетов не настаивал и был готов удовлетвориться кадетско-бюрократическим правительством, назначенным Николаем II. Не случайно он в мемуарах называл его «министерством доверия»⁴. В остальных случаях речь шла, по сути, о том же, но с некоторыми различиями в деталях. Общим являлось то, что сначала предполагался премьер из общественных деятелей, назначенный царем, без права самостоятельно сформировать кабинет. Далее бюрократы и либералы обсуждали преимущественно список должностей и кан-

¹ Извольский А.П. Указ. соч. С. 138.

² Анонимная записка о необходимых мерах для спасения России 19 июня 1906 г. // РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 625. ЛЛ. 506—50н.

³ Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 291.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 377.

дидатов, не касаясь их ответственности. Следует также подчеркнуть разницу в подходах: если для Николая II и его окружения согласие на включение в правительство общественных деятелей означало разделение ответственности за его действия с оппозицией, саму же политику никто согласовывать не обещал, то для оппозиции это представлялось как важная уступка самодержавия, как установление их контроля за деятельностью Совета министров. До идеи «ответственного министерства» отсюда дистанция весьма большого размера, которую Николай II совершенно не стремился сокращать. Конечно, это была иллюзия возможного успеха со стороны оппозиции.

Сильный испуг Д.Ф. Трепова перед новым всплеском революционного движения — не сюрприз. Через него проходил большой поток информации о событиях в России, он как никто другой видел размах революционного движения, о котором непрерывно сообщали с мест. Действительность в этих (кстати, сохранившихся) докладах представлялась как непрерывный процесс антиправительственных выступлений. В таких условиях нельзя не испытывать сильнейший стресс и тревогу как за Россию, так и лично за императора, которому дворцовый комендант был, без сомнения, предан.

В общем, включение представителей умеренной «общественности» в кабинет (на несколько второстепенных постов) было вполне возможно. Позиция Д.Ф. Трепова — лучше кадетское министерство, чем новая волна революции — не разделялась почти никем в правительственных и придворных кругах и объяснялась специфическими взглядами генерала. Ответственное же перед Думой министерство в России в 1906 г., по моему мнению, было совершенно не возможно.

Думские выборы в начале XX века

ИВАНОВ В.А.

Выборы депутатов в I Государственную думу в Калужской губернии: хроника событий

ИВАНОВ ВИТАЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
Института истории и права
Калужского государственного университета
им. К.Э. Циолковского
(Калуга, Россия);
e-mail: madivasv@rambler.ru

Аннотация: В статье на основе сведений официальных документов и материалов местной прессы освещается ход выборов в I Государственную думу в Калужской губернии в марте 1906 г. Автор показывает, как представителям немногочисленного Калужского отдела конституционно-демократической партии, благодаря продуманной тактике и пропаганде аграрной части своей партийной программы среди крестьян, удалось заручиться их поддержкой и провести в Думу двоих (из 5) депутатов.

Ключевые слова: выборы, выборщики, депутаты, конституционно-демократическая партия, губернское избирательное собрание, голосование, крестьяне.

Выборы депутатов в I Государственную думу в Калужской губернии: хроника событий

В 1906 г. в политической жизни России произошло знаковое событие — учреждение представительного законодательного органа — I Государственной думы, положившего начало эпохе парламентаризма в истории российской государственности. Среди почти пятисот депу-

татов от разных губерний, областей и городов Российской империи, принявших участие в работе первой и единственной сессии Думы, открывшейся 27 апреля 1906 г. в Таврическом дворце Петербурга, были и калужские представители. Среди них двое крестьян — Алексей Иванович Сурнов, Константин Власьевич Лагутин и трое выходцев из потомственного дворянства: отставной поручик председатель Калужской губернской земской управы Виктор Петрович Обнинский, отставной капитан, помощник присяжного поверенного, земский гласный Леонид Николаевич Новосильцев (оба являлись членами конституционно-демократической партии) и бывший товарищ министра внутренних дел князь Сергей Дмитриевич Урусов, занимавший в свое время должности председателя Калужской губернской земской управы, кишиневского и тверского губернатора¹.

Выборы в I Государственную думу, проводившиеся по указу от 11 декабря 1905 г. по четырем куриям: землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей, в Калужской губернии происходили в марте 1906 г. По законодательству о выборах предусматривалось избрать 78 губернских выборщиков, в том числе: 30 — от крестьян, 25 — от землевладельцев, 21 — от городов и 2 — от рабочих. В действительности, на съездах уездных и городских избирателей, проходивших 14 и 15 марта 1906 г., было избрано 67 выборщиков, т.е. на 11 человек меньше. Из них от уездов — 44 человека (от крестьян и землевладельцев по 22 человека), от городов — 21 и от рабочих — 2. На этапе избрания выборщиков значительный успех имели представители весьма немногочисленного калужского отдела конституционно-демократической партии. (Отдел насчитывал немногим более ста человек). Так, на съезде городских избирателей, кандидаты от кадетской партии получили: Л.Н. Новосильцев — 1152 голоса, В.П. Обнинский — 1029, бывший городской голова С.Н. Блистанов — 928, земский гласный граф И.Л. Толстой — 857, в то время, как кандидаты от партии «Союза 17 октября»: Г.А. Разумовский — 813 голосов, Д.Я. Козлов — 753. Свою победу по городской курии кадеты объясняли «исключительно достоинством партийной программы»².

Выборы депутатов от Калужской губернии в Государственную думу состоялись 26—28 марта 1906 г. на губернском избирательном собрании в городе Калуге в здании Дворянского собрания.

¹ Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 318, 598; *Волобуев О.В.* Обнинский Виктор Петрович // Там же. С. 421—422; *Ляшенко Г.К.* Новосильцев Леонид Николаевич // Там же. С. 419; *Хайлова Н.Б.* Урусов Сергей Дмитриевич // Там же. С. 639—640.

² Калужанин. 1906. 25 марта.

Имеющиеся у нас два основных источника позволяют в деталях описать события, происходившие в губернском центре в конце марта 1906 г. Первый источник — это статья, озаглавленная «Губернское избирательное собрание», опубликованная без подписи в газете «Калужанин» — официальном органе Калужского отдела кадетской партии от 2 апреля 1906 г.¹ Второй документ — копия секретного донесения начальника Калужского губернского жандармского управления полковника В.П. Шлейфера, датированная 6 июня 1906 г., отложившаяся в фонде этого учреждения в Государственном архиве Калужской области (ГАКО)², направленная в Департамент полиции МВД. Факты, обнаруженные в газетной публикации и приведенные в донесении жандармского полковника, в целом совпадают. Донесение более информативный источник. Оно не только дополняет материалы прессы фактическими сведениями, но и содержит оценки событий, происшедших как до, так и в период самих выборов в губернском избирательном собрании, а также после них, исходившие от весьма осведомленных официальных органов.

За несколько дней до созыва губернского избирательного собрания большинство выборщиков съехалось в Калугу, где 24 и 25 марта прошли ознакомительные предвыборные собрания. На первом выступил с речью кн. С.Д. Урусов, заявивший о своей приверженности к «парламентарной монархии» и отрицании «всяких быстрых перемен». Главный вопрос, который закономерно возник и интересовал всех участвовавших в выборах: за кого будут подавать голоса крестьяне? Дело в том, что по общим итогам избрания выборщиков конституционно-демократическая партия, несмотря на победу на выборах по городской курии, не могла рассчитывать на лидерство в заключительном этапе избирательной кампании в губернии. Как оказалось, из 67 выборщиков — 16 являлись членами партии кадетов, два выборщика представляли «Союз 17 октября», 27 — другие правые силы, 21 выборщик был выходцем из крестьян, один человек — кн. Урусов, не примкнул ни к одной из партий³. Совершенно очевидно, что при таком раскладе политических сил ни одна из партий не могла победить без поддержки крестьян.

26 марта в губернском избирательном собрании выборщики из крестьян выбирали из своей среды члена Государственной думы. В секретном донесении начальника калужского губернского жандармского управления сообщалось: «Было ясно, что среди них (т.е. крестьян — В.И.) нет видного кандидата и, что у большинства из них существует

¹ Калужанин. 1906. 2 апреля.

² Циркуляры и переписка с Департаментом полиции. 26 января 1906 г. — 30 декабря 1907 г. // ГАКО. Калуга. Ф. 784. Оп. 1. Д. 348. ЛЛ. 6—13 об.

³ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 348. ЛЛ. 11—11 об.

стремление пройти самому»¹.

При баллотировке голоса разделились, и никто из крестьянских кандидатов необходимой поддержки не получил. После продолжительных споров постановили решить вопрос жребием. В итоге из шести кандидатов получивших большинство голосов, жребий выпал на крестьянина А.В. Сурнова, который и стал первым избранным депутатом в Думу.

На следующий день установленным порядком избирательное собрание, в общем своем составе, избирало из числа всех имевших право участвовать в нем выборщиков остальное положенное число членов Думы. Предварительно кадеты договорились с частью выборщиков от крестьянской курии об избрании одного депутата от крестьян и трех от своей партии. Правые выставили пять своих кандидатов, из которых наиболее видными фигурами были кн. С.Д. Урусов и калужский уездный предводитель дворянства статский советник Н.Н. Яновский. При голосовании все три кандидата от конституционно-демократической партии (Л.Н. Новосильцев, В.П. Обнинский и кн. Е.Н. Трубецкой²) были забаллотированы. После этого конституционные демократы забаллотировали крестьянского депутата от Медынского уезда Никифорова. Кандидаты правого политического крыла во главе с Н.Н. Яновским баллотировку также не прошли. Кн. С.Д. Урусов от избрания отказался.

В перерыве левая и правая партии договорились об избрании четырех человек из, так называемого, «объединенного блока», в который вошло 42 человека. Были определены кандидаты: два человека от партии кадетов — Л.Н. Новосильцев и В.П. Обнинский (кн. Е.Н. Трубецкой отказался от кандидатуры) и два не принадлежавших к этой партии — кн. С.Д. Урусов и Н.Н. Яновский (Яновского вскоре заменил помещик Мосальского уезда И.И. Шепелев). Л.Н. Новосильцев и кн. С.Д. Урусов были избраны. (Первый набрал 37 голосов, второй — 51). Все остальные — забаллотированы. Успех кн. С.Д. Урусова, не поддерживавшего на выборах ни одну из партий, объясняется тем, что «все партии, — как отмечалось в полицейском донесении, — рассчитывали увидеть его в своих рядах»³.

28 марта состоялось заключение нового соглашения кадетов с крестьянами. Договорились об избрании на два оставшихся в Думу места

¹ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 348. Л. 8 об.

² Профессор Московского университета кн. Евгений Николаевич Трубецкой, являвшийся земским гласным и почетным мировым судьей Калужского уезда Калужской губернии, к моменту выборов вышел из конституционно-демократической партии, но дал согласие участвовать в выборах в Думу в качестве ее неофициального кандидата (Калужанин. 1906. 25 марта).

³ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 348. Л. 11 об.

В.П. Обнинского и крестьянина К.В. Лагутина (Лагутин был выдвинут крестьянскими выборщиками по жребию). Оба кандидата были избраны. В.П. Обнинский прошел только одним голосом, поэтому правые решили при поддержке крестьян получить больше голосов, чем избранные. Наибольшее число голосов из этой группы получил баллотировавшийся по собственной инициативе помещик Жиздринского уезда И.А. Каньшин, набравший 32 голоса. Ему не хватило одного голоса, чтобы победить.

Таким образом, в Калужской губернии кадетам со второй и третьей попыток удалось провести в Думу двух своих представителей — Л.Н. Новосильцева и В.П. Обнинского. Одной из причин, обеспечивавших исход выборов в их пользу, была поддержка крестьян. Кадеты, используя положения аграрной части своей программы, как самой левой на тот момент партии, смогли уловить крестьянские голоса, которые имели решающее значение на выборах. Свою положительную роль сыграла и правильно выбранная продуманная тактика кадетов в предвыборное время. «Немало помогли успеху кадетов, — отмечается в секретном донесении, — устроенные ими два собрания выборщиков, которые дали им возможность ознакомить крестьян с программой партии народной свободы и объяснить им разницу между правыми и левыми»¹.

В заключении приведем имеющиеся сведения о крестьянских депутатах «перводумцах» от Калужской губернии.

Избранный первым в депутаты Алексей Иванович Сурнов родился 15 марта 1865 г., в сельце Лопухино Утешевской волости Мещовского уезда Калужской губернии. Грамоте выучился самостоятельно. Более 14 лет служил приказчиком в мануфактурной торговле в Москве, затем занимался хозяйством дома. В течение 9 лет являлся попечителем местной земской школы и учетчиком церковных сумм в своем приходе.

Константин Власьевич Лагутин родился 15 мая 1865 г. Он происходил из бедной крестьянской семьи села Глубокое Лихвинского уезда Калужской губернии. Окончил Глубоковское земское училище. С 15 лет до 21 года занимался земледелием, затем служил приказчиком, писарем и волостным старшиной. Получил низшее образование. Состоял в должности волостного старшины.

В Думе Сурнов и Лагутин вступили в партию народной свободы².

Что касается В.П. Обнинского, Л.Н. Новосильцева и С.Д. Урусова, то эти имена были хорошо известны в истории России начала XX в. Их биографии, служебная и общественно-политическая деятельность — предмет специального рассмотрения.

¹ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 348. ЛЛ. 10 об.—11.

² Земляк. 1906. 18 июня.

СЕЛЕЗНЕВ Ф.А.

Выборы в I Государственную думу от Нижегородской губернии: порядок и ход борьбы

СЕЛЕЗНЕВ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор исторических наук, профессор
кафедры зарубежного регионоведения
и локальной истории Нижегородского государственного
университета (Нижний Новгород, Россия);
e-mail: fseleznev@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется ход выборов в I Государственную думу от Нижегородской губернии. Рассмотрены избирательные процедуры в каждой из курий. Показан механизм борьбы за депутатские места в губернском избирательном собрании. Автор приводит факты, свидетельствующие о том, что выборщики-крестьяне хотели, чтобы депутатами были только крестьяне. Путем сложных переговоров кадетам удалось уговорить выборщиков-крестьян пойти на компромисс. Победу кадетов автор объясняет тем, что их аграрная программа оказалась привлекательна для крестьян.

Ключевые слова: I Государственная дума, партия кадетов, крестьянская курия, Нижегородская губерния.

**Выборы в I Государственную думу
от Нижегородской губернии: порядок и ход борьбы¹**

На выборах в I Государственную думу Нижегородская губерния представляла отдельный избирательный округ, который должен был избрать шесть депутатов. В голосовании участвовали представители всех четырех курий. Они определяли выборщиков — членов губернского избирательного собрания².

Рассмотрим ход выборов последовательно в каждой курии. Начнем с курии землевладельцев. Здесь первым этапом избирательного процесса являлся предварительный съезд уездных землевладельцев. На

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках проекта проведения научных исследований «Институт выборов в России (XVIII—XXI в.): тенденции и этапы развития», проект № 17-01-00135

² См. подробн.: Селезнев Ф.А. История выборов в России с древнейших времен до конца XX в. (На примере Нижегородского края). Нижний Новгород, 2012. С. 44, 50—52.

предварительном съезде уездных землевладельцев, как и на земских выборах, собирались те владельцы недвижимости, чья собственность была меньше установленного для данной местности ценза. Отличие от земских выборов состояло в том, что теперь в предварительном съезде могли участвовать не только собственники земли, но и ее арендаторы.

Мелкие землевладельцы посылали уполномоченных от себя на уездный съезд землевладельцев. Число уполномоченных определялось «количеством земли, числящейся за лицами, явившимися на съезд, и итогом оценочной стоимости другого принадлежащего им недвижимого имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный ценз» (ст.15 Положения о выборах в Государственную думу). Иначе говоря: сначала складывалось количество земли, которой владели явившиеся на съезд избиратели; затем полученная сумма делилась на размер земельного ценза для данного уезда; потом суммировалась оценка иной, кроме земли, недвижимости, принадлежащей избирателям; эта сумма делилась на 15 000 рублей (общероссийский избирательный ценз для лиц, владеющих в уезде «иным, кроме земли, недвижимым, не составляющим торгово-промышленного заведения имуществом», ст. 12); два полученных частных складывались и округлялись; так определялось количество уполномоченных.

Поясним это на примере. 6 марта 1906 г. в Нижнем Новгороде, в помещении съезда мировых судей, состоялся 1-й предварительный съезд землевладельцев Нижегородского уезда (для избирателей Доскинской, Вязовской, Кстовской, Безводнинской, Ельнинской, Бешенцевской, Сметской и Ново-Ликеевской волостей)¹. На этой территории проживало 1757 потенциальных избирателей. На съезд, однако, явились только сто тридцать три из них. После подсчетов, выяснилось, что им принадлежат 2 215, 6 десятин земли². Это число следовало разделить на 250, поскольку земельный ценз в Нижегородском уезде составлял 250 десятин. $2215,6:250 = 8,8$ ценза. Явившиеся избиратели также владели иной недвижимостью, в сумме стоившей 18 128 рублей. Это дало еще 1,2 ценза ($18\ 128:15\ 000=1,2$). Итого: $8,8\text{ ценза}+1,2\text{ ценза}=10\text{ цензов}$. Вот сколько уполномоченных избрали участники данного предварительного съезда. Их выборы прошли обычным порядком, т.е. с помощью баллотировки. Уполномоченными стали врач П.Н. Михалкин и 9 богатых крестьян.

Именно богатые крестьяне преобладали среди участников предварительных съездов. Как правило, они выбирали уполномоченными либо таких же мужиков, как они, либо священников (участвовавших в выборах как представители церковного землевладения). Дворяне на

¹ ЦАНО. Ф. 629. Оп. 670. Д. 1. Л. 99.

² Нижегородский листок. 1906. 7 марта.

этих выборах обычно получали черные шары. Так на выборах 6 марта были провалены принадлежавшие к благородному сословию адвокаты П.А. Рождественский, Ф.П. Владимиров, С.Ф. Богородский, архитектор П.А. Домбровский (все — члены партии Народной Свободы), краевед А.Я. Садовский, чиновник Н.И. Глазуновский¹.

Уполномоченные от мелких землевладельцев, явившись на уездный съезд, нередко определяли исход голосования. Ведь там редко присутствовало более пятидесяти избирателей.

Соперничали на уездных съездах землевладельцев обычно три силы: помещики-консерваторы, помещики-либералы и богатые крестьяне. На выборах 1906 г. от курии уездных землевладельцев в Нижегородское губернское избирательное собрание были избраны 27 человек: 12 крестьян, 9 помещиков, 4 купца и заводчика и 2 священника. Из них четверо (Г.Р. Килевейн, Вяч. В. Левашов, М.П. Лебле, С.Д. Кондратов) принадлежало к оппозиционной партии Народной Свободы, один (А.А. Остафьев) — к Умеренно-прогрессивной партии, четверо (В.Д. Обтяжнов, М.С. Фон-Брин, А.П. Горсткин, Н.А. Бугров) имели репутацию консерваторов.

Если говорить о технической стороне выборов по землевладельческой курии, то их организовывал уездный предводитель дворянства. Он подписывал акт о числе прибывших на съезд уездных землевладельцев и «Выборный лист» с результатами баллотировки. Эти документы отправлялись им в уездную по делам о выборах в Государственную думу комиссию².

Соответственно съезды городских избирателей готовил голова уездного города. Он отвечал за составление списков избирателей, должен был вывесить эти списки на всеобщее обозрение, оповестить о дате выборов каждого избирателя персональным приглашением.

Он же лично председательствовал на избирательном съезде, который проходил с 9 утра до 9 вечера.

Избирателями по этой курии были владельцы городской недвижимости, квартиросъемщики, служащие, пенсионеры, владельцы торгово-промышленных предприятий в уезде. Наиболее активными среди них были квартиросъемщики и служащие. Как правило, это были представители интеллигенции. Именно указанная часть электората по всей стране, в том числе и в Нижегородской губернии, была главной опорой Конституционно-демократической партии. Нижегородские кадеты получили голоса городских избирателей в 5 уездах: Нижегородском (врачи А.В. Агапов и К.К. Чачхиани), Арзамасском (помещик-земец А.А. Богодуров), Балахнинском (помещик-земец И.А. Зубков, врач

¹ Там же.

² ЦАНО. Ф. 632. Оп. 664. Д. 4. ЛЛ. 1, 2, 2 об., 3, 3 об.

И.И. Захаров), Княгининском (частный поверенный Д.Н. Померанцев), Макарьевском (помещик-земец А.В. Иконников). В 5 уездах выборщиками стали главы городского самоуправления: городской староста Ардатов И.А. Калинин, городской голова Балахны В.А. Козлов, городской голова Васильсурска П.А. Ермолов, городской голова Горбатова Орехов, городской староста Сергача В.И. Зубков¹. В основном это были предприниматели умеренно-консервативного направления.

Выборы по крестьянской курии опирались на механизм существовавшего с 1861 г. как официальная структура крестьянского самоуправления. Его низшей единицей являлось сельское общество (община). После отмены крепостного права члены общины (крестьяне-домохозяева или «большаки») на сходе избирали сельского старосту и уполномоченных на волостной сход. Расчет был такой: один уполномоченный («десятидворный») на 10 дворов. Волостной сход состоял из десятидворных, сельских старост, членов волостного правления и волостного суда. С 1889 г. крестьянское самоуправление контролировал особый чиновник МВД — земский участковый начальник. Во время выборов в Государственную думу именно он предписывал собрать волостной сход для выбора уполномоченных на уездный съезд. Открывал волостной сход и председательствовал на нем волостной старшина. Выборы по крестьянской, как и по прочим куриям, проходили путем закрытой баллотировки. По ее итогам сход принимал приговор, где назывались имена двух уполномоченных на уездный съезд уполномоченных от волостей. Копия приговора, подписанная волостным старшиной и скрепленная печатью волостного правления, отправлялась в Уездную по делам о выборах комиссию. Уездный съезд уполномоченных собирался под председательством уездного предводителя дворянства и определял уездных выборщиков от крестьянской курии.

Единственной партией, которая вела целенаправленную работу по привлечению голосов избирателей-крестьян, были кадеты. Перед кадетской предвыборной пропагандой в деревне стояла двоякая задача. С одной стороны, кадеты должны были убедить мужика в том, что аграрная программа партии Народной Свободы (предусматривавшая создание государственного земельного фонда из государственных, удельных, кабинетных, монастырских и отчужденных за счет государства, «в потребных размерах», частновладельческих земель, с последующей их передачей нуждающимся крестьянам) лучше всего решает самый жгучий в русской деревне вопрос — земельный. С другой — доказать, что осуществить аграрную реформу может только Государственная дума и тем заинтересовать крестьянина участием в выборах.

¹ Нижегородский листок. 1906. 6 апреля.

Главным рупором кадетского воздействия на избирателей-крестьян являлась еженедельная «Нижегородская земская газета», номинально (по должности председателя губернской земской управы) редактировавшаяся одним из руководителей нижегородских кадетов А.А. Савельевым, а фактически — главным кадетским идеологом-пропагандистом В.Е. Чешихиным-Ветринским. Крестьяне составляли 2/3 ее подписчиков (из всех 485-ти). Общий тираж газеты колебался от 4000 до 4100 экземпляров и частью распространялся бесплатно также среди крестьян. Все подписчики газеты бесплатно получили программу кадетской партии, а также ее популярное изложение в брошюре «Конституционно-демократическая партия: Крестьянам»¹.

Нижегородские кадеты выпустили и еще одну подобную брошюру — «Крестьянам и рабочим». Кроме того, кадет В.А. Первов (родом — павловский крестьянин) сочинил и издал тиражом 20 тыс. экземпляров посвященный созыву Государственной думы листок «Голос крестьянина», где также излагалась кадетская аграрная программа². Помимо собственной печатной продукции, литературное бюро нижегородского губкома КДП рассылало крестьянам т.н. «библиотечки конституционного демократа», используя для их формирования более 50-ти наименований брошюр и листков, выпущенных издательствами «Донская речь», «Труд и воля», «Народное дело» и др. («Что такое народовластие?», «Как надо расходовать народные деньги», «О налогах», «Значение и права народного представительства» и т.п.)³.

В декабре 1905 г. нижегородские кадеты направили 53 таких библиотечки в 9 уездов Нижегородской губернии, в т.ч. в села Саблуково Арзамасского уезда, Чистополье Семеновского уезда, Воздвиженское Макарьевского уезда, Иванцево Лукояновского уезда; в январе 1906 г. порядка 90 библиотечек в 30 сел и деревень всех 11 уездов Нижегородской губернии⁴.

Насколько эффективной была кадетская пропаганда в деревне? В.В. Ниякий утверждал, что она «не пользовалась успехом» и «не оказывала сколько-нибудь существенного влияния на политические настроения крестьянства»⁵. Мы бы, однако, не стали спешить со столь категоричными выводами. Есть целый ряд свидетельств того, что у части крестьян кадетская программа находила самый положительный отклик. Об

¹ См. подробн. об этом издании: *Селезнев Ф.А.* Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905—1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. С. 43.

² РГАЛИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 216. ЛЛ. 62—62 об.

³ ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 4. Д. 168. ЛЛ. 2 об., 4.

⁴ Там же. ЛЛ. 1, 1 об., 5.

⁵ *Ниякий В.В.* Нижегородская деревня: Облик и настроения классов в первой российской революции. Горький, 1981. С. 133.

этом, прежде всего, говорят письма крестьян в нижегородский губернский комитет КДП¹.

В то же время, сфера воздействия кадетской печатной продукции по ряду причин была ограничена. Во-первых, значительная часть сельского населения была неграмотна. Кроме того, распространению кадетской печатной продукции сильные препятствия чинила местная администрация.

Имелся и еще один фактор, снижавший действенность кадетской пропаганды. Как констатировал агент партии Народной свободы по Княгининскому уезду Д.И. Померанцев, «литературе не верят», «можно рассчитывать только на живое слово и при том лица, пользующегося доверием»². Лиц же, «пользующихся доверием» у крестьян, в распоряжении нижегородской организации Конституционно-демократической партии, было очень мало, ибо она не имела в деревне сколько-нибудь значительного числа приверженцев. Поэтому, обычно, в роли кадетского пропагандиста перед крестьянами выступал не «свой брат односельчанин», а «чужак» — земец-помещик или земский служащий. А к ним обоим в деревне, как правило, относились отрицательно³.

Чтобы переломить негативное отношение деревни к земству и использовать в своих целях энергию крестьянского движения, нижегородские кадеты в конце 1905 года приняли деятельное участие в организации под эгидой уездных земских управ, «уездных комитетов по упорядочению аграрного вопроса», целью которых было выяснить земельную нужду крестьян и наиболее удобные для них формы ее удовлетворения. Особенно активно действовали кадеты там, где контролировали уездные земские управы — в Балахнинском и Макарьевском уездах. Там были созданы не только уездные, но и волостные комитеты.

В созданных уездными комитетами совещаниях приняли участие как земцы, так и уполномоченные от крестьян (59 человек из 20 волостей Балахнинского уезда, представители расположенных вдоль Арзамасского тракта 14 волостей Нижегородского уезда, по два крестьянина от каждого сельского общества 7 волостей Макарьевского уезда)⁴. По существу эти совещания явились своего рода предвыборными собраниями, а выборы уполномоченных на них — репетицией выборов в Государственную думу.

Выступая на совещаниях, кадеты (Г.Р. Килевейн, И.А. Зубков, А.В. Иконников, А.А. Савельев, А.Е. Касьянов) настоятельно рекомендовали крестьянам воздержаться от насильственных захватов чужой

¹ См. обзор писем: Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции. С. 44.

² ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 290. Л. 53.

³ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции. С. 45—46.

⁴ Нижегородский листок. 1905. 2, 3, 7 декабря; 1906. 12 января.

собственности и подождать, пока земельный вопрос решит народное представительство, а так же разъясняли основные положения кадетской аграрной программы.

У участников совещаний она, в целом, находила положительный отклик, но реальная эффективность кадетской пропаганды, как показали предварительные выборы по крестьянской курии оказалась не высока. По крестьянской курии в губернское избирательное собрание попало 38 выборщиков. В Нижегородской губернии в их число вошли в основном беспартийные крестьяне «от сохи», а также торговцы и ремесленники, принадлежавшие к крестьянскому сословию. В качестве исключения можно назвать учителя начальной земской школы из села Быков Майдан Спасской волости Арзамасского уезда В.Я. Борькина, управляющего фабрикой стальных изделий В.П. Филатова и заведующего земским складом в Селе Павлово Горбатовского уезда, конституционного демократа В.И. Матюшина.

Рабочая курия создавалась в губерниях, где промышленных рабочих насчитывалось не менее 10 тысяч человек. Нижегородская губерния как раз относилась к таковым. В ней имелось 18 тысяч рабочих. На предприятие, где числилось от 50 до 1000 рабочих, полагался один уполномоченный. Если работников было больше тысячи, то на каждую полную тысячу выдвигался один уполномоченный. Так, на заводе акционерного общества «Сормово», трудилось 9 382 рабочих. Значит, полагалось избрать 9 уполномоченных. А вот на Нижне-Выксунском горном заводе по списку имелось 1380 рабочих, следовательно, закон позволял здесь выбор только одного уполномоченного, как и на большинстве предприятий губернии. Порядок выборов на начальном этапе определяли сами рабочие: проводить ли им собрание цеховое или сразу заводское. Во многом это зависело от количества работников. Председателя избирательного собрания назначали также рабочие. Администрация не имела права вмешиваться в ход выборов и даже участвовать в них. Выбирать уполномоченного могли только рабочие. Инженерно-технический состав этого права был лишен. Даже мастера Нижегородской губернской по делам о выборах комиссии к голосованию не допускались. Когда сормовские рабочие избрали уполномоченными мастера сталелитейного цеха А.Ф. Пушкарева и приемщика материалов в вагонно-колёсном цехе Л.Г. Филиппова, Балахнинская уездная по выборам комиссия эти выборы опротестовала, а Губернская комиссия жалобу Пушкарева и Филиппова на недопущение их к выборам оставила без последствий¹.

Социал-демократы и социалисты-революционеры считали делом чести сорвать выборы по рабочей курии и прилагали для этого боль-

¹ ЦАНО. Ф. 628. Оп. 654. Д. 15. ЛЛ. 11, 11 об., 12.

шие усилия. 19 марта 1906 г. «Нижегородский листок» сообщал, что выборы уполномоченных от рабочих прошли в 70 заведениях и не состоялись на 16 предприятиях. На кожевенном заводе Иосифа Равкина рабочие заявили о бойкоте Думы и требовали Учредительного собрания. Тем не менее, Нижегородский губернский съезд уполномоченных от рабочих состоялся. Председательствовал на нем согласно закону городской голова губернского города (глава Нижнего Новгорода А.М. Меморский). Баллотировкой определили трех рабочих выборщиков. Ими стали: токарь механических мастерских Кулебакских горных заводов Д.В. Куприянов, слесарь фабрики стальных изделий Шмакова в Ворсме В.И. Калинин и шлифовальщик фабрики стальных изделий наследников Д.Д. Кондратова в Павлове В.С. Трифонов.

Выборщиков от рабочих в Нижегородском губернском избирательном собрании было меньше всех. Больше всех представляло крестьянскую курию — 38. От уездных землевладельцев явилось 27 выборщиков, от городских избирателей — 18.

Таким образом, в Нижегородском, как и в прочих губернских избирательных собраниях страны, согласно норме закона, представители крестьянской курии составляли 42 % выборщиков, выборщики-землевладельцы — 34 %, городские выборщики — 23 %, рабочие выборщики — 3 %.

Составители избирательного закона сознательно предоставили деревне наибольшее число мест выборщиков, поскольку считали крестьян природными монархистами и консерваторами. Однако, вопреки ожиданиям, выборщики-крестьяне не стали голосовать за правых, поддерживавших правительство, кандидатов. Везде мужики-выборщики образовали самостоятельные группы, от которых и зависел исход выборов. Правые, однако, не теряли надежды перетянуть к себе крестьян. Конституционные демократы также стремились привлечь симпатии селян. Тем более что их программа предусматривала дополнительное наделение крестьян землей.

Сразу по приезде в Нижний Новгород крестьянские выборщики были приглашены на квартиру Г.Р. Килевейна, где их угощали чаем и закуской и предлагали голосовать за кадетских кандидатов — самого Килевейна, а также фабриканта С.Д. Кондратова и врача А.В. Агапова¹. Такую же встречу устроили с крестьянами и правые.

Губернское избирательное собрание открылось в 12 часов дня 14 апреля 1906 г. в зале Дворянского собрания на Большой Покровской.

После молебна состоялись выборы депутата Государственной думы от крестьян Нижегородской губернии. Участвовали только уполномоченные от волостей. Они избрали депутатом Н.Д. Хваткова, владель-

¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2688. Л. 63 об.

ца красильни из деревни Корсаково Княгининского уезда. Далее начались выборы от общего состава Губернского избирательного собрания. Из конституционных демократов больше всех избирательных записок получили Г.Р. Килевейн (34), А.В. Иконников (29), С.Д. Кондратов (24) и А.В. Агапов (17). Основными кандидатами правых были владелец мельниц Н.А. Бугров (28 записок) и председатель Нижегородской уездной земской управы А.А. Остафьев (26 записок). Однако все указанные кандидаты, кроме Остафьева, который от баллотировки отказался, получили черных шаров больше, чем белых¹. Крестьяне хотели и от общего состава собрания избрать депутатов только из своей среды. И лишь путем сложных переговоров кадетам удалось уговорить их пойти на некоторый компромисс. В результате во втором туре необходимое количество белых шаров получили кадетский кандидат И.А. Зубков (53), и два крестьянина: управляющий фабрикой стальных изделий В.П. Филатов (45) и Я.М. Сторонкин из села Прудичи Васильского уезда (44). Дальше опять нашла коса на камень. Кадетские кандидаты Г.Р. Килевейн и С.Д. Кондратов были провалены. Зато Остафьеву, пользовавшемуся поддержкой правых, не хватило лишь одного шара до избрания.

Конституционным демократам необходимо было срочно переломить ситуацию. И они это сделали с помощью своих людей в крестьянской среде. 16 апреля, в день повторного голосования, крестьянин В.П. Филатов, который был управляющим фабрикой у кадетского кандидата С.Д. Кондратова, заявил, что «некоторые лица приглашали выборщиков-крестьян к себе, кормили-поили и уговаривали класть шары за Бугрова и Остафьева». Это подтвердил еще один выборщик, рабочий фабрики Кондратова В.С. Трифонов. Остафьев пытался оправдаться. Он говорил, что «угощение выразилось только в чае», «агитация имеет разные формы», а партия Народной свободы сама собирала на чай выборщиков-крестьян. Однако кадеты не желали его слушать, грозя судом. А Трифонов даже утверждал, что «такого поступка не сделал бы самый последний босьяк». Затем всплыла новая информация. Выборщик Игошин вспомнил, что «неизвестными лицами выборщики от крестьян приглашались в трактир Афанасьева и там бесплатно угощались вином, водкой, закуской», при этом им говорили, что надо голосовать за Бугрова и Остафьева².

Закончилось все тем, что Н.А. Бугров депутатом не стал. Вместо него мандат получил его однофамилец, волостной старшина из деревни Ломовка Арзамасского уезда И.Д. Бугров. А вот Остафьев, уважа-

¹ Листок нижегородской группы партии Народной Свободы. 1906. 16 апреля.

² Нижегородская газета. 1906. 19 апреля.

емый крестьянами, все-таки был избран. Но его противники кадеты на этом не успокоились. 12 апреля 1906 г. на имя председателя Государственной думы поступила жалоба нижегородских выборщиков В.В. Левашова и Г.Р. Килевейна, активистов партии Народной свободы, которые требовали признать выборы недействительными. В своем обращении они указывали, что «во время выборов выборщики от крестьян созывались неизвестными лицами в трактиры Нижнего Новгорода, где предлагалось им даровое угощение и во время угощения они склонялись подавать свои голоса за известных лиц в члены Государственной думы». Однако в условиях, когда оппозиция сделала Государственную думу своим оплотом в борьбе с правительством, было нецелесообразно портить репутацию первого парламента скандалами. Поэтому депутаты, разбиравшие этот вопрос, не нашли оснований «установить связь» между обозначенными в жалобе фактами и «результатом выборов в члены Государственной думы в Нижегородском избирательном собрании». В связи с этим выборы были признаны правильными, а депутаты — утверждены в своем статусе¹.

Победу кадетов, как в Нижегородской губернии, так и в России в целом можно объяснить как активной напористой работой кадетов с выборщиками-крестьянами, так и тем, что аграрная программа кадетов оказалась привлекательна для крестьян.

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. С. 356—357.

ЛАВРИНОВИЧ Д.С.

Конституционные демократы и выборы I Государственной думы на территории Северо-Западного края Российской империи

ЛАВРИНОВИЧ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ,
доктор исторических наук, первый проректор
УО «МГУ им. А.А. Кулешова»
(Могилев, Республика Беларусь);
e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

Аннотация: В 1905—1906 гг. на территории Северо-Западного края Российской империи сформировались отделы Конституционно-демократической партии. Социальный состав кадетов был неоднородный, включал представителей помещичьего класса, городских деловых кругов, служащих, интеллигенции и даже крестьян. Но лидирующие позиции были у интеллигенции, преимущественно еврейской, и, отчасти, у польских землевладельцев, которые однако со временем дистанцировались от конституционных демократов, не сошедшись с ними по аграрному вопросу. Сравнительно небольшая численность партии на территории края компенсировалась симпатиями к ней со стороны еврейского большинства белорусских городов, и тем, что в условиях тактики бойкота выборов Государственной думы со стороны революционеров, кадеты оттягивали на себя электорат всех левых партий. Помощь со стороны ЦК и активная избирательная тактика позволили местным кадетам одержать победу на выборах в I Государственную думу.

Ключевые слова: конституционно-демократическая партия, Государственная дума, выборы, национальные группы, Союз для достижения полноправия еврейского народа в России, польские «краевцы».

**Конституционные демократы и выборы
I Государственной думы на территории
Северо-Западного края Российской империи**

Конституционно-демократическая партия (КДП) на территории Северо-Западного края Российской империи в первый год своей деятельности смогла обзавестись широкой сетью отделов, деятельность которых координировалась Виленской еврейской группой, которой был придан статус областного комитета¹.

¹ Минские вести // Голос провинции. 1906. 17 июня. С. 2—3.

По своему составу ячейки КДП были преимущественно интеллигентскими, но в ряде мест важную роль играли помещики, преимущественно католики, служащие и зажиточные крестьяне. Как правило, организации конституционных демократов были интернациональными, причем в руководстве были представлены и евреи, и поляки, и русские (белорусы). Польские либеральные помещики, вначале поддерживавшие идею создания КДП, в дальнейшем разошлись с кадетами из-за аграрной части программы.

Главным направлением деятельности конституционных демократов было участие в выборах и работе Государственной думы. Первая избирательная кампания проходила в январе — апреле 1906 г. В основном конституционные демократы вели работу в городах, сельская местность вначале пропагандой была охвачена слабо. Могилевские кадеты сами признавали в анкете, разосланной ЦК, что сумели провести всего две беседы в двух деревнях¹. Агитации среди крестьян мешало и правительство. 21 марта 1906 г. Департамент полиции МВД направил секретный циркуляр губернаторам, запрещающий распространение кадетской литературы в селах и деревнях².

Однако с помощью ЦК могилевским кадетам удалось все же усилить агитацию среди крестьян. Специально для этой цели из Москвы были выписаны газета «Народное дело», брошюра «Крестьянам о Конституционно-демократической партии», листовка «Чиновники и народное правление», программа партии в изложении, адаптированном для крестьянского восприятия³. Пропаганда имела успех. Даже губернатор признал, что благодаря ей крестьяне на выборах в I Государственную думу голосовали в большинстве случаев за кандидатов кадетской партии⁴. Агитируя крестьян отдавать голоса за КДП, редактор либеральной газеты «Могилевский голос» Ю.Ю. Бехли писал: «Мы пошлем в Думу белую свитку и рваный лапоть, мы рядом с ними грудь с грудью станем в Думе и вместе с ними приложим все свои силы во имя торжества его [*простого народа*. — Д.Л.] права на свет просвещения, на хлеб насущный, на свободный труд во имя его раскрепощения от экономического рабства»⁵.

¹ Переписка ЦК КДП с кадетами Могилевской губернии (1905—1909 гг.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 244. Л. 1.

² Наряд по секретной переписке по Гродненской губернии // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Оп. 236. Д. 828. Ч. 2. Л. 275.

³ Переписка ЦК КДП с кадетами Могилевской губернии (1905—1909 гг.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 244. Л. 20.

⁴ Наряд по секретной переписке по Могилевской губернии // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Оп. 236. Д. 828. Ч. 5. Л. 1.

⁵ Бехли Ю. Кого мы должны послать в Думу // Могилевский голос. 1906. 24 марта. С. 1.

Конкретные шаги по организации пропаганды среди крестьян предпринимали и витебские кадеты, начав налаживать связи с сельским населением. В январе 1906 г. в ЦК КДП обратился бывший полицейский урядник М.И. Жигунов, житель п. Савино Велижского уезда Витебской губернии, выразивший желание вступить в ряды партии и вести пропагандистскую работу среди крестьянства¹. Невельские конституционные демократы агитировали крестьян-выборщиков в Государственную думу². В Себежском уезде значительную работу по привлечению новых членов в кадетскую партию провел крестьянин С.Д. Зенченко³.

В феврале 1906 г. избирательная кампания вступила в новый этап. В Вильно были образованы еврейский и польский избирательные комитеты. Первый состоял из членов еврейской группы КДП и Виленского отделения Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. Руководителем комитета стал С.М. Дубнов. От евреев кандидатом в депутаты был намечен М.М. Винавер⁴.

Польский избирательный комитет выдвинул кандидатуру Т.Э. Врублевского⁵. Тадеуш Врублевский (1858—1925) родился в семье врача, был родственником одного из лидеров восстания 1863 г. в Польше, Литве и Беларуси, а также Парижской коммуны В. Врублевского. После окончания гимназии в Вильно, Т.Э. Врублевский учился в медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, а затем в Варшавском университете. За участие в деятельности польской партии «Пролетариат» он был арестован и сослан в Сибирь. После возвращения из ссылки окончил Санкт-Петербургский университет, работал адвокатом в Санкт-Петербурге и Вильно. Выступал как защитник на многих судебных процессах над деятелями революционного движения, в т. ч. участников восстаний на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков». Позднее защищал представителей белорусской интеллигенции: Я. Коласа, А. Пашкевич, А. Власова. От родителей Т.Э. Врублевский унаследовал обширную библиотеку, которую пополнял всю жизнь. Фонды библиотеки Врублевских лежат, в т. ч., в основе библиотеки Академии наук Литвы, носящей их имя.

¹ Переписка ЦК КДП с кадетами Витебской губернии (1905 — 1906 гг.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 176. ЛЛ. 7, 7 об.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. ЛЛ. 2—13.

⁴ Дубнов С.М. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб., 1998. С. 275; Переписка ЦК КДП с кадетами Виленской губернии (1905—1906 гг.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 175. Л. 15.

⁵ Переписка ЦК КДП с кадетами Минской губернии (1906 г.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 243. Л. 32.

Комментируя предвыборную ситуацию, представитель еврейской группы Я.Е. Выгодский писал в ЦК КДП: «На выборах в Виленской губернии происходит борьба не между партиями, а между национальными группами. Избирательные комитеты, и еврейский, и польский представляют собой блок партийных организаций следующих под национальными флагами»¹. Таким образом, еврейские и польские кадеты, выставив разных кандидатов в Думу, начали открыто конкурировать между собой. Раскол по национальному принципу существенно ослабил позиции КДП.

Кроме того, деятельности конституционных демократов препятствовали и местные власти, затруднявшие их агитацию и пропаганду. Руководитель Виленской еврейской группы Г.Д. Ромм сообщал в ЦК КДП 15 февраля 1906 г.: «Нашей местной группы К.Д. собрания последнее время не разрешали и деятельность наша парализована»². Еврейская группа КДП, проявлявшая особую активность, помимо отказов в разрешении собраний, поплатилась многими обысками и арестами. В частности, были арестованы 4 члена ее комитета³. Один из наиболее популярных либеральных деятелей города доктор Ц.О. Шабад находился в заключении несколько месяцев по надуманному обвинению в принадлежности к боевой организации Бунда. Ему грозила ссылка в Архангельскую губернию на 3 года. Только подтверждение ЦК КДП перед МВД принадлежности Шабада к кадетам спасло его от ссылки⁴. Взамен министр внутренних дел разрешил Ц.О. Шабаду выехать за границу, при условии невозвращения в Россию в течение 3-х лет⁵.

В начале марта 1906 г. в Вильно приехал М.М. Винавер, выступивший перед выборщиками. На митинге присутствовали члены Бунда. После этого в ночь с 3 на 4 марта был арестован Г.Д. Ромм. Таким образом полиция пыталась сорвать предвыборную кампанию кадетов. ЦК КДП постановил обратиться по этому поводу с телеграммами протеста в Совет министров, к виленскому губернатору и Виленской городской думе⁶. Гласные городской думы сделали запрос губернатору о

¹ Переписка ЦК КДП с кадетами Виленской губернии (1905—1906 гг.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 175. Л. 8 об.

² Там же. Л. 15 об.

³ Там же. Л. 8

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ О докторе медицине Ц.И. Шабаде // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Оп. 235. Д. 9. Л. 1. 23 апреля 1907 г. МВД разрешило Ц.И. Шабаду вернуться в Россию. За ним был установлен гласный надзор полиции на 1 год.

⁶ Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг.: В 6 т. М., 1994. Т. 1. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905—1911 гг. С. 57.

причинах ареста¹. Спустя несколько дней Ромм был освобожден с условием выезда за границу на два месяца². В середине марта он уехал в Германию. На время его отъезда председателем Виленской еврейской группы КДП был избран Я.Е. Выгодский³.

Во второй половине марта 1906 г. М.М. Винавер снял свою кандидатуру в депутаты Государственной думы от Вильно. После этого баллотироваться было предложено известному еврейскому историку и публицисту С.М. Дубнову, но он отказался из-за загруженности литературной и научной деятельностью. Тогда Виленский еврейский избирательный комитет выставил кандидатуру сиониста Ш.Х. Левина⁴. Узнав об этом, польские кадеты направили в ЦК КДП телеграмму с просьбой поддержать на выборах их кандидата Т.Э. Врублевского: «Кандидатом нашей партии в Вильно, избирающим только одного члена со стороны поляков, литовцев и части русских, выставлен Врублевский. Большинство евреев ставит кандидатуру вместо Винавера сиониста Левина, чем не довольны более левые евреи. Признавая по убеждениям, крупному ораторскому таланту, кандидатуру Врублевского наиболее полезной для партии, настоятельно советуем поддержать ее авторитетом ЦК... иначе от Виленской губернии не будет искреннего кадета...»⁵.

В конце марта 1906 г. Т.Э. Врублевский написал открытое письмо избирателям, в котором заявил, что является сторонником программы партии кадетов «во всей ее полноте». В то же время, стремясь заручиться симпатиями представителей всех национальностей, Т.Э. Врублевский позиционировал себя, как защитника, прежде всего, интересов края. Он писал: «Как гражданин Литвы (подразумевались все земли, входившие раньше в состав Великого княжества Литовского. — Д.Л.), я при разрешении всех политических и общественных вопросов ставлю исходной точкой удовлетворение интересов всех коренных жителей нашего края, поляков и литовцев, евреев и белорусов, без различия вероисповедания и национальности, преимущественно и особо при том выделяя интересы широких народных масс...»⁶. По мнению Т.Э. Врублевского, в Государственной думе сначала должны были

¹ Дневник // Новая заря. 1906. 12 марта. С. 3.

² Переписка ЦК КДП с кадетами Виленской губернии (1905—1906 гг.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 175. Л. 19.

³ Там же. Л. 20 об.

⁴ Дубнов С.М. Указ. соч. С. 276.

⁵ Переписка ЦК КДП с кадетами Минской губернии (1906 г.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 243. Л. 32.

⁶ Материалы по истории выборов в первую Государственную Думу, собранные по поручению Председателя Совета министров Графа С.Ю. Витте Графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым // ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 1. Л. 182 об.

решаться следующие задачи: 1) предоставление всему населению империи равных гражданских и политических прав; 2) обеспечение свободы совести; 3) установление свободы обществ и союзов, свободы в организации школьного дела; 4) внедрение национальных языков в судебное и административное делопроизводство; 5) введение всеобщего избирательного права в Думу; 6) создание в Северо-Западном крае городских и земских органов самоуправления, а также особого областного самоуправления для «исторической Литвы» с всеобщим избирательным правом; 7) включение в компетенцию органов местного самоуправления хозяйственно-административных и культурно-образовательных вопросов, урегулирования земельных отношений; 8) восстановление автономии Царства Польского¹. Как представитель польской группы конституционалистов, отражавшей интересы местных землевладельцев, Т.Э. Врублевский еще раз особо отметил: «Положения программы партии К.-Д. по вопросам аграрному и рабочему должны быть рассматриваемы не как полное и окончательное решение этих вопросов, а лишь как известные постулаты настоящего момента, характеризующие направление демократической мысли»². Тем самым, он оставлял возможность для сепаратного решения аграрного и рабочего вопросов на территории Северо-Западного края, с учетом мнения польских помещиков.

Выявившиеся расхождения между польскими конституционными демократами и линией ЦК КДП привели к тому, что кадетское руководство, по сути, оставило просьбы сторонников Т.Э. Врублевского о помощи без ответа, и это еще более отдалило последних от российских либералов.

17 апреля 1906 г. на городских выборах в Вильно победил Ш.Х. Левин. Брат Г.Д. Ромма, И.Д. Ромм, так объяснял успех еврейского избирательного комитета: «Наша теперешняя победа обязана больше случайности, чем нашим трудам, ибо, благодаря бойкоту (*социал-демократов, эсеров*. — Д.Л.), все протестующие элементы должны были баллотироваться за нас»³.

Могилевские конституционные демократы 1 марта заключили соглашение с Союзом для достижения полноправия еврейского народа в России. Во время совместного собрания двух организаций, на котором присутствовало около 100 человек, был образован избирательный комитет. Его председателем стал присяжный поверенный Б.Е. Гисен, заместителем председателя — врач Я.А. Лурье. Они же вместе с Ю.Ю. Бехли и помощником присяжного поверенного Г.Н. Твердым

¹ Там же.

² Там же.

³ Дневник // Новая заря. 1906. 24 апреля. С. 3.

были направлены на городской съезд выборщиков. Там, 15 марта, они все большинством голосов были избраны в выборщики¹. Трое конституционных демократов прошли в выборщики и от Гомеля. От уездов в выборщики также были в основном избраны члены кадетской партии либо сочувствовавшие ей².

Конституционные демократы вели усиленную агитацию. Стремясь заручиться симпатиями революционно настроенных масс, могилевские кадеты на одном из предвыборных собраний, на котором присутствовало около 500 человек, добились принятия резолюции с протестом против казни лейтенанта П.П. Шмидта и посылки телеграммы С.Ю. Витте с требованием отмены смертной казни³. Позднее два номера «Могилевского голоса» были конфискованы за присоединение к протестам против смертной казни⁴.

Местные власти пытались противодействовать кадетам. Так, 3 марта 1906 г. был арестован помещик Оршанского уезда П.Ф. Полонский за распространение среди крестьян брошюр КДП. Изъяв литературу, его отпустили на следующий день⁵.

Тем не менее, симпатии избирателей были на стороне кадетов. В итоге от городских выборщиков в I Государственную думу прошел Г.Н. Твердый, по крестьянской курии был избран депутатом М.Е. Семенов, по землевладельческой — А.Я. Хоментовский⁶. Странниками КДП объявили себя еще двое депутатов-крестьян: А.И. Соколовский и Ф.Е. Буслов⁷.

Минские кадеты, опасаясь негативной реакции со стороны властей на действия чиновников — сторонников КДП, решили не проводить собственного предвыборного собрания. Поэтому выдвижение кандидатов в выборщики происходило на национальных совещаниях. Были созданы русский, еврейский и польский предвыборные комитеты. Из числа кадетов в выборщики были избраны: присяжный поверенный

¹ *Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906—1917 гг.). Мн., 1999. С. 22, 33.

² Там же. С. 33.

³ Материалы по истории выборов в первую Государственную думу, собранные по поручению председателя Совета министров графа С.Ю. Витте графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым // ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 5. Л. 131 об.

⁴ Там же. Л. 131.

⁵ Там же.

⁶ *Мартюхова М.А.* На переломе революции: Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905 — июль 1906 г.). Мн., 1986. С. 82, 83.

⁷ *Забайскі М.М.* Указ. сач. С. 175; Переписка ЦК КДП с кадетами Могилевской губернии (1905—1909 гг.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 244. Л. 9.

А.Р. Ледницкий, гласный Минской городской думы В.О. Янчевский, один из лидеров сионистского движения в России С.Я. Розенбаум, частный поверенный при окружном суде Э.М. Бейленсон, управляющий отделением Северного банка А.И. Кацель, врач О.Л. Лунц, бывший минский прокурор И.И. Бибиков¹, составившие избирательный список «прогрессивных русских, евреев и поляков». На городских выборах 5 апреля 1906 г. они одержали победу.

В Пинске кандидатами в выборщики были избраны кадеты Ф.Э. Друцкой-Любецкий и Г.А. Лурье. Местные власти всячески мешали проводить конституционным демократам агитацию в свою пользу. Кадет А. Черейский был арестован в Лунинце за раздачу крестьянам нескольких брошюр КДП, в ходе обыска у него нашли и другую кадетскую литературу². Из-за опасения преследований отказался баллотироваться в депутаты Государственной думы Г.А. Лурье. Был арестован Ф.Э. Друцкой-Любецкий, снявший свою кандидатуру в пользу Г.Г. Осмоловского³. В выборщики был избран И.Э. Друцкой-Любецкий.

В условиях вмешательства властей в процесс выборов кадеты заключили союз с национальными либеральными организациями. Так в Минской губернии был образован Прогрессивный блок избирателей, включивший Конституционно-демократическую партию, Польскую независимую партию, Белорусско-литовскую группу, Предвыборный комитет землевладельцев Минской губернии, объединявший польских помещиков, комитеты русских и еврейских избирателей⁴. Для того, чтобы получить поддержку аграриев, А.Р. Ледницкий пообещал Э.А. Войниловичу, бывшему тогда председателем Минского общества сельского хозяйства, не поднимать в Государственной думе вопроса об отчуждении помещичьих земель⁵. В итоге на губернских выборах кадеты вместе с национальными группами получили 80 % голосов выборщиков⁶. Из 9 депутатов 5 были членами КДП: И.Э. Друцкой-Любецкий, А.Р. Ледницкий, Е.И. Любанский, С.Я. Розенбаум, В.О. Янчевский.

Особый успех сопутствовал конституционным демократам в Витебске, где они получили свыше 4 тысяч голосов выборщиков, в то время

¹ Переписка ЦК КДП с кадетами Минской губернии (1906 г.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 243. Л. 30.

² Там же. ЛЛ. 4, 22.

³ *Смалянчук А.Ф.* Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 — люты 1917 г. СПб., 2004. С. 197.

⁴ *Мартюхова М.А.* Указ. соч. С. 48.

⁵ *Войнилович Э.* Воспоминания. Мн., 2007. С. 145.

⁶ *Забайскі М.М.* Указ. сач. С. 33.

как их соперники — октябристы набрали всего лишь тысячу голосов¹. Всего от Витебской губернии в Думу было избрано 3 конституционных демократа: доктор Г.Я. Брук, бывший городской голова Витебска А.О. Волкович и крестьянин Е.П. Филиппов².

Кадеты одержали победу и в Гродненской губернии. Даже их противники из «Союза 17 октября» признали: «Все избранные православные по воззрениям своим принадлежат партии кадетов, но без автономии Польши»³. Под кадетскими знаменами в Думу прошли крестьянин А.В. Куропацкий и помещик М.М. Ерогин (впоследствии перешедший на сторону правительства)⁴. Депутатом от Гродненской губернии стал и один из лидеров либералов, видный ученый-юрист М.Я. Острогорский⁵.

27 апреля 1906 г. начала свою работу I Государственная дума. Из числа депутатов от белорусских губерний, прошедших в «народное представительство» под кадетским флагом, во фракцию КДП вошли: Ш.Х. Левин, Г.Я. Брук, А.О. Волкович, Е.П. Филиппов, А.В. Куропацкий, А.Р. Ледницкий, С.Я. Розенбаум, В.О. Янчевский, Г.Н. Твердый, М.Е. Семенов, А.И. Соколовский. Во фракцию трудовиков вошел Ф.Е. Буслов. А.Я. Хоментовский, Е.И. Любанский и И.Э. Друцкой-Любецкий солидаризировались с другими депутатами-поляками, избранными от Литвы, Беларуси и Украины, в рамках «Территориального коло». Членство в последнем совмещал и А.Р. Ледницкий, бывший, наряду с И.Э. Друцким-Любецким, одним из его руководителей⁶. Кроме того, А.Р. Ледницкий возглавлял Союз автономистов, насчитывавший более 120 депутатов⁷.

Таким образом, КДП на территории Северо-Западного края в первый год своей деятельности смогла обзавестись широкой сетью отделов, деятельность которых координировалась виленскими каде́тами. Особенностью кадетских организаций в Беларуси было наличие в их составе значительного числа евреев. Руководящую роль играли лица интеллектуальных профессий и, отчасти, польские землевладельцы. Особенности социального и национального состава сказались на их по-

¹ Наряд по секретной переписке по Витебской губернии // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Оп. 236. Д. 828. Ч. 1. Л. 2.

² Переписка ЦК КДП с каде́тами Витебской губернии (1905—1906 гг.) / ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 176. Л. 22.

³ Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Гродненским отделом (1906 г.) // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 63. Л. 4 об.

⁴ *Забайскі М.М.* Указ. сач. С. 174.

⁵ Там же. С. 175.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ *Смелянчук А.Ф.* Указ. сач. С. 199.

литической платформе. Кадеты-поляки, стремившиеся сохранить земельную собственность польских помещиков, выступали за самостоятельное решение аграрного вопроса в Северо-Западном крае, что, в конечном итоге, привело их к дистанцированию от КДП. Преобладание после этого среди белорусских конституционных демократов городской интеллигенции, в значительной части еврейской, сделало их гораздо более радикальными по сравнению с кадетами центральной России, особенно по проблеме предоставления равноправия евреям. В условиях бойкота выборов в I Государственную думу со стороны революционных партий, местным кадетам удалось перетянуть на свою сторону их электорат, и, пользуясь симпатиями еврейского большинства белорусских городов, успешно провести своих кандидатов в депутаты.

КАРПЕНКО К.В.

**«Третьеиюньская» монархия и положение о выборах 1907 г.:
опыт юридической квалификации**

КАРПЕНКО КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного права
МГИМО МИД России
(Москва, Россия);
e-mail: kvk_1973@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается правомерность изменения Императором 3 июня 1907 г. порядка выборов в Государственную думу Российской империи. Автор последовательно анализирует юридическую природу и характер полномочий верховной власти и приходит к выводу, что в изучаемый исторический момент государь действовал по праву первичной учредительной власти. Коль скоро таковая не может быть ограничена, предпринятые императором шаги следует считать не только обоснованными, но и законными в тогдашнем нормативном пространстве.

Ключевые слова: император всероссийский, третьеиюньская монархия, Государственная дума, учредительная власть, роспуск парламента.

**«Третьеиюньская» монархия и положение о выборах 1907 г.:
опыт юридической квалификации**

Первые шаги русского парламентаризма в начале XX в. выявили глубокие и труднопреодолимые противоречия в области публично-правовых отношений. Не в последнюю очередь такое положение дел объясняется поздним и одновременно искусственным появлением в нашей стране политических прав у населения¹. Таковые были созданы самой верховной властью, которая ощутила, в конце концов, назревшую потребность придать русскому обществу политическую субъектность. Иными словами, политические права в России не явились результатом многолетней классовой борьбы, а стали одномоментной реакцией со стороны государства на разразившийся социальный кризис 1905 г. В то же время, продолжая мысль Н.М. Коркунова, мы подчеркнем, что инициатива коренных преобразований русского государственно-пра-

¹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 219.

вового быта исходила, как и всегда, от государя императора. Это для нас важно в том смысле, что проявленная таким способом забота суверена об оздоровлении общественно-политического климата в стране укладывается в рамки рационального восприятия окружающей его действительности. Данный тезис исключает, по нашему мнению, квалификацию действий верховной власти как неадекватных ситуации и, тем более, противоправных по отношению к действовавшему тогда законодательству.

Роспуск Государственной думы и обнародование нового избирательного закона 3 июня 1907 г. до сих пор неоднозначно воспринимаются юридической наукой. Общим местом современников тех событий, оценивавших произошедшее, было признание действий тогдашней верховной власти выходящими за рамки существовавшего конституционного правопорядка¹. Действительно, с одной стороны имело место политическое решение затянувшегося институционального кризиса, а с другой, такое решение следовало облечь в соответствующую правовую форму. Вот эта форма и заслуживает, по нашему мнению, анализа и, может быть, переосмысления.

Для квалификации действий, осуществленных верховной властью 3 июня 1907 г., мы, прежде всего, рассмотрим те изменения в ее природе, которые привнесла новая редакция Основных государственных законов 1906 г. (ОГЗ). Во второй части нашего краткого исследования мы обратим внимание на характер полномочий императора, использованных им в изучаемый момент.

До 1906 г. Российская империя представляла собой, как известно, неограниченную монархию с самодержавным правителем во главе. Легальное определение русского абсолютизма содержалось в нескольких разновременных актах, которые скорее дополняли друг друга, высвечивая отдельные черты правового статуса русского монарха. Среди этих документов следует назвать Артикул воинский 1716 г., Морской устав 1720 г., Духовный регламент 1721 г., манифест Анны Иоановны 1730 г. и Учреждение Императорской фамилии 1797 г. Отдельно надо бы отметить Наказ Екатерины II. Он не являлся нормативным актом, но в нем присутствует материальное обоснование самодержавной власти как единственно способной управлять столь обширным государством, каковым была тогдашняя Россия. Инкорпорация русского законодательства, произведенная М.М. Сперанским, соединила положения всех вышеназванных актов в знаменитую формулу Свода законов 1832 г. *«Император российский есть монарх самодержавный и неограниченный»*.

¹ Кистяковский Б.А. Избранное: в 2-х ч. М., 2010. Ч. 2. Государственное право (общее и русское). С. 173—174; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1. С. 180—181.

*Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»*¹.

Не вызывает сомнений тот факт, что данное постановление означает безответственность правителя и сосредоточение в его руках всей государственной власти². Император являл собственной своей персональной самодержавную и неограниченную власть. Она составляла внутреннюю, сущностную характеристику нашего главы государства, на что указывает форма прямого падежа, употребленная в нормативном предписании. Источником этой власти выступал сам император, в себе самом он черпал легитимность имеющихся у него прав и преимуществ. Полнота их выражения и самостоятельность в осуществлении образуют отличительные признаки монархического правления³. Иными словами, император и его власть не были отделимы друг от друга.

Другая картина предстает перед нами в 1906 г. Внесенные в конституционный текст изменения оказались не только редакционного свойства, но и содержательного. Прежде всего, обращает на себя внимание притяжательная грамматическая конструкция, которую использовал законодатель для передачи нового понимания верховной власти. В ст. 4 ОГЗ читаем: *«Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть»*. В отличие от предшествующей формулы здесь мы встречаем два отдельных объекта в описании правовой нормы. Монарх, с одной стороны и власть, с другой существуют параллельно и обладают каждый собственной, отличной от другого реальностью. При этом, отношение между ними строится на соподчиненности: властью обладает именно правитель, семантически он есть субъект, использующий имеющееся орудие для активного воздействия на окружающую правовую действительность. В этом состоит значение редакционной правки ОГЗ 1906 г.

Применительно же к своему содержанию ст. 4 лишила государя титула «неограниченный», т.к. в конституционном пространстве России наряду с монархом появились два представительных учреждения: Государственный совет и Государственная дума. Вполне естественно, что отныне власть главы государства утратила свою полноту. Нам, разумеется, знакома позиция современников, отождествлявших самодержавие и неограниченность власти⁴. Но если до 1906 г. это, по всей видимости, было уместно, то сохранение в последующем самодержавного предиката по необходимости требует иного толкования.

¹ Свод ОГЗ, ст. 1 // Свод законов Российской Империи. Ч. 1. СПб., 1833. С. 3.

² Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 7. Ч. 1. С. 136.

³ Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. СПб., 1886. Ч. 1. С. 77.

⁴ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 115.

Нам представляется, что главная новелла в правовом статусе российского монарха после 1906 г. заключалась в устранении элемента персонификации верховной власти. Император более не олицетворял собой державное правление, а «всего лишь» применял наличествующие полномочия. По нашему мнению подходящей иллюстрацией этого тезиса послужат особенности социальной терминологии Древнего Рима¹. Известно, что квириты употребляли два разных слова для обозначения отцовского обладания: *patrius* и *paternus*. Первое указывает на объект, находящийся в исключительном ведении отца. Такова собственно отцовская власть — *patria potestas*. Это та власть, которая отличает и характеризует именно отца. Она составляет его сущность, освященную вековой традицией. Иными словами, отец и его власть не могут быть разделены, они слиты таким образом, что, во-первых, семейная власть проистекает только от него, а, во-вторых, он лишь потому почитается отцом, что представляет собой эту власть. Тогда как *paternus* выражает отношение физической или имущественной принадлежности. Это мог быть предмет материального мира либо человек, которые существуют вполне самостоятельно, но в данный момент испытывают на себе осязаемое или неосязаемое господство отца. Таковы, например, *domus paterna* (дом отца), *haeres paternus* (наследник отца), *pileus paternus* (шапка отца), *baculum paternum* (трость отца) и т.д. Все эти вещи присутствуют в окружающем мире независимо от отца, и только его волей приводятся в связь с ним. Символично, что, как отмечает Э. Бенвенист, римляне не знали аналогичного «материнского» прилагательного. В латыни нет слова «*matrius*». Предмет, который есть у матери, всегда обозначался как «*maternus*», что подчеркивало его принадлежность ей. Однако такой предмет никогда не соединялся с матерью, не выражал ее внутреннюю природу. Даже такая категория как имя по матери всегда звучала как *nomen maternum* (а не *matrium*). Таким образом, возвращаясь к нашей теме, мы утверждаем, что после 1906 г. верховная власть отделилась от фигуры императора, но, при этом, сохранилась в его непосредственном распоряжении.

В то же время источник верховной власти остался прежним. Она возникла и существует в силу самодовлеющего факта, каковым является историческая русская монархия. После 1906 г. в нашем законодательстве по-прежнему нет органа, который стоял бы выше правителя и, который мог бы предоставить ему какие-либо полномочия. Император обладал властью по собственному праву².

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 183—184.

² Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999. С. 115.

Мы установили, что после 1906 г. осуществление властной способности императора подверглось известным ограничениям. Тем не менее, ст. 4 ОГЗ явным образом предполагает некоторый объем верховной самодержавной власти. К его выявлению мы и переходим.

В тексте Основных государственных законов в редакции 1906 г. можно обнаружить попытку применения в российской конституционной практике учения об обособлении властей. Отдельные функции верховной власти оказались вверенными специально созданным или преобразованным органам. Часть законодательных полномочий отошла учреждениям народного представительства. В области исполнительной власти, при всей широте императорского усмотрения, вводилось правило скрепления (*контрассигнации*) монарших актов главой правительства или министрами. К слову сказать, это правило повсеместно распространено и в современной управленческой деятельности¹. Наконец, отправление судебных функций главы государства было поручено органам правосудия². Логично предположить, что в руках государя оставалась значительная доля всех вышеназванных полномочий. Однако такой ответ представляется нам, хотя и верным, но недостаточным, т.к. определить с точностью какой именно процент полномочий сохранился за монархом крайне затруднительно, если вообще возможно. Попытки сделать это надо приветствовать, но не следует и забывать, что полученный результат не будет свободен от изрядной доли вероятия. А в праве, думается, желательно, все-таки, иметь твердое понимание тех понятий, с которыми приходится работать.

Представляется, что в обладании императора должна была остаться какая-то еще власть, укрытая за предикатами «верховная» и «самодержавная». Такой властью, по нашему мнению, может быть только власть учредительная, всегда главенствующая в государстве и порождающая все прочие формы политического воздействия. Именно это и имеет в виду формулировка ст. 4 ОГЗ. Действительно, приняв решение в 1905 г. даровать народу политические свободы, и на их основе призвать его представителей к управлению державными делами, русский монарх совершил акт прямого правообразования. Его воля изменила текущий правопорядок, придав ему ранее несвойственные черты. Легальность всех новых государственных органов опирается на учредительные акты, изданные верховной властью. Этот тезис в известной степени подтверждается и нормативными предписаниями ст.ст. 8 и 107 ОГЗ, которые утверждают за императором исключительное право внесения изменений в конституционные тексты. Справедливости ради

¹ Правительство в зарубежных странах: коллективная монография / [И.А. Ракитская и др.]; под ред. К.В. Карпенко. М., 2016.

² ОГЗ 1906 г., ст.ст. 7, 22, 24 // Свод законов Российской Империи в 5-ти кн. СПб., 1912. Кн. 1. Т. 1. С. 1—2.

отметим, что похожую позицию высказывал в свое время видный государствовед П.Е. Казанский¹.

Важное свойство учредительной власти заключается в ее неограниченности. Субъект, устанавливающий новый правопорядок, всегда волен поступить по собственному усмотрению. Повлиять на его решение могут лишь факторы, не имеющие отношения к праву. Ведь известно, что первоначально государь задумывал создать законосовещательную Думу, но позже изменил свое мнение под влиянием кризисных (политических) событий. В любом случае, носитель учредительной власти никогда не вправе брать на себя такие обязательства, которые нарушили бы его природу и связали бы в будущем его волю на неопределенное время. При этом не имеет юридически значения кем представлена такая власть: народом или монархом. Власть вообще есть категория принудительная, и тот факт, что она осуществляется от имени нескольких десятков или сотен миллионов граждан (т.е. народа) отнюдь не смягчает ее насильственного характера. Если в современных государствах народ всегда удерживает за собой право полностью изменить конституцию, то едва ли допустимо отказывать в оном тому, чье право повелевать укоренено в истории и подтверждено избранием и подкрестной записью (на Земском соборе 1613 г.)². Наконец, учредительные полномочия императора вполне укладываются в категорию монаршей прерогативы, известной и современному конституционному праву, разве что в России начала XX в. она проявилась в верховенстве и самодержавии³.

Итак, мы выяснили, что по ст.ст. 4, 8 и 107 ОГЗ император обладал учредительной властью. Теперь же попытаемся взглянуть на события 3 июня 1907 г. с точки зрения реализации этой власти. Мы не станем излагать в подробностях фактические обстоятельства тех дней. Они многократно описаны в исторической литературе. Поэтому обратимся непосредственно к тем правовым основаниям, которые позволили государю распустить Думу и изменить порядок ее последующего избрания.

Право роспуска парламента, производимое главой государства, вызывает наименьшие затруднения у ученых, поскольку оно давно и прочно вошло в конституционную практику и не противоречит демократическому правовому режиму⁴. Предусмотрено оно было и нашими

¹ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 227, 232.

² Загоскин Н.П. История права Московского государства. Казань, 1877. Т. 1. С. 165—166.

³ Водяницкая Е.А. Глава государства — монарх в Великобритании // Глава государства в зарубежных странах: коллективная монография / Под ред. А.Г. Орлова, Н.А. Славкиной. М., 2016. С. 35—39.

⁴ Депутат зарубежного парламента: коллективная монография / Под ред. А.Г. Орлова, Е.А. Кремянской. М., 2014.

ОГЗ в ст. 105. Очевидно, что высочайший манифест от 3 июня в этом отношении не нарушил действовавшего законодательства. Но этим же документом вводилось в действие и новое положение о выборах без обсуждения оно в палатах. В этом действии обычно усматривают нарушение ст. 7, 8 и 86 ОГЗ.

Внимательный взгляд на текст манифеста не позволяет, думается нам, увидеть эти нарушения. Дело в том, что в самом акте дается исчерпывающее обоснование правомерности предпринятых действий: «Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым»¹. Из этого предписания с очевидностью вытекает учредительный характер использованных государем полномочий. Это продолжение той же державной воли, которая предоставила населению России политические вольности еще в 1905 г. Тогда, руководствуясь собственным усмотрением и имея в виду благо страны, суверен согласился с необходимостью уступить часть своих исконных прав в пользу иных учреждений, им же созданных. Напомним кстати, что, сделав это, государь император не был связан никакими ограничениями. А в 1907 г. воля монарха выразилась в октроировании нового текста конституционного значения. Учитывая, что первоначально русский народ никак не участвовал в подтверждении суверенной воли путем, например, референдума, то не было решительно никаких оснований ожидать подобного и в 1907 г. Конституцию в современном смысле слова нельзя рассматривать как договор между властью и обществом. Подобная точка зрения есть пережиток феодального правосознания, когда господствующим методом регулирования общественных отношений было взаимовыгодное соглашение заинтересованных сторон². Конституционный же акт, каковым были ОГЗ 1906 г., представляет собой высший закон, изменяемый в особом порядке. Он исходит непосредственно от верховной власти и участие населения в его одобрении далеко не всегда предполагается даже сегодня.

В нашем рассуждении есть, однако, одно существенное затруднение. Согласно ст. 8 ОГЗ их пересмотр допускался с обязательным привлечением Государственного совета и Государственной думы, чего по понятным причинам сделано не было. Манифест от 3 июня 1907 г. был издан единолично монархом и не получил одобрения представительных учреждений. На первый взгляд имеется явное нарушение установленного в законе порядка. Разрешение этой коллизии на доктринальном уровне мы видим в разделении учредительной власти на пер-

¹ Государственная дума в России в документах и материалах / Под ред. Ф.И. Калинычева. М., 1957. С. 271—273.

² *Понтович Э.Э.* Развитие конституции и учредительная власть. Пг., 1918. С. 22.

воначальную и производную (вторичную). Первая из них порождает новый правопорядок, устанавливает его принципы и механизмы функционирования. Вторая появляется впоследствии, при уже учрежденном государственном укладе. Ее функция состоит во внесении поправок в текст конституции для его приспособления к меняющимся условиям правового быта. Данная позиция весьма распространена не только в европейской конституционно-правовой науке, но и в отечественной¹.

Первоначальная учредительная власть находится во вне правовом пространстве. Она предшествует конституционному акту и связывает его возникновение с проявлением своей воли. Но первичная учредительная власть еще и обладает преимуществом перед создаваемой ею конституцией, т.к. способна придать последней известную направленность. Такая власть, безусловно, стоит выше учреждаемого ею нормативного текста. Отсюда вытекает невозможность ограничения первоначальной учредительной власти. Применительно к нашей теме, мы смеем утверждать, что октроирование высшего закона императором не устраняет монархический принцип правления. Этот принцип лишь обусловлен волей первоначальной учредительной власти, т.е. волей государя. Даровав народу новые законы, будь то в 1906 г. или в 1907 г., наш монарх изменил порядок осуществления некоторых своих прав, отделил Верховную власть от своей персоны. Коль скоро воля монарха проявилась изначально в сознательном допущении собственного ограничения, она сохраняется подразумеваемой и может быть использована в нужный момент. В ОГЗ, в ст. 4 закреплена как раз первичная учредительная власть. Ее самородность и всеобъемлющее свойство позволяет ей действовать *praeter et contra legem*.

Вторичная же учредительная власть призвана действовать в рамках уже установленной процедуры. Порядок изменения конституции может быть различным, но он всегда подробно регулируется в нормативном тексте. В этом заключается связанность вторичной учредительной власти действующими правилами. Более того, конституционный текст всегда содержит некоторое ядро предписаний, не могущих быть пересмотренными в рамках наличного правопорядка. Обычно это важнейшие положения и принципы, отличающие конкретное государство и делающие его неповторимым². Отсюда видно, что воля вторич-

¹ Напр.: Duverger M. Contribution à l'étude de la légitimité des gouvernements de faits // RDP. 1945. Т. 60. Р. 73—100; Комарова В.В. Учредительная власть: теория и механизм ее реализации // Евразийский юридический журнал. 2011. № 4. С. 61—65.

² Карпенко К.В. Конституционная самобытность как расширение предмета конституционного права // Материалы международной научно-практической конференции «Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем». М., 2016. С. 271—277.

ной учредительной власти стеснена как формальными, так и материальными условиями. ОГЗ 1906 г. не содержали неизменных положений, что можно объяснить недостаточностью юридической техники того времени. Однако признание за императором исключительного права на инициативу их пересмотра указывает косвенно на известную заботу о стабильности конституционного законодательства и, как следствие, о юридической безопасности субъектов права. Формальная же процедура пересмотра ОГЗ вполне предусматривалась в ст. 8, и к участию в этом призывались органы народного представительства. Иными словами, вторичная учредительная власть разделялась между государем и парламентом.

Для полного раскрытия нашей темы необходимо затронуть еще один вопрос. Основным законом 1906 г. был известен правовой институт чрезвычайных указов, урегулированный в ст. 87. Сам по себе он присущ любому главе государства¹. Применительно к России напомним, что названная статья давала императору право издания временных законодательных актов в перерывах между занятиями Государственной думы с обязательным представлением таковых на ее последующее утверждение. Немаловажно и то, что этой статьей нельзя было воспользоваться для изменения статуса представительных учреждений, равно как и порядка их формирования.

В первый период «междудумья» верховная власть активно пользовалась своим чрезвычайно-указным правом. Общее количество принятых за это время указов достигает 60-ти, а предмет их регулирования предельно разнообразен. Мы склонны согласиться с Б.Э. Нольде в том, что императорское усмотрение проявилось в этом деле во всей своей силе². Именно глава государства брал на себя ответственность в каждом отдельном случае выявить и определить насколько оказались в наличии фактические обстоятельства, оправдывающие применение подобных мер. Тем более отрядным представляется тот факт, что император наш не воспользовался предписаниями этой статьи в изучаемый момент русской истории. Мы полагаем, что этот отказ наглядно свидетельствует об уважении нашего монарха к законам, им же созданным. Строгость формулировки ст. 87 исключала ее прямое использование в этой ситуации, и государь, со своей стороны, не прибег к конъюнктурному истолкованию ее содержания.

Таким образом, события, произошедшие 3 июня 1907 г., следует изначально воспринимать как правомерные, поскольку верховной власти, опирающейся на историческую преемственность и обоснованную

¹ Глава государства в зарубежных странах. М., 2016.

² Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 47—49.

легитимность, в принципе не свойственно совершать преступные действия. Это тем более верно, что в 1907 г. русская монархия еще не подверглась неминуемой угрозе падения. Отправляясь от этой посылки, мы попытались отыскать правовые основания сделанных императором радикальных шагов и выяснили, что он действовал по праву первичной учредительной власти.

ИВАНКОВ Э.В.

Административный ресурс на выборах в Государственную думу третьего созыва в Северо-Западных губерниях

ИВАНКОВ ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ,
аспирант Института гуманитарных наук
Балтийского Федерального Университета
имени Иммануила Канта (Калининград, Россия);
e-mail: eduard.ivankov.2013@mail.ru

Аннотация: Вмешиваясь в электоральный процесс, исполнительная власть преследовала одну цель — создать в Думе проправительственное большинство для законодательного обеспечения проводившейся политики. Для этого использовались разнообразные средства и методы, в том числе изменение избирательного законодательства. В данном случае анализируется опыт административного контроля выборов в III Государственную думу на примере Псковской и Новгородской губерний. Рассматриваются способы административного вмешательства губернских властей в избирательный процесс, что напрямую отразилось на результатах выборов. В итоге избранные депутаты от Псковской и Новгородской губерний были правыми и октябристами, занимавшими консервативные позиции.

Ключевые слова: Государственная дума, выборы, избирательный закон, административный ресурс, агитация, оппозиция.

Административный ресурс на выборах в Государственную думу третьего созыва в Северо-Западных губерниях

Администрация существенно могла повлиять на избирательный процесс выборов в Думу. Одним из самых простых способов решить исход выборов было изменение избирательного закона. Об этом власть задумалась после первой предвыборной кампании в 1906 г., когда Дума заняла антигосударственную позицию. При этих обстоятельствах правительство было вынуждено пойти на реформу избирательного законодательства, чтобы предотвратить дестабилизацию внутреннеполитической ситуации в стране¹.

Товарищем министра внутренних дел С.Е. Крыжановским было составлено три проекта. Первый предполагал, что выборы будут организованы по принципу квот для групп избирателей. Второй вариант

¹ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906—1914). М., 2011. С. 344.

изменял расстановку сил в губернском избирательном собрании в пользу крупных землевладельцев. И наконец, последний вариант предполагал, что основную роль в избирательном процессе будут играть уездные земские собрания, в случаях их отсутствия — уездные избирательные собрания¹.

В мае Совет министров одобрил второй проект С.Е. Крыжановского, который сами участники обсуждения определили «бесстыжим». 3 июня 1907 г. наряду с манифестом и указом о роспуске II Думы было обнародовано и новое «Положение о выборах в Государственную думу». Издание нового избирательного закона в обход Думы и Государственного совета являлись нарушением ОГЗ и было воспринято оппозицией как государственный переворот².

Самое главное изменение, внесенное в избирательную систему законом 3 июня 1907 г. заключалось в перераспределении числа выборщиков между куриями. Оно существенно изменяло расстановку сил в губернском избирательном собрании в пользу более зажиточных и лояльных к власти — представителей крупного землевладения и буржуазии. Общая численность выборщиков в губернском избирательном собрании по Российской империи сократилась на 12,62 %, за счет уменьшения представительства рабочих на 42,31 % и крестьян на 54,05 %, при одновременном увеличении горожан на 6,36 % и землевладельцев на 24,33 %³.

Если на выборах в I и II Думы крестьянская курия являлась преобладающей по численности, то на выборах в III и IV Думы ее представительство сократилось более чем наполовину (56 %) ⁴.

Особенностью избирательной системы было и то, что, сохранив выборы обязательного депутата крестьянской курии, решение об избрании принимали не сами крестьяне-выборщики, а члены губернского избирательного собрания. Таким образом, представительство крестьян губернии в Думе ставилось в прямую зависимость от настроений и симпатий помещичье-буржуазного большинства губернского избирательного собрания⁵.

После издания третьеиюньского избирательного закона правительство, по мере возможностей, контролировало избирательный процесс.

¹ Там же. С. 345.

² Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 25.

³ Рышкевич М.Е. Выборы в Государственную думу в Уфимской губернии (1906—1912 гг.): Дис. ... к. ист. н. Челябинск, 2004. С. 121.

⁴ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты, 1906—1917. Пермь, 1995. С. 59.

⁵ Королева Р.В. Крестьяне Петербургской губернии на выборах в III Государственную думу // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2003. С. 161.

Списки избирателей могли быть опубликованы только с санкции товарища министра внутренних дел после проверки их в специальном отделе этого ведомства. В первую очередь власть пыталась исключить из списков лидеров оппозиции. Так, петербургские власти неоднократно предпринимали попытки лишить избирательных прав лидера кадетов П.Н. Милюкова. На третьих выборах губернская комиссия не признала за ним избирательного права по квартирному цензу. Это решение П.Н. Милюков обжаловал в Сенате. Он все же смог воспользоваться избирательным правом, поскольку обладал помимо квартирного ценза еще и промысловым¹.

Однако другие известные кадеты не смогли проголосовать. Так, за несколько часов до выборов из списков по «совету» петербургского губернатора был исключен кадетский деятель В.М. Гессен на том основании, что он не обладал квартирным цензом по уезду. Будучи депутатом II Думы, В.М. Гессен по вполне объективным причинам должен был проживать в Петербурге. Высшей инстанцией подобное исключение было признано неправомерным, но выборы уже состоялись. Не был допущен к выборам и издатель «Речи» Ю.Б. Бак, которому пакет с избирательным бюллетенем был выдан накануне выборов, с надписью: «Не доставлен, так как адресат под судом»².

Местная власть всячески препятствовала деятельности левых партий и любой противоправительственной агитации. Так, в Псковской губернии эсеры находились под пристальным наблюдением правительственных инстанций — полиции и судебно-следственных органов. Начальник Псковского губернского жандармского управления в конце сентября 1906 г. отмечал, что после весенних арестов «главнейших деятелей местной группы партии, работа эсеров значительно ослабла, но летом вновь оживилась». В сентябре 1907 г. в Псковском окружном суде рассматривалось дело 18 человек, причастных к деятельности боевой организации эсеров. Осужденные были высланы из губернии в 1908 г.³

Административные преследования проходили и в соседней Новгородской губернии. В июне 1906 г. была пресечена агитационно-революционная деятельность эсеров в Белозерском и Кирилловском уездах. Было арестовано около 20 агитаторов и активных крестьян. Земский начальник отмечал, что организацию возглавляли образованные крестьяне «руководимые и снабжаемые газетами, журналами, брошюра-

¹ Речь. 1907. 4 октября.

² Речь. 1907. 12 октября.

³ *Петров С.Г.* Общественно-политическая жизнь Псковской губернии и выборы в I Государственную думу: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2005. С. 67—68.

ми и прокламациями таинственными незнакомцами из г. Белозерска»¹.

Аналогичные меры применялись и в столичной губернии. Осень 1907 г. прошла под знаком нарастающего внимания губернской администрации к положению дел в деревне. Петербургский губернатор Зиновьев издал обязательное постановление в целях предупреждения «смуты, тревоги и раздражения». Еще в августе исправники получили циркуляр губернатора, в котором требовалось «ввиду начала выборной агитации иметь неослабное внимание за учителями ... памятуя, что только принятие мер в корне может пресечь работу противоправительственного сообщества». Были уволены и высланы из деревни неблагонадежные земские служащие и учителя².

Вместе с тем правительство координировало свои действия с лояльными политическими силами, прежде всего правыми. В Псковской губернии губернская администрация действовала с губернской земской управой в союзе. Ее председатель, бывший октябрист и мирнообновленец С.И. Зубчанинов, примкнул к националистам, и, как результат, стал членом III Государственной думы от Псковской губернии³.

Значительное большинство губернских гласных поддерживало националистов, о чем резюмировал Псковский губернатор Н.Н. Медем: «дробление на крайних правых, правых октябристов и националистов в действительности не существует, и все правые объединились под флагом национализма, указанного Государственной думой»⁴.

Правительство так же оказывало финансовую поддержку консервативным организациям и изданиям. Например, печатный орган Союза русского народа — газета «Русское знамя» — ежемесячно получала от МВД 15 тысяч рублей. Так же субсидировались издания «Колокол», «День», и др. Была предпринята попытка сделать газету «Россия» серьезным правительственным официальным изданием⁵.

По воспоминаниям С.Е. Крыжановского, правительство тратило на агитационные цели и расходы по выборам около 3 млн. руб. в год⁶.

¹ Шульгин В.Н. Из истории «крестьянской работы» эсеров на Северо-Западе в 1906 году // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1986. С. 80.

² Королева Р.В. Указ. соч. С. 162.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 57. Л. 27. См. также: Бородин А.П. Зубчанинов Сергей Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 213.

⁴ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 222. Л. 21.

⁵ Ивакин Г.А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905—1907 гг. М., 2014. С. 126.

⁶ Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 105—106.

Администрация применяла и другие не менее действенные средства для получения нужного количества голосов. В ходе избирательной кампании в третью Думу широко практиковалось разделение предварительных съездов. Во-первых, эта мера способствовала формированию более правого состава землевладельческой курии. Во-вторых, ставка на духовенство обеспечивала результативный исход самих предварительных съездов¹.

В этой связи мобилизация дисциплинированного и послушного духовенства — один из традиционных правительственных приемов избирательной борьбы. Он был апробирован во время голосования в III Думу. Так, в Новгородской губернии местная администрация с одной стороны, контролировала количество представителей духовного сословия в землевладельческой курии, в уездах Старорусском, Демянском, Боровическом и Тихвинском. С другой стороны, мобилизовало духовенство для противодействия левым в уездах Устюжинском, Кирилловском, Череповецком и Белозерском².

Вместе с тем местная бюрократия исполняла свои обязанности в полной мере. На съезде городских избирателей Петербургского уезда на выборы не допустили гражданина, долго и убедительно просившего контролеров сообщить членам избирательной комиссии, что он «Матвей Мохов из-за Псковской заставы, явился на выборы и записал священника Сергея». Примечательно, что тот самый священник кандидат от октябристов священник С.К. Верховский явился на выборы, но не смог проголосовать, т.к. уже участвовал в съезде землевладельцев того же уезда³.

Выборы от каждой из курий имели свою специфику, в том числе и в плане политических пристрастий выборщиков. Землевладельческая курия благодаря мобилизации священнослужителей, была консервативной. Оппозиционные политические силы потерпели здесь сокрушительное поражение — 77,3 % избранных выборщиками приходилось на октябристов, умеренных и правых (на прошедших выборах этот показатель равнялся 70,5 %). Укрепили свои позиции консервативные силы и в крестьянской курии. Если в первой избирательной кампании крестьянские выборщики в большинстве являлись беспартийными — 79,7 %, а на вторых выборах оппозиция в крестьянской среде смогла провести 59,1 % своих выборщиков, то уже в сентябре 1907 г., умеренные и правые смогли провести 42,6 % своих представителей в губернские собрания⁴.

¹ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Указ. соч. С. 62—63.

² РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 214. Л. 24.

³ Речь. 1909. 12 октября.

⁴ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Указ. соч. С. 65.

Административный ресурс давал свои результаты. Избранные по новому избирательному закону новгородские и псковские депутаты оказались значительно умереннее своих предшественников. Депутатами III Думы от Псковской губернии были избраны националисты — крестьянин Н.Т. Тимофеев, волостной старшина и землевладелец; А.Н. Ткачев — дворянин, присяжный поверенный С.-Петербургского судебного округа; Н.И. Микляев — действительный статский советник, член Великолукского суда; Н.Н. Лавриновский — предводитель Псковского уездного дворянства; А.Д. Зарин — дворянин, неприменимый член Порховской уездной землеустроительной комиссии¹.

В III Думу от Новгородской губернии были выбраны: граф Э.П. Беннингсен — октябрист, гласный Новгородского губернского земства, был уездным предводителем дворянства; П.Е. Евсеев — прогрессист, крестьянин, волостной старшина; Л.В. Половцев — националист, чиновник особых поручений при МВД, землевладелец; Н.Ф. Румянцев — прогрессист, депутат I Государственной думы; К.Н. Тимирев — октябрист, депутат II Государственной думы; М.Я. Шульгин — октябрист, почетный гражданин и городской голова г. Боровичи².

Успеху правых в немалой степени способствовало, с одной стороны, выгодное для них изменение избирательного закона, с другой — постоянное вмешательство местных властей в ход выборов. Арсенал правительственных мер по контролю над выборами был велик: власть изменяла избирательное законодательство, отстраняла неблагонадежных кандидатов и поддерживала лояльных, инструктировала соответствующим образом чиновников всех уровней, организовала агитационные кампании в прессе.

В результате выборов депутатами III Думы стали 154 октябриста и примыкающих к ним мирнообновленцев, или 38,8 % от 442 парламентариев. При выборе депутатов от землевладельческой курии октябристы провели 26 своих кандидатов (52 %), а консерваторы, в том числе крайне правые — 20 (40 %). От крестьянской курии октябристы провели 17 депутатов (30,9 %), столько же, как и умеренно-правые. От

¹ Вестник Псковского губернского земства. 1907. № 41. 21 октября. С. 1—2. См. также: *Николаев А.Б.* Зарин Александр Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 206; *Рылов В.Ю.* Лавриновский Николай Николаевич // Там же. С. 316; Там же. С. 373, 612, 614.

² Члены Государственной думы (портреты и биографии). Третий созыв 1907—1912. М., 1910. С. 197—202. См. также: *Николаев А.Б.* Беннингсен Эммануил Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 49; Там же. С. 182; *Николаев А.Б.* Тимирев Константин Николаевич // Там же. С. 611; *Коцюбинский Д.А.* Половцев Лев Викторович // Там же. С. 468; Там же. С. 535, 710.

первого съезда городских избирателей октябристы провели 13 депутатов (44,8 %), от второго — 18 (36,7 %)¹.

Кадеты смогли провести в Думу 54 депутата, уступив то руководящее положение, которое они занимали в предыдущих Думах, октябристам. Одной из причин такого «провала» по мнению П.Н. Милюкова, была роль премьер-министра П.А. Столыпина, который «унаследовал от гр. Витте союз с октябристами, самое название которых уже было политической программой. И условием созыва Третьей Думы, естественно, явилось проведение этих его союзников в Думу в качестве ее руководителей и членов правительственного большинства»².

Своеобразным подтверждением такого вывода лидера кадетов могут являться слова председателя Кабинета министров в 1905 г. С.Ю. Витте. В своих воспоминаниях он писал: «Закон 3 июня не может претендовать на то, что он дает “выборных” членов Думы, он дает “подобранных” членов Думы, подобранных так, чтобы решения были преимущественно в пользу привилегированных и сильных. Теперешняя Государственная дума есть Дума не “выборная”, а “подбранная”»³.

¹ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Указ. соч. С. 73.

² Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). М., 1990. Т. 2. С. 3—4.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. 2-е изд-е. Л., 1924. Т. 2. С. 363.

ТИМОХИНА Д.А.

**«Ясно выразили желание иметь своим представителем
кадета...»: к истории дополнительных выборов
в III Государственную думу по второй курии
г. Санкт-Петербурга 21 сентября 1909 г.**

ТИМОХИНА ДАРЬЯ АРКАДЬЕВНА,
аспирант Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: darktimokhina@gmail.com

Аннотация: В статье на основе материалов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива, а также периодической печати реконструирован ход предвыборной кампании по дополнительным выборам депутата III Государственной думы по 2-й курии избирателей г. Санкт-Петербурга, проанализировано отношение различных политических партий к внеочередным выборам, рассмотрены особенности их электоральной политики. По мнению автора, воспользовавшись инертностью своих политических оппонентов и недовольством столичного избирателя реализацией программы правительства П.А. Столыпина и работой фракции октябристов, конституционно-демократическая партия смогла вновь провести своего кандидата в депутаты (Н.Н. Кутлера).

Ключевые слова: конституционно-демократическая партия, III Государственная дума, Н.Н. Кутлер, избирательная кампания, электорат.

**«Ясно выразили желание иметь своим представителем
кадета...»: к истории дополнительных выборов
в III Государственную думу по второй курии
г. Санкт-Петербурга 21 сентября 1909 г.**

Как известно, 27 апреля 1909 г. А.М. Колюбакин был исключен из числа депутатов III Государственной думы¹. Новая предвыборная гонка, не получившая специального освещения в историографии (за исключением лапидарных упоминаний в работах В.С. Дякина и А.В. Костылева и статье в энциклопедии «Государственная дума Российс-

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 1—111.

кой империи. 1906—1917»¹⁾ стартовала в августе 1909 г. после того, как был обнародован высочайший указ о проведении дополнительных выборов в г. Санкт-Петербурге 21 сентября того же года²⁾.

Таким образом, в распоряжении политических партий было чуть меньше двух месяцев на организацию избирательной кампании. На практике — еще меньше, т.к. все потенциальные участники предвыборной борьбы не спешили с выдвижением и объявлением кандидатур.

Стоит отметить, что за неполные два года работы III Государственной думы дополнительные выборы депутатов стали уже довольно обычным явлением. К осени 1909 г. отказались от депутатского звания, признаны выбывшими или незаконно избранными, а также умерли 27 народных избранников от 24 губерний и городов с отдельным представительством³⁾. Кроме того, вторая сессия выдалась весьма напряженной, поэтому внимание политических партий в период думских каникул было сосредоточено на дальнейшей тактике в Думе, а не на локальном успехе на столичных выборах⁴⁾.

¹⁾ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. / Под ред. Р.Ш. Ганелина. Л., 1978. С. 152—153; Костылев А.В. Выборы в III Государственную думу в Санкт-Петербурге // Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2009. С. 140—152; Кутлер Николай Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 313—314. Стоит отметить, что обстоятельства избрания Н.Н. Кутлера в III Государственную думу не отражены и в работах, посвященных его биографии. См., напр.: Марченкова Л.В. Н.Н. Кутлер — материалы к биографии // Из глубины времен. Альманах / Гл. ред. А.В. Островский. 1997. Вып. 8. С. 113—130; Муравьева Л.А. Деятельность Н.Н. Кутлера — депутата Государственной думы второго и третьего созывов (1907—1912 гг.) // Парламентаризм в России и Германии. История и современность. Сб. ст. / Отв. ред. Я.А. Пляйс, О.В. Гаман-Голутвина. М., 2006. С. 111—129; Николаев М.Г. Царский министр делает советские деньги. М., 1999; Ольховский Е.Р. Николай Николаевич Кутлер // Личность и власть в истории в истории России XIX—XX вв. Материалы научн. конф. / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 1997. С. 220—225; Соколов А.С. Н.Н. Кутлер на службе России (до 1917 г. и после) // Историки размышляют. Сб. ст. / Под ред. Л.И. Семенниковой. М., 1999. С. 183—214.

²⁾ К выборам в Государственную думу // Речь. 1909. 1 августа.

³⁾ Подсчитано по: Члены Государственной думы (портреты и биографии): Третий созыв, 1907—1912 гг. / Сост. М.М. Боиович. 6-е изд. М., 1913. С. 60—63.

⁴⁾ См. Дякин В.С. Указ. соч. С. 122—154; Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1908—1909. Ч. I—IV.

Следовало ожидать, что энергичнее всех включится в предвыборную борьбу конституционно-демократическая партия. Между тем, в столичном городском комитете довольно активно обсуждался вопрос о демонстративном выставлении кандидатуры А.М. Колюбакина, однако последний отнесся к этой идее крайне отрицательно¹. Со временем позиция кадетов по вопросу об участии в будущих выборах принципиально изменилась: они стали рассматривать их как возможность выяснить отношение электората к тактике партийной фракции.

Городским партийным руководством была намечена кандидатура бывшего депутата II Государственной думы Н.Н. Кутлера. В качестве запасного кандидата рассматривался известный столичный адвокат О.О. Грузенберг². Окончательное согласие Кутлера баллотироваться в Думу было получено только 12 августа, что, безусловно, еще больше сократило фазу интенсивной предвыборной агитации³.

К счастью для кадетов, их политические оппоненты не проявляли активности. Трудовики принципиально не стали выставять своего кандидата, т.к., по заявлению одного из лидеров трудовой группы В.В. Водовозова, столичные избиратели, отдав на выборах свои голоса А.М. Колюбакину, тем самым «ясно выразили желание иметь своим представителем кадета <...> Поэтому своим содействием прохождению конституционного демократа на место Колюбакина трудовики <...> выразят свое отрицательное отношение к факту его исключения»⁴.

Октябристы определились с кандидатом лишь к началу сентября, предварительно безрезультатно проведя раунд переговоров с Ю.Н. Милютиным, уже баллотировавшимся в Думу в октябре 1907 г. Их кандидатурой стал кабинетный ученый — заведующий отделением морской метеорологии Главной физической обсерватории С.Г. Грибоедов⁵. По ироничному замечанию Н.Н. Кутлера, «предсказатель погоды [был] необходим в Думе партии, привыкшей держать нос по ветру»⁶.

¹ Заседание исполнительной комиссии Санкт-Петербургского городского комитета 3 сентября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 338. Л. 7 об.

² Протокол заседания Санкт-Петербургского городского комитета 12 августа 1909 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 336. Л. 22.

³ Кандидатура Н.Н. Кутлера в члены Государственной думы // Речь. 1909. 13 августа.

⁴ К выборам в Государственную думу // Речь. 1909. 1 августа.

⁵ Газетное сообщение о совместном заседании ЦК, городского совета и представителей участковых комитетов Союза 17 октября в г. Санкт-Петербург 10 сентября 1909 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференции и заседаний ЦК. 1905—1915 гг.: В 2 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 2. С. 54.

⁶ Второе предвыборное собрание // Речь. 1909. 9 сентября.

За депутатский мандат решили побороться также социал-демократ Н.Д. Соколов, активный деятель Союза русского народа П.Ф. Булацель и два «самовыдвиженца» — М.М. Ковалевский и В.Д. Кузьмин-Караваев¹.

Циркуляром МВД столичным властям «в охранение свободы собраний» предписывалось «не стеснять» собраний зарегистрированных партий и разрешать собрания, устраиваемые «лицами, хотя и принадлежащими к партиям, в легализации коих было отказано, когда они действуют как частные лица, а не от имени партии»². Кадеты активно воспользовались этой возможностью. Городской комитет планировал провести 10 собраний³. Первое предвыборное собрание было организовано инженером В.И. Штейнингером 6 сентября в Соляном городке. Оно было закрыто полицией после фразы П.Н. Милюкова о том, что «в России нет больше самодержавия», а «монарх конституционный», что признано в Европе и пример этому — учебник «Опыт методики законоведения» А.Х. Гольмстена⁴. Второе собрание состоялось там же 8 сентября и после трех предупреждений было закрыто приставами⁵.

Еще два кадетских собрания вообще не были разрешены градоначальником, причем в качестве причины в одном из случаев было указано на несоответствие зала кинотеатра «Колизей» требованиям пожарной безопасности⁶.

Прошло лишь два полноценных кадетских предвыборных собрания — 14 сентября в зале «Пальма» и 19 сентября в зале Народного дома Э.Л. Нобеля⁷. Конституционные демократы участвовали также в собраниях польских и еврейских избирателей⁸. Лейтмотивом большинства выступлений партийных ораторов стала критика избирательного законодательства и признание незаконным исключение из числа депутатов А.М. Колюбакина. Кадетская фракция как раз внесла законопроект об изменении Положения о выборах в Государственную думу,

¹ К выборам в Государственную думу // Речь. 1909. 13 августа.

² Циркуляр о предвыборных собраниях // Речь. 1909. 4 сентября.

³ Заседание исполнительной комиссии Санкт-Петербургского городского комитета 28 августа 1909 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 338. ЛЛ. 2 об., 4.

⁴ Первое предвыборное собрание // Речь. 1909. 7 сентября.

⁵ Второе предвыборное собрание // Речь. 1909. 9 сентября.

⁶ Неразрешенные собрания // Речь. 1909. 16 сентября.

⁷ Предвыборные собрания // Речь. 1909. 15 сентября; Накануне выборов // Речь. 1909. 20 сентября.

⁸ Предвыборные собрания // Речь. 1909. 13 сентября; Предвыборные собрания // Речь. 1909. 17 сентября.

рассчитывая тем самым вернуть Колюбакину избирательные права¹.

Октябристы своих предвыборных собраний в столице не проводили и почти не выступали на чужих². «Почему-то октябристы по-видимому не желают выступать на избирательных собраниях, и ушаты грязи, вылитые на них, действительно могут создать у избирателей представление, что все, что говорится про Третью Думу и октябристов, правда и что одни только кадеты и социал-демократы спасают отечество, которое хотят погубить октябристы и умеренно правые», — с сожалением отмечало «Новое время»³.

На двух известных предвыборных собраниях правых «громили кадетов»: так, например, депутат Государственной думы Ф.Ф. Тимошкин прямо говорил о том, что партия народной свободы опасна, т.к. «старается уверить, что по Основным законам у нас есть конституция», и призывал всех кандидатов, кроме Булацеля, сослать на каторгу⁴.

Городским комитетом кадетов было распространено предвыборное воззвание. В нем подробно освещалась деятельность кандидата как управляющего Крестьянским банком и депутата II Думы, особо подчеркивалось то, что он «отстаивал обеспечение крестьян землей и настаивал на расширении прав Думы в бюджете». Кроме того, избирателям были разосланы печатные бюллетени⁵. Кадеты рассчитывали обойтись одной рассылкой, несмотря на возможность второго тура голосования⁶. Председатель районного комитета Петербургской стороны К.К. Неллис подчеркивал «общее равнодушие населения к предстоящим выборам»: «на выборы явятся лишь наиболее развитые избиратели, которые не нуждаются в повторной рассылке воззваний и бюл-

¹ Протокол совещания конституционно-демократической фракции III Государственной думы с представителями провинциальных групп 21 октября 1908 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 2. С. 79.

² В отличие, например, от Москвы, где в это же время проходили дополнительные выборы депутата Государственной думы по первой курии. В Первопрестольной октябристы устроили шесть предвыборных собраний. Подр. см.: Газетные сообщения о предвыборных собраниях «Союза 17 октября» в Москве 19—21 и 23—25 сентября 1909 г. с участием членов ЦК Союза // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференции и заседаний ЦК. Т. 2. С. 54—76.

³ На избирательных собраниях // Новое время. 1909. 14 сентября.

⁴ Предвыборные собрания // Речь. 1909. 15 сентября; Предвыборные собрания // Речь. 1909. 21 сентября.

⁵ Обращение «Внимание! Граждане-избиратели!» // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 351. Л. 60.

⁶ Протокол заседания Санкт-Петербургского городского комитета 21 августа 1909 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 336. Л. 25 об.

летеней»¹. Доставкой агитационных материалов занимались в основном представители студенческой кадетской фракции².

Исполнительная (предвыборная) комиссия городского комитета энергично взялась за сбор пожертвований на предвыборные нужды³. Сохранился денежный отчет этой внеплановой избирательной кампании. Партии народной свободы удалось собрать 1629 руб. 14 коп. Этой суммы с избытком хватило на типографские расходы и устройство предвыборных собраний⁴.

Убедительную победу на выборах одержал Н.Н. Кутлер, получивший 51,4 % голосов. Традиционно кадетов поддерживали польские, еврейские, эстонские и немецкие избиратели⁵. Занявший второе место Н.Д. Соколов набрал лишь 19,2 %. Вплотную к нему приблизился С.Г. Грибоедов с 16,2 %, оставив далеко позади В.Д. Кузьмина-Караваева (7 %) и П.Ф. Булацеля (5 %), не говоря уже о других кандидатах⁶. Результаты выборов были признаны законными⁷. Следует отметить низкую явку избирателей (24514 человек — около 28 % обладавших правом голоса, причиной чему стала неаккуратная рассылка избирательных повесток), что позволило А.И. Гучкову назвать победу кадетов «не из блестящих»⁸.

Сами же кадеты рассматривали победу Н.Н. Кутлера как высокую оценку деятельности кадетской фракции в Думе. «Представилась воз-

¹ К.К. Неллис — в городской комитет, 1 октября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1.

² Протокол заседания исполнительной комиссии Санкт-Петербургского городского комитета 3 сентября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 338. Л. 9 об.

³ Протокол заседания Санкт-Петербургского городского комитета 21 августа 1909 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 336. Л. 24; Протокол заседания исполнительной комиссии Санкт-Петербургского городского комитета 28 августа 1909 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 338. Л. 6.

⁴ Отчет по приходу и расходу денежных сумм городского комитета на дополнительные выборы 23 сентября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 342. ЛЛ. 130—131.

⁵ Санкт-Петербург, 20 сентября // Речь. 1909. 20 сентября.

⁶ Выборы члена Государственной думы от г. Петербурга // Речь. 1909. 23 сентября.

⁷ Протокол заседания 1-го отдела Государственной думы 26 октября 1909 г. [Копия] // РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 51. Л. 103.

⁸ Газетные сообщения о предвыборных собраниях «Союза 17 октября» в Москве 19—21 и 23—25 сентября 1909 г. с участием членов ЦК Союза // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференции и заседаний ЦК. Т. 2. С. 74.

возможность узнать, как отнеслись широкие круги к новым тактическим шагам нашей партии. Оказалось, что все произошедшее несколько не испортило наших отношений с избирателями. Близкая будто бы к нам кандидатура В.Д. Кузьмина-Караваева явилась попыткой изловить нас на почве всеобщей бестолковщины. И оказалось, что кандидат наш получил сразу же абсолютное большинство» — с удовлетворением отмечал на ноябрьской партийной конференции 1909 г. Н.А. Гредескул¹.

Победа кадетского кандидата свидетельствует о критической оценке петербуржцами первых двух лет деятельности Думы «3 июня»². Абсентеизм избирателей стал существенной преградой для кадетов на пути к успеху. Он стал возможным во многом из-за отсутствия настоящей предвыборной борьбы — пассивности октябристов и правых на фоне активной работы агитационного механизма кадетов, отработанного на предыдущих выборах.

¹ Протокол вечернего заседания совещания парламентской фракции партии народной свободы с представителями местных групп 14 ноября 1909 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 182.

² Выборы члена Государственной думы от г. Петербурга // Речь. 1909. 22 сентября.

**Российский парламент в 1906—1917 гг.:
состав и деятельность**

РЯБУХИН И.В.

**Отражение функций политической элиты в депутатских
интерpellациях первого созыва Государственной думы
Российской империи**

РЯБУХИН ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры новейшей истории России
Пермского государственного национального
исследовательского университета
(Пермь, Россия);
e-mail: i_ryabukhin@mail.ru

Аннотация: В представленном исследовании прослеживается роль депутатских интерpellаций при формировании нового вида элиты в позднеимперский период — парламентской элиты. Проводится анализ ключевых депутатских запросов и попытки влиять на принимаемые правительством решения посредством интерpellаций. Прослеживаются попытки депутатов поставить правительство в подчиненное по отношению к законодательному органу положение и восприятие представителями исполнительной власти Думы.

Ключевые слова: парламентская история, формирование элит, депутатские запросы, позднеимперский период истории России.

**Отражение функций политической элиты в депутатских
интерpellациях первого созыва Государственной думы
Российской империи¹**

Перводумцы стали рекордсменами как по количеству подготовленных, так и предъявленных министрам запросов. По меткому замеча-

¹ Исследование выполняется при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00569 «Формирование парламентской субэлиты в позднеимперской России» (2016—2018, руководитель И.К. Кирьянов)

нию современника, думцы первого созыва были уверены, что они смогут сместить министерство, но «увы, они рыли могилу себе».

Характерной чертой Думы первого созыва являлась опора на телеграммы, письма, сообщения в печати и личные впечатления депутатов при составлении текста запроса. Это уже проявилось при обсуждении первого запроса, тема которого была сформулирована следующим образом: «Печатание воззваний в департаменте полиции, содержание в тюрьмах многих лиц без предъявления к ним обвинений и беспорядки в Вологде, Калязине и Царицыне». Сам запрос опирался на факты, сообщенные в газете «Речь» от 15 февраля 1906 г., и состоял из двух частей. Первая касалась непосредственно печатания в департаменте «возмутительных воззваний, призывающих к избиению инородцев и интеллигенции». Сюда же были отнесены беспорядки в городах, так как «они совершались при том же преступном отношении властей». Первая часть заканчивалась формулировкой: «Известны ли г. министру приведенные факты, какие меры приняты им для наказания виновных и что министр намерен сделать для предотвращения таких преступлений в будущем?». Затем следовала вторая часть, состоявшая целиком из одной формулировки и не имевшая ничего общего с предыдущим материалом: «Независимо от сего мы просим Государственную думу сделать г. министру запрос о том: Известно ли г. министру, что администрация переполнила тюрьмы заключенными, в числе коих есть заведомо невинные, и что в нарушение всех, даже исключительных законов об усиленной и чрезвычайной охране, власти содержат заключенных свыше установленного срока без предъявления какого бы то ни было обвинения, доводя их таким путем до отчаяния, выражающегося в добровольной голодовке?»¹.

Приведенные цитаты наглядно отражают специфические стороны, которыми обладали все последующие запросы перводумцев. Прежде всего это безоговорочное доверие одному источнику. Вторым недостатком заключался в том, что ответ фактически закладывался в запрос и состоял в признании действий властей незаконными априори.

В этом плане также показателен запрос № 136, посвященный смертному приговору, который был вынесен военным судом восьми рабочим в городе Риге и утвержден временным Прибалтийским генерал-губернатором. Основанием для запроса в данном случае являлся ответный адрес на тронную речь, в котором, в частности, Государственная дума «отметила необходимость приостановления исполнения смертных приговоров»², а не незаконные действия упомянутого генерал-губернатора или неправильное применение военного суда (стоит оговориться,

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 272.

² Там же. С. 294.

что вся Прибалтика находилась на военном положении и на чрезвычайном положении об охране). Сама же формулировка запроса, направленного Председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, представляет собой нечто среднее между просьбой и директивным указанием: «Верно ли сообщенное по телеграфу известие и сделано ли сношение по телеграфу с Прибалтийским генерал-губернатором о приостановлении приведения в исполнение упомянутых смертных приговоров»¹.

Третий недостаток формально-юридического характера встречается в большинстве запросов Думы первого созыва — это отсутствие ссылок на действующее законодательство или указаний на нарушение каких-либо законов со стороны администрации.

Кроме того, большинство запросов имели частный характер, то есть были посвящены отдельным лицам, которые либо высланы, либо содержатся в тюрьме, либо подверглись другим, по мнению Думы, незаконным и насильственным действиям со стороны администрации. Наиболее наглядно частная направленность проявилась при обсуждении запроса № 14, связанного с «преследованием» железнодорожных и почтово-телеграфных служащих, участвовавших в октябрьской и декабрьской забастовках², в котором разбирались незаконные действия прокурорского надзора в городе Новочеркасске. Депутат от Московской губернии, мирнообновленец В.С. Баршев³, так сформулировал свое отношение к подобного рода запросам: «Запрос, который внесен, касается отдельных лиц, которые, быть может, совершенно неправильно арестованы судебным следователем; но закон предоставляет в таких случаях этим лицам право принести жалобу на действия судебного следователя в окружный суд, а на постановление окружного суда — судебной палате. <...> Поэтому я думаю, что едва ли было бы правильно обращаться с запросами по этому поводу к министру и занимать Думу такими отдельными случаями, которых, быть может, масса по всей России»⁴.

Постоянным противником формы подаваемых запросов являлись мирнообновленец граф П.А. Гейден⁵ и его коллега по фракции князь Н.С. Волконский⁶. Так, при обсуждении запроса № 19, посвященно-

¹ Там же.

² Там же. С. 531.

³ Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 38

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. С. 533.

⁵ Шевырин В.М. Гейден Петр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 124.

⁶ Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 100.

го содержанию в Харьковской тюрьме члена Крестьянского союза Антона Щербака, П.А. Гейден возражал против его принятия, так как, по его мнению, представленное депутатам заявление — «не запрос», поскольку приводятся не вполне достоверные факты¹. Похожая ситуация сложилась и при принятии запроса № 20 «Военный суд над 35 лицами в Риге», который основывался на следующем: «По известию, напечатанному во всех газетах, и по частным сведениям, полученным некоторыми членами Государственной думы, сегодня, 23 мая, в г. Риге должен начаться военный суд над 35 лицами, против части которых выставляются обвинения по статьям, указывающим на возможность смертных приговоров»². П.А. Гейден в данном случае обращал внимание депутатов на то, что формулировка запроса, направляемого военному министру («Принимаются ли им меры, необходимые для приостановления исполнения смертных приговоров, если они будут произнесены военным судом по указанному выше процессу»³), не соответствует не только форме запроса, но и противоречит действующему законодательству, так как военный министр просто сошлется на то, что существует «судебная процедура, установленная в известном порядке»⁴. Примерно в том же духе говорил князь Н.С. Волконский при обсуждении направленных на имя министра внутренних дел запросов № 27 и № 28 (первый касался «военного суда в Севастополе над Б. Савинковым и участниками в покушении на ген. Неплюева», второй — высылки в административном порядке братьев Кузьминых из Бузулука)⁵.

Однако большинство депутатов исходили из других предпосылок при подаче запроса. Некоторые ссылались на то, что «дело в людях, а не в букве»⁶. Кадет А.А. Муханов⁷ подчеркивал: «Нет никакого сомнения, что каждому из нас в своем кругозоре известно очень много других случаев нарушения администрацией прав частных лиц и незаконности ее действий»⁸. Наиболее наглядно позиция первоудмцев проявилась при обсуждении вышеупомянутого запроса № 1 в словах

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. С. 557.

² Там же. С. 558.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 559.

⁵ Там же. С. 634—635.

⁶ Там же. С. 588.

⁷ Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 388.

⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. С. 272.

члена фракции «Народной свободы» Л.И. Петражицкого¹: «Обоснования для принятия не нужно, так как запрос ясен, а суждение по сему делу гораздо лучше иметь, когда у нас будут факты, сообщенные министрами, правильные факты, если они будут такими»². Похожую позицию занимали и члены комиссии по рассмотрению незаконномерных действий должностных лиц. Например, депутат Н.А. Огородников (кадет³), впервые докладывая от имени комиссии заключение по переданным ей запросам, отмечал следующее: «При работах комиссии вовсе не следует сообщать все те материалы, которые послужили подписавшим запросы основанием их предложений, для того, чтобы министерство не имело возможности <...> исследовать те материалы, которые были положены в основание запросов. <...> министерство же должно исследовать причины на месте; <...> министрам придется более считаться с Думой, которая будет исследовать каждый запрос»⁴. Таким образом, комиссия так же, как и депутаты, исходила из того, что действия администрации изначально незаконны, а обоснование запроса будет необходимо, если версия правительства не совпадет с думской и ее будет необходимо опровергать.

Довольно значительное место в практике Думы первого созыва занимали запросы, инициаторами которых являлись отдельные депутаты и которые касались конкретных людей или положения в конкретных территориях. Такой способ подачи запроса описывал подробно в своем выступлении трудовик Т.И. Седельников⁵: «21 мая утром я получил телеграмму с извещением о том, что в тюрьме пятый день голодовка. Просят помощи. Молчание с моей стороны считают преступлением. Но что я мог сделать, когда 21 было воскресенье и заседания в Думе не было. <...> Заседание Думы состоялось только сегодня. Чтобы внести предложение в Думу, нужна подпись 30 членов. Чтобы умереть с голоду, нужно только восемь суток»⁶.

Основанием для спешности нередко была личная заинтересованность «народных представителей». Например, депутат Н.Н. Ковалев-

¹ Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 455.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. С. 274.

³ Голубева И.В. Огородников Николай Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 424.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 2. С. 1029.

⁵ Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 552.

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. С. 559.

ский следующим образом отстаивал спешность запроса № 19, который касался члена Крестьянского союза Антона Щербака: «Я являюсь сюда ходатайствовать о признании спешности дела Щербака. Я лично знаю Щербака. <...> Я знаю его за человека очень умеренного и решительно не могу понять, почему человек столь умеренного образа мыслей может быть предметом какого-то исключительного преследования. <...> Мне кажется, мы не можем терпеть дальнейшего продолжения несправедливости и нам нужно решительно выступить в защиту поправленных начал неприкосновенности личности»¹. Если же никто не вызывался защищать запрос, то он направлялся в комиссию.

Часть запросов нередко была направлена в прошлое и касалась событий, произошедших в 1905 году, как это было в случае с запросом № 1². Причем формулировки запросов также носили директивный характер, как это, например, было в случае с запросом № 3 «О мерах борьбы с голодом»: «3. Отменено ли распоряжение об отказе в пособии семьям крестьян, участвовавших в аграрных волнениях? 4. Намерен ли министр внутренних дел допускать и впредь применение администрации исключительных законов и полномочий по отношению к тем частным лицам и учреждениям, которые приходят на помощь голодающему населению, и ставить им препятствия по своему усмотрению, невзирая на нужды населения?»³.

Дореволюционные авторы, рассматривая запросы, обыкновенно обращали внимание на те из них, на которые были получены ответы министров, так как относили их к наиболее «интересным и показательным»⁴. Разъяснения сановников также делятся на две группы.

К первой относятся краткие письменные или устные ответы. Они касались запросов, посвященных высылкам, работе военных судов, содержанию в тюрьме. Так, министр юстиции был готов дать сообщения сразу по 6 запросам, а министр внутренних дел — по 30⁵. П.Н. Милюков подобные объяснения называл не иначе как «канцелярскими отписками»⁶.

¹ Там же. С. 557.

² Там же. С. 272.

³ Там же. С. 407.

⁴ См., напр.: *Винавер М.М.* Конфликты в первой Думе. СПб., 1907. С. 129; *Герье В.И.* Первая русская Государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906. С. 29; *Локоть Т.В.* Политические партии и группы в Государственной думе: Характер и причины политического бессилия Первой Думы. Возможный характер и задачи Второй Думы. М., 1907. С. 54—55; и др.

⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 2. С. 1703.

⁶ *Милюков П.Н.* Год борьбы: Полит. хроника: 1905—1907 гг. СПб., 1907. С. 356.

В разъяснениях четко прослеживается в корне различное отношение министров и Думы к одним и тем же вопросам: то, что депутаты считали нарушением прав человека, министры рассматривали в соответствии с действующим законодательством и незакономерных действий не усматривали¹.

Ко второй группе относятся подробные устные объяснения министров по тому или иному запросу. Наиболее показательным в этом плане объяснение П.А. Столыпина по запросу № 1, которое было подготовлено для него в особом отделе Департамента полиции². Стоит отметить, что депутаты, несмотря на ту обструкцию, которой они подвергали министров, отмечали, что «фигура Столыпина выделяется среди седовласых и плешивых коллег»³. В самом начале своего ответа министр внутренних дел оговаривается, что «согласно ст. 58 Учреждения Государственной думы, сведения и разъяснения со стороны министров могут касаться только незакономерных действий, возникших после учреждения Государственной думы, т. е. после 27-го апреля». Однако П.А. Столыпин признавал возможность дать Думе ответ, так как «тут нарекания на деятельность всего департамента полиции, на него непосредственно взводится обвинение в возбуждении одной части населения против другой, последствием чего было массовое убийство мирных граждан. Я нахожу, что новому министру необходимо разобраться в этом деле»⁴. Заканчивая свое выступление, министр отметил еще одну особенность депутатских заявлений: «Запросы Думы, конечно, касаются только таких явлений, которые могут вызвать нарекания в обществе»⁵. Таким образом, министр внутренних дел рассматривал запрос, прежде всего, как средство привлечения общественного внимания к тем или иным проблемам в осуществлении государственной политики.

Необходимо сказать, что де-юре министры были абсолютно правы, признавая действия тех или иных представителей администрации закономерными, но документы, подготовленные для разъяснений Столыпина по запросам, содержат факты, которые не могли не возмущать большинство депутатов. Приведем несколько выдержек из отчета чрезвычайных прибалтийских властей по поводу запроса № 12 (он же № 151)

¹ См., напр.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 2. С. 1910, 1913, 1914, 1920—1921 и др.

² ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. Оп. 236. Д. 360. ЛЛ. 1—7 об.

³ *Варшавский С.* Жизнь и труды первой Государственной думы. М., 1907. С. 150.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 2. С. 1125—1126.

⁵ Там же. С. 1128.

«Незаконные действия карательных отрядов в Прибалтийском крае»: «Главная цель военных отрядов — восстановление правительственной власти»¹, для чего «войскам разрешается забирать путем реквизиции необходимые им жизненные продукты, фураж и подводы. Во избежание же обвинения войск в насилии, реквизиции следует производить лишь в строго необходимом размере и за все забираемое выдавать населению квитанции, заносся таковые в особые тетради», а «для большего морального воздействия желательно широко пользоваться пироксилином» при сожжении имущества бунтовщиков².

Все эти события происходили до начала работы Думы и, с формальной точки зрения, не относились к кругу вопросов, которые мог рассматривать первый созыв. Тем не менее, министр внутренних дел, в отличие от И.Л. Горемыкина, который отклонил направленный к нему запрос № 4, исходя из действующего законодательства, пытался установить конструктивные отношения с депутатским корпусом, в том числе и при помощи запросов. Однако обе попытки оказались неудачными (вторая была предпринята при разъяснениях министра по запросу № 3 «О мерах борьбы с голодом»). В первом случае реакцию депутатов характеризуют как нельзя более точно слова С.Д. Урусова (группа партии демократических реформ³): «Эта опасность, смею сказать, не исчезнет, пока на дела управления, а, следовательно, на судьбы страны будут оказывать влияние люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики (*несмолкаемый гром аплодисментов*)»⁴. Во втором случае разъяснения закончились «личными, непарламентскими нападениями на министра внутренних дел»⁵, шумом, свистом и вновь криками «в отставку». В дальнейшем ответы на запросы данному Министерству давал товарищ министра Макаров, и зачастую он не выходил в своих выступлениях дальше коротких формальных разъяснений, где действия власти в основном «представлялись закономерными»⁶.

Депутаты, в свою очередь, старались всячески опровергнуть объяснения министров или найти в них несоответствия. Итогом депутатского обсуждения становились формулы перехода к очередным делам,

¹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. Оп. 236. Д. 360. Л. 119.

² Там же. Л. 121 об.

³ Хайлова Н.Б. Урусов Сергей Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 639.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 2. С. 1132.

⁵ Герье В.И. Первая русская Государственная дума. С. 27.

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 2. С. 1908—1935. В данном случае товарищ министра ответил сразу на 33 запроса.

которыми все представленные 57 разъяснений министров признавались в той или иной мере неудовлетворительными.

Некоторые запросы носили изначально конфронтационный характер, как, например, заявление № 26, адресованное П.А. Столыпину как министру внутренних дел, по поводу его действий в качестве губернатора. Формулировка запроса выглядела следующим образом: «Если же г. министр отдает предпочтение высочайшим указам, то не признает ли он для себя обязательным предать бывшего саратовского губернатора Столыпина суду за нарушение высочайшего указа от 8 марта 1905 года»¹.

Таким образом, в I Государственной думе запросы выполняли не функцию контроля и влияния на деятельность правительства, а являлись важным средством выражения оппозиционности правительству и его политике, полем для выдвижения партийных требований, доказывали и разоблачали антинародный характер власти. Прежде всего, это была форма протестной деятельности, которая должна была подчеркнуть контрольные функции и фактическую власть Думы.

Представляется, что запросы в первом созыве в полной мере отражали восприятие большинством думцев себя как новой политической элиты, которая способна диктовать свою волю правительству, требовать ответственного министерства, фактического претворения в жизнь требований либерального крыла революционного движения 1905—1907 гг. и изменения Основных законов Российской империи. По сути, развернулась политическая борьба, из которой Думе не суждено было выйти победителем.

Сложилось два восприятия Думы как органа в политическом пространстве страны: со стороны депутатов, которые видели себя «народными представителями» и считали, что правительство находится по отношению к ним в подчиненном положении и со стороны правительства, которое видело в Думе инструмент успокоения общества, в случае выстраивания с представительным органом конструктивных отношений. При этом в большинство случаев вмешательство думцев никоим образом не влияли на события, которые рассматривали в запросах, и заканчивалось как минимум дискуссией в представительном органе, а как максимум — письменным ответом министерства.

¹ Там же. С. 632 — 633.

АМБАРЦУМОВ И.В.

**Вопрос о реформировании законов о межконфессиональном
браке в III Государственной думе**

АМБАРЦУМОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории для преподавания
на естественных и гуманитарных факультетах
Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: ivanrusk@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена законопроекту о межконфессиональных браках, разработанному столыпинским МВД в 1906—1907 гг. и истории его обсуждения в комиссиях III Думы. Данный законопроект предусматривал отмену некоторых важных преимуществ, которыми пользовалась при заключении смешанных браков православная церковь, против чего резко выступил вначале Святейший Синод, а затем председатель комиссии по делам православной церкви В.Н. Львов; имели место также нападки на проект со стороны крайне правых кругов. В результате правительство было вынуждено отозвать законопроект из Думы еще до его обсуждения в общем собрании. Автор приходит к выводу, что столыпинский законопроект был шагом на пути к размежеванию церковного и светского семейного права, что не устраивало ни православную церковь, ни консервативную часть политической элиты. Также делается вывод о том, что В.Н. Львов, ставший впоследствии церковным обновленцем, в тот период стоял на консервативных позициях, защищая тесный союз государства и церкви в рамках синодальной системы.

Ключевые слова: церковь, семейное право, церковный брак, межконфессиональный брак, свобода совести, Третья Государственная дума, Столыпин, Министерство внутренних дел, Святейший Синод, Владимир Николаевич Львов, Василий Павлович Шеин.

**Вопрос о реформировании законов о межконфессиональном
браке в III Государственной думе**

В исторической и правоведческой литературе до сих пор нет специальных исследований, посвященных проектам реформирования брачно-семейного законодательства, обсуждавшимся в Государственной

думе Российской империи. Наиболее серьезным из них являлся разработанный столыпинским МВД проект закона «О вызываемых провозглашенной высочайшим манифестом 17 октября свободой совести изменениях в области семейственных прав»; в существующих работах о нем даются лишь отдельные отрывочные сведения. Ю.С. Белов дает чрезвычайно краткую характеристику законопроекту, не вполне справедливо называя его положения «революционными»¹, и затем упоминает о факте его отзыва из Думы осенью 1909 г.² Те же самые краткие сведения содержатся в монографии А.А. Дорской³. Американский историк П. Верт в своей работе «Православие, инославие, иновение» верно характеризует основную идею столыпинского законопроекта — «в одно и то же время поддержать религиозный характер брака и более четко разграничить гражданское право и церковный канон»⁴. Однако процесс обсуждения законопроекта в думских комиссиях никем из упомянутых авторов не прослеживается; не останавливаются они подробно и на замечаниях к нему, высказанных в двух постановлениях Святейшего Синода от 1907 г. П. Верт даже неверно называет дату отзыва законопроекта из Думы, указывая на октябрь 1908 г. (вместо 1909)⁵. Настоящая статья призвана отчасти восполнить указанные пробелы в существующих исследованиях.

Брачно-семейное законодательство Российской империи было достаточно консервативно по своему характеру и, по сути, являлось частью религиозного законодательства. Светской формы брака не существовало. Государство признавало браки, заключенные по обрядам православной церкви и других официально признанных конфессий. Вопросы, связанные с брачными и бракоразводными делами были, в целом, предметом регулирования церковных властей. Объектом же государственного регулирования были, главным образом, межконфессиональные браки, при заключении которых могли возникать противоречия между духовенством разных исповеданий. Закон, изданный еще при Петре I по требованию Синода, предписывал, чтобы смешанный брак, в котором одна из сторон была православной, был обвенчан непременно по православному обряду, и чтобы неправославный супруг дал перед венчанием подписку священнику в том, что он «не будет

¹ *Белов Ю.С.* Судьба правительственной программы вероисповедных реформ в 1906—1914 гг. // Клио. № 1 (7). 1999. С. 179—180.

² Там же. С. 181.

³ *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001. С. 83, 101.

⁴ *Верт П.* Православие, инославие, иновение: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 169.

⁵ Там же. С. 172—173.

ни поносить своего супруга за Православие, ни склонять его чрез прельщение, угрозы или иным образом, к принятию своей веры, и что рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах Православного исповедания»¹. Когда же брак заключался между представителями двух инославных конфессий, они ставились в равное положение: церковь, в которой совершалось венчание, и вероисповедная принадлежность детей определялась взаимным свободным соглашением супругов. Лишь в губерниях Западного края действовало правило о том, что венчание производится в церкви невесты, сыновья воспитываются в вере отца, а дочери — матери². Правило это восходило к русско-польскому договору 1768 г.³, применялось оно в основном при браках между католиками и протестантами⁴. Православным разрешалось вступать в браки только с представителями других христианских исповеданий, браки с нехристианами (мусульманами, иудеями, язычниками) православная церковь не венчала и их запрещал государственный закон. Запрещались такие браки и католикам, лишь протестантам можно было сочетаться браком с иудеями и мусульманами (но не с буддистами и язычниками)⁵.

С объявлением веротерпимости и свободы совести высочайшими актами 17 апреля и 17 октября 1905 г. встал вопрос о либерализации норм брачного законодательства, в первую очередь тех, которые гарантировали преимущества православной стороны в смешанном браке. Убедленным сторонником преобразования законов о браке и семье на основе начал религиозной свободы являлся П.А. Столыпин. В конце 1906 — начале 1907 гг. Министерство внутренних дел под его руководством разработало серию законопроектов по религиозным вопросам, в их числе был законопроект «О вызываемых провозглашенной высочайшим манифестом 17 октября свободой совести изменениях в области семейственных прав». Затрагивал он, в основном, правила о межконфессиональных браках и вероисповедании рожденных от них детей. Проект сохранял церковную форму брака, не предлагая никаких других альтернатив. Также он предусматривал неравноправный

¹ СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 67.

² Там же. № 75.

³ Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и вероисповедании детей, от сих браков происходящих. СПб., 1906. С. 61.

⁴ Амбарцумов И.В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX — начало XX века) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 50.

⁵ СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 85, 87; Т. XI. Ч. 1. № 328—329; Амбарцумов И.В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX — начало XX века). С. 78—80.

подход к конфессиям в ситуациях смешанных браков: преимущество православной церкви перед всеми прочими исповеданиями, преимущество респектабельных («признанных») инославных христианских церквей перед «сектантскими обществами» и, наконец, всех вообще христианских религий перед нехристианскими. Если статусный уровень конфессий жениха и невесты различался, то венчание предполагалось совершать по обряду религии более высокого статуса. Но при этом отменялось безусловное требование о воспитании детей от смешанного брака с участием православного супруга непременно в православии: религиозная принадлежность детей должна была определяться взаимным соглашением родителей, и лишь когда отец и мать не могли прийти к соглашению, в какую веру крестить ребенка, вступало в силу преимущество православной церкви; при отсутствии соглашения родителей, принадлежавших к двум разным неправославным христианским конфессиям, сыновья должны были креститься в веру отца, а дочери — в веру матери. При этом относительно детей от смешанных браков христиан с нехристианами сохранялось правило об обязательности их воспитания в вере супруга-христианина. Отменялись также предбрачные подписки инославных супругов о непереносимом крещении детей в православие и несклонении в свою веру православной «половины». Упразднялись некоторые юридические нормы, дублировавшие церковные каноны, например, запрет для православных и католиков на браки с нехристианами¹. Это вовсе не значило, что православная и католическая церкви принуждались, в случае принятия закона, к венчанию своих последователей с лицами нехристианских исповеданий, как потом утверждали критики законопроекта. Идея Столыпина, высказанная в пояснительной записке к законопроекту, состояла в том, что «светский закон вовсе не призван охранять канонические правила», включая сюда внутренние правила различных церквей о допустимости тех или иных супружеских союзов. Подразумевалось, что каждая церковь сама вправе решать, допускать или не допускать венчание своих чад с лицами нехристианской веры; государство же лишь устанавливает общее правило о преимуществах христианской конфессии в случае подобных браков (венчание по христианскому обряду и воспитание детей в христианстве)².

Законопроект был одобрен Советом министров и 10 марта 1907 г. внесен во II Думу, которая рассмотреть его не успела³, но зато он стал предметом обсуждения в Святейшем Синоде и был подвергнут со стороны последнего резкой критике. В двух синодальных постановлени-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 422. ЛЛ. 47—49.

² Там же. ЛЛ. 25 об.—27, 48.

³ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 41. Л. 152.

ях, принятых в марте и декабре 1907 г., содержалось требование правительству не отменять предбрачные подписки инославных супругов, в противном случае Синод угрожал приостановить или ограничить венчание православным духовенством смешанных браков. Также Синод настаивал, чтобы в новый закон было включено запрещение браков православных с нехристианами и ограничение на брачные союзы с некоторыми категориями староверов и сектантов (теми толками, чье учение очень далеко ушло от догматических основ христианства)¹. Правительство Столыпина и Святейший Синод так и не смогли прийти к согласию по законопроекту. 21 января 1908 г. законопроект о «семейственных правах» был внесен Советом министров уже в III Думу в прежней редакции, но при этом, наряду с объяснительной запиской МВД, законопроект предварялся еще одной специальной запиской, в которой излагалась критическая позиция Синода². Это была уступка, на которую пошел Столыпин под давлением обер-прокурора П.П. Извольского: сходными записками были сопровождаемы и некоторые другие вероисповедные законопроекты Министерства, также вызвавшие критику церковного священноначалия³. Депутатам предлагалось выбрать, чью точку зрения предпочесть — правительства или Синода.

В III Думе законопроект о «семейственных правах» был отправлен на заключение сразу двух комиссий: по вероисповедным вопросам (председатель П.В. Каменский («Союз 17 октября»⁴)) и по делам православной церкви (председатель В.Н. Львов («Союз 17 октября»⁵)). Комиссия по делам православной церкви отдельных заседаний по законопроекту не проводила, а первое и единственное заседание вероисповедной комиссии, посвященное ему, состоялось 11 марта 1909 г., то есть в середине второй сессии III Думы. В информационной и технической подготовке этого заседания принимал деятельное участие председатель законодательного отдела думской канцелярии Василий Павлович Шеин. Впоследствии Шеин будет депутатом в IV Думе, после октября 1917 г. примет монашество, станет архимандритом и будет расстрелян в 1922 г. по делу петроградского митрополита Вениамина⁶. Тогда же он был лишь чиновником аппарата Думы, но при этом

¹ Там же. Д. 693. ЛЛ. 90—91, 93 об.—94

² Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 422. ЛЛ. 1—4 об.

³ Белов Ю.С. Судьба правительственной программы вероисповедных реформ в 1906—1914 гг. С. 181.

⁴ Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 230.

⁵ Николаев А.Б. Львов Владимир Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 337.

⁶ Николаев А.Б. Шеин Василий Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 693—694.

образованным юристом и компетентным специалистом в области брачно-семейного права; ранее он специально занимался вопросом межконфессиональных браков в рамках Особого совещания по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева, работавшего в конце 1905 — начале 1906 г. Шеин составил по поручению Игнатьева объемный сборник законодательных, административных и церковных актов по вопросам подобных браков со времен Петра I до текущего времени¹. Незадолго перед заседанием вероисповедной комиссии Шеин сделал специальный запрос в МВД, чтобы 100 экземпляров этого сборника были доставлены в Думу для ознакомления депутатов². Согласно «Справочному листку» Государственной думы на заседании вероисповедной комиссии 11 марта 1909 г. присутствовали 28 ее членов, были также представители духовного ведомства, т.е. Синода. Вначале был заслушан доклад по законопроекту депутата-священника Александра Трегубова (члена вероисповедной комиссии, представителя фракции октябристов³). Текст доклада не сохранился, судя по всему, он носил вводно-информационный характер. Затем следовал доклад В.Н. Львова, который был одновременно членом вероисповедной комиссии и председателем комиссии по делам православной церкви⁴. Львов резко критиковал законопроект, фактически солидаризируясь с позицией Синода. Он напоминал, что каноны древней церкви в принципе запрещали браки с неправославными, и лишь при Петре I церковь пошла на уступку правительству, разрешив такие браки, но с непременным условием взятия с инославных женихов и невест подписок, гарантирующих «неизменность веры православного супруга и воспитание в православии детей». Теперь же правительство хочет своей волей эти подписки отменить, что есть покушение на права церкви и приведет к неминуемому конфликту светской и церковной властей. Львов напоминал о том, что православная церковь и государство в России теснейшим образом объединены, Синод, как он говорил, есть «правительство духовное», без санкции которого не следует принимать никаких актов, касающихся религиозной жизни государства. Вывод докладчика состоял в том, что положение об отмене предбрачных подписок следует изъять из законопроекта⁵. По всей видимости, к аргументации Львова

¹ Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и вероисповедании детей, от сих браков происходящих. СПб., 1906.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. ЛЛ. 109, 112

³ *Николаев А.Б.* Трегубов Александр Лаврентьевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 618.

⁴ Справочный листок Государственной думы (Третий созыв — вторая сессия). 1909. № 43. С. 4.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 422. ЛЛ. 6—8 об.

депутаты отнеслись весьма серьезно, поскольку по итогам заседания комиссии было принято решение «доклад Львова отпечатать, а обсуждение законопроекта отложить до Фоминой недели»¹. Фомина неделя — неделя начинающаяся со следующего воскресенья после Пасхи, Фомина воскресенья, которое в 1909 г. приходилось на 5 апреля. Фактически даже после этой даты не состоялось ни одного нового заседания вероисповедной комиссии, где бы обсуждался законопроект о «семейственных правах», не обсуждала его и комиссия по делам православной церкви. Возможно, комиссии были заняты другими, более срочными, с точки зрения депутатов, законопроектами, возможно, сказалось давление Синода и правых политических сил. В частности на обсуждаемую Думой реформу законов о смешанных браках резко нападала консервативная газета «Новое время» в заметке от 11 апреля 1909 г.² Позднее реформаторские вероисповедные проекты столыпинского МВД, включая законопроект о «семейственных правах», были подвергнуты разгромной критике на так называемом Съезде русских людей, всероссийском собрании представителей правых организаций, которое прошло в Москве 27 сентября — 4 октября 1909 г. В частности, участником съезда миссионером И.Е. Айвазовым правительство и Дума обвинялись в стремлении к отделению церкви от государства и семьи от церкви³. Другой докладчик съезда архиепископ Кишиневский Серафим (Чичагов) возмущался идеей Столыпина об отказе государства от защиты церковных канонов в области семейного права⁴. Однако еще ранее этого съезда Столыпин согласился уступить давлению Синода и правых кругов. 15 сентября 1909 г., менее чем за месяц до начала третьей думской сессии, Совет министров постановил отозвать из Думы для переработки два законопроекта, подвергавшиеся критике Святейшего Синода: «Об отношении государства к отдельным исповеданиям» и «О вызываемых провозглашенной высочайшим манифестом 17 октября свободой совести изменениях в области семейственных прав». 23 сентября МВД известило об этом решении председателя Государственной думы Н.А. Хомякова (беспартийный⁵)⁶. Так закончилась

¹ Справочный листок Государственной думы (Третий созыв — вторая сессия). 1909. № 43. С. 4.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 113

³ Сборник Съезда русских людей в Москве 27 сентября — 4 октября 1909 года. М., 1910. С. 14—17.

⁴ Там же. С. 59—60.

⁵ Николаев А.Б., Соловьев К.А. Хомяков Николай Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 660.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 422. Л. 9.

попытка модернизации законодательства о смешанных браках в рамках политического режима думской монархии. Никакой новой, пересмотренной редакции законопроекта о «семейственных правах» правительством в Думу в дальнейшем не вносилось.

Судьба законопроекта о межконфессиональных браках довольно типична для реформаторских вероисповедных проектов столыпинского правительства: подавляющему большинству из них так и не суждено было обрести статус действующих законов¹. В большинстве случаев сыграло роль противодействие руководства православной церкви и поддерживавших его правоконсервативных кругов. Если говорить конкретно о брачном законопроекте, то негативная реакция на него Святейшего Синода вполне объяснима. Хотя данный проект не был по своему характеру ни революционным, ни даже вполне либеральным (не вводил гражданского брака, не предусматривал равноправия конфессий при заключении смешанных супружеских союзов), он, тем не менее, отменял важнейший институт, на котором покоились преимущества православной церкви в ситуациях смешанных браков ее чад с инославными — «предбрачную подписку», а также полагал начало определенному размежеванию церковно-канонического и гражданского брачного права. Все это казалось неприемлемым синодальным иерархам, принимавшим как должное сложившуюся систему «симфонии» светской и церковной властей, в рамках которой государство строго оберегало преимущества «первенствующей и господствующей церкви» перед всеми прочими и возводило многие ее канонические установления в ранг гражданских законов. Некоторое удивление может вызывать тот факт, что союзником Синода в противодействии реформаторской инициативе МВД выступил Владимир Николаевич Львов — деятель, позднее зарекомендовавший себя как яростный церковный обновленец, ведший непримиримую борьбу с консервативным крылом духовенства на посту обер-прокурора в составе Временного правительства², затем, в советские годы, примкнувший к движению «Живая церковь»³. В ходе же полемики вокруг законопроекта о смешанных браках Львов выступил как охранитель устоев имперского синодального строя, защитник авторитета «духовного правительства» в лице церковного священноначалия. Таким образом, рассмотренный нами сюжет может дать дополнительную пищу для размышлений и выводов об идейной эволюции этого политического и церковного деятеля.

¹ Белов Ю.С. Судьба правительственной программы вероисповедных реформ в 1906—1914 гг. С. 183.

² Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 годов. СПб., 2015. С. 161—192, 314—352.

³ Николаев А.Б. Львов Владимир Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 337.

БОГОМОЛОВ А.Б.

**Государственная дума и порядок направления законопроектов
по Ведомству православного исповедания в 1913—1914 гг.**

БОГОМОЛОВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ

Ведущий специалист Отдела научно-справочного аппарата
Российского государственного исторического архива,
магистрант Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: k_tm@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу дела Совета министров о порядке направления законопроектов по Ведомству православного исповедания в 1913—1914 гг. В работе затрагиваются вопросы, касающиеся взаимоотношений Государственной думы и Святейшего Синода, разъяснения 65-й статьи Основных законов, роли Совета министров, глав отдельных ведомств в выяснении особого порядка церковного законодательства и принятии соответствующей инструкции.

Ключевые слова: Русская церковь, Ведомство православного исповедания, Основные законы, Святейший Синод, Государственная дума, Совет министров, В.К. Саблер, П.А. Столыпин, государственно-церковные отношения, февраль 1917 года.

**Государственная дума и порядок направления законопроектов
по Ведомству православного исповедания в 1913—1914 гг.**

Тема государственно-церковных отношений в начале XX века не теряет своей актуальности. Малоизученной остается проблема церковного законодательства в период думской монархии. Практически не освещен вопрос особого порядка (по 65-й статье) прохождения законопроектов Духовного ведомства после принятия Основных законов 1906 г. и возникших правовых коллизиях, связанных с общим законодательным порядком (по 86-й статье). Изучение темы очень важно для понимания особенностей положения Церкви в России в начале XX века, внутривластного развития России в этот период, предпосылок потрясений, которые пережила страна. Попыткой добиться четкого разграничения прерогатив Государственной думы и Святейшего Синода был принятый Советом министров 4 сентября 1913 г. (высочайше утвержден 23 сентября 1913 г.) порядок направления законопроектов по Ведомству православного исповедания. В своих работах данной темы касались В.С. Дякин, М.Ф. Флоринский, Ф.А. Гайда,

Л.С. Бокарева¹ и др. Однако до сих пор она не стала предметом специального исследования.

На характер отношений Государственной думы и Святейшего Синода влиял ряд факторов. Прежде всего, это разное прочтение обновленных Основных законов, связанное с диаметрально противоположными воззрениями на природу государственного строя России. Вместе с тем серьезными проблемами были разность общей правовой практики государства и канонических норм Церкви и сложность отделить церковное от государственного в законодательных предположениях государственного учреждения, каким было, по сути, Духовное ведомство. Государственная дума стремилась к расширению своих конституционных прав и «ответственном министерстве», а Синод — к восстановлению канонического строя, освобождению от засилья светской бюрократии и вторжения государства в дела Церкви. Однако Собор, призванный восстановить каноническое устройство и разрешить ряд насущных проблем Русской церкви, был отложен. Святейший синод вполне обосновано опасался попасть в зависимость «от Думы и правительства, которое будет сотрудничать с Думой»².

По замыслу обер-прокурора Святейшего Синода от Совета министров должно было последовать разъяснение, имеющее обязательный характер и для законодательных учреждений. В своем представлении 27 августа 1913 года проекта порядка направления законопроектов по Ведомству православного исповедания В.К. Саблер очертил круг ведения Государственной думы по ее Учреждению и охарактеризовал особый порядок законодательства, предусмотренный для Церкви в Духовном Регламенте. Он находил применение и после учреждения Государственного совета, не был отменен и по новым Основным законам, что нашло отражение в практике Совета министров³.

Данное «изъятие» из общего законодательного порядка не вызвало возражений членов Совета министров⁴. Однако решение правитель-

¹ Дякин В.С. Церковь и государство в период третьеиюньской монархии // Новый часовой. 1996. № 4. С. 126—130; Флоринский М.Ф. Основные законы 1906 г. и церковное управление в России в период третьеиюньской монархии // Вестник ЛГУ. 1980. Вып. 4. № 20. С. 21—25; Гайда Ф.А. Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906—1914) // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2014. Вып. 2 (57). С. 23—37; Бокарева Л.С. Проекты реформы православного прихода и материального обеспечения духовенства в России в 1913—1917 гг.: Автореферат дис. ... к. ист. н. СПб., 2015.

² Дякин В.С. Указ. соч. С. 126.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. ЛЛ. 2—5 об.

⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. 1913 год. М., 2005. С. 353.

ства приобрело характер ведомственной инструкции, а не полноценного нормативного акта, разъясняющего особый порядок законодательства по 65-й статье. Во избежание дублирования существующего правила был исключен пункт о прерогативах Синода по Духовному Регламенту в догматических, канонических, пастырских и др. вопросах.¹ Кроме того, при согласовании текста Особого журнала министры заменили некоторые четкие формулировки на более обтекаемые (65-я статья «устанавливает» — «допускает»; особый порядок «не отменен» — «прямо не отменен» и т.д.). Был отвергнут приведенный Саблером образец с разъяснением 96-й статьи: в особом порядке по 65-й статье должны были проходить законопроекты, «если только они не касаются предметов общих законов и не вызывают нового расхода из казны»². Совет министров указал, что разъяснение 96-й статьи — мера исключительная и не подлежит «распространительному толкованию»³. По замечаниям государственного контролера П.А. Харитонova, Совет министров предпочел «упростить дело», превратив свое решение по данному вопросу из «торжественного акта» в инструкцию ведомствам⁴.

Три из четырех пунктов решения Совета министров касались порядка направления законопроектов по Ведомству православного исповедания в общем законодательном порядке⁵. Основную же проблему составляли так называемые «смешанные законопроекты», одна часть положений которых составляет предмет общего законодательного порядка, другая же — исключительно церковные. Первый из них предусматривал разделение на два проекта: один — касающийся «предметов единственно ведения Святейшего Правительствующего Синода», другой — предметов общего законодательства. Третьим пунктом было введено новое правило: при разногласиях в правительстве по законопроектам Духовного ведомства предстояло повторное их рассмотрение в соединенном присутствии Совета министров и Святейшего Синода. Если не будет найдено решение, то представление восходило на благовоззрение императора⁶. Вместе с тем, по мнению товарища государственного секретаря Н.Ф. Дерюжинского, данный пункт являлся нормой, требующей законодательного утверждения, и едва ли был уместен «в составе постановления инструкционного характера»⁷. Только четвертый пункт сугубо касался дел законодательного свойства,

¹ Там же. С. 354.

² Там же. С. 350—351.

³ Там же. С. 354.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. Л. 19.

⁵ Особые журналы Совета министров. С. 355.

⁶ Там же.

⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. ЛЛ. 28, 37.

не затрагивающих предметов иных, кроме Духовного, ведомств, не сопряженных с расходами государственного казначейства. Такие определения Синода восходили на высочайшее утверждение¹.

Попытка Святейшего Синода получить законодательную автономию, минимизировать вторжение государства (Государственной думы) не удалась. По мнению Саблера, распубликование журнала в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» ограничило бы думское обсуждение лишь пунктами «из области гражданских (светских) отношений». Однако порядок направления законопроектов по Духовному ведомству не стал законодательной нормой. Это были правила для надлежащего руководства, носившие инструкционный характер Совету министров, Святейшему Синоду и «прикосновенным к рассматриваемому делу ведомствам»². Данное разъяснение, несмотря на секретный характер, очень скоро стало достоянием гласности, в печати появились многочисленные статьи, вызвавшие соответствующую реакцию депутатов Думы, усматривавших в этом решении Совета министров вторжение в компетенцию законодательных учреждений. Заголовки говорят сами за себя: «Ограничение прав народного представительства», «Ограничение прав законодательных учреждений», «Игра в прятки», «Новое притязание», «Изъятие», «Новое ограничение прав Государственной думы» и др. В центре внимания болезненная для депутатов Думы тема — прерогативы законодательных учреждений. Лидер октябристов А.И. Гучков, комментируя для «Голоса Москвы» появившиеся слухи, заметил, что отношение правительство к Думе враждебное и выражается в разного рода ограничениях и разъяснениях. Поэтому шаг этот вполне «в духе времени и в стиле правительства». Если Совету министров удастся этот шаг, то маловероятно, что он будет последним³. 18 октября 1913 г. депутаты Государственной думы кадетской и октябристской фракций внесли на рассмотрение общего собрания вопросы по поводу появившихся в печати сведений. В частности, кадеты отстаивали принцип, согласно которому по силе Основных законов законодательные дела разрешаются в порядке 86-й статьи, а 65-я статья касается исключительно церковного управления, а не законодательства⁴. На заседании Думы 29 октября была принята редак-

¹ Особые журналы Совета министров. С. 355.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. ЛЛ. 48—69 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 74—74 об. Следует отметить, что административная практика в Российской империи и после принятия Основных законов 1906 г. характеризовалась отсутствием четкой грани между собственно законом и актом управления. Неопределенность понятия «закон» позволяла императору издавать по 65-й статье, «минуя “парламент”», законы в материальном смысле. (См.: *Флоринский М.Ф.* Указ. соч. С. 21).

ция запроса председателю Совета министров: было ли разъяснение 65-й статьи и в каком направлении в таком случае Советом министров последовало ее истолкование¹. Запрос был оставлен без ответа.

Руководствуясь высочайше утвержденным особым журналом Совета министров от 23 сентября 1913 г., который предопределил порядок направления законопроектов по Духовному ведомству, Синод разделил Положение о приходе на два законопроекта: «Основные положения о церковном управлении православным приходом», подлежащий утверждению императора, и Устав православного прихода, направляемый в общем законодательном порядке. Устав был представлен для предварительного одобрения в Совете министров вместе (для сведения) с «Основными положениями». Согласно Особому журналу Совета министров от 23 января 1914 г. по приведению Устава в соответствие с высказанными в нем суждениями законопроект вносился в Государственную думу². 21 апреля 1914 г. обер-прокурор Синода в письме председателю Совета министров предложил опубликовать журнал от 23 сентября 1913 г., так как при внесении в Думу Устава православного прихода необходимо будет давать объяснения и касаться «секретного» журнала Совета министров³. Но И.Л. Горемыкин предложил В.К. Саблеру ограничиться в Думе разъяснением, в качестве личного мнения, «с указанием, что таковое мнение Ваше разделяется и Советом министров»⁴.

Вышеуказанная «инструкция», как в силу своего половинчатого характера, так и ряда других причин (трудность разграничения государственного и церковного, разность целей церковных и государственных, конфликтные отношения исполнительной и законодательной властей и др.) оказалась неэффективной и ни в коей мере не разрешила проблем церковного законодательства. Внесенный в Думу 8 июня 1914 г. проект Устава Православного прихода так и не был принят. Более того, в комиссии по делам Православной Церкви редактировался не только текст отдельных статей, но изменялись целые параграфы, а также пополнялись новыми, которые были предметом Основных положений о церковном управлении православным приходом. А с апреля 1916 г. и Синод, и Дума вовсе утратили интерес к законодательному разрешению данного вопроса в рамках существующей системы государственно-церковных отношений⁵.

Став к началу XX века частью государственного аппарата, несамос-

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. Л. 75.

² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. 1914 год. М., 2006. С. 63—67.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 830. ЛЛ. 77—78.

⁴ Там же. Л. 79 об.

⁵ *Бокарева Л.С.* Указ. соч. С. 24—26.

тоятельное Духовное ведомство в условиях нового законодательного порядка вынуждено была самостоятельно, как это ни парадоксально, отстаивать свои законные права. Русская церковь, чаявшая через Поместный собор обрести независимость от светского диктата, восстановив таким образом собственное каноническое законодательное учреждение, в рассматриваемый период боролась за сохранение статус-кво. Безуспешные попытки четко отделить церковное от государственного в рамках бюрократической системы вели к нарастанию деструктивных процессов, как в самой Церкви, так и у российского государства, одним из столпов которой наряду с царской властью она призвана от начала быть. Невозможность решать накопившиеся проблемы ни самостоятельно, ни с помощью государства посредством гарантированных Основными законами, но плохо реализуемых прав и преимуществ, стало одной из причин, приведших Русскую церковь к закономерному разрыву в феврале 1917 г.

ЗЛАТИНА М.А.

Комитет членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны: сфера деятельности и круг проблем (июль — октябрь 1914 г.)

ЗЛАТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории
РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: zlatmari@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается деятельность Комитета членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны в 1914 году, очерчивается круг проблем, с которыми членам комитета пришлось столкнуться в ходе работы, определены способы и степень успешности решения задач, которые стояли перед членами комитета.

Ключевые слова: Государственная дума, Первая мировая война, Комитет членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны, благотворительность, этапный лазарет имени Государственной думы.

Комитет членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны: сфера деятельности и круг проблем (июль — октябрь 1914 г.)

Сюжеты, связанные с деятельностью Государственной думы начала XX века, в целом, и Думы IV созыва времен Первой мировой войны, в частности, пользуются особой популярностью в зарубежной и российской исторической науке. Не менее часто историки обращаются к изучению специфики работы различных благотворительных учреждений. Но при этом Комитет членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны, казалось бы, имеющий отношение к обеим столь популярным проблематикам (Государственная дума и благотворительность), слабо затронут вниманием историков. Как правило, данный Комитет если и упоминают в статьях, монографиях, то вскользь и делая акцент, в основном, на вопросах об источниках финансирования данной организации. В качестве примера можно привести статью А.В. Арановича¹ и монографию С.В. Ку-

¹ См.: *Аранович А.В.* Система военно-врачебных заведений русской армии и обеспечение их интендантским довольствием накануне и в годы Первой мировой войны // Наука, технология и общество во время Первой мировой войны: Медицина / Отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова. СПб., 2011. С. 354—355.

ликова, в которой сведения о Комитете представлены только в приложении: таблице, посвященной размерам и процентным соотношениям сумм, выдававшихся Советом министров различным благотворительным организациям в годы Первой мировой войны¹. Несколько чаще в научных работах упоминается даже не сам Комитет членов Государственной думы, а лазарет имени Государственной думы, созданный и функционировавший как раз благодаря деятельности вышеупомянутого Комитета². Более того, хотя первый лазарет, организованный Думой, назывался «Этапным лазаретом Богородицкой общины Российского Общества Красного Креста имени Государственной думы», два следующих думских лазарета тоже имели отношение к данному Обществу, в научных трудах, посвященных истории Общества Красного Креста, Комитет членов Государственной думы даже не упоминается³.

Более подробные, но, опять же, имеющие скорее обзорный характер сведения о работе и источниках финансирования Комитета можно найти только в статье И.В. Лукоянова⁴. Необходимо также назвать небольшую справочную статью В.А. Демина в думской энциклопедии⁵.

Между тем, история деятельности Комитета членов Государственной Думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны весьма любопытна. Поскольку, с одной стороны, данный комитет был одним из многих благотворительных организаций, образовавшихся в годы Первой мировой войны, в таком случае анализ перечня дел и круга проблем, возникавших при работе Комитета, идет в

¹ См.: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 447.

² См., напр.: Аранович А.В. Указ. соч. С. 354—355; Романишина В.Н. Деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://www.white-guard.ru/go.php?id=1202&n=45>; Ишутин О.С. Военная и гражданская медицина Минска в годы Первой мировой войны: (К 100-летию со дня начала Первой мировой войны 1914—1918 гг.) // Военная медицина. Мн., 2014. № 2. С. 142—143.

³ См.: Соколова В.А. Российское общество Красного Креста (1867—1918 гг.): Дис. ... к. ист. н. СПб., 2009; Чистяков О.В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.): Дис. ... к. ист. н. М., 2014. С. 189.

⁴ См.: Лукоянов И.В. Государственная дума и Первая мировая война: помощь фронту // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. научн. ст. СПб., 2015. Ч. 2. С. 47—50.

⁵ Демин В.А. Комитет для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 279.

копилку исследований истории благотворительности в России. С другой стороны, Комитет создавался при Государственной думе, членами Комитета были депутаты, таким образом, его деятельность является составной частью работы парламента Российской империи начала XX века.

Образование Комитета членов Государственной думы получилось довольно спонтанным. Идея его учреждения выросла из организованного думцами 26 июля 1914 г., по окончании экстренного заседания, сбора пожертвований, а также из поиска способов применения этих собранных средств на благо раненым войнам и жертвам войны. После совещания по этому поводу с Обществом Красного Креста депутатами было принято решение устроить на средства, собираемые Государственной думой, этапный лазарет для отправки его на передовые позиции. И вот уже для организации работы по сбору пожертвований на этапный лазарет было решено образовать Комитет¹.

Таким образом, изначально в сферу деятельности вновь образовавшегося комитета входили: организация деятельности лазарета имени Государственной думы и возможное создание еще нескольких летучих отрядов, а также сам сбор пожертвований. Эти, на первый взгляд узко поставленные задачи потянули за собой целый клубок проблем, распутывать которые пришлось членам Комитета, прежде всего, его председателю М.В. Родзянко (земец-октябрист²) и товарищам председателя кн. В.М. Волконскому (правый, вне фракции³) и А.И. Шингареву (кадет⁴). Уже при подготовке к отправлению на фронт первого этапного лазарета имени Государственной думы выяснилось, что Комитету не удастся ограничиться лишь простым сбором денег и готовых вещей. Пришлось брать на себя всю работу по обеспечению бесперебойного функционирования санитарного отряда.

Первая проблема, с которой столкнулись члены комитета — снабжение лазарета достаточным количеством белья и одежды. И хотя пер-

¹ См. подробн. об истории создания Комитета: *Златина М.А.* Комитет членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны: история создания и источники финансирования в начале Первой мировой войны (июль — октябрь 1914 г.) // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2016. Ч. 1. С. 168—176.

² Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 525.

³ *Николаев А.Б.* Волконский (Волконский 2-й) Владимир Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 99.

⁴ *Николаев А.Б.* Шингарев Андрей Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 702.

вый лазарет имени Гос. думы, отбывший на фронт 9 августа 1914 г., был укомплектован бельем, хозяйственными принадлежностями, кроватями, инструментами, медикаментами и перевязочными материалами¹ именно за счет пожертвований вещами, члены комитета осознавали, что в этом вопросе продержаться только с помощью благотворительности не удастся. Это подтвердилось очень скоро и сообщениями с фронта. Депутат IV Думы И.П. Демидов (кадет²), сопровождавший в качестве уполномоченного первый этапный лазарет им. Государственной думы, уже 13 августа 1914 года отправил на имя М.В. Родзянко телеграмму о том, что «лазарет добрался до Киева, следует дальше. Главная нужда — всякое белье. Высылайте скорее»³. Таким образом, необходимо было запускать собственное производство по пошиву белья и одежды, а также периодически организовывать закупку готовых вещей в столицах и за их пределами. Для реализации поставленной цели при Комитете была открыта мастерская по изготовлению белья. Швейные машины (10 шт.), после переговоров М.В. Родзянко с Акционерным обществом компании Зингер, удалось получить хотя и во временное пользование, но зато бесплатно и достаточно быстро. 7 августа 1914 г. был отправлен соответствующий запрос, и уже 11 августа Комитет благодарил компанию Зингер за полученные швейные машинки⁴. Гораздо сложнее оказалось достать материал для пошива. 7-го же августа 1914 г. А.И. Шингарев отправил в Москву к депутату IV Думы А.И. Коновалову (прогрессист⁵) письмо с просьбой выяснить, «в каком количестве и по какой цене могли бы быть приобретены материалы (далее следовал перечень наименований — М.З.), в виду трудностей в подыскании подходящего материала для белья в петербургских торговых фирмах»⁶. В итоге переписка по этому вопросу между Шингаревым и Коноваловым продолжалась почти две недели. Наконец, 19 августа А.И. Коновалов сообщил, что им было дано поручение закупить все необходимые материалы. И к 21 августа, видимо, эта сделка была завершена, так как М.В. Родзянко в письме от данного числа поручил М.А. Новосильцевой, на тот момент уполномоченной Комитета в Москве, уплатить по счетам 2 тыс. руб. за закупленный материал для этапного лазарета⁷.

¹ Речь. 1914. 10 августа.

² *Николаев А.Б.* Демидов Игорь Платонович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 158.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 208. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 21; Д. 209. ЛЛ. 21—22.

⁵ *Петров Ю.А.* Коновалов Александр Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 281.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 208. ЛЛ. 1—1 об.

⁷ Там же. Л. 8.

Осознавая, что одна пошивочная мастерская в Таврическом дворце при Комитете не справится с объемом работы, организовали передачу скроенных при мастерской вещей желающим для шитья на дому. Кроме того, некоторая часть белья изготавливалась по заказу Дамского комитета частными мастерскими¹. Московскому отделению Комитета также поручено было организовать шитье белья и одежды для нужд этапного лазарета². Большие заказы периодически (26 августа, 18 октября 1914 г.) передавались Комитету попечительства трудовой помощи, для того, чтобы подведомственные ему учреждения (дома трудолюбия, рабочие дома) шили комплекты белья для этапного лазарета Государственной думы³. Также была организована закупка уже готовых вещей.

Изготовленные, закупленные плюс полученные от жертвователей за период от 9 августа до 6 сентября вещи, а также продукты и прочие предметы первой необходимости были отправлены Комитетом членов Государственной думы из Петрограда на фронт для усиления первого этапного лазарета вместе с дополнительным отрядом сестер милосердия и санитаров 7 сентября 1914 г.⁴ И уже 14 сентября депутат IV Думы И.И. Дмитриуков (земец-октябрист⁵), которому было поручено сопровождение этого дополнительного отряда, телеграфировал из Львова, что отряд доехал до лазарета, и «в настоящее время персонала, материалов достаточно»⁶.

Комитет членов Государственной думы и далее продолжал работу по организации производства белья и одежды, закупки пошивочных материалов и готовых вещей как с целью дальнейшего снабжения всем необходимым 1-ого этапного лазарета, так и для подготовки к отправке на фронт 2-ого и 3-его этапных лазаретов им. Государственной думы. Процесс переговоров о приобретении и отправке материалов мог быть достаточно быстрым. Например, 20 сентября 1914 г. кн. Волконский запросил у депутата IV Думы Ф.И. Ольховского (националист⁷), находившегося в г. Рудня Витебской губернии, о возможности приобре-

¹ Краткие сведения о деятельности Комитета членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны: составлен за период времени с 1 августа 1914 г. по 1 апреля 1915 г. Пг., 1915. С. 15.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 208. ЛЛ. 11—11 об.

³ Там же. Д. 207. ЛЛ. 60, 119, 295—296.

⁴ Там же. Л. 85.

⁵ Николаев А.Б. Дмитриуков Иван Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 166.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 208. Л. 30.

⁷ Николаев А.Б. Ольховский Федор Иоанович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 427.

сти 3 тыс. аршин холста, уже 22 сентября Ольховский телеграммой отправил ответ, что выслано 670 аршин, прибудет в среду — 23 числа, больше немедленно купить не получится¹. Часто дело затягивалось на несколько недель, например, 30 сентября 1914 года последовал запрос от кн. Волконского к А.Д. Протопопову о закупке по казенной цене 1 тыс. аршин сукна, 2 октября договорились, 13—17 октября все еще решали вопрос о процессе отправки сукна из Симбирска в Петроград². Иногда заказанные и оплаченные вещи так и не доезжали до адресата — Комитета членов Государственной думы. Так, например, в конце сентября 1914 года Комитет заказал Торговому дому «Г. Лиллиус и Ко» 1000 серых вязаных фуфаяк и 500 кальсон. 2 октября Торговый дом уведомил Комитет, что изготовление означенных вещей поручено Акционерному обществу трикотажных изделий в Николайштадте в Финляндии. 15 ноября выяснилось, что весь произведенный товар, в том числе заказанный Комитетом, был реквизирован на нужды армии, и больше нужной пряжи нет, поэтому заказ пришлось аннулировать³.

Известны случаи, когда в процессе приобретения нужных материалов пересекались интересы Комитета членов Государственной думы и Российского общества Красного Креста. Так, депутат IV Думы от Томской губ. В.Н. Пепеляев (кадет⁴) в письме к М.В. Родзянко от 26 сентября 1914 года сообщил, что Бийский комитет РОКК (Томская губ.) обратился к нему с просьбой. Суть ее заключалась в следующем: Бийский комитет намерен был на собранные средства заготовить теплое белье и платье для передовых отрядов Красного Креста и просил Пепеляева обратиться в Главное управление РОКК с ходатайством о получении двух свидетельств на два вагона груза для их провозки по льготному тарифу. Поскольку Бийскому комитету было не столь важно, куда пойдет теплое белье (в Общество Красного Креста или в лазарет Думы), то В.Н. Пепеляев посчитал лучшим данное ходатайство переслать М.В. Родзянко. Следующий шаг был за председателем Думы. Он сделал запрос в Главное управление РОКК о получении тех самых свидетельств для провоза двух вагонов теплого белья, но представил вещи как заготовленные именно для нужд Комитета членов Думы. О том, что были варианты отправить белье непосредственно в распоряжение РОКК, упомянуто не было⁵. Впрочем, этапный лазарет имени Государственной думы имел непосредственное отношение к РОКК, так что формально все было сделано честно.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 207. ЛЛ. 118, 145.

² Там же. ЛЛ. 143, 151, 298.

³ Там же. ЛЛ. 199, 262, 288, 409.

⁴ *Николаев А.Б.* Пепеляев Виктор Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 445.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 207. ЛЛ. 200—202.

Данная история раскрывает еще одну проблему, с которой постоянно приходилось сталкиваться и в срочном порядке решать Комитету членов Думы. Речь идет о перевозке внутри страны и на фронт грузов по льготным тарифам. Материалы и готовые вещи, как закупленные, так и пожертвованные во благо этапного лазарета Думы, свозились в Петроград и Москву для последующей пересылки на фронт, в этапный лазарет со всех концов Российской империи, поэтому остро стояла проблема приобретения права перевоза грузов по льготному тарифу. Правом выдавать подобные свидетельства на льготный провоз грузов и проезд сопровождающих обладало Главное управление РОКК. И Комитет членов Государственной думы вынужден был постоянно обращаться за этими свидетельствами в РОКК. Желая приобрести большую независимость в этом вопросе, 18 октября 1914 г. Комитет принял попытку запросить у Управления РОКК под отчет пустые бланки льготных свидетельств, чтобы в случае необходимости заполнять их самостоятельно¹. Ответ Управления РОКК был очевиден: в просьбе о выдаче незаполненных свидетельств было отказано. Но обещано, что как только Комитет членов Думы сообщит род, вес груза, откуда и куда он направляется, то свидетельство сразу дадут². На том и разошлись. Контроль за перевозками остался в руках РОКК.

Еще одной проблемой, с которой постоянно сталкивался Комитет членов Государственной думы, была организация сбора средств. Более подробный анализ источников финансирования Комитета представлен в нашей статье³, в данном случае нас больше интересует то, какие шаги необходимо было предпринимать членам Комитета для получения помощи деньгами и вещами. Во-первых, приходилось договариваться с наиболее популярными периодическими изданиями о размещении на их страницах рекламных сведений о поступавших пожертвованиях на имя Комитета и лазарета им. Государственной думы⁴. Во-вторых, Комитет занимался организацией благотворительных концертов, сборы от которых шли в казну Комитета. Например, М.В. Родзянко лично договаривался с А.В. Черепановым о предоставлении в распоряжение Комитета членов Думы Народной аудитории им. Его высочества принца А.П. Ольденбургского для проведения концерта С.А. Кусевицкого⁵ (контрабасиста и дирижера собственного оркестра). Он же рассылал приглашения министрам и послам Франции, Англии, Сербии, Японии на благотворительный патриотический кон-

¹ Там же. Л. 294

² Там же. Л. 445.

³ См.: *Златина М.А.* Указ. соч. С. 168—176.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 207. ЛЛ. 10, 17, 38.

⁵ Там же. Л. 65.

церт М.И. Долиной¹ (знаменитой певицы-контральто), сборы с которого также ушли в распоряжение Комитета. В-третьих, каждый член Комитета собирал и принимал пожертвования от жителей губернии, избравшей его в Государственную думу. Неоднократно бывали ситуации, когда в процессе организации сбора средств интересы Комитета пересекались с ВЗС. Как было, например, в случае с Сарапульской уездной земской управой, которая отказалась финансово помогать Комитету Думы, так как отдала средства в Земский союз². Бывали и обратные ситуации (Новгородская губернская земская управа). Правда, случались и серьезные организационные упущения: неоднократно в Комитет обращались местные «активисты», предлагавшие взять на себя организацию сборов в своем городке или уезде в пользу Комитета членов Государственной думы, но Комитет в таком случае всегда отказывал просителям, точнее, предлагал им обратиться к депутатам, выбранным в Думу от данных губерний³. Определенное здоровое зерно в этом было: нужен был должный контроль, чтобы не рисковать репутацией Думы. Но, с другой стороны, бывали случаи, когда к местным депутатам — думцам обращались, а они, ссылаясь на занятость, отказывались помогать⁴.

Перейдем к следующей проблеме, вскрывшейся в ходе работы Комитета членов Думы — кадры. В целом, этот вопрос решался Комитетом достаточно легко, депутаты не только не отказывались от предлагаемых обязанностей стать уполномоченным при этапном лазарете или ехать священником в отряд Государственной думы, нередко приходилось выбирать из нескольких кандидатур, подавших заявку. Например, из четырех депутатов-священников на предложение стать священнослужителем при первом этапном лазарете имени Государственной думы трое согласились (П.Т. Населенко (националист⁵), К.Н. Рудич (националист⁶), С.А. Крылов (центр⁷)), один отказался (И.М. Гвоздев (правый⁸))⁹. Но было две проблемы: во-первых, необходимость делиться кадрами с другими благотворительными организациями, прежде всего, ВЗС. Например, депутат И.Т. Евсеев (прогрес-

¹ Там же. ЛЛ. 82, 90—94, 128.

² Там же. Л. 308.

³ Там же. ЛЛ. 109—110.

⁴ Там же. Л. 129.

⁵ *Николаев А.Б.* Населенко Памфил Тимофеевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 399.

⁶ *Николаев А.Б.* Рудич Калинин Несторович // Там же. С. 534.

⁷ *Николаев А.Б.* Крылов Семен Алексеевич // Там же. С. 303.

⁸ *Николаев А.Б.* Гвоздев Иоанн Михайлович // Там же. С. 122.

⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 207. ЛЛ. 100—106.

сист¹⁾ отказался брать на себя организацию сбора пожертвований, объяснив это тем, что и так сверх сил занят в местном комитете ВЗС²⁾. Во-вторых, наблюдалось стремление некоторых членов Комитета, особенно это было характерно для членов Московского отделения (М.В. Челноков (беспартийный³⁾) и В.А. Маклаков (кадет⁴⁾), если не подчинить, то тесно связать работу Комитета с деятельностью ВЗС, на что говорил свое категорическое «нет» центральный отдел в Петрограде во главе с М.В. Родзянко⁵⁾.

Наконец, последняя проблема: вынужденность разбираться с делами, не имеющими отношения к сфере деятельности Комитета членов Государственной думы. Дело в том, что представленные в прессе функции Комитета несколько отличались от реально запланированных. Прописаны они были следующим образом: «Комитет имеет целью принимать частные пожертвования и оказывать ту или иную помощь раненым или пострадавшим на войне»⁶⁾. Подобная размытость формулировки о том, на что пойдут собранные средства, и какая именно помощь будет оказываться, впоследствии создала некоторые трудности в деятельности Комитета, поскольку он оказался заваленным прошениями о денежных пособиях, выдачей которых он не занимался. В итоге Комитет был вынужден либо отказывать просителям, либо перенаправлять их запросы в соответствующие благотворительные общества, тратя дополнительные силы и время⁷⁾.

Подводя итог можно сказать, что помимо реализации изначально запланированной задачи только по организации сбора средств на нужды санитарных отрядов, члены Комитета вынуждены были взять на себя всю работу по обеспечению бесперебойного функционирования этапных лазаретов им. Государственной думы (организацию пошива вещей, сбор белья и предметов первой необходимости, перевозку собранных денег и вещей в столицы и на фронт, комплектование личного состава этапных лазаретов и пр.). Кроме того, Комитету приходилось заниматься делами, связанными с решением вопросов, находившихся вне компетенции учреждения (например, рассматривать прошения о выплате пособий, разбираться с лицами, использовавшими-

¹ Николаев А.Б. Евсеев Илья Тимофеевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 182.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 207. Л. 129.

³ Николаев А.Б. Челноков Михаил Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 672.

⁴ Дедков Н.И. Маклаков Василий Алексеевич // Там же. С. 342.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 208. ЛЛ. 37—37 об.

⁶ Речь. 1914. 2 августа.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 207. ЛЛ. 25—26, 61—62 об., 282—284.

ми имя Комитета для продажи своих печатных изданий и пр.). Но, несмотря на проявившиеся осложнения в виде незапланированного, резко расширившегося круга задач и конкуренцию с другими общественными благотворительными организациями (прежде всего, ВЗС), Комитету членов Государственной думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны удавалось более-менее успешно разрешать возникающие проблемы, доказательством тому служила плодотворная работа на фронте трех отрядов имени Государственной думы.

ДЕМИН В.А.

Государственная дума и народное образование

ДЕМИН ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН (Москва, Россия);
e-mail: vadime_demine@mail.ru

Аннотация: В статье указывается, что Государственная дума добилась очень значительного развития народного образования благодаря соединению правительственных и общественных усилий. В результате деятельности Думы правительственные расходы на среднее и особенно начальное образование выросли в несколько раз. Накануне революции Россия была на пороге введения всеобщего начального обучения. Также показано, что Дума опиралась на соответствующий опыт местного самоуправления. Поэтому ее влияние на подчиненное исключительно центральному правительству высшее образование ограничивалось отдельными частными вопросами.

Ключевые слова: Государственная дума, Государственный совет, народное образование, всеобщее начальное обучение, церковно-приходские школы, среднее образование, высшее образование.

Государственная дума и народное образование

Проблемы народного образования занимали очень важное место в работе Государственной думы Российской империи. В этой области Думе удалось добиться едва ли не самых значительных успехов в обновлении страны. Между тем литература по теме практически исчерпывается предвыборными пропагандистскими работами начала XX в.¹ и

¹ *Восторгов И.* Государственная дума и церковная школа. СПб., 1911; *Ковалевский Е.* Народное образование и церковное достоинство в III Государственной думе. СПб., 1912; *Микетов Я.* Что сделало народное представительство 3-го созыва. СПб., 1912; *Ропп А.Н.* Что сделала Третья Государственная дума для народного образования. СПб., 1912; Что делала и что сделала Третья Государственная дума. СПб., 1912; *Шингарев А.* Законодательная инициатива членов Государственной думы и Государственного совета // Русская мысль. 1912. Кн. X; *Юрский [Замысловский] Г.* Правые в Третьей Государственной думе. Харьков, 1912; *Трошин А.* Отношение к церковным народным школам Государственной думы третьего созыва. СПб., 1913; и др.

несколькими статьями о развитии образования в начале XX в., лишь отчасти выделяющими роль Государственной думы в этом процессе¹.

В адресе I Государственной думы говорилось об ее намерении «употребить все усилия для поднятия народного просвещения и прежде всего озаботиться выработкой закона о всеобщем бесплатном обучении»², однако к его выполнению палата, занятая дебатами об общей политике и аграрному вопросу, приступить не успела.

В центре внимания II Государственной думы находились те же вопросы. Впрочем, в конце своей сессии (18.5.1907 г.) она по предложению конституционно-демократической фракции создала комиссию по народному образованию, успевшую провести 2 заседания, посвященные организационным вопросам³. По докладу комиссии по направлению законодательных предположений Дума незадолго до роспуска одобрила несколько законопроектов об ассигновании субсидий отдельным учебным заведениям⁴. Эти проекты не были рассмотрены Государственным советом до роспуска II Думы и впоследствии были признаны им отпавшими.

В деятельности III Государственной думы проблемы народного образования, прежде всего начального, заняли очень важное место. В Российской империи им занималось прежде всего земское и городское самоуправление. Именно его деятели преобладали в третьейиюньской Думе, фактически ставшей давно ожидаемым «всероссийским земством»⁵.

III Дума вскоре после начала своей работы (15.11.1907) по предложению фракции «Союза 17 октября» постановила создать наряду с другими комиссию по народному образованию. Ее возглавил 55-летний депутат от I курии С.-Петербурга В.К. фон Анреп, товарищ председателя фракции октябристов, б. военный врач, профессор медицины и высокопоставленный чиновник⁶, пользовавшийся в Думе значительным авторитетом.

¹ *Абрамов В.Ф.* Земство, народное образование и просвещение // Вопросы истории. 1998. № 8; *Филоненко Т.В.* Развитие школьного образования в России в начале XX века // Вопросы истории. 2004. № 9.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. СПб., 1906. Ч. 1. С. 241, 243.

³ Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. С. 141—143.

⁴ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. СПб., 1907. С. 298—299.

⁵ См. подробн.: *Демин В.А.* Государственная дума и местное самоуправление // Таврические чтения 2012. СПб., 2013. Ч. 1. С. 163—171.

⁶ Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 23—24.

По словам заведующего делопроизводством комиссии старшего делопроизводителя думской канцелярии бар. А.Н. фон дер Роппа, написанным под влиянием работы комиссии по народному образованию, «хотя юридически председатель и является только первым между равными, но на самом деле от лица этого, при известных его качествах, зависит очень многое. Он может дать известное, определенное направление всей деятельности комиссии, в его же руках находится последовательность и темп работ коллегии, во главе которой он стоит»¹.

Работой комиссии по начальному образованию руководил товарищ ее председателя октябрист Е.П. Ковалевский, депутат от Воронежской губ., внук министра народного просвещения (1858—1861) Е.П. Ковалевского², долго служивший по этому ведомству. Анреп и Ковалевский превратили думскую комиссию по начальному образованию в важный центр выработки государственной политики в области начального образования.

Как известно, до начала XX в. государство фактически не считало своей задачей просвещение низших слоев народа. Этим занималось, прежде всего, местное самоуправление, а также (для лишения земств монопольного положения) православная церковь³. Представление Министерства народного просвещения о всеобщем начальном обучении в августе 1906 г. было в большей части фактически отклонено Советом министров из-за недостатка средств, желания сохранить самостоятельность духовного ведомства, отсутствия надлежащего количества благонадежных учителей и т.п. В сентябре это решение было утверждено императором⁴.

Дума стала энергично добиваться постепенного введения всеобщего начального обучения. Правительство, в общем, согласилось на это. Думе удалось добиться объединения государственной и общественной инициативы. Именно нижняя палата определяла темпы его введения. Дума не только выражала и добивалась выполнения соответствующих пожеланий и использовала право законодательной инициативы, но и повышала запрашиваемые правительством кредиты.

III Дума добилась увеличения расходов центрального правительства на начальное образование с 10 млн. руб. в 1907 г. до 49 млн. в 1912. Из этого прироста 12 млн. руб. были внесены в бюджет на основании

¹ Ропп А.Н. Что сделала Третья Государственная дума для народного образования? СПб., 1912. С. 32

² Николаев А.Б. Ковалевский Евграф Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 255—256.

³ Абрамов В.Ф. Указ. соч. С. 46

⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год. М., 2011. С. 83—95.

поправок Думы (еще 5 млн. было отклонено Государственным советом), а остальная сумма — в результате ее пожеланий¹. Основная часть прироста приходилась на субсидии земствам. Дума обусловила выдачу этих субсидий сохранением как минимум в прежнем размере местных расходов, а также бесплатностью начального образования. В результате пожелания Думы в 1909 г. был создан школьно-строительный фонд. Думские поправки облегчили получение из него ссуд. Нижней палате несколько раз удавалось увеличивать его капитал.

В 1908—1912 гг. на школьное строительство было затрачено до 50 млн. руб. С 1908—1909 гг. открывалось 5—7 тыс. школ в год, в то время как в предыдущие годы — не более 700.

Дума добилась повышения зарплат и пенсий учителям начальных школ (1910). Значительно увеличился их выпуск. Число учительских семинарий и институтов, содержащихся полностью или частично на казенные средства, в 1907—1911 гг. выросло соответственно с 54 до 84 (в 1880—1904 гг. было открыто лишь 14 семинарий) и с 9 до 20².

Из-за возражений правительства и Государственного совета Думе не удалось провести реформу начального образования. Нижняя палата в октябре 1910 — апреле 1911 г. одобрила реформу начального образования. При этом Дума стремилась значительно расширить права местного самоуправления в этой области за счет администрации, допустить преподавание на имеющих письменность местных языках в течение 4 лет (вместо 2 по правительственному проекту), а также подчинить местным органам МНП (прежде всего, уездным училищным советам, большинство в которых предлагалось дать представителям самоуправления) получающие казенные субсидии церковно-приходские школы. Большинство депутатов из крестьян резко критиковали качество преподавания в них.

Однако Государственный совет отклонил основные положения думского проекта. Согласительная комиссия в мае 1912 г. не смогла найти компромисс и Дума оставила ее доклад без рассмотрения³.

¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. СПб., 1912. Ч. 3. С. 286—288; *Ponn A.H.* Указ. соч. С. 35—41.

² *Ponn A.H.* Указ. соч.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 4 сессия. СПб., 1911. Ч. 1. Стб. 6—48, 55—146, 156—237, 303—394, 404—497, 502—589, 630—617, 748—831, 848—923, 971—1048, 1070—1162, 1215—1290, 1310—1414, 1423—1518, 1571—1673, 1687—1779, 1827—1924, 1993—2098, 2108—2216; Ч. 2. Стб. 1108—1200, 1365—1458, 1512—1518; Ч. 3. 1609—1619, 2640—2644, 2770—2808; 5 сессия. СПб., 1912. Ч. 4. Стб. 885, 1096, 1762, 4214; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 7. СПб., 1912. Стб. 2690—2736, 2738—2784, 2869—2887, 2889—3080, 3082—3152, 3168—3225, 3230—3358, 3843—3864.

Из-за разногласий о церковно-приходских школах не был принят закон о введении всеобщего начального обучения. Соответствующий правительственный проект не имел финансовой базы. Дума, несмотря на возражения правительства, включила в него постановление об ежегодном увеличении на 10 млн. руб. соответствующего кредита по бюджету министерства просвещения (февраль 1911). Основная поправка Государственного совета сводилась к фиксации прироста расходов на 10,5 млн. руб., в т.ч. на 1,5 млн. по смете Синода. Дума по итогам согласительной процедуры предложила ограничить обязательный ежегодный прирост расходов на начальное обучение 9 млн. руб. по смете министерства просвещения. В ответ Государственный совет в июне 1912 отклонил проект¹. Тем не менее, рост расходов на начальное образование примерно соответствовал законопроекту.

Таким образом, из-за противодействия правительства и Государственного совета Думе не удалось поставить под контроль Ведомства народного просвещения церковноприходские школы. Тем не менее, темпы роста расходов на эти школы в 5 раз отставали от роста расходов на светские (в 1907—1912 гг. ассигнования возросли соответственно на 80 % и 394 %). На строительство и ремонт светских школ было ассигновано в 1907—1912 гг. 25 млн. руб., а церковных — 600 тыс. руб. До 1907 г. финансирование школ обоих видов было примерно одинаковым. Не ассигновывались казенные средства на новые церковные школы, а также школы грамотности (дающие слишком элементарное образование).

III Дума добилась серьезного улучшения высших начальных (б. городских) училищ: учебных заведений, в которых выпускники начальных школ 3—4 года получали дополнительное образование (1912). По ее поправкам в них было разрешено преподавание иноверного богословия и местных языков, повышен образовательный ценз преподавателей, уменьшен административный контроль и др.² Расходы на городские училища возросли с 3,5 млн. руб. в 1907 г. до 6 млн. руб. в 1912 г.

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. 1. Стб. 2827; Ч. 2. Стб. 502—575, 624—645, 1775—1812; Ч. 3. Стб. 1120—1121, 1178—1184; Сессия 5. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 1501—1502, 1667; Ч. 3. Стб. 1599; Ч. 4. Стб. 2078—2094, 2661, 2812—2819, 3962; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 1134—1198, 1205—1266, 1267—1344, 1347—1384, 4675—4702.

² Там же. Сессия 4. Ч. 3. Стб. 2813, 3224—3242, 3534—3593; Сессия 5. Ч. 1. Стб. 2424—2429; Ч. 4. Стб. 533, 766, 1096, 3105, 3268—3270, 4720—4721, 4320; Государственный совет. Сессия 7. Стб. 3733—3758, 3760—3788, 3791—3822, 5339—5342.

Значительное внимание III Дума уделяла также развитию среднего образования, которое, хотя и находилось в ведении МНП, но вызывало значительный интерес местных обществ и нередко получало дополнительное финансирование местного самоуправления.

По инициативе Думы было повышено содержание преподавателей гимназий, в средних школах были созданы попечительские советы. Они избирались учредителями и педагогами и получили широкие права вплоть до выдвижения кандидатов на должности директоров и преподавателей. По почину Думы был введен упрощенный порядок открытия средних школ. Их число значительно возросло.

В 1906 г. в России были 1102 средние школы, в 1912 г. — 2004. В начале XX в. увеличение их числа было значительно выше, чем за последние 20 лет XIX в. По требованию Думы МНП составило сеть средних школ и стало создавать их планомерно. В частности, правительство приступило к преимущественному распространению среднего образования в Великороссии и на Украине, в которых оно было развито недостаточно по сравнению с Югом и Северо-Западом.

Государственные расходы на среднее образование в 1907 г. составляли 13,8 млн. руб., в 1912 г. — 24,1 млн. руб. За 5 лет существования III Думы рост кредитов на среднее образование «превысил возрастание их за целое предшествовавшее столетие»¹. В 1908 г. в средних школах училось 383 тыс. человек, а в 1911 г. — 451 тыс. При этом число школьников-дворян возросло незначительно, а крестьян и мещан — в 1,5—2 раза.

Не были выполнены думские пожелания об издании нового устава средних школ, снижении и уравнивании платы за обучение в различных средних учебных заведениях, предоставления стипендий детям крестьян, упрощении открытия средних школ совместно на государственные и местные средства и др.

III Дума стремилась установить преемственность учебных заведений разного уровня. Государственный совет и правительство отнеслись к этому настороженно, поэтому планы нижней палаты были выполнены далеко не полностью.

Между высшей, начальной и средней школами в 1912 преемственность была принята полностью для девочек (выпускницы высших начальных училищ получили право переходить в 5 класс гимназий и др. средних школ с дополнительным экзаменом по иностранному и, при необходимости, древним языкам, а окончившие первые классы этих училищ — в соответствующие младшие классы гимназий) и частично для мальчиков: окончившие первый или второй класс высшего начального училища могли переходить во второй или третий классы средней школы с экзаменом по языкам.

¹ *Ponn A.H.* Указ. соч.

В то же время выработанный Думой законопроект о праве выпускников всех государственных средних школ поступать в вузы со сдачей, при необходимости, экзамена по предметам, не преподававшимся или преподававшимся в меньшем объеме по сравнению с гимназией, в 1913 г. был отклонен Государственным советом под давлением правительства.

По инициативе Думы был пересмотрен закон о частных учебных заведениях (1913). Их создание было значительно облегчено. В частности, думские поправки предоставили соответствующее право земствам, городам и приходам, расширили возможности учредителей (в частности, они получили право сами определять язык преподавания) и др.

В результате пожеланий Думы расходы на внешкольное образование возросли со 120 тыс. руб. в 1907 г. до 754 тыс. руб. в 1912 г., а также было несколько расширено профессиональное образование. Палате не удалось добиться его планомерного развития.

Дума в принципе выступала за открытие новых вузов и демократизацию высшего образования. Однако оно находилось в исключительной компетенции центрального правительства. В Думу было избрано несколько десятков вузовских преподавателей, однако они разбились по разным фракциям (от правых до кадетов включительно) и не образовали, говоря современным языком, университетского лобби. Избранная в мае 1910 г. комиссия для рассмотрения законопроекта об уставе и штатах императорских российских университетов во главе с бывшим профессором Казанского университета октябристом М.Я. Капустиным («Союз 17 октября» и группа умеренных¹) провела всего одно заседание. Внесенный в нее правительственный законопроект был взят обратно министром просвещения, а приступить к рассмотрению законодательных предположений членов Думы и попытаться с их помощью воздействовать на правительственную политику комиссия не желала.

Поэтому в области высшего образования Дума в основном ограничивалась принятием правительственных проектов без существенных изменений. Между тем правительство настороженно относилось к созданию новых вузов ввиду революционных настроений большинства студентов, которые превращали учебные заведения в очаги не столько образования и науки, сколько массовых беспорядков. Высшее образование продолжало сильно отставать от потребностей страны.

В частности, III Дума одобрила законопроекты о создании Саратовского университета (в составе одного медицинского факультета,

¹ Усманова Д.М. Капустин Михаил Яковлевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 236.

1909), дававших послевузовское образование Вологодского молочного института и Педагогического института им. П. Шелапутина (оба 1911), а также целого ряда частных вузов, среди которых можно выделить Московский народный университет (1908). Частные Московский и Киевский коммерческие институты получили права государственных. В результате пожелания Думы было реорганизовано Горное училище.

Под давлением общественного мнения и пожелания палаты был отменен циркуляр об отчислении из университетов отучившихся несколько лет вольнослушательниц, принятых хотя и с нарушением университетского устава, но с молчаливого согласия министерства просвещения (1908). Им дали окончить курс. Также был одобрен ряд законов о дополнительных ассигнованиях на нужды научных учреждений и вузов. Не были выполнены пожелания о расширении Томского университета, открытии университета на Кавказе, создании в ряде вузов сельскохозяйственных отделений, реформе историко-филологических институтов.

По утверждениям консервативных (до правоокейбристских включительно) авторов, правительство приступило к замене в вузах главенства левых студенческих организаций на власть учебного начальства под давлением выступлений правых ораторов Думы и добилось цели благодаря созданию ими студенческих академических организаций¹. Палата в целом со значительным опозданием высказалась против правительственных мер по подавлению студенческих беспорядков 1910—1911 гг.

В 1907—1912 гг. расходы МНП возросли с 46 млн. до 114 млн. руб. (в 1902—1907 гг. они выросли лишь на 9 млн. руб.²), их доля в бюджете увеличилась с 2,1 % до 4,4³. «Возрастание кредитов за... 5 лет превысило в полтора раза рост за все время предшествующего столетнего существования министерства»⁴. Расходы всех ведомств на просвещение, науку и культуру за 1907—1912 гг. увеличились с 75 млн. до 160 млн. руб. или на 112 %, в то время как все обыкновенные расходы за тот же период выросли на 24⁵.

На выборах в IV Государственную думу из-за падения популярности октябристов в имущих городских слоях Анреп был забаллотирован. Комиссию по народному образованию возглавил русский националист

¹ Юрский [Замысловский] Г. Правые в третьей Государственной думе. Харьков, 1912. С. 171—189; Микетов Я. Что сделало народное представительство 3-го созыва. СПб., 1912. С. 70.

² Ропн А.Н. Указ. соч. С. 235.

³ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. СПб., 1912. Ч. 3. С. 6, 282—283.

⁴ Ропн А.Н. Указ. соч. С. 234.

⁵ Там же. С. 233.

(с 1915 националист-прогрессист) гр. В.А. Бобринский¹, малокомпетентный в соответствующих вопросах и интересующийся главным образом балканской политикой. Лишь в 1916 его сменил Ковалевский.

Тем не менее, направление было задано и IV Государственная дума продолжала политику своей предшественницы.

В бюджете 1913 г. кредит на школьное строительство в результате думской поправки увеличился на 6 млн. руб., несмотря на возражения правительства и Государственного совета. В 1911—1916 гг. было построено 20,1 тыс. школьных помещений. В 1903 г. в начальных школах училось 5 млн. детей, в 1914 г. — 8,1 млн.² В результате запроса и пожелания палаты было отменено решение Совета министров об ограничении пенсионных прав учителей начальных школ (1914).

Благодаря всем этим мерам Россия к 1917 г. стояла на пороге введения всеобщего начального образования. Большинство земств накануне войны считали возможным его введение в 5- или 10-летний срок³.

Продолжался рост среднего образования. Если в начале века в России имелось не менее 900 средних школ, то к середине второго десятилетия XX века — 2—2,1 тыс.⁴ По инициативе Думы и Государственного совета было увеличено содержание преподавателям университетов.

¹ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Бобринский Владимир Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 59.

² Филоненко Т.В. Указ. соч. С. 139.

³ Абрамов В.Ф. Указ. соч. С. 49.

⁴ Филоненко Т.В. Указ. соч. С. 139.

МИЧУРИН А.Н.

**К вопросу о численности политической оппозиции
в Государственном совете в 1917 году**

МИЧУРИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры Истории для преподавания на естественных и
гуманитарных факультетах, Институт истории СПбГУ

(Санкт-Петербург, Россия);

e-mail: michurinspb@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена установлению численности «Прогрессивного блока» в Государственном совете в 1917 году, являвшегося главным легальным оппозиционным объединением в парламенте Российской империи, а также помогает прояснить некоторые вопросы функционирования российского парламента. В статье рассматриваются вопросы, связанные с политической борьбой в Государственном совете и Государственной думе в годы Первой мировой войны, особенности организационной работы «Прогрессивного блока» во время общественно-политического кризиса 1914—1917 гг., влияние отдельных вопросов на целостность этого политического объединения. Установление имен участников политической оппозиции в Государственном совете в годы Первой мировой войны уже само по себе является важной и интересной общеисторической задачей, для чего проводится сравнение подписей его членов под политическими петициями накануне и во время Февральской революции 1917 года.

Ключевые слова: Государственный совет, Государственная дума, Прогрессивный блок, Первая мировая война.

**К вопросу о численности политической оппозиции
в Государственном совете в 1917 году**

Численность «Прогрессивного блока», являвшегося главным легальным оппозиционным объединением в парламенте Российской империи — одна из важнейших проблем отечественной и зарубежной историографии. И если с численностью «Прогрессивного блока» в Государственной думе и его списочным составом большинство историков определились, считая членами блока всех членов входивших в него фракций¹, то список активных членов «Прогрессивного блока» в Госу-

¹ Указатель к стенографическим отчетам Государственной думы. 4-й созыв, сессия 4. Пг., 1916. Так, например, по подсчетам А.Б. Николаева,

дарственным совете не установлен до сих пор. Отсутствие каких-либо поименных списков групп, причисляемых к «Прогрессивному блоку» и подписей членов Государственного совета под декларацией блока¹, делает задачу установления списочного состава этого оппозиционного объединения интересной исторической головоломкой.

После значительных изменений, произошедших 1 января 1917 г., активизировались все группы Государственного совета. 1 и 2 января многие члены Государственного совета «из центра, академической группы и беспартийных заезжали на квартиру бывшего председателя Государственного совета А.Н. Куломзина и бывшего вице-председателя И.Я. Голубева и оставляли свои визитные карточки»². Заезжали также и к другим, не назначенным на 1917 год, членам верхней палаты. И.Я. Голубев написал 2 января 1917 года письмо на имя нового председателя Государственного совета И.Г. Щегловитова, в котором отмечал, что «пользование служебным положением и должностным содержанием без исполнения должностных обязанностей не соответствует твердо усвоенному им понятию о государственной службе и велениям его совести, отступление от коих его убеждениям недопустимо»³.

5 января 1917 г. произошло собрание правой группы, на котором выяснилось, что группа располагала на данный момент 65 голосами. Было указано, что на большинство в верхней палате правая группа может рассчитывать лишь в том случае, если солидарно с ней будет действовать группа нейдгартцев (правый центр). 5 января состоялось и собрание группы центра, в которое были допущены не назначенные к присутствию на 1917 год Н.А. Зиновьев и барон Р.Р. Розен. Группа центра разрешила не назначенным к присутствию участвовать в своей работе. Группа правого центра 5 января 1917 г. уполномочила своего представителя «сообщить руководителям правых, что, в виду условий переживаемого момента», она считает постоянное соглашение с ними на определенной программе невозможным⁴. Все надежды правых пополнить свои ряды за счет 25 членов правого центра потерпели неуда-

членами «Прогрессивного блока» «за август 1915 — февраль 1917 г. успели побывать 246 депутатов IV Государственной думы» (*Николаев А.Б.* К вопросу о фракционном и персональном составе Прогрессивного блока (август 1915 — февраль 1917) // *Герценовские чтения 2005. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. и учебно-методич. тр.* СПб., 2005. С. 85).

¹ ОР РГБ. Ф. 260. К. 4. Д. 10. Л. 21.

² Речь. 1917. 3 января.

³ *Кони А.Ф.* Из недавнего прошлого // *Прошлое и настоящее* / Под ред. М.К. Соколовского. Л., 1924. Вып. 1. С. 9.

⁴ Речь. 1917. 6 января.

чу. Создать устойчивое правое большинство в Государственном совете не удалось¹.

Открывшееся 14 февраля 1917 г. заседание Государственного совета было отмечено очередным скандалом. На просьбу Д.Д. Гримма выступить с внеочередным заявлением о сложившемся политическом положении председательствующий И.Г. Щегловитов ответил отказом. На это Д.Д. Гримм ответил просьбой дать возможность зачитать внеочередное политическое заявление. Примечательно то, что хотя Гримм и говорил о том, что свое заявление он хочет зачитать от имени левой группы, но среди 15 подписей стоящих под его обращением и, видимо, написанным самим Д.Д. Гриммом, находятся подписи В.И. Гурко (кружок внепартийного объединения) и М.А. Стаховича (внепартийный)². Щегловитов не разрешил зачитать протест, и Д.Д. Гримм вместе с левыми, частью центра и внепартийными (т.е. всеми «прогрессивными группами») покинул зал заседания. По этому поводу А.Н. Родзянко писала З.Н. Юсуповой в письме, написанном в несколько приемов, так как дата 12 февраля, которой помечено письмо, не соответствует выступлению Гримма 14 февраля 1917 года: «Вчера в Гос[ударственном] совете Щегловитов начал применять систему Протопопова и зажимал всем рот, — многие вышли из зала, и негодование общее»³. Таким образом, ясно, что «прогрессивные группы» Государственного совета готовились к предполагаемому отказу И.Г. Щегловитова, тем более, что собирался выступить от группы центра барон В.В. Меллер-Закомельский.

Миф о лишении слова И.Г. Щегловитовым оппозиции так устойчив, что Е.Н. Шелькинг приводит его в своих, вышедших в Берлине в 1923 году, воспоминаниях: «За несколько месяцев до революции он назначается председателем Государственного совета и обнаруживает до крайности властный и реакционный образ действий, доходя до того, что лишает слова тех из членов высокого собрания, мнения которых не согласуются с его собственным. В Думе, в Совете и в общественных кругах его ненавидели еще больше, чем Протопопова, с той разницей, что последнего скорее презирали, с Щегловитовым же все-таки приходилось считаться»⁴.

¹ Мичурин А.Н. Политическая борьба в Государственном совете накануне Февральской революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2012. № 4 (160). С. 110—117.

² РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1917 г. Д. 4. Л. 9.

³ К истории последних дней царского режима (1916—1917 гг.) Переписка Ф.Ф. Юсупова // Красный архив. 1926. Т. 14 (1). С. 240.

⁴ Из воспоминаний Е.Н. Шелькинга // Во власти хаоса. Современники о войнах и революции 1914—1920 / Автор-составит. Л.М. Аринштейн. М., 2007. С. 288.

20 февраля 1917 года в Государственном совете рассматривалось избрание в новые комиссии, и слушался доклад В.И. Тимирязева о проекте закона о льготном провозе товаров в Сибирь. Это дало возможность А.И. Гучкову, появившемуся после долгого отсутствия на заседании Государственного совета, сделать обращение по общему положению дел в стране. Гучков нарисовал картину полного расстройств всего хозяйства Российской империи и предложил обратиться к Совету министров за разъяснениями тех мер, которые правительство предлагает предпринять для изменения ситуации. Это предложение было поддержано Государственным советом. Несмотря на активную позицию И.Г. Щегловитова, выборы в новые комиссии не показывают ухудшения состояния «прогрессивных групп». Из 132 лиц, принявших участие в выборах комиссии по военным сухопутным и морским делам от «прогрессивных групп» оказалось избранными 6 членов (В.П. Энгельгардт, С.Ф. Ольденбург, В.Н. Поливанов, А.И. Гучков, Д.А. Олсуфьев, К.Н. Абхази), как и от правых. Но голосов, поданных за три списка с этими кандидатами оказалось 62, в то время как за список правых было подано 52 голоса. Та же картина наблюдается и при выборах комиссии для обсуждения, внесенного из Государственной думы законопроекта об изменениях и дополнении некоторых, относящихся к изготовлению и продаже крепких напитков, постановлений. За списки трех прогрессивных групп было подано 63 голоса, а за список правых — лишь 52¹. При этом в список правого центра попадали члены группы центра, а В.В. Савельев прошел по списку группы правого центра.

20 февраля 1917 года в канцелярию Государственного совета было направлено заявление за подписью 37 членов Государственного совета. Если предположить, что протест левой группы был подписан только для того, чтобы его разрешили зачитать с трибуны, то новая акция «Прогрессивного блока» не оставляет сомнений в ее продуманности и подготовленности. В заявлении говорилось о том, что председательствующий 14 февраля И.Г. Щегловитов не имел права отказывать членам Государственного совета барону В.В. Меллер-Закомельскому и Д.Д. Гримму в их праве выступить с речами. Но в самом заявлении содержится явная неточность: «Отказав в оглашении этого заявления, по которому, согласно ст.75 Нак[аза] Государственного совета обязательно должны были быть допущены две речи, одна за, другая против, председатель Совета лишил членов Совета, подписавших заявление, того средства защиты, которое прямо установлено Наказом...»². Барон В.В. Меллер-Закомельский и Д.Д. Гримм должны были говорить не

¹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1917 г. Д. 4. ЛЛ. 27 об.—28.

² РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1917 г. Д. 4. ЛЛ. 7 об.—8.

противоположные, а близкие по духу и содержанию речи, что ими делалось уже неоднократно. Подписали заявление только члены левой группы и группы центра, подпись М.А. Стаховича (внепартийный) можно отнести к его активному участию в парламентском объединении. Необходимо отметить отсутствие подписей членов Государственного совета по назначению, входивших в «прогрессивные группы», что говорит об отказе этих членов от активных выступлений, которые могут прервать их деятельность в верхней палате. Не протокольный характер протеста, позволявший поставить свои подписи под ним всем желающим, дает представление о составе активных членов «Прогрессивного блока», что позволяет установить поименный состав тех, кто поддерживал блок в начале 1917 года. Всего в состав «прогрессивных групп» входило на 20 февраля 89 членов. При этом, из подписавших заявление, Д.Д. Grimm, подпись которого стоит первой, и М.А. Стахович отсутствовали в заседании 20 февраля¹. Это показывает, что протест готовился до заседания, и до 20 февраля, так как 20 февраля Д.Д. Grimm был болен и не мог составить заявление и собрать подписи. Из подписавших протест 37 лиц не удалось установить подпись только одного члена Государственного совета. Все остальные являлись членами Государственного совета по выборам. От левой группы, состоявшей на 20 января 1917 года из 20 членов, заявление подписали 15: Д.Д. Grimm, П.П. Рябушинский, С.И. Комсин, Н.Н. Глебов, И.Г. Каменский 1-й, граф А.П. Толстой, В.П. Энгельгардт, В.И. Вернадский, М.А. Дьяконов, Л.В. Юмашев, Г.Э. Вейнштейн, князь Е.Н. Трубецкой, А.В. Васильев, С.Ф. Ольденбург, Е.Л. Зубашев. Из входивших в группу центра 49 членов подписали 19: барон В.В. Меллер-Закомельский, А.И. Гучков, граф И.А. Уваров 2-й, барон А.А. Пилар-фон-Пильхау, Н.Ф. фон-Дитмар, Г.Ф. Шмурло, Н.И. Нырков, князь К.Н. Абхази, Н.П. Савицкий, А.Э. Мейштович, граф Д.А. Олсуфьев, В.И. Черницкий, К.Г. Скирмунт, И.А. Шебеко, граф В.А. Мусин-Пушкин, Н.П. Зубов, Ю.В. Трубников 2-й, Н.Ф. Сухомлинов, А.И. Шелашников². Подписал это заявление и внепартийный М.А. Стахович. Но нет ни одной подписи от кружка внепартийного объединения, ни подписей от членов Государственного совета по назначению. Это показывает, что существовала определенная активная группа членов «Прогрессивного блока», готовая ставить свои подписи под различными коллективными обращениями. Это тем более очевидно, что данное заявление не подпадает под действие регламента Государственного совета, и высказаться могли все желающие, протестовавшие против действий председательствовавшего И.Г. Щегловитова.

¹ Там же. ЛЛ. 29—30.

² Там же. ЛЛ. 7 об.—8.

В то же время не стоит переоценивать степень конфронтации между правой группой и остальными группами Государственного совета, так как избранная 20 февраля 1917 г. комиссия по военным сухопутным и морским делам избрала своим председателем А.А. Поливанова, а его заместителем А.И. Гучкова. Уже на заседании этой комиссии 21 февраля 1917 г. рассматривался доклад А.А. Поливанова по вопросу о предварительном обсуждении смет Военного и Морского ведомств. Несмотря на то, что большинства в заседании комиссии члены «прогрессивных групп» не имели (6 правых, 2 левых, 1 внепартийный, 3 центр, 1 правый центр) все присутствовавшие подписались под решением комиссии о том, чтобы сметы Военного и Морского министерств сначала передавались Комиссии по военным сухопутным и морским делам, и только затем на заключение финансовой комиссии¹. Тем самым финансовая комиссия, если бы это предложение прошло, теряла бы свое прежнее значение, а Комиссия по военным сухопутным и морским делам во главе с А.А. Поливановым и А.И. Гучковым становилась координатором всех вопросов о сметах Военного и Морского министерств.

Государственный совет продолжал жить повседневной, будничной жизнью. Члены верхней палаты считались настолько умеренными в своем консерватизме, что только очень немногие принимали участие в обсуждении планов возможных изменений политического строя России. Поэтому действия И.А. Гучкова, готовившего переворот, и других членов «прогрессивных групп», привлекавшихся на различные собрания, следует рассматривать за рамками собственно политической борьбы в Государственном совете. Члены Государственного совета и не продвигались в своей оппозиционности дальше разговоров. Исходя из этого, А.И. Гучков вполне справедливо говорил Д.Д. Гримму уже после февраля 1917 г. о том, что «вся вина русского общества заключается в том, что переворот был сделан не руководящими классами общества, не политическими и общественными деятелями, не верхами армии, а был сделан стихийными массами»². А.И. Гучкову не нужно было убеждать общественные круги в прогнившесть строя, но разногласия были слишком велики. Ни на квартире М.М. Федорова³, ни на собрании в начале января 1917 г. у М.В. Родзянко⁴, ни 29 января

¹ Там же. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 288. Л. 22.

² ПЦР. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 278.

³ Из воспоминаний А.И. Гучкова // Последние новости. Париж, 1936. 9 сентября.

⁴ Родзянко М.В. Крушение Империи и Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Первое полное изд. записок председателя Гос. думы: С доп. Е.Ф. Родзянко. Нью-Йорк, 1986. С. 208—209.

1917 г. на собрании в помещении вещевого отдела Центрального военно-промышленного комитета, где среди 35 представителей различных организаций находились и представители Государственного совета, члены верхней палаты не занимали активной позиции¹. Исключением является выступление 29 января одного из присутствовавших членов Государственного совета «князя Друцкого», который в очень туманных выражениях высказывался за оповещение масс о решениях руководящих кругов оппозиции: «Однако все сразу же поняли его мысль, определенно сформулированную замечанием присутствовавших на собрании рабочих, шутливо заметивших, что “князь, по-видимому, говорит о необходимости постановки нелегальной техники и органа”»². Представитель ЦВПК П.П. Казакевич сразу же ухватился за эту мысль и указал, что горнопромышленники юга России учтут предложение членов Государственного совета. Е.Д. Черменский пишет о том, что на заседании 29 января 1917 г. присутствовали члены Государственного совета М.А. Стахович и В.И. Гурко³. Но самым активным оказался «князь Друцкой», отмеченный среди присутствовавших и бывший, по-видимому, князем Н.Н. Друцким-Соколинским, избранным от Могилевского губернского земского собрания и входившим в группу центра⁴. Ни А.И. Гучков, ни другие члены верхней палаты особой активностью на собрании 29 января не отличались. Да и речь Н.Н. Друцкого-Соколинского лежала в области пожеланий, что в шутливой форме отмечали рабочие-оборонцы, которые, как отмечал в своих воспоминаниях В.Н. Каюров, «увидев всеобщее озлобление, изменили свою тактику — и в начале 1917 года заговорили иным, несвойственным им языком»⁵.

Скорее эти совещания рассматривались членами верхней палаты как чисто информативные, что и позволило Л. Львову, как парламентскому корреспонденту близко знакомому с обстановкой в Государственном совете, заявить: «Государственный совет, зная, что вопрос о перевороте поставлен серьезно, оставался бездействен, заняв выжидательное положение»⁶. В той же области чисто гипотетических рассуждений

¹ В январе — феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д. Протопопова // Былое. 1918. № 13. Кн. 7. С. 117.

² Буржуазия накануне Февральской революции / Под ред. Б. Граве. М.; Л., 1927. С. 182—183.

³ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 263.

⁴ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7. ЛЛ. 53—54.

⁵ Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. — февраль 1917 г.). Л., 1986. С. 151.

⁶ Львов Л. Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 38.

было привлечение членов Государственного совета к выяснению возможностей отсрочить выборы в Пятую Государственную думу¹.

Наступление революционных событий не предвиделось основной массой членов Государственного совета. Они рассчитывали на дворцовый переворот, слухи о котором носились по Петербургу, и думали, «что явится на смену новый порядок управления, но не произойдет ничего рокового, и жизнь сохранит если не все свои прежние формы, то все ее устои»². 25 февраля 1917 года к военному министру генералу М.А. Беляеву³ должна была направиться делегация, состоящая из членов Государственной думы и Государственного совета, с целью освободить с фронта земского деятеля, который в силу закона должен был вступить в исполнение обязанностей предводителя дворянства одного из уездов Харьковской губернии. Встреченный Н.В. Савичем на Невском проспекте 25 февраля член Государственного совета граф А.А. Бобринский (правый) очень удивил Савича словами: «Вот как начинается наша революция»⁴. Дальнейшие события в Государственном совете полностью подтвердили полное непонимание происходивших событий даже членами левой группы Государственного совета. С.Ф. Ольденбург планировал выступить 27 февраля 1917 года от левой группы по продовольственному вопросу, заняв при этом позицию блока о передаче продовольственного дела в руки общественности. В этом проекте речи указывалось, что продолжающиеся в столице беспорядки приведут к тому, что произойдет решительный поворот в действиях русского правительства навстречу справедливым желаниям всей страны⁵. В.Н. Коковцову, который готовился к намеченному заседанию Государственного совета 27 февраля, в 10 часов утра позвонил С.Е. Крыжановский с сообщением об отмене заседания. На протесты В.Н. Коковцова Крыжановский ответил: «Напротив того, давно нужно было это сделать...»⁶. А.Н. Куломзин, хотя и уволенный от должности председателя Государственного совета, но продолжавший подробно писать своим родным о политических событиях в Петрограде, ничего не сообщал им о начавшихся беспорядках. Его сын, Я.А. Куломзин, допытывался в письме от 28 февраля 1917 года о событиях в Петрограде: «Усиление цензуры не дает нам возможности знать, что у вас делается в Петрограде. А между тем по намекам в [“]Рус[ском] слове[”] — вид-

¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 156. Л. 2 об.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919. М., 1992. Т. 2. С. 340.

³ ПЦР. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 247.

⁴ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 194.

⁵ ГА РФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 84. Л. 4.

⁶ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т. 2. С. 340.

но, что что-то было. То паника от голодовки, или забастовка? Интересно бы знать?»¹.

Только в ночь на 28 февраля 1917 года члены левой группы и часть членов группы центра (по выборам) послали Николаю II телеграмму о «народной смуте стихийной силы». Основные предложения, пославших это сообщение, не простирались дальше политических требований, выдвинутых в Государственном совете 26 ноября 1916 г. Были повторены старые требования об отставке правительства и формировании нового кабинета, пользующегося общественным доверием. При этом утверждение списка лиц, которые войдут в состав нового Совета министров, предполагалось предоставить Николаю II².

Подробно этот вопрос рассмотрен в монографии А.Б. Николаева, который впервые установил списочный состав подписавших телеграмму Николаю II, выявил 23 фамилии всех подписавших. От левой группы 15 человек — А.В. Васильев, Г.Э. Вейнштейн, В.И. Вернадский, Н.Н. Глебов, Д.Д. Гримм, М.А. Дьяков, Е.Л. Зубашев, С.И. Комсин, С.С. Крым, И.П. Лаптев, Н.В. Марин, С.Ф. Ольденбург, граф А.П. Толстой, князь Е.Н. Трубецкой, Л.В. Юмашев. От группы центра 7 членов — А.И. Гучков, князь Н.Н. Друцкой-Соколинский, барон В.В. Меллер-Закомельский, Н.П. Савицкий, В.Ф. Стахеев, А.Д. Шумахер. Подписал обращение и внепартийный М.А. Стахович³. Заметим, что эту телеграмму подписали только члены Государственного совета по выборам, как и явно политический протест 20 февраля 1917 года против действий Щегловитова. Касательно позиции якобы «внепартийного» М.А. Стаховича, то есть интересное место из его воспоминаний, вполне проясняющих его политические взгляды: «Долго потом, целых 37 лет, не прерывались мои личные и письменные отношения с А.Ф. Кони. Я всегда его читал, слушал, когда только удавалось; у нас были общие друзья; 11 лет (1906—1917) были мы коллегами по Государственному совету, и я принадлежал к его крайней лево-“академической группе”»⁴. То есть, на самом деле «внепартийный» М.А. Стахович входил в левую (академическую) группу, хотя и числился «внепартийным». При этом нужно помнить, что не все входившие в «Прогрессивный блок» понимали природу его об-

¹ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 35. Л. 123.

² Великие дни Российской революции. Февраль 27 и 28-го, март 1, 2, 3 и 4-го 1917. Пг., 1917. С. 5—6.

³ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля-3 марта 1917 года: Монография. СПб., 2005. С. 366.

⁴ Записки М.А. Стаховича-Младшего (Писано в Aix-en-Provence в 1921—23 гг.) // Орловский мудрец, опередивший время / Сб. научн. ст. Орел, 2011. С. 176.

разования¹. Например, формально член «Прогрессивного блока» А.Д. Протопопов устойчиво вызывал ненависть своих товарищей по блоку после назначения министром внутренних дел, а член группы центра (якобы целиком входившей в блок) Государственного совета В.И. Герье с ненавистью относился к «Прогрессивному блоку»², что показывает комичность попыток подсчитать состав оппозиционных групп списком.

Сам факт политического обращения членов Государственного совета к императору Николаю II дает возможность сделать выводы о том, что политическая борьба в верхней палате не затихала вплоть до начала Февральской революции. Однако крайняя умеренность выдвигавшихся требований проистекала из особенностей расстановки политических сил накануне Февральской революции: с одной стороны, «прогрессивные группы» сохранили свое преобладание и формально могли оказывать определяющее влияние на жизнь Государственного совета, а с другой стороны, противоречия между различными группами не носили следов открытой конфронтации. Требования оппозиционных лидеров можно считать крайне умеренными. Даже проект речи С.Ф. Ольденбурга, предназначенной к произнесению в заседании 27 февраля, говорит об умеренности желаний «Прогрессивного блока». Политические структуры «Прогрессивного блока», особенно его «думская» и «советская» части, бились в непримиримых противоречиях, но пойти на решительные действия они были не готовы.

Кроме того, А.Б. Николаев установил факт еще одного заседания членов Государственного совета по выборам 28 февраля 1917 года. В совещании участвовали 14 человек. От левой группы — В.И. Вернадский, С.И. Комсин, граф А.П. Толстой, князь Е.Н. Трубецкой, Л.В. Юмашев. От группы центра — князь Н.Н. Друцкой-Соколинский, барон В.В. Меллер-Закомелский, Н.И. Нырков, Н.П. Савицкий и внепартийный М.А. Стахович. Было еще 4 неустановленных участника³. Участники совещания обратились к М.В. Родзянко с письмом с поддержкой образования Временного комитета Государственной думы. Из этого совещания А.Б. Николаев делает вывод: «Как видно, выборные члены Государственного совета сумели организовать, и даже провели 28 февраля частное совещание, открыто вставшее на сторону Государственной думы»⁴.

¹ Голицын А.Д., кн. Воспоминания / Сост., подгот. текста, послесл., указатель имен А.К. Голицына. М., 2008. С. 374; Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 2006. С. 683—685.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061 (1). Л. 1117; Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1433.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1245. Л. 14.

⁴ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 367.

Это замечание верно, но поведение членов Государственного совета очень различалось в эти дни. Тем более, что это не были единичные политические акции в Государственном совете, они происходили и ранее 1917 года¹. Вместе с активным политическим ядром были и лица не участвовавшие в политических процессах. А.Ф. Редигер, указывавший на отсутствие частных совещаний Государственного совета накануне кризиса 1917 года, например, был озабочен покупкой имения перед революцией, активную политическую жизнь не вел, от всех назначений во время войны отказывался². Но ведь и другой член Государственного совета князь А.Д. Голицын (входивший в группу центра, принадлежавшую формально к «прогрессивным группам») тоже оказался в стороне от политических процессов и не связывал себя с «Прогрессивным блоком». Последний раз Голицын заседал в группе центра 25 февраля 1917 года под председательством В.В. Меллера-Закомельского, обсуждая повестку дня на 27 февраля в Государственном совете. Это заседание 27 февраля уже не состоялось³. Не высокого мнения о политической борьбе в Государственном совете был и участник заседания 28 января 1917 года Е.Н. Трубецкой⁴.

Таким образом, можно выделить в 1917 году некое активное ядро Государственного совета, подписывавшее все петиции, телеграммы, собиравшееся на обсуждения политических вопросов помимо регулярных встреч групп. Это левые — В.И. Вернадский, С.И. Комсин, А.П. Толстой, князь Е.Н. Трубецкой, Л.В. Юмашев. Группа центра — кн. Н.Н. Друцкой-Соколинский, барон В.В. Меллер-Закомельский, Н.П. Савицкий и «внепартийный» М.А. Стахович. При этом член группы центра Н.И. Нырков подписал протест 14 февраля и участвовал в собрании 28 февраля 1917 г. Если добавить сюда активно действовавших во время Февральской революции А.И. Гучкова и Д.Д. Гримма, то перед нами вырисовывается реальное ядро «Прогрессивного блока» в Государственном совете. Заметим снова, что среди них нет ни одного члена Государственного совета по назначению или членов кружка внепартийного объединения (за исключением В.И. Гурко), часто причисляемых к «Прогрессивному блоку».

Думская часть «Прогрессивного блока» все более радикализировалась, что делало ее взаимодействие с членами Государственного совета

¹ Мичурин А.Н. Государственный совет и кризис власти накануне Февральской революции 1917 года // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2012. № 2(148). С. 91—100.

² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 442.

³ Голицын А.Д., кн. Воспоминания. С. 358.

⁴ ОР РГБ. Ф. 171. К. 9. Д. 1. ЛЛ. 11—12 об.

очень сложным. Снова начались противоречия в группе центра, которая, несмотря на все усилия своего руководства, осталась расколотой на несколько более мелких подгрупп (аграрная, Польское коло, промышленная, члены Государственного совета по назначению). Левая группа окончательно слилась с думской частью блока, в то время как кружок внепартийного объединения полностью выродился в консультативный орган общеполитического характера. Выделилась активная часть «Прогрессивного блока», которая фактически порвала со своими групповыми интересами в области законотворчества и занялась подачей петиций оппозиционного характера. В эту группу вошли исключительно члены Государственного совета по выборам, что еще раз подтверждает образовавшийся разрыв внутри «прогрессивных групп».

Парламент, власть и общество в начале XX века

ЮРКОВСКИЙ Р.Я.

Польские депутаты I Государственной думы и Выборгское воззвание

ЮРКОВСКИЙ РОМАН ЯНОВИЧ,

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой Восточной Европы
Варминско-Мазурского университета в Ольштыне
(Ольштын, Польша);
e-mail: roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Аннотация: Цель статьи — представление отношения Польского кола в I Государственной думе к политическим событиям в Выборге в дни 9—11 июля 1906 г., когда примерно 180 депутатов I Думы в протест против ее роспуска опубликовало воззвание к российскому народу. Поляки в Выборг не поехали, но послали делегацию, состоящую из 5 депутатов. Они объявили декларацию Польского кола, в которой не высказали никакого отношения к воззванию «Народу от народных представителей!», признавая, что это внутреннее дело россиян. Автор использует неизвестные до сих пор протоколы заседаний Польского кола, анализирует поведение поляков в Выборге, представляя мотивы их поведения.

Ключевые слова: I Государственная дума; Выборгские воззвание; декларация Польского кола.

Польские депутаты I Государственной думы и Выборгское воззвание

Польская историография с конца XX века и в начале XXI столетия, фактически не занималась в полном объеме деятельностью польских депутатов в Государственной думе и Государственном совете. До сегодняшнего дня нет и отдельной монографии посвященной полякам в Государственном совете, а две книги на тему Польского кола в Госу-

дарственной думе написанные в 70-е годы прошлого века Зигмунтом Лукавским (Zygmunt Łukawski) и Мирославом Вежховским (Mirosław Wierchowski)¹ утратили свою новизну и устарели с методологической точки зрения². Не существует также отдельных исследований, посвященных множеству проблем, связанных с участием поляков в заседаниях Государственной думы. Для полного выяснения отношения Польского кола к роспуску I Думы, кроме воспоминаний и опубликованных отчетов депутатов, польские историки не могут использовать архивных материалов, созданных польской фракцией. Нам ничего не известно о судьбе архива Польского кола, который после большевистского переворота 1917 года был помещен на хранение в Римо-католической духовной академии в Петрограде. Только в 2003 г. во время работы в Государственном архиве Российской Федерации в Москве мне удалось найти полную стенограмму протокола 46 предпоследнего заседания Польского кола от 11 июля 1906 г., в котором помещен обширный отчет депутата Виктора Яронского (Wiktor Jaroński) и Францишка Новодворского (Franciszek Nowodworski) с совещания в Выборге и участия в ней специальной делегации Польского кола³.

1. Представители Польского кола в Выборге 10 июля 1907 г.

В состав специальной делегации Польского кола, прибывшей 10 июля в Выборг входили: священник Ян Гралевский (Jan Gralewski)⁴,

¹ Łukawski Z. Koło Polskie w rosyjskiej Dumie Państwowej w latach 1906—1909. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1976; Wierchowski M. Sprawy polski w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa, 1966.

² Szwarc A., Wieczorkiewicz P. Uwagi o taktyce przedstawicielstwa polskiego w II Dumie Państwowej // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały pod red. Andrzej Szwarca i Pawła Wieczorkiewicza. Warszawa, 2002. S. 171.

³ Этот протокол вместе с другими документами я опубликовал в историческом ежегоднике «Echa Przeszłości» в 2004 году (Jurkowski R. Koło Polskie wobec Wybarga. Z dokumentów Koła Polskiego w I Dumie Państwowej w Rosji // Echa Przeszłości. 2004. T. V. S. 349—369).

⁴ Гралевский Ян (1868—1924), католический священник. Происходил из семьи землевладельцев, член Национальной лиги и Национально-демократической партии (Liga Narodowa i Stronnictwo Demokratyczno-Narodowe). Избран в I и II Государственную думу от Варшавской губернии. В Польском коле занимался вопросами образования в Царстве Польском (Постников Н.Д. Гралевский Ян Янович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 145—146).

Виктор Яронский (Wiktor Jaroński)¹, Бронислав Малевский (Bronisław Malewski)², Францишек Новодворский (Franciszek Nowodworski)³ и Альфонс Парчевский (Alfons Parczewski)⁴. Первым в Выборг уже 9 июля 1906 г. приехал Виктор Яронский, который встретился с профессором Леоном Петражицким (Leon Petrażycki). Он заявил, что «присутствие Польского коло в Выборге является обязательным», что было следствием телеграммы В. Яронского в Петербург о прибытии польской делегации.

В первый день заседания в гостинице «Бельведер» среди почти 220—230 депутатов уже бывшей I Государственной думы находилось несколько

¹ Яронский Виктор (1870—1931), юрист. Родился в интеллигентской семье, член Национально-демократической партии. Депутат I—IV Государственной думы от Келецкой губернии. Один из наиболее активных членов Польского коло, его секретарь. Работал во многих думских комиссиях (*Постников Н.Д.* Яронский Виктор Феликсович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 726).

² Малевский Бронислав (1874—1920), врач. С 1902 г. член руководства Национальной лиги. Избран в I Государственную думу от Люблинской губернии. Не отличался парламентской активностью. Во время войны служил как врач в российской армии, позже в звании генерала руководил санитарными отделами в I Польском корпусе в России. В 1918 г. возглавил медицинскую службу Польской Армии. Депутат Сейма Второй Речи Посполитой (*Постников Н.Д.* Малевский Бронислав Густавович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 345—346).

³ Новодворский Францишек (1859—1924), юрист. Депутат I и II Государственной думы от Варшавы. Лучший оратор в Польском коло, в связи с чем ему поручались выступления по наиболее ответственным делам, например, отмены смертной казни, отмены чрезвычайного положения в Царстве Польском. Проводил активную деятельность в Петрограде в 1915—1917 гг., в том числе в Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского. В независимой Польше председатель Верховного суда и президент Государственного трибунала (*Постников Н.Д.* Новодворский Франц (Францишек) Иосифович (Юзефович) // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 418—419).

⁴ Парчевский Альфонс (1849—1933), юрист. Участник январского восстания 1863 г. Родился в семье землевладельцев. До 1908 г. член Национально-демократической партии. Депутат I—IV Государственной думы от Калишской губернии. Очень активный парламентарий, так, по вопросу о выделении Холмщины из Царства Польского выступал 40 раз. Ученый, общественный и политический деятель, в 1922—1923 гг. ректор Университета имени Стефана Батория в Вильно (*Николаев А.Б., Постников Н.Д.* Парчевский Альфонс Ипполитович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 444).

ко представителей поляков (Александр Ледницкий (Aleksander Lednicki), Леон Петражицкий, Габриэль Шершеневич (Gabriel Szerszeniewicz), хотя Польское коло официально представлял только Виктор Яронский. А граф Владимир Грохольский (Włodzimierz Grocholski), прибывший 9 июля, т.е. позже В. Яронского, не имел полномочий выступать от имени Белорусско-литовско-польской группы. В коротком отчете В. Яронского, представленном на 46 заседании Польского кола, очень интересным представляется выступление в первый день выборгской встречи профессора Л. Петражицкого, в котором критически оценены юридические основания воззвания «Народу от народных представителей!». Согласно В. Яронскому: «Выступающий проф. Петражицкий с разочарованием критиковал документ, особенно его вторую часть, обосновывая ее безрезультативность»¹. В. Яронский обратил также внимание на голоса кадетских депутатов, которые ставили под сомнение законность собрания в Выборге как продолжение заседания Государственной думы: «один из депутатов к.д. (кадетов — Р.Ю.), подчеркивая конституционное основание, согласно которому была распущена Дума, доказывал, что настоящее собрание в Выборге является исключительно обычным собранием людей, занимающихся политикой, но не заседанием парламентского органа. Обращение, по мнению выступающего, сейчас может исходить только от партий, но не Думы»². Такой же аргумент, кстати, вполне обоснованный, позже будет использован в воззвании Белорусско-литовско-польской группы (Территориальное окраинное коло) обращенном к собственным избирателям после роспуска Думы и оглашения Выборгского воззвания.

Описание событий 10 июля 1906 г. представил на 46 заседании членов Кола Францишек Новодворский. Польское коло, по его мнению, «было очень желательным в Выборге, и не только для того, что кадеты хотели иметь побольше умеренных участников заседания, но, прежде всего, стремились увеличить количество присутствующих»³. Подобное стремление кадетов к увеличению количества присутствующих бывших депутатов имело несколько причин. Во-первых, согласно заявлению председателя I Государственной думы Сергея Муромцева, собрание в Выборге было продолжением последнего заседания Думы, и тогда прибытие в Выборг значило непризнание роспуска I Государственной думы. Во-вторых, при принятии предыдущего утверждения, легитимизация при такой трактовке собрания в Выборге требовала как можно большего количества депутатов, представляющих наибольшие

¹ ГА РФ. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 48. Л. 716.

² Там же.

³ Там же.

партийные группировки в I Думе. Поэтому все прибывшие в гостиницу «Бельведер» в Выборге были желанными гостями. И, в-третьих, о чем подчеркивал Ф. Новодворский в своем отчете, кадеты считались с решительной позицией власти против политической деятельности бывших депутатов и поэтому желали, чтобы возможным репрессиям подверглись представители всех партий и национальностей, присутствовавших в распушенной I Думе. Ф. Новодворский об этом прямо заявил: «Кадеты желали ситуации прямого подведения под арест всех бывших депутатов»¹.

Поэтому уже на железнодорожном вокзале делегацию Польского коло ожидала группа кадетских депутатов. Когда же поляки вошли в зал заседания, среди присутствующих «раздалось тихое восклицание: представители Польского коло явились — после чего раздались рукоплескания»². Используя приветливое настроение зала, надеясь, наверное, на поддержку Польским коло идеи протеста против роспуска Думы, С. Муромцев сразу же предложил полякам выступить. Тогда, как пишет Ф. Новодворский, «депутат Парчевский прочитал официальное коммюнике Кола, которое сразу охладило собравшихся»³. Собравшиеся депутаты были так удивлены позицией польской делегации, что долго никто не брал слова. Тогда С. Муромцев сразу же предложил перейти к принятию голосованием очередных пунктов обращения к народу, что было принято большинством депутатов. Правда, польская делегация воздержалась от голосования, о чем огласил присутствующим депутат А. Парчевский⁴. Вместе с поляками от голосования воздержался также депутат Шахайдар Сыртланов из Уфимской губернии, принадлежащий к мусульманской фракции. Только тогда поведение польской делегации вызвало в зале оживление. Депутат Григорий Шапошников (трудолик) в своем выступлении отметил, что «если Польское коло практически самоотстраняется от дела, тогда встает вопрос, есть ли смысл дальше делегации коло присутствовать при дискуссии»⁵. Сергей Муромцев, будучи очень заинтересованным в деле признания Выборгского собрания как продолжения думских заседаний,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ В свете используемого здесь протокола 46 заседания Польского коло от 11.7.1906 г. ошибочным является утверждение Вадима Демина, который в энциклопедической статье «Выборгское воззвание» написал, что «члены Польского коло выступили против подписания текста обращения, подготовленного комиссией» (*Демин В.А. Выборгское воззвание // Государственная дума Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 113*).

⁵ ГА РФ. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 48. Л. 72а.

выступил против предложения Г. Шапошникова. Он сказал: «поскольку инцидент имеет место на заседании Думы, то каждый депутат имеет право участвовать в заседаниях и никто не может этого запретить и предложение [об устранении польских депутатов с заседаний — Р.Ю.] должно быть снято»¹. Согласно сообщению А. Парчевского, председатель С. Муромцев заметил: «Поляки являются нашими коллегами, поэтому могут оставаться»². Подобное поведение председателя Госдумы позволяло польским депутатам оставаться в зале заседаний, тем более, что собрание не имело времени заниматься несколькими польскими депутатами. Собрание, прежде всего, стремилось как можно скорее принять постановление, т.е. текст обращения к народу. К тому же, польские депутаты никоим образом не среагировали на предложение Г. Шапошникова по одной простой причине — целью их приезда в Выборг было не участие в заседаниях, а оглашение декларации Польского коло, что и было сделано. Однако, по мнению А. Парчевского, «неприятное впечатление, какое произвел вышеуказанный инцидент, [предложение Г. Шапошникова. — Р.Ю.] побудило делегацию к уходу из зала заседания»³. В такой ситуации поляки пришли к заключению, что участвовать далее в заседании нет резона и удалились из зала, кроме депутата Б. Малевского, которого оставили для составления отчета о дальнейшем ходе событий.

Бывшие польские депутаты сразу не выехали из Выборга, тем более, что вскоре после их ухода заседание закончилось в результате решительного требования губернатора Выборга Николая Рехенберга. Последний ультимативно угрожал, что в случае невыполнения его решения, отдаст власть в городе военному командованию. После выхода из зала заседаний, отдельные члены делегации Польского коло разговаривали с несколькими кадетскими депутатами. Последние продолжали надеяться на заполучения подписей польских депутатов под обращением к народу. Депутат Алексей Муханов в разговоре с Ф. Новодворским предлагал полякам подписание обращения индивидуально, т.е. каждый депутат подписывает документ от себя лично. Ему ответили, что «это будет невозможным, потому что Польское коло еще не было распущено и солидарность обязательна для всех его членов»⁴. Федор Кокошкин, один из самых выдающихся лидеров кадетов разговаривал с А. Парчевским. Согласно донесений последнего, кадетский политик «не был убежден в правоте позиции Коло и сожалел, что поляки не подписали обращения»⁵. Дмитрий Протопопов, другой со-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

беседник А. Парчевского, правдоподобно выразился: «ах, как господа разрушаете вашу автономию»¹. Со священником Я. Гралевским общался князь Петр Долгоруков, который один из немногих кадетских собеседников согласился с мнением Польского коло. Особенно разочарован поведением поляков был проф. Л. Петражицкий. Детали разговора с ним привел на заседании Польского коло 11 июля 1906 г. священник Я. Гралевский: «Петербургский депутат — поляк очень сожалел по поводу неподписания обращения Польским колом и Территориальным колом и, оставляя в стороне все другие соображения, призывал к этому всех других польских депутатов во имя товарищества и поддержки полных самоотверженности российских депутатов, которым угрожала ст. 129 Уголовного кодекса. Л. Петражицкий выразил уверенность в том, что мнения в стране обратятся против Коло и решительно осудят такого рода разрыв отношений со свободолюбивым движением в России»². Рассуждения о духе товарищества и солидарности с российскими депутатами, используемые Л. Петражицким, были логичными и священник Я. Гралевский, который пообещал петербургскому депутату предложить, «что Коло еще раз задумается над положением вещей». Результатом этого обещания было предложение Я. Гралевского о повторном обсуждении вопроса подписания Выборгского воззвания, оглашенного на заседании Коло 11 июля 1906 г. Однако до дискуссии не дошло, потому что в голосовании по вопросу проведения дискуссии среди 23 депутатов 15 выразились «против», а 8 «за»³.

Во время проведения обсуждений, члены делегации Польского коло наблюдали за поведением самых известных депутатов I Думы, которые приехали в гостиницу «Бельведер» в Выборге. Когда увидели, что некоторые из них уезжают, поспешно сделали тоже самое. Ф. Новодворский заметил: «Вскоре после этого делегация, имея в виду отъезд многих выдающихся кадетов, как князь Урусов»⁴ и

¹ Там же.

² Там же. Л. 72б.

³ Там же. Л. 73а.

⁴ Урусов Сергей Дмитриевич, кн. (1862—1937), член партии демократических реформ. Н.Б. Хайлова пишет, что после роспуска I Государственной думы кн. Урусов был «привлечен к суду по делу о Выборгском воззвании, хотя, по его словам, в Выборгском совещании не участвовал и документа не подписывал». Но, «не желая отделять свою судьбу от судьбы “выборжцев”, на суде не сделал никакого заявления и был приговорен вместе с остальными к 3 мес[яцам] тюрьмы и лишен избират[ельных] прав» (*Хайлова Н.Б. Урусов Сергей Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. С. 639*). Информация протокола 46 заседания Польского коло подтверждает факт присутствия кн. С.Д. Урусова в Выборге 10.VII.1906 г.

Львов¹, решила покинуть Выборг, что и сделала»².

2. Декларация Польского коло и обращение депутатов поляков Белорусско-литовско-польской группы, сделанное после ропуска I Государственной думы

Декларация Польского коло была документом, предназначенным для чтения на собрании в Выборге, поэтому относилась к конкретной политической ситуации, созданной после роспуска Думы. На самом деле она имела более широкого адресата, которым было российское общество, здесь именуемое народом, представленным бывшими уже депутатами I Думы. Косвенно декларация была направлена польскому народу, потому что представляла отношение депутатов из Царства Польского ко всему процессу политических реформ в России после 1905 г., а также и объясняла, с польской точки зрения, отношение поляков к идее гражданского неповиновения жителей России, красноречивым примером которого было воззвание, принятое в Выборге 10 июля 1906 года.

А поляки из Белорусско-литовско-польской группы выпустили обращение, направленное только к своим избирателям, о чем говорило его название: «К нашим избирателям»³. В нем ни единого слова не сказано о событиях в Выборге. Это было следствием позиции занятой депутатами Территориального кола, которые в Выборг не приехали и ни один из них Выборгского воззвания не подписал. Более того, в изданном обращении они подчеркнули, что роспуск Думы был актом совершенно легальным («после роспуска на основе § 105 основных Положений»), но политическая акция депутатов, которые этого не приняли, может вызвать «ужас социальной борьбы, а беспорядки, насилия и репрессии могут ввергнуть нашу страну в бездну бед, крови и пожаров, удаляя снова момент достижения желаемых свобод и установления порядка»⁴. Эта очень лояльная позиция поляков западных губерний оказалась близкой к представлениям умеренных российских правых сил и свидетельствовала о правильном понимании их разного положения в России в сравнении с соотечественниками из Царства

¹ Львов Георгиевич Евгеньевич, кн. (1861—1925), член партии кадетов. Присутствовал на собрании в Выборге, но Выборгского воззвания не подписал (*Пушкарева И.М., Соснер И.Ю.* Львов Георгий Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. С. 337).

² ГА РФ. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 48. Л. 72а.

³ Do naszych wyborców. Odezwa posł ów Polaków z Litwy i Rusi // *Kurier Litewski*. № 158. 16 (29).VII.1906 г. Под Обращением не было поставлено даты, но следует предположить, что написано оно было 10—12.7.1906 г.

⁴ Там же.

Польского. В завершении своего воззвания, польские депутаты Белорусско-литовско-польской группы призывали «наших сограждан к новой, мирной подготовке будущих думских выборов, признавая, что только согласованная, трезвая и рассудительная работа приведет к расцвету культуры и благосостоянию любимой всеми нами страны»¹.

В воззвании не обошлось и без элементов критики правительства: «Кабинет не имел сил, чтобы успокоить страну, а в отношении нас, не только не проявил никакого понимания, но даже не решился на ликвидацию этих различных ограничений, которые нас стесняют в повседневной жизни»². В целом она была смягчена и больше напоминала мнение граждан, заботящихся о судьбе государства, чем взгляды представителей народа, пострадавшего от государственной дискриминационной политики.

Декларация Польского коло, оглашенная в Выборге депутатом А. Парчевским, состояла как бы из двух частей. В первой из них поляки вполне солидаризировались с негодованием русского общества, вызванного роспуском I Думы («мы возмущены до глубины ее роспуском в такие тяжелые времена!»)³. По мнению Польского коло, в Государственной думе велась «страстная и напористая работа, направленная на благо народов, населяющих российское государство». Дума проводила «стойкую и решительную борьбу с произволом правительства» и стремилась к «утверждению в стране демократическо-конституционного строя»⁴. Польские депутаты припомнили собравшимся в Выборге, как и всему российскому обществу, «что на протяжении всего времени существования Государственной думы мы были вместе с Вами, представители русского народа, на пути прививки принципов настоящей свободы»⁵. Последние слова имели значение моральной декларации единства с российским свободолобивым движением, и для демонстрации этого Польское коло направило в Выборг свою делегацию. Факт присутствия поляков в Выборге был представлен и в отчете деятельности Польского коло в I Думе, который в форме анонимного сообщения появился в польской прессе⁶.

¹ Там же.

² Там же.

³ Deklaracja Koła Polskiego ogłoszona w Wyborgu w dniu 10 (23) VII 1906 r. // Kurier Litewski. № 158. 16 (29) VII 1906 r.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Sprawozdanie z działalności Koła Polskiego w I Dumie Państwowej // Kurier Litewski. № 162. 21.VII.(3 VIII) 1906 r. В нем, кроме прочего, было написано: «Польское Коло желая показать свою политическую связь с вольнолюбивым духом бодрящим деятельность распушенной I Думы, направило в Выборг 23 июля делегацию с утвержденной Коло декларацией» (там же).

А во второй части декларации было представлено отношение Польского кола к «совещанию» (именно такое слово было использовано относительно собрания в Выборге) в банкетном зале гостиницы «Бельведер» в финском Выборге. Была отмечена политическая «связь со свободолюбивым движением граждан России», чтобы затем, к удивлению всего зала сказать «но обсуждать какие шаги Вам необходимо сейчас сделать, мы не уполномочены»¹. Практически это значило, что представители Царства Польского не поддержат выступления против правительства, каким, без сомнения, было воззвание к народу, оглашенное в Выборге. Основанием такой позиции Польского кола было коротким: «Выбор наиболее подходящего способа поведения для Вашего народа, должен быть Вашим делом»². А значит в момент испытания, когда думское большинство стало в конфронтации к правительству, поляки однозначно дистанцировались от этой позиции, давая понять, что Царство Польское является особенной частью России и «принимая во внимание отдельные условия Царства Польского» — его представители не будут вмешиваться в проблемы остальных частей Империи. Для того чтобы немного смягчить плохое впечатление от такого поведения (если вообще это было возможно?) польские депутаты из Царства Польского проинформировали собравшихся в Выборге, что они обратятся к своим «избирателям с соответствующим сообщением».

Скорее всего, обещалось объяснить, почему они заняли такую, а не другую позицию в отношении Выборгского воззвания. Последнее предложение декларации Польского кола было очень знаменательным — относилось оно к проблеме легальности самого собрания в Выборге и политически-правовых последствий невыполнения решений Николая II о роспуске I Думы. Польские депутаты написали: «Без осознанного участия самого народа, мы не чувствуем себя вправе к разрешению его ближайших политических требований при новом раскладе обстоятельств»³. Этим недвусмысленно утверждалось, что сама идея созыва собрания в Выборге и оглашение части депутатов воззвания к народу является только их инициативой, а «народ» не имеет об этом никакого представления и даже не принимает в этом «сознательного участия». И это тоже, вместе с отделенностью Царства Польского от остальной России, не позволяло им присоединиться к выборгскому протесту. Как можно судить, немаловажную роль в таком решении Польского кола сыграл «новый расклад обстоятельств», или, кроме угроз наказаний за участие в нелегальном собрании и антигосударственном Выборгском

¹ Deklaracja Koła Polskiego ogłoszona w Wyborgu w dniu 10 (23) VII 1906 r. //Kurier Litewski. № 158, 16 (29) VII 1906 r.

² Там же.

³ Там же.

воззвании, важное значение имело обещание созыва следующей Государственной думы на тех же самых избирательных принципах.

3. Попытка оценки поведения Польского кола в отношении Выборгского протеста

Поведение Польского кола в Выборге следует совмещать с основной целью, с которой депутаты поляки из Царства Польского приехали в Петербург. Этой целью было достижение автономии для Царства и забота о польских делах в империи Романовых. А так как, как дело постановки в Государственной думе вопроса об автономии, так и обращение в Выборге совпадало с отношением Кола к партии кадетов, самой представительной в Думе, одновременно и косвенно к правительству и российскому государству. Кадеты, несмотря на более ранние заверения и помещения в своей политической программе требования автономии Царства, все же не хотели на заседаниях I Государственной думы признать принципы автономии — не допустили даже упоминания о ней в послании царю, которое I Дума подготовила в связи с его выступлением при ее открытии. Более того, кадеты, не желая потерять несколько десятков польских голосов, скрывали перед ними свое негативное отношение к постановке вопроса об автономии в I Думе, стремясь перенести вину за провал вопроса об автономии на самих же поляков. Свидетельством этого являются открытые письма Павла Милюкова к Александру Ледницкому и его ответы¹. Настоящим мотивам поведения кадетов в отношении Польского кола следовало бы посвятить отдельную обширную статью. В настоящей публикации ограничимся только констатацией, что кадеты прекрасно понимали, что идеи автономии Царства Польского противились все правые силы, значительная часть левых, много депутатов их собственной партии, и главная сила — правительство. Таким образом, жертвуя польской проблемой, кадеты рассчитывали на солидарность Государственной думы и в то же время на оттяжку срока неизбежного окончательного разрыва с правительством. Поляки, которые, кроме как кадетов не имели никакого другого сильного союзника в Думе, не хотели окончательного с ними разрыва, но после 30 апреля 1906 г. (когда кадетскими голосами в адресной комиссии были отвергнуты поправки об автономии, выказанные Польским колом в послании царю), охладели в своих симпатиях к кадетам. Ухудшение отношений Польского кола с кадетами пре-

¹ Территориальное окраинное коло было значительно умеренным в отношениях с кадетами. Дистанцировала их от кадетов аграрная программа партии Павла Милюкова, направленная против польских землевладельцев на литовско-белорусско-украинских землях.

рвало решение о роспуске I Государственной думы, кардинально изменившее всю ситуацию, было событием выгодным с польской точки зрения, по крайней мере, из-за нескольких причин.

Во-первых, роспуск Думы было не только поражением политики кадетов в отношении правительства, но и означало настоящую независимость политики поляков в Думе от кадетов. Депутаты Польского коло разочаровались в кадетях, которые показали, что для своих партикулярных интересов готовы нарушать обещания, ранее записанные в своей политической программе. В тоже время в Выборге требовали от поляков для них сделать то, что они сами не сделали для поляков — т.е. проявлением солидарности, базирующейся на идее свободы. Это было не что иное, как очередная кадетская попытка чисто инструментального отношения к депутатам из Польского коло, чему последние, к счастью, успели противостоять.

Во-вторых, вместе с указом о роспуске I Думы были оглашены сроки выборов в следующую Государственную думу, базирующиеся на прежних избирательных правилах. Это означало, что царизм не ставит своей целью отхода от принципов октябрьского манифеста, и что для поляков остаются шансы в следующей Думе получить автономию для Царства Польского. Поляки не ставили под сомнение законность решения о роспуске Думы, также отдавали себе отчет, что подписание Выборгского воззвания означало бы конец политической деятельности каждого депутата. Более того, оно ничего не давало польскому представительству, как в данный момент, так и в будущем.

В-третьих, из правительственных кругов к польским депутатам доходили сведения о том, что именно в поляках усматривался элемент создающейся П. Столыпином проправительственной коалиции¹. Поляки обратили внимание на то, что даже всегда антипольские политики российских правых сил рассматривали поляков в I Думе как трезвых политиков «действующих согласованно, знающих чего хотят и понимающих ясно ситуацию»². Польские политики, реально оценивая ситуацию и свои возможности, не могли не прийти к выводу о том, что уступки они могут получить скорее от правительства, чем от российского парламента.

¹ См.: *Bulhak W.* Dmowski — Rosja a kwestia polska. U źródeł orientacji rosyjskiej obozu narodowego 1886—1908. Warszawa 2000. S. 149.

² Там же. В «Русском деле» Сергей Шарапов писал о Польском Коло следующее: «Поляки составляли, как известно, почти единственный серьезный и культурный элемент, отличающийся разяще своим поведением и трезвостью воззрений посреди всего моря безумного крика, политического “хулиганства” и бесконечной в большинстве своей книжной и пустой болтовни» (*Świat Siowiański*. 1907. T. 1. S. 225).

Имея в виду вышеприведенные возражения, и помня, что главной целью присутствия польских депутатов в Петербурге были интересы польского народа, следует признать, что позиция Польского коло в отношении выборгского собрания и воззвания была полностью рациональной и оправданной. Польские депутаты проявили политическую зрелость, не закрыв перед собой возможности дальнейшей политической деятельности в интересах Царства Польского. А кадеты, составляющие подавляющее большинство (ок. 100 человек) среди примерно 180 депутатов, которые подписали обращение к нации, дали своим поведением доказательство отсутствия политического инстинкта. Призывая к бойкоту правительства, не только не имели ориентации в настроениях общества, но и сами приводили к ситуации, когда правительство, опираясь на закон, исключало из парламентской деятельности наиболее известных руководителей партии кадетов.

КИРЬЯНОВ И.К.

**Перводумцы: рождение парламентской субэлиты
в позднеимперской России**

КИРЬЯНОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор исторических наук, доцент,
декан историко-политологического факультета,
заведующий кафедрой новейшей истории России
Пермского государственного национального исследовательского
университета (Пермь, Россия);
e-mail: ikiryanov@yandex.ru

Аннотация: Деятельность Государственной думы и Государственного совета принципиально изменила процесс элитообразования в позднеимперской России, привела к формированию новой элитной группы — парламентской субэлиты, что внесло в политическую повестку проблему внутриэлитного взаимодействия. В статье на персональном и групповом уровнях анализируются различные формы парламентской активности депутатов первого созыва, отражавшие функциональные возможности их влияния на принятие общественно значимых решений.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, Государственная дума, парламентская субэлита, внутриэлитное взаимодействие, формы парламентской активности.

**Перводумцы: рождение парламентской субэлиты
в позднеимперской России¹**

17 октября 1903 г. князь М.С. Волконский на вопрос итальянского короля: «Почему русский царь не дает народу конституцию?», ответил: «Потому что у нас нет людей для образования парламента»². Между тем, ровно через два года император был вынужден согласиться на принципиальное изменение политической системы. А 27 апреля 1906 г., во время торжественного приема в Зимнем дворце для первых отечественных парламентариев, Николай II приветствовал их как «лучших людей», избранных его подданными³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-06-00569 «Формирование парламентской субэлиты в позднеимперской России».

² Богданович А.В. Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. С. 292.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. СПб., 1906. Ч. I. С. III.

Функционирование Государственной думы и реформированного Государственного совета привело, помимо прочего, к тому, что политическая элита в позднеимперской России приобрела сложносоставной характер, подразделяясь, как минимум, на бюрократическую и парламентскую субэлиты, что внесло в политическую повестку новую проблему — проблему внутриэлитного взаимодействия¹.

Определяя характер данного взаимодействия в период деятельности Государственной думы первого созыва, следует отметить явное преобладание публичных, формальных и конфликтных практик. Ни та, ни другая сторона не стремилась к консенсусу, борясь за доминирование в новой системе властных отношений. Весь краткий период переводумья — это история конфронтации между двумя элитными группами, впрочем, ожидать иного было политической наивностью, учитывая длительность противостояния общества и власти в России, выражавшегося дихотомией «мы и они».

Могла ли рафинированная бюрократическая элита на равных отнестись к разношерстной и неопытной в делах законодательства «толпе» новоявленных депутатов? Нет, конечно. Более того, в народных избранных она увидела угрозу своему господствующему положению и даже самому своему существованию. Так, министр двора барон В.Б. Фредерикс, возвращаясь после посещения первого думского заседания, воскликнул: «Эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех, сидящих на правительственной скамье. Какие скверные физиономии! Ноги моей больше не будет в Думе»². До последних дней своих сохранил подобное отношение к переводумцам С.Е. Крыжановский: «Достаточно было пообгладеться среди пестрой толпы “депутатов”, а мне приходилось проводить среди них в коридорах и в саду Таврического дворца целые дни, чтобы проникнуться ужасом при виде того, что представляло собою первое русское представительное собрание. Это было собрание дикарей. Казалось, что русская земля послала в Петербург все, что было в ней дикого, полного зависти и злобы. Если исходить из мысли, что эти люди действительно представляли собою народ и его “сокровенные чаяния”, то надо было признать, что Россия еще, по крайней мере, сто лет могла держаться только силой внешнего принуждения»³.

¹ Изучение данной проблемы актуализировал К.А. Соловьев, см.: *Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906—1914)*. М., 2011.

² *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 182.

³ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 92.

В свою очередь для видных представителей тогдашней российской общественности первые выборы в Думу явились своеобразной «рекрутской повинностью». Многие перводумцы оказались, по выражению Н.И. Астрова, «брошенными судьбой» в политику¹, но, как подчеркивал В.А. Оболенский, «продолжали еще жить психологией дореволюционной интеллигенции, боявшейся “осквернить” себя властью, и для которой не власть, а “жертва” была подсознательной целью политической борьбы»². Впрочем, большая часть только что избранных депутатов и рассматривала себя, и вела себя, в лучшем случае, как контрэлита, противостоящая правящей бюрократии, более того, пришедшая старой власти «на смену»³.

Тезис о неизбежности конфронтации с правительством был озвучен Г.Ф. Шершеневичем уже 30 апреля в ходе третьего думского заседания: «Ведь не надо же обманывать себя, что в настоящую минуту мы и правительство составляем две, скажем прямо, враждующих стороны. Понятно, что каждая сторона выбирает момент, наиболее выгодный для сражения. Может быть, правительству было бы наиболее приятно принять бой сейчас, в первый же момент, на этом первом вопросе, не доводя Думу до того, чтобы она высказала те требования, которые составляют основное желание всей страны. Мы конфликта не боимся, и партия Народной Свободы сказала, что она не будет избегать конфликта, но пусть этот конфликт произойдет тогда, когда мы с уверенностью можем сказать, что с нами, безусловно, весь народ, что народ нам не бросит упрека в том, что мы рано оставили работу. Вот когда мы поставим аграрный вопрос, вопрос о свободах, тогда мы можем быть уверены, что с нами народ, тогда, и только тогда, мы можем требовать, сейчас же мы еще не уверены в том, что наши заявления могли бы быть признаны требованиями»⁴.

Заявление же графа П.А. Гейдена, этого «проповедника “здорового смысла” и “серьезного” отношения к делу» в Думе первого созыва⁵, о том, что «<...> я никак не могу согласиться с постоянными указаниями, что конфликт неизбежен, что рано или поздно этот конфликт явится. Я думаю, что наша работа будет плодотворной тогда, когда мы будем всегда отстаивать свои права, но будем делать это в самой почти-

¹ Памяти кн. Г.Е. Львова // Последние новости. 1925. 26 марта. (Париж).

² Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 369.

³ Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 395.

⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. I. С. 34–35.

⁵ Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 49.

тельной форме, и только тогда мы будем иметь право и надежду на то, что и наши права будут уважены. Вот почему я полагаю, что нам следует отдать себе строгий отчет в том, что мы имеем право делать и чего не имеем права делать. Повторяю, только тогда будет наша работа плодотворной»¹, — сочувствия в зале не вызвало.

Наиболее четко идея доминирующего положения думцев над правительством нашла выражение в нежелании С.А. Муромцева нанести визит председателю Совета министров первым² и в знаменитой фразе В.Д. Набокова: «<...>исполнительная власть да покорится власти законодательной»³, произнесенной 13 мая 1906 г. во время обсуждения правительственной декларации.

Модели парламентского поведения и додумский социальный статус значительной части перводумцев (более половины депутатов принадлежали к непривилегированным сословиям; около трети получили только начальное образование, а двое и вовсе были неграмотными; не менее трети занимались исключительно физическим трудом) могут вызывать сомнения в отношении их к политической элите. Показательной в этом отношении стала дискуссия, развернувшаяся на «Таврических чтениях» в декабре 2015 г. по поводу моего доклада «Формирование парламентской субэлиты в позднеимперской России: подходы к изучению». Многие участники дискуссии выразили скептическое отношение к тезису о том, что все члены Государственной думы и Государственного совета 1906—1917 гг. входили в состав парламентской элиты, а, значит, и в состав тогдашней политической элиты в целом.

Между тем, вслед за отечественным социологом О.В. Крыштановской можно повторить то, что в «нашем понимании термин “элита” свободен от ценностных суждений: указанная группа не обладает никакими выдающимися качествами “лучших людей”, и к ней не применим тот же подход, который используется при селекции животных, растений или предметов роскоши. Причисляя индивидов к элите, мы вовсе не подразумеваем их особых достоинств, как, впрочем, и отсутствия этих достоинств. Будучи ценностно нейтральной, *элита* является понятием, вычленяющим *функциональную группу*, к которой относятся как люди выдающихся способностей, так и вовсе бездарные, как образцы нравственности, так и жулики. Критериями, по которым одни

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. I. С. 38.

² См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 550.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. I. С. 326.

люди относятся к элите, а другие нет, лежат в иной плоскости»¹. В какой — следует из определения политической элиты, к которому не без противоречий пришли политологи и социологи, занимающиеся проблемами элитологии, а именно — «социальная группа, являющаяся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающая необходимым для этого ресурсным потенциалом»². Поэтому с формальной (функциональной) точки зрения отечественные парламентарии начала XX в. занимали вполне определенные позиции в процессе принятия общественно значимых решений, другое дело, как был реализован этот потенциал.

Источниками для изучения структуры и интенсивности парламентской активности перводумцев стали стенографические отчеты заседаний Думы первого созыва и личный указатель к ним³. Анализ парламентской активности проводился по следующим параметрам: членство в думских комиссиях; выступления в качестве докладчиков комиссий; предложение формул перехода к очередным делам; подписание заявлений и запросов; выступления в прениях; внесение поправок и предложений по обсуждаемым документам; заявления по порядку дня; объяснения по личным вопросам; замечания председателя.

В первом созыве парламентариев-«трутней» (выражение В.А. Оболенского), не отметившихся ни по одному из указанных показателей, оказалось 13 человек, тогда как подобный балласт в первую сессию Государственного совета насчитывал 90 человек (среди них 47 членов верхней палаты по назначению и 43 члена по выборам). Не участвовали в работе думских комиссий — 277 депутатов (55,6 %), исключительно подписной активностью отличились 162 депутата (32,5 %), ни разу не выступали с думской трибуны — 223 депутата (44,8 %), только одним выступлением отметились 85 депутатов (17,1 %) (в Государственном совете ни разу не выступали 124 человека — по 62 члена по назначению и по выборам).

Парламентская активность наиболее заметных депутатов первого созыва («блестящего меньшинства» по выражению В.А. Маклакова) представлена в таблице № 1⁴.

¹ Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. М., 2005. С. 73—74.

² Гаман-Голутвина О.В. *Определение основных понятий элитологии* // Полис: Политические исследования. 2000. № 3. С. 99.

³ Государственная дума. *Стенографические отчеты. Созыв первый*. СПб., 1906. Ч. I—II; Государственная дума. *Указатель к стенографическим отчетам*. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1907.

⁴ Источник расчета: Государственная дума. *Указатель к стенографическим отчетам*. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1907.

Таблица 1

Лидеры парламентской активности
в Государственной думе первого созыва

Членство в комиссиях	М.М. Винавер, Ф.Ф. Кокошкин, В.Д. Набоков — в 6-ти П.А. Гейден, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, Т.В. Локоть, Л.И. Петражицкий, П.А. Сафонов, М.А. Стахович — в 5-ти
Выступления докладчиками комиссий	М.Я. Острогорский — 9 Н.А. Огородников — 4 В.Д. Кузьмин-Караваев — 3
Предложение формул перехода к очередным делам	В.Д. Набоков — 3 И.В. Жилкин, Ф.Ф. Кокошкин — 2 А.Ф. Аладьин, М.М. Винавер, И.В. Галецкий, Н.А. Гредескул, Я.К. Имшенецкий, П.И. Новгородцев, И.И. Петрункевич, И.И. Рамишвили, Г.Н. Твердый — 1
Внесение поправок и предложений	П.А. Гейден — 18 Л.И. Петражицкий — 14 В.Д. Набоков — 12
Выступления в прениях	П.А. Гейден — 87 В.Д. Кузьмин-Караваев — 40 М.М. Винавер — 36
Заявления к порядку дня	П.А. Гейден — 13 М.М. Винавер — 10 В.Д. Набоков — 7
Всего выступлений с думской трибуны (без докладов комиссий)	П.А. Гейден — 146 В.Д. Набоков — 92 В.Д. Кузьмин-Караваев — 74

Экспертная оценка (сумма мест в рейтинге по таким показателям как членство в комиссиях, выступления докладчиками комиссий, предложение формул перехода, внесение предложений и поправок, заявления к порядку дня, общее количество выступлений с думской трибуны без учета докладов комиссий) позволила выделить тройку самых активных думцев первого созыва: П.А. Гейден (13 баллов), В.Д. На-

боков (18 баллов), М.М. Винавер (19 баллов)¹. При этом единственным депутатом, отметившимся абсолютно по всем показателям, включая замечания, полученные от председателя, был В.Д. Набоков. Его же можно признать и самым влиятельным депутатом первого созыва, учитывая то обстоятельство, что внесенные именно им формулы перехода, поправки и предложения, практически всегда получали поддержку общего собрания, тогда как предложения и поправки, внесенные П.А. Гейденом, как правило, отвергались.

Безусловно, подобной интенсивности парламентской деятельности В.Д. Набокова способствовал его официальный статус — товарищ председателя думской кадетской фракции (наряду с М.М. Винавером) — косвенное свидетельство подобной активности — количество заявлений к порядку дня — 7 (более только у П.А. Гейдена (13) и М.М. Винавера (10)). В этой связи стоит напомнить о субъективизме П.Н. Милюкова в его «Воспоминаниях», где он указывает в качестве своих помощников в деле организации работы фракции только М.М. Винавера и Ф.Ф. Кокошкина². Между тем, В.А. Оболенскому помнилось то, что именно Набоков и Винавер «заменяли Петрункевича в качестве наших лидеров в заседаниях Думы». При этом мемуарист отмечал, что «они были людьми очень крупного калибра, но диаметрально противоположные во всех прочих отношениях. Внешне изысканно любезные друг с другом, они были полны взаимной антипатии, которую не скрывали от своих партийных товарищей»³. Подобный характер отношений не мог не выражаться в соперничестве и в думской деятельности — обращают на себя внимание весьма близкие показатели их парламентской активности.

Из основных функций парламента — представительной, законодательной и контрольной — наименее выраженной в период деятельности Думы первого созыва оказалась законодательная: правительство внесло в нижнюю палату 16 законопроектов, столько же разработали сами депутаты. И дело здесь не только в коротком сроке функционирования данного созыва и конфронтации с правительством, но и в том, что депутатский корпус объективно оказался для «законодательства неподготовленной массой»⁴. И даже его «блестящее меньшинство», состо-

¹ Для сравнения: в первую сессию Государственного совета самыми активными членами по трем показателям (членство в комиссиях, выступления в прениях по законопроектам, выступления в прениях по другим вопросам) были — С.С. Манухин (3 балла — первый по всем трем выделенным показателям), В.И. Тимирязев (8 баллов), Д.И. Багалей (10 баллов).

² См.: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 366.

³ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 363.

⁴ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 47.

явшее преимущественно из членов кадетской фракции, оказалось не вполне готово к самостоятельной законотворческой деятельности. Далеко не случайно при фракции была образована специальная комиссия для подготовки законопроектов, включавшая внедумских правоведов (В.М. и И.В. Гессены, Д.Д. и Э.Д. Гриммы, А.И. Каминка, Н.И. Лазаревский, В.М. Нечаев)¹.

Кластерный анализ законотворческой активности, проведенный М.А. Козловым в его магистерской диссертации «Парламентская активность депутатов Государственной Думы позднеимперской России (1906—1914 гг.)» защищенной в Пермском государственном национальном исследовательском университете в 2015 г., дал следующие результаты для первоумцев (см. таблицу № 2).

Таблица 2

Группировка депутатов Государственной Думы первого созыва по интенсивности законотворческой активности²

343 депутата	81 депутат	67 депутатов	7 депутатов
Наименьшая законотворческая активность — от 0,0 до 0,0026	В основном активность связана с подписями под законопроектами — от 0,0026 до 0,0079	Преимущественно коммиссионная работа — от 0,0026 до 0,0079	Наивысшая активность — от 0,0079 до 0,0132 (М.М. Винавер, В.Д. Набоков, П.А. Сафонов, Ф.Ф. Кокошкин, З.Г. Френкель, Л.И. Петражицкий, И.И. Петрунkevич)

Сравнение среднедумских показателей по основным формам парламентской активности депутатов в первые сессии всех четырех созы-

¹ Новгородцев П.И. Законодательная деятельность Государственной думы // Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. 2. С. 14.

² Персональный показатель законотворческой активности, включающий членство в комиссии, выступления докладчиками комиссий, подписи под законопроектами, участие в прениях по законопроектам, рассчитывался как доля активности депутата по каждому из видов активности, поделенная на суммарный показатель активности всего депутатского корпуса. Источник расчета: Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1907.

вов нижней палаты наглядно демонстрирует то, что модель парламентского поведения, избранная перводумцами, вполне соответствовала характеристике этого созыва как «Думы народного гнева» (см. таблицу №3)¹.

Таблица 3

Средние показатели парламентской активности депутатов
в первые сессии созывов Государственной Думы

Формы активности / Созывы Думы	I	II	III	IV
Членство в думских комиссиях	0,815	1,202	2,326	2,995
Выступления с докладами комиссий	0,191	0,202	1,027	1,258
Выступления в прениях по законопроектам	0,185	0,279	3,683	1,197
Подписи под запросами	9,994	н/д	2,848	5,692
Выступления в прениях по запросам	0,550	0,169	0,154	0,498
Выступления в прениях, всего	4,044	2,967	6,109	2,851

В формировании новой политической элиты перводумцы сыграли скорее символическую роль. В последующем только 50 из них обладали повторяющимся парламентским статусом: во втором созыве таких было 29 человек, в третьем — 22, в четвертом — 20, членами Государственного Совета избирались 9 депутатов первого думского созыва (с учетом переизбранных). Однако, судя по показателям парламентской активности, ведущих позиций ни в Думе последующих созывов, ни в Государственном Совете они не занимали. Те же, кто мог занять эти позиции, оказались вне стен Таврического дворца по разным причинам, но преимущественно из-за уголовного преследования, связанного с подписанием Выборгского воззвания.

¹ Среднедумские показатели рассчитывались как сумма проявлений парламентской активности, поделенная на численность депутатского корпуса. Источники расчета: Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1907; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 год. СПб., 1907; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Сессия первая. 1907—1908 гг. СПб., 1908; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912—1913 гг. СПб., 1913.

ПОРТНЯГИНА Н.А.

**І и ІІ Государственные думы Российской империи в оценке
британских дипломатов (на материалах
Британского национального архива)**

ПОРТНЯГИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
для преподавания на естественных
и гуманитарных факультетах
Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: n.portnyagina@spbu.ru

Аннотация: Пристальными наблюдателями за деятельностью российского парламента были британские дипломаты. Изучение и введение в научный оборот их донесений министру иностранных дел Британии Э. Грею, отложившихся в Британском национальном архиве, дает нам представление о том, как британские дипломаты оценивали деятельность зарождающегося российского парламента. Эти материалы представляют особенный интерес еще и потому, что депутаты І и ІІ Государственной думы постоянно обращались к опыту британского парламентаризма. Центральное место в донесениях дипломатов занимают характеристики депутатов, думских фракций, политических партий, предвыборная агитация. Особое внимание уделяется деятельности премьер-министра П.А. Столыпина и его отношению к парламенту. Кадетская партия характеризуется как «партия очень способных людей», однако подчеркивается, что она преувеличивает симпатии британского правительства и британского народа относительно цели и задачи своей партии. Крайне отрицательно в донесениях оценивается революционность І и ІІ Дум, высказывается сожаление, что правительство не имеет партии в парламенте, с помощью которой оно смогло бы провести неотложные законодательные меры. С точки зрения британских дипломатов, умеренные политические силы России должны объединиться и поддержать правительство в парламенте.

Ключевые слова: І Государственная дума, ІІ Государственная дума, британские дипломаты, А. Николсон, Э. Грей, посол, партии.

**I и II Государственные думы Российской империи
в оценке британских дипломатов
(на материалах Британского национального архива)**

Пристальными наблюдателями за деятельностью российского парламента были британские дипломаты. В Британском национальном архиве отложились донесения послов, сотрудников посольства, а также консулов в Москве, Батуме, Варшаве, Риге британскому министру иностранных дел Э. Грею. Информацию для анализа деятельности парламента дипломаты черпали из официальных источников, из столичных и провинциальных газет Российской империи, от «информированных людей». Так, дипломаты обсуждали вопросы работы парламента, предвыборные кампании со знаменитым социологом М.М. Ковалевским, редактором официальной газеты «Россия» И.Я. Гурляндом, и др. Донесения, отправляемые дипломатами в Британию, были разнообразны: от простых переводов целых статей из «России», «Нового времени», «Слова», «Речи», «Товарища» или изложения информации, полученной из различных источников, до аналитических записок консулов или послов.

Эти материалы дают нам представление о том, как британские дипломаты оценивали деятельность зарождающегося российского парламента. Они представляют особенный интерес еще и потому, что депутаты I и II Государственных дум постоянно обращались к опыту британского парламентаризма.

Центральное место в донесениях дипломатов занимают характеристики депутатов, думских фракций, политических партий, предвыборная агитация. Особое внимание уделяется деятельности премьер-министра П.А. Столыпина и его отношению к парламенту. Уже в начале работы I Думы, сотрудники посольства составили и отправили Э. Грею характеристику думских фракций и наиболее видных думцев¹. По всей видимости, они полагали, что Дума будет работать долго. Записка характеризовала думские фракции справа налево. К правому крылу Думы были отнесены октябристы, даны характеристики М.А. Стаховича и П.А. Гейдена. «Наиболее важной группой», несмотря на ее малочисленность в Думе, Ч. Гардинг назвал фракцию партии демократических реформ. С его точки зрения, в нее входили «два наиболее способных человека в Думе, Ковалевский и Караваев». М.М. Ковалевский был охарактеризован как «эксперт в парламентских традициях», а В.Д. Кузьмин-Караваев как «наиболее разумный и убедительный спикер в Думе». Они представлялись британцам «английскими либералами виг-

¹ В начале работы I Думы, до июня 1906 г., послом Британии в России был Чарльз Гардинг.

ского типа, но очень просвещенными и прогрессивными». Посол ожидал, что они усилятся в Думе за счет того, что к ним примкнут правые кадеты¹. Разумеется, наибольшее внимание в записке уделялось самой многочисленной фракции кадетов, были охарактеризованы все видные думцы-кадеты. По справедливому мнению дипломатов, кадеты были единственной силой, имеющей политический опыт и находящейся в тесном контакте с рабочими и крестьянами, без поддержки которых немислимы преобразования в России. Две трети кадетов, с точки зрения британцев, могли бы связать себя с М.М. Ковалевским или П.А. Гейденом и создать конституционную правящую партию. Ответственность министров перед парламентом стала бы достаточным основанием для соглашения кадетов с властью. Треть кадетов, по мысли британцев, были бы более уместны в стане трудовиков². В записке давалась характеристика П.Н. Милюкова как человека «быстрого и четкого ума», умеренных взглядов, которого правительство «не мудро» исключило из выборов в Думу. И.И. Петрункевич описан как «английский либерал строгих конституционных взглядов с опытом, глубоко приверженный идеям закона и порядка», Ф.И. Родичев — как человек, имеющий мало веса у кадетов, близкий по взглядам к трудовикам, В.Д. Набоков — как «выдающийся парламентский тактик», Л.И. Петражицкий — как «хороший спикер, но слишком доктринер», М.М. Винавер — как «очень умный, хороший оратор»³. В заключении записки давались характеристики трудовиков, фракции социал-демократов и их лидеров. С.В. Аникин, И.В. Жилкин и А.Ф. Аладьин характеризовались как способные ораторы, высказывалось сожаление, что «вне парламента» остались лидеры большевиков и меньшевиков: В.И. Ленин и Г.В. Плеханов, находящийся в «контактах с кадетами»⁴. Особое внимание в записке уделялось ораторскому мастерству депутатов, отмечалось, что «речи в парламенте выше английского уровня»⁵. Роспуск I Думы консул Британии в Батуми оценил как большую ошибку, способную спровоцировать «решительный конфликт между нацией и правительством»⁶.

Через несколько дней после назначения на должность премьер-министра П.А. Столыпина, его посетил уже новый посол Британии в России Артур Николсон. Он передал в Лондон объяснения П.А. Сто-

¹ Ch. Hardinge to E. Grey. 1906 // UK NA. FO 181/871. № 5245. P. 3—4.

² Ibid. P. 4

³ Ibid. P. 5—8.

⁴ Ibid. P. 8—11.

⁵ Ibid. P. 11.

⁶ Consyl Stevens to E. Grey. Batoyrn. 15 August 1906 // UK NA. FO 371/128. № 29155. P. 1.

лыпина о «невозможности продолжать» работу парламента из-за его революционности и убеждение, что «никаких беспорядков» в стране не произойдет¹. Чуть позже А. Николсон послал Э. Грею большой доклад Дональда Маккензи Уоллеса о его разговоре с премьер-министром. Д.М. Уоллес был дипломатическим корреспондентом газеты «Таймс». Он считался большим знатоком России, написал о ней книгу, выдержавшую несколько изданий². Английский король Эдуард VII просил Д.М. Уоллеса стать на некоторое время советником А. Николсона, еще не вполне знакомого «с положением вещей в России»³. Доклад был составлен 4 августа, а отправлен в Лондон 6 августа⁴. Посол снабдил его следующей припиской: «Я хотел бы привлечь Ваше особое внимание к деталям, которые даны к переговорам между Столыпиным и некоторыми независимыми депутатами Думы относительно реконструкции кабинета. Весь доклад заслуживает внимательного прочтения»⁵. П.А. Столыпин в разговоре с Д.М. Уоллесом подчеркнул, что инициатором роспуска Думы был именно он, в то время как императору «не очень нравилась эта идея». Много внимания собеседники уделили вопросу формирования кадетского кабинета. Премьер заметил, что был «категорически против этой идеи, но по требованию императора, ... согласился поговорить с некоторыми из членов этой партии в частном порядке». Он отметил «необычайную амбициозность» П.Н. Милюкова, его желание стать премьер-министром и указал на то, что требования кадетов («принятие кадетской программы в целом, включая амнистию, отмену смертной казни и т.д.») никогда не могли бы быть приняты императором. «Если бы эксперимент с кадетским кабинетом был сделан, — сказал П.А. Столыпин, — события бы развивались совершенно по-другому. Милюков может быть искренним, заявляя, что он готов поддерживать порядок, стреляя по анархистам, но совершенно очевидно, что кадеты будут пытаться избежать каких-то затруднений, идя на уступки экстремистам, как они это делали в прошлом. Одной из этих уступок будет жертва династией»⁶. Премьер сообщил Д.М. Уоллесу, что после роспуска Думы власть не отказалась от идеи «либерального правительства», в которое могли бы войти некоторые ее члены, однако переговоры с ними об этом оказались неудачными. Британцам трудно было понять, почему многие умеренные либералы, та-

¹ A. Nicolson to E. Grey. 24 July 1906. // UK NA. FO 371/127. № 25319.

² Уоллес Д.М. Россия: в 2-х т. СПб., 1880.

³ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 126.

⁴ Все даты указываются по Григорианскому календарю.

⁵ Report by Sir D.M. Wallace of a Conversation with P. Stolypine. 6 August 1906 // UK NA. FO 371/127. № 27544. P. 1.

⁶ Ibid. P. 2.

кие как П.А. Гейден или Н.Н. Львов, не хотят войти в «коалиционное министерство с бюрократическими элементами». Со временем к ним пришло осознание того, что в России название «бюрократ» равносильно обвинению, после чего нельзя уже «будет рассматривать себя как либерально мыслящего патриота»¹. Во время разговора с Д.М. Уоллесом П.А. Столыпин отметил, что «тяжелой ошибкой предыдущего правительства» было отсутствие программы для Думы, поэтому его департаменты активно работают над созданием таковой для новой ассамблеи². Перед публикацией правительственной программы реформ для II Думы П.А. Столыпин ознакомил с ней британского посла, оценившего ее как «большой и примечательный документ». Он выразил, правда, опасение, что «оппозиционная пресса займет скептическую и критическую позицию»³.

Уже 1 января 1907 г. А. Николсон писал Э. Грею о рассеивании в русском обществе иллюзий того, что правительство находится на краю распада и что Дума будет в скорости править и диктовать условия династии и правительству⁴.

Большое внимание британские дипломаты уделяли партийной предвыборной агитации во II Думу, строили прогнозы возможного поведения партий в новом парламенте. А. Николсон полагал, что кадеты не будут на передний план в Думе выдвигать требования ликвидации Госсовета, всеобщего прямого избирательного права обоих полов, а ограничатся ответственностью министерства перед парламентом, равенством прав, отменой всех внесудебных процедур, экспроприацией земельных владений и широкой системой юридических, административных и школьных реформ. Он отмечал их прекрасную организацию в городах. Слабым местом кадетов посол считал доктринерство партии: «Они любят дискутировать по абстрактным политическим теориям, а не заниматься решением неотложных дел»⁵. Противоречивая информация, получаемая британцами из разных источников, не давала им возможности со всей определенностью ответить на вопрос, как будут себя вести кадеты во II Думе. А. Николсон отмечал два возможных варианта развития событий: либо сдвиг партии к крайне левым⁶, либо

¹ A. Nicolson to E. Grey. 10 September 1906 // UK NA. FO 371/128. № 31324. P. 1.

² Report by Sir D. M. Wallace. P. 4.

³ A. Nicolson to E. Grey. 7 September 1906 // UK NA. FO 371/128. № 30374. P. 1.

⁴ A. Nicolson to E. Grey. 1 January 1907 // UK NA. FO 371/318. № 571. P. 2.

⁵ A. Nicolson to E. Grey. 9 January 1907 // UK NA. FO 371/320. № 2247. P. 1.

⁶ Ibid.

серьезное изучение ею любых реформ, которые правительство представит в Государственную думу, что даст России «перспективы мирной эволюции... в сторону какой-либо формы конституционного правления»¹. При этом посол подчеркивал, что кадеты преувеличивают симпатии британского правительства и британского народа относительно цели и задачи своей партии². Перед открытием II Думы советник посольства О. Бирн встретился в Москве с двумя членами кадетской партии: П. Долгоруковым³ и С.А. Котляревским. Их представил О. Бирну консул Британии в Москве Гров, тесно связанный с московскими каде́тами, предоставлявшими ему «полезные каналы информации»⁴. Целью встречи было желание кадетских лидеров вступить в отношения с британским посольством. Разговор шел о внешней политике России и о возможном временном присоединении кадетов к кабинету министров при условии отставки П.А. Столыпина и ряда министров. В противном случае кадеты прогнозировали неизбежность конфликта между Думой и премьером по вопросам амнистии или отмены военно-полевых судов, который приведет к ее роспуску. О. Бирн отметил пессимистическую оценку каде́тами политической ситуации в стране. Он сообщил об их убеждении в том, что, если они не придут к власти в ближайшие пять лет и не проведут «мудрые реформы», то монархии грозит опасность со стороны социалистов, завоевывающих популярность у крестьян вследствие «плохого управления нынешнего правительства»⁵.

С большой симпатией А. Николсон характеризовал октябристов как «более практичных, чем кадеты» политиков, могущих много сделать для государства. Он полагал, что во II Думе октябристы могли бы сформировать «очень полезную центристскую партию»⁶. Хотя посол понимал, что октябристы не имеют много последователей в России: «их взгляды слишком конституционные и умеренные, чтобы апеллировать к большей части общества в эти столь беспокойные времена»⁷.

¹ A. Nicolson to E. Grey. 19 November 1906 // UK NA. FO 371/129. № 39560. P. 1.

² A. Nicolson to E. Grey. 4 October 1906 // UK NA. FO 371/128. № 34614. P. 1.

³ Имя Долгорукова в документе не указано.

⁴ A. Nicolson to E. Grey. 8 October 1906 // UK NA. FO 371/129. № 34619. P. 1.

⁵ A. Nicolson to E. Grey. 26 February 1907 // UK NA. FO 371/321. № 6340. P. 1—2.

⁶ A. Nicolson to E. Grey. 9 January 1907 // UK NA. FO 371/320. № 2247. P. 2.

⁷ A. Nicolson to E. Grey. 14 October 1906 // UK NA. FO 371/129. № 35092. P. 2.

Особый интерес британцы проявляли к революционным и монархическим париям. По мнению А. Николсона, «крайние партии и правительство» являлись «двумя великими противостоящими силами..., в ...борьбе которых будет вырабатываться будущее России»¹. После покушения на П.А. Столыпина А. Николсон писал Э. Грэю: «революционеры вообще не заботятся о конституциях, думах или реформах, их единственная цель, путем постоянного безжалостного террора и насилия, попытаться сделать любое управление невозможным и проложить путь к социалистической республике наиболее прогрессивного типа»². О правых сотрудники посольства говорили со всеми информаторами, пытаясь «получить информацию о целях и методах консервативных партий», однако удовлетворяющих ответов не получили³. У А. Николсона сложилось впечатление, что правые партии хорошо организованы, имеют значительные финансы и фонды, однако вряд ли будут способствовать мирному развитию страны, получив в Думе значительное количество мест⁴. Посол был уверен, что правительство рассматривает возможность провести в Думу собственных кандидатов, которые на выборах будут апеллировать к избирателям на основе правительственной программы реформ⁵. Допускал он и возможность того, что крестьян разочаруют все партии, и они выберут «свою линию»⁶. С точки зрения британцев, самой большой проблемой российского общества являлась неспособность консерваторов и умеренных, «хотя и желающих видеть Россию без беспорядков и анархии..., убедить самих себя, что они должны объединиться и поддерживать правительство» в его усилиях реформировать страну⁷.

В донесениях в Лондон приводились и прогнозы П.А. Столыпина о будущей Думе, которыми он делился с британским послом. Премьер отмечал, что если следующая Дума будет состоять из крайних партий, он без колебания ее распустит. Однако он выражал надежду, что большинство II Думы будет за октябристами и мирными обновленцами,

1 A. Nicolson to E. Grey. 3 September 1906 // UK NA.FO. 371/128 № 30511. P. 1.

2 A. Nicolson to E. Grey. 26 August 1906 // UK NA. FO 371/128. № 29415. P. 1.

3 A. Nicolson to E. Grey. 20 August 1906 // UK NA. FO 371/128. № 29726. P. 1.

4 A. Nicolson to E. Grey. 9 January 1907 // UK NA. FO 371/320. № 2247. P. 3.

5 A. Nicolson to E. Grey. 20 August 1906. P. 1.

6 Ibid.

7 A. Nicolson to E. Grey. 7 September 1906 // UK NA. FO 371/128. № 31315. P. 1.

что позволит правительству серьезно обсуждать с ними вопросы реформ. О кадетях П.А. Столыпин говорил с послом с неприязнью, полагая, что они потеряли доверие всех партий и не получают много мест в парламенте¹.

II Думу А. Николсон, вслед за П.А. Столыпиным, назвал «мозаичной» палатой². Трудность правительства в работе со II Думой виделась А. Николсону в невозможности найти в этой гетерогенной ассамблее достаточное число сторонников, позволивших бы П.А. Столыпину осуществить многочисленные законодательные проекты, которые он намерен представить палате. Искусный парламентский тактик, по мнению А. Николсона, мог бы сформировать партию центра, которая помогла бы ему в проведении наиболее неотложных законодательных мер. Подобную партию можно было бы создать из умеренных правых, октябристов, партии мирного обновления и умеренных левых и, таким образом, изолировать социал-демократов, эсеров и крайних правых. Однако, с точки зрения посла, ни в правительстве, ни вне его нет никого, кто имел бы необходимую квалификацию, влияние и опыт, чтобы достичь этого. А. Николсон писал в Лондон: «в более старых парламентах с традициями, крепкий председатель палаты и кодекс правил процедуры держали бы крайние секции под контролем, и их цели были бы разрушены, но в Думе эти сдерживающие факторы не существуют. Более того, ... многие полагают, что, прежде чем обсуждать какие-либо законодательные меры, правительство необходимо спросить, возможно, призвать к ответу в связи с военно-полевыми судами, вмешательством в свободу выборов и другими делами, которые произошли с момента роспуска предыдущей Думы. Если этот курс будет принят, будут происходить длинные и ожесточенные дебаты, но мало будет полезного сделано для прогресса»³. По его мнению, неделя подобных дебатов в палате сделает неизбежным ее второй роспуск.

В период работы II Думы А. Николсона поражало «превалирующее уныние» российских политиков относительно будущего Думы. Нигде он не смог найти надежд на плодотворную и мирную работу сессии. Посол полагал, что основная причина этого — осознание того, что большинство палаты не намерено помогать правительству в проведении реформ. При этом он отмечал желание практически всех политических сил страны сохранить Думу: правительство желает избежать роспуска ради кредитов за рубежом, крайние партии — ради безопасной пропаганды своих идей, умеренные партии — ради веры в Думу.

¹ Ibid.

² A. Nicolson to E. Grey. 4 March 1907 // UK NA. FO 371/321. № 6971. P. 1.

³ Ibid. P. 1—2.

Любопытно, что посол спрашивал у своих русских собеседников: «возможно ли было бы, чтобы в интересах страны, депутаты изучили предлагаемые правительством законодательные меры»? На что получал неизменный ответ: «пока Столыпин остается во главе, модус вивенди между правительством и палатой невозможен»¹. Революционность II Думы оценивалась британцами отрицательно. 27 апреля второй секретарь посольства К. Рассел в докладе о внутренней ситуации в России за последние 2 недели выражал надежду, что, когда 13 мая Дума вновь соберется после перерыва, ее больше будут занимать вопросы законодательства, «а не академические резолюции, касающиеся амнистии и терроризма»². После роспуска Думы 19 июня Э. Грею был отправлен доклад третьего секретаря посольства К. Бентинга о внутренней ситуации в России за последние две недели, в котором сообщалось, «что правительство пришло к выводу, что в продолжении работы Думы нет ничего хорошего... Общество индифферентно»³.

Таким образом, британцы оценивали русскую Думу, исходя из представления о парламенте как рациональном законодательном органе, в котором идет борьба и согласование интересов, возможна совместная работа с правительством по принятию необходимых законов, допустимы компромиссы. Поэтому им трудно было понять революционность I и II Думы, нежелание политических партий России и их лидеров идти на компромиссы с властью. С симпатией британские дипломаты оценивали деятельность П.А. Столыпина. Приведенные материалы показывают, что, в свою очередь, и новый премьер заботился о том, чтобы четко разъяснять британцам позицию своего правительства по отношению к парламенту.

¹ A. Nicolson to E. Grey. 18 March 1907 // UK NA. FO 371/321. № 8606. P. 1.

² A. Nicolson to E. Grey. Summary of Events in Russia for the fortnight ended. 8 May 1907 (Claud Russell) // UK NA. FO 371/318. № 15487. P. 2.

³ A. Nicolson to E. Grey. Summary of Events in Russia during the Fortnight ending. 19 June 1907 (Bentinck C.H.) // UK NA. FO 371/318. № 20735. P. 1.

РАСКИН Д.И.

Государственная дума и гражданское общество: в поисках модели взаимодействия (на примере Лиги образования)

РАСКИН ДАВИД ИОСИФОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: d.raskin@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена опыту взаимодействия Государственной думы с общественными организациями. В качестве примера анализируется законодательный проект, подготовленный Лигой образования. Судьба этого проекта характерна для истории гражданского общества и первого российского парламента.

Ключевые слова: общественные организации, Государственная дума, Лига образования

Государственная дума и гражданское общество: в поисках модели взаимодействия (на примере Лиги образования)

Самоорганизация гражданского общества в России, равно как и взаимодействие гражданского общества с политическими институтами имеет давнюю историю. Эта история начинается с Вольного экономического общества (властью порожденного и с ней сотрудничавшего) и продолжалась в течение всего XIX столетия.

В качестве яркого примера такого взаимодействия можно привести инициирование Русским техническим обществом Положения о привилегиях на изобретения и усовершенствования 1896 г. и использование подготовленных им материалов (в том числе законопроекта) при обсуждении в Государственном совете¹. Это положение было утверждено императором 20 мая 1896 г.²

1906 год стал знаменательной вехой истории подобного взаимодействия в двух отношениях. Во-первых, появился новый субъект взаимоотношений власти и гражданского общества — законодательные учреждения. Во-вторых, благодаря временным правилам 4 марта 1906 г., создание общественных организаций существенно облегчилось, а их количество стало непрерывно возрастать.

¹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 12. 1896 г. Д. 110. ЛЛ. 3—186.

² ПСЗ-3. Т. 16. № 12965.

В идеальной модели общественные организации могут, во-первых, лоббировать желательные им законы через различные политические партии (и, соответственно, их фракции в представительных учреждениях), во-вторых, участвовать в разработке новых законопроектов и осуществлять их экспертизу, в-третьих, обеспечивать общественную поддержку тех или иных законодательных инициатив.

В России эта модель отличалась рядом специфических особенностей.

Во-первых, легальные политические партии в России сложились позднее, чем многие авторитетные общественные организации. Большинство первых думских деятелей не прошли школы политической деятельности, но имели опыт работы в общественных организациях, а также в органах местного самоуправления.

Роль гражданского общества в становлении партийных структур еще нуждается в отдельном исследовании.

Во-вторых, сами традиции российского парламентаризма только складывались, причем этот процесс проходил в условиях острой политической борьбы, нередко исключавшей эффективное взаимодействие представителей разных партий в рамках одной общественной структуры.

В-третьих, в своей законотворческой деятельности Государственная дума должна была конкурировать с правительством, стремившимся перехватить наиболее актуальные инициативы даже в целом лояльного думского большинства.

Характерным примером российской специфики взаимоотношения гражданского общества и представительных учреждений является Лига образования и ее роль в разработке проектов реформы народного просвещения.

О Лиге образования достаточно много известно. Это была организация, основанная на коллективном членстве, объединяющая различные просветительные организации, имеющая в своем составе отдельные собственные структуры (например, Педагогическую академию) и ставшая в короткий срок интеллектуальным штабом общественно-педагогического движения, да во многом и всей российской педагогики. Среди членов правления и активистов Лиги образования и ее структур были крупнейшие российские педагоги (например, Г.А. Фальборк и В.И. Чарнолуцкий), ученые с мировым именем (достаточно назвать В.М. Бехтерева, И.А. Бодуэна де Куртене, М.М. Ковалевского, П.Ф. Лесгафта, С.Ф. Ольденбурга, И.П. Павлова, А.А. Шахматова и др.). К 1911 г. в состав лиги входило 24 просветительных общества, а при ней действовало 8 таких же организаций¹.

¹ Туманова А.С., Бредли Дж., Гросул В.Я. и др. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011. С. 599—616.

Одним из первых действий Лиги образования стало создание 12 апреля 1907 г. Комиссии по реформе школьного законодательства.

Эта комиссия, включавшая 41 члена (том числе двух от правления) разработала и направила в Государственную думу второго созыва проект школьного закона, снабженный соответствующими финансовыми расчетами. Правление Лиги предварительно разослало проект всем земским и городским учреждениям, училищным советам, просветительным обществам и частным лицам (специалистам в области народного образования) с предложением представить свои замечания. Полученные замечания были учтены при доработке проекта¹.

Состав Комиссии по реформе школьного законодательства Лиги образования был блестящим. Он объединял действительно лучших специалистов в этой области — педагогов, общественных деятелей в области народного просвещения, крупнейших ученых. Достаточно назвать Н.И. Метальникова, А.Н. фон Рутцена, К.К. Арсеньева, гр. П.А. Гейдена, И.М. Гревса, Н.А. Гредескула, Э.Д. Гримма, Ф.Ю. Левинсон-Лессинга, Н.И. Лазаревского, С.А. Муромцева, А.В. Перелешина, Л.И. Петражицкого, И.А. Покровского, Д.Д. Протопопова, А.Е. Преснякова, В.Н. Сперанского, Г.А. Фальборка, кн. Д.И. Шаховского, Д.Н. Шипова².

Разработанный комиссией проект отразил наиболее передовые идеи российского общественно-педагогического движения и в целом соответствовал либеральным воззрениям большинства Лиги образования.

Этот проект предусматривал всеобщее начальное обучение детей в возрасте от 8 до 15 лет (таким образом, срок обучения в имевшихся начальных училищах должен был быть повышен как минимум на 4 года), передачу церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения.

Но само МНП предлагалось реформировать путем изъятия из его ведения контроля за учебным делом с оставлением за ним лишь информационных и координационных функций, необходимых для объединения усилий органов местного самоуправления.

Высшая руководящая работа МНП должна была сосредоточиться в Совете министра, в который предполагалось включить представителей губернских земств и педагогов. Ученый комитет МНП предполагалось упразднить, как и учебные округа (излишнюю ступень между местными управлениями школьным делом и министерством). Вместо этого предлагалось возложить управление и контроль за учебным делом в губерниях на училищные инспекции, преобразованные «на новых началах».

¹ РГИА. Ф. 749. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

² Там же. Д. 2. Л. 5.

Проект Лиги образования исходил из принципа свободы преподавания. «По законопроекту, — говорилось в пояснительной записке, — каждый желающий волен учреждать школы, не испрашивая на то чье-либо разрешения; при этом под школами разумеются всякого рода учебные заведения, кроме высших... Отношение государства к образованию ограничивается надзором, которому отнюдь не присваивается характер активного вмешательства в жизнь частной школы».

Под частными школами подразумевались все школы, кроме школ МНП (в том числе земские). Эти школы не должны были выдавать «общеобязательных» удостоверений или дипломов. Желающим предоставлялось получить такие дипломы в специальных испытательных комиссиях (по примеру Военного и Морского ведомств)¹.

Этот законопроект, во многом опередивший свое время и не утративший своего значения и по сей день, не мог устроить ни МНП, ни Синод, ни консервативную часть Думы. Для МНП неприемлемо было «умаление» его прав и связанные с этим проектируемые структурные изменения. Для Синода недопустимой должна была быть передача церковно-приходских школ в ведение МНП, через которое предполагалось и правительственное финансирование этих школ. Св. Синод желал сохранить решающее влияние на начальную школу и при этом расходы на эту школу стремился полностью возложить на государственную казну. Для консервативной части российского политического спектра (как и для МНП) слишком радикальными представлялись принцип свободы преподавания и перенесение полномочий по руководству народным образованием из министерства в органы местного самоуправления.

Проект Лиги образования не успел пройти во Второй Думе, в которой имел все шансы на утверждение.

В III Думе его судьба была предрешена. Во-первых, больше половины комиссии по реформе школьного законодательства Лиги образования принадлежали к партии кадетов, оказавшейся в меньшинстве в III Государственной думе. Исключением были мирнообновленец гр. П.А. Гейден². Из кадетских членов комиссии около 70 % подписали Выборгское воззвание, поэтому ни во Второй, ни в III Думе их не было и не могло быть. Во-вторых, правительство успело перехватить инициативу общественности. Уже 1 ноября 1907 г. министр народного просвещения П.М. фон Кауфман внес в Думу законопроект о введении всеобщего начального обучения в Российской империи.

¹ Там же. Д. 3. ЛЛ. 11—19 об.

² Шевырин В.М. Гейден Петр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 124.

Основные положения этого проекта включали переложение «заботы об открытии достаточного числа училищ» на органы местного самоуправления. Последним в двухгодичный срок вменялось в обязанность «составление школьной сети и плана ее осуществления для достижения всеобщности обучения в данной местности, с указанием предельного для сего срока и ожидаемых из местных источников средств для выполнения школьной сети». В качестве уступки Синоду предусматривалось участие в разработке школьной сети местных органов церковно-школьного управления. Включенные в эту сеть училища должны были иметь законоучителя и учителя, «обладающего законным правом на преподавание, быть обеспеченным соответствующим школьным и гигиеническим потребностям помещением, учебными книгами и пособиями и доставлять детям бесплатное обучение». Школьная сеть и план ее создания подлежали, согласно проекту МНП, утверждению Министерства, которое и должно было отпускать необходимые средства на каждую школу. При этом церковно-приходские школы, включенные в сеть, должны были финансироваться «на равных основаниях» из сметы Синода, а не включенные — из местных средств. А как уступку местному самоуправлению законопроект предусматривал, что получение пособия от МНП «не стесняет прав учредителей училищ в деле заведования школой. Местному самоуправлению предоставляется организация и ближайшее заведование начальными школами, под руководством и надзором Министерства народного просвещения»¹.

Влияние проекта Лиги образования на этот законопроект, несомненно, как и его гораздо более умеренный характер.

Внесенный МНП законопроект, лишавший таким образом Лигу образования инициировать (через фракцию кадетов) свой проект в виде законодательного предположения, был передан 8 января 1908 г. в думскую комиссию по народному образованию. Из комиссии в общее собрание Думы он поступил лишь в 1910 г. 19 марта 1911 г. этот законопроект был принят Думой и передан в Государственный совет, но последним отклонен².

7 апреля 1909 г. в комиссию по народному образованию был внесен проект Положения о начальных училищах. Этот законопроект также был принят Думой и отвергнут Государственным советом³. Данный проект был компромиссом между предложениями Лиги образования (транслированными в Думе фракцией кадетов), позициями октябристов и МНП. Но даже он не мог превратиться в закон.

¹ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 138. ЛЛ. 17—18 об.

² Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. СПб., 1912. Ч. 2. Законодательная деятельность. С. 423—426.

³ Там же. С. 438—450.

Влияние проекта Лиги образования заметно и в законе от 25 июня 1912 г. «О высших начальных училищах»¹.

Такова была судьба одного из первых опытов взаимодействия организованного гражданского общества с высшими законодательными учреждениями Империи.

Если говорить о законодательстве в области народного образования (одного из важнейших направлений модернизации России), то проблема и правительства, и думских центристов и правых (по-своему также уделявших большое внимание народному просвещению) заключалась в том, что за ними не стояло столь мощной интеллектуальной силы, как Лига образования.

Наиболее авторитетные и компетентные общественные организации (как «старые», так и вновь образовавшиеся) тяготели к либеральной части российского политического спектра, преобладавшей в первых двух думах, но оказавшейся в меньшинстве в третьей и четвертой. Нельзя сказать, чтобы думские деятели октябристского и правого толка не были связаны с местным самоуправлением и общественными организациями. Но те общественные организации, членами которых они состояли, либо носили сугубо локальный характер, либо занимали относительно маргинальное положение в российском гражданском обществе. Так, например, И.С. Ключев («Союз 17 октября»²) активно работал в думской комиссии по народному образованию, занимался подготовкой законодательных предположений по реформе средней школы, учительских институтов и семинарий т.д. В III и IV Думе именно он был одним из влиятельных разработчиков законодательства по народному образованию. Но ни попечительские советы гимназий и сиротского дома, членом которых он состоял, ни земские и городские органы, в которые он избирался, не могли помочь ему ни в разработке законодательства, ни в экспертизе уже подготовленных проектов, ни даже в их общественной поддержке. Другое дело, что правоцентристское большинство III и IV Думы субъективно этого недостатка, видимо, не ощущало.

В то же время Лига образования оказалась не только в оппозиции, но и всячески вытеснялась на обочину общественной жизни.

Следует заметить, что ни «заикленность» на одной политической партии, ни отсутствие способности к компромиссам с более умеренной частью народного представительства не были характерны для Лиги образования. Ее участие в подготовке компромиссных законопроектов, охотное включение в состав своих руководящих органов представителей более умеренных политических сил, да и общий тон всех публич-

¹ ПСЗ-3. Т. 32. № 37515.

² *Николаев А.Б.* Ключев Иван Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 255.

ных заявлений лиги свидетельствуют об обратном. Не вина Лиги образования, что наиболее передовые идеи в области народного образования оказывались категорически несовместимыми с позицией правительства (в первую очередь МНП, демонстрировавшего после 1908 г. гораздо большую реакционность, чем, например, МВД) и проправительственного большинства в Думе, а наиболее общественно активные, профессионально квалифицированные и авторитетные в научном сообществе люди тяготели к либеральному меньшинству.

В рамках гражданского общества это разделение произошло сравнительно давно. Общий дух просветительных организаций (легализованных до 1906 г.) был всегда оппозиционным. Вспомним Петербургский и Московский комитеты грамотности. Консервативная часть гражданского общества тяготела либо к благотворительным организациям, либо к таким просветительным организациям, которые не претендовали на решение общероссийских проблем и носили локальный характер. Достаточно сравнить деятельность упомянутых комитетов грамотности и сменивших их (после закрытия) Петербургского и Московского общества грамотности. Правые структуры гражданского общества появились позднее и явно шли вслед за либеральными. Это относится и к церковно-общественным объединениям, консервативным по своей природе.

Одной из проблем русского консерватизма был недостаток интеллектуальных сил (здесь консервативный лагерь неизменно проигрывал либеральному) и поддержки со стороны гражданского общества. Из правых деятелей лучше всего понимал это В.М. Пуришкевич. Он в 1908 г. представил П.А. Столыпину проект Лиги образования при Русском народном союзе Михаила Архангела, вылившийся в итоге в создание в 1914 г. «Всероссийского Филаретовского общества народного образования»¹. Но объединить сколько-нибудь влиятельные педагогические силы и завоевать какой-либо авторитет в научном и педагогическом сообществе эта организация так и не смогла.

С подобной же целью Пуришкевич активно содействовал оформлению во всероссийскую организацию студенческого движения академистов².

В целом можно сказать, что в организационно оформленном гражданском обществе в России в период между 1906 и 1917 г. преобладало влияние либералов (прежде всего, кадетов) и в меньшей степени левых партий. Правые заметно уступали либералам в организованности, во влиянии в интеллигентной среде (а через нее и в более широких массах населения), в интеллектуальном и профессиональном уровне своих сторонников.

¹ *Туманова А.С., Бредли Дж., Гросул В.Я. и др. Указ. соч. С. 617—621.*

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 800. ЛЛ. 187—190 об.

В занимавшихся «конструктивной» законодательной деятельностью III и IV Думе имела место практика лоббирования законопроектов группами заинтересованных избирателей, среди которых были как предпринимательские объединения, так и общественные организации¹, но и эта традиция только начала формироваться.

При мирном эволюционном развитии российской государственности механизмы взаимодействия представительных учреждений с гражданским обществом неизбежно должны были получить дальнейшее развитие. Интеллектуальные и моральные преимущества либеральной части организованного гражданского общества могли бы обеспечить ему заметное (если не решающее) влияние на ход законодательного процесса. Но в условиях революции все эти преимущества оказались недействительными.

Революция прекратила существование и Лиги образования, и почти всех общественных организаций дореволюционной России, и Государственной думы, и самой Российской империи.

¹ *Раскин Д.И.* Связь депутатов с избирателями как традиция российского парламентаризма (на примере писем, телеграмм и прошений обществ и частных лиц в Государственную думу I — IV созывов // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. СПб., 2014. Ч. 2. С. 46—47.

НИТКИН П.С.

Роль журналистов в конфликте Н.А. Хомякова и правых в III Государственной думе

НИТКИН ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ,

аспирант кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: nitkin.pavel@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена взаимодействию председателя III Государственной думы Н.А. Хомякова с парламентскими журналистами. Тема является актуальной в контексте зарождения публичной политики в думский период российской истории. Личные усилия по улучшению работы прессы в Думе, открытость и готовность к общению с думскими корреспондентами привели к конфликту Н.А. Хомякова с представителями правых политических партий и частью деятелей «Союза 17 октября». Причиной конфликта стало недовольство последних тем, что в своих многочисленных интервью Председатель ставил под сомнение работоспособность III Думы. Отсутствие поддержки думского большинства, частично вызванное постоянным общением Н.А. Хомякова с прессой, в конечном итоге привело к отставке председателя.

Ключевые слова: парламентская журналистика, думские корреспонденты, Государственная дума третьего созыва, Н.А. Хомяков.

**Роль журналистов в конфликте Н.А. Хомякова
и правых в III Государственной думе**

В первые дни работы III Государственной думы журналисты неоднократно писали о «стесненности» положения прессы в парламенте. Например, представитель популярной газеты «Биржевые ведомости» В.А. Бонди жаловался на то, что журналисты размещались в верхней ложе зала заседаний и даже входили в Думу через отдельный вход, не имея возможности в разговоре с депутатами прояснить детали обсуждаемых дел¹. Референт «Нового времени» А.А. Пиленко утверждал, что даже ультраправые депутаты весьма неодобительно отзывались о

¹ Бонди В.А. Открытие III Государственной думы // Биржевые ведомости. 1907. 2 ноября (утр. вып.).

существующих правилах допуска прессы в Думу¹. А газета «Товарищ» интересовалась, когда же печать будет поставлена «в более или менее приличное положение...»².

Уже в первые дни работы Думы к ее председателю Н.А. Хомякову (беспартийный³) отправилось руководство Бюро печати с просьбой создать «достойные» условия для представителей прессы, которая должна «служить мостиком» между народом и народным представительством⁴. Председатель посчитал претензии справедливыми и обещал содействовать увеличению числа мест для прессы, а также выделению отдельного помещения для журналистов⁵. 3 ноября Хомяков обсуждал положение печати в Государственной думе с П.А. Столыпиным⁶. Кроме того, по данным газеты «Товарищ», тот же вопрос председатель Думы поднял на своей первой аудиенции у Николая II⁷.

7 ноября 1907 г. руководство Бюро печати приняло участие в заседании президиума Думы. Журналисты настаивали на легализации Бюро печати и выделении специального помещения с телефонами⁸. Сообщалось, что «настроение президиума к печати несомненно благоприятное. Все дело теперь в соглашении председателя Думы с председателем Совета министров»⁹.

В итоге, в том числе и усилия Н.А. Хомякова привели к тому, что 18 ноября 1907 г. появилось высочайшее повеление, согласно которому в крайней правой ложе зала заседаний Таврического дворца было выделено 24 места для печати: 6 — представителям Осведомительного Бюро, 13 — журналистам наиболее распространенных российских изданий и 5 — иностранной прессе¹⁰. Так называемые «нижние журналисты» получили, наконец, возможность непосредственного общения с депутатами в кулуарах (Екатерининском зале Таврического дворца), поскольку путь в зал заседаний проходил непосредственно через них.

¹ Пиленко А.А. В Госуд[арственной] думе // Новое время. 1907. 9 ноября.

² Государственная дума // Товарищ. 1907. 9 ноября.

³ Вместе с тем заметим, что Н.А. Хомяков во II Думе входил во фракцию «Союз 17 октября» (Николаев А.Б., Соловьев К.А. Хомяков Николай Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 660).

⁴ Государственная дума // Новое время. 1907. 4 ноября.

⁵ Новейшее // Биржевые ведомости. 1907. 4 ноября (утр. вып.).

⁶ Около Госуд[арственной] думы // Биржевые ведомости. 1907. 3 ноября (утр. вып.).

⁷ В Таврическом дворце // Товарищ. 1907. 4 ноября.

⁸ Новое время. 1907. 8 ноября.

⁹ Около парламента // Биржевые ведомости. 1907. 7 ноября (веч. вып.).

¹⁰ Государственная дума. 3-й созыв. 2-я сессия. Справочник. СПб., 1909. Вып. 1. С. 384.

Другим фронтом, на котором развязалась борьба за права парламентских корреспондентов стал допуск журналистов в Таврический дворец в «недумские» дни. В этом вопросе Н.А. Хомякову противостоял П.А. Столыпин.

26 ноября 1907 г. председатель Думы пригласил представителей бюро печати, Петербургского телеграфного агентства (ПТА) и Осведомительного бюро (ОБ) на заседание президиума. Заседание решило предоставлять отчеты о работе комиссий в четырех копиях — председателю Думы, Бюро печати, ПТА и ОБ. Однако, по мнению журналистов, одни только официальные данные не удовлетворили бы интерес читателей, которые, к тому же, могли заподозрить, что от них что-то скрывают. Бюро печати попросило разрешения присутствовать в Таврическом дворце и в те дни, когда пленарные заседания не проходят, чтобы получать все необходимые сведения у членов комиссий. В результате совещание постановило немедленно начать переговоры с П.А. Столыпиным¹.

Получив 11 декабря первоначальный отказ премьера, Н.А. Хомяков был вынужден применить свою председательскую власть. По сообщению «Биржевых ведомостей», он намеревался воспользоваться своим правом не допускать в Таврический дворец в дни, когда не проходят пленарные заседания, работников ПТА и представителей ОБ. Для отмены этого распоряжения он требовал уравнивания всех представителей печати².

В итоге благодаря личным настояниям председателя Думы, желания печати были удовлетворены³. Начиная с 4 января 1908 г., журналистам предоставили допуск в специально выделенную для них комнату № 35, а также в буфет. Письмо журналистам об итогах борьбы за их права председатель Думы завершил такими словами: «Сообщая об изложенном, прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности»⁴.

Лояльное отношение Н.А. Хомякова к печати выражалось также в готовности идти на контакт и давать интервью, которые и стали одной из причин недовольства думского большинства. Впервые оно проявилось уже в начале 1908 г., когда правым и октябристам не понравилось то, как Н.А. Хомяков отозвался о III Думе в разговоре с репортером «Нового времени». Со стороны правых последовали обвинения в бестактности, желании понравиться левым и приобрести благосклонность печати⁵.

¹ В Государственной думе // Товарищ. 1907. 27 ноября.

² Государственная дума // Биржевые ведомости. 1907. 13 декабря (утр. вып.).

³ В Государственной думе // Товарищ. 1907. 19 декабря.

⁴ Государственная дума // Новое время. 1907. 21 декабря.

⁵ Около Г[осударственной] думы // Биржевые ведомости. 1908. 12 января (веч. вып.).

Пик недовольства отношениями Н.А. Хомякова с прессой пришелся на 1909 г. Особенно сурово выступали крайне правые. В марте в журнале «Прямой путь» появилась статья «Хомяков и русская пресса», авторство которой приписывается В.М. Пуришкевичу¹. В ней автор критикует председателя за ходатайства о переводе части журналистов в нижнюю ложу, куда в итоге попадает намного больше обозначенных в Высочайшем повелении 18 человек, а также за его желание якобы понравиться прессе². Из текста статьи видно, что к ее написанию автора побудило интервью председателя, в котором последний обвинил крайне правых в отсутствии программы думской деятельности и политическом интриганстве. Другим важным лейтмотивом критики со стороны крайне правых было то, что Н.А. Хомяков якобы потворствовал еврейским журналистам — и, соответственно, революционерам. Особенно активно председателя ругали за почти дружеские отношения с журналистом «Биржевых ведомостей» А.Л. Стембо³.

В середине ноября 1909 г. П.Н. Крупенский (националист⁴) направил руководству фракции октябристов письмо, в котором просил принять меры к тому, что Н.А. Хомяков дает интервью, не отражающие позиции думского большинства⁵. Кроме того, в открытом письме столичной прессе он предлагал ввести, «нечто вроде цензуры хомяковского интервью»⁶. П.Н. Крупенского дружно поддержала его фракция⁷. Крайне правые предложили внести в наказ пункт, запрещающий председателю Думы высказываться в печати⁸.

Фракция октябристов решила не рассматривать заявление П.Н. Крупенского в официальном порядке, но провести частную беседу с Н.А. Хомяковым и указать на то, что давать негативные характеристики работе Государственной думы «неудобно»⁹. А 21 ноября в газете «Голос Москвы» появилась критическая статья «О Н.А. Хомякове», посвященная, в том числе и его отзывам о деятельности Думы¹⁰. На

¹ [Пуришкевич В.М.] Хомяков и русская пресса // Прямой путь. 1909. № 3. С. 1—3.

² Там же. С. 1.

³ Дубровин А.И. Конституционный председатель // Русское знамя. 1909. 3 марта.

⁴ Николаев А.Б. Крупенский Павел Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 300.

⁵ В кулуарах // Биржевые ведомости. 1909. 14 ноября (утр. вып.).

⁶ Литовцев С.Л. «В парламентских кругах» // Речь. 1910. 6 марта.

⁷ В Г[осударственной] думе // Биржевые ведомости. 1909. 15 ноября (утр. вып.).

⁸ Там же.

⁹ В кулуарах // Биржевые ведомости. 1909. 19 ноября (утр. вып.).

¹⁰ О Н.А. Хомякове // Голос Москвы. 1909. 21 ноября.

эту тему также высказался глава бюджетной комиссии М.М. Алексеев (примыкал к фракции «Союз 17 октября»¹), тактично отметивший, что «председателю Думы следовало бы быть более сдержанным»².

По некоторым сообщениям, именно статья в газете «Голос Москвы» послужила причиной охлаждения личных отношений между председателем Думы и главой фракции октябристов А.И. Гучковым³. Н.А. Хомяков остался недоволен, что его родная октябристская фракция для удержания в своих руках думского большинства начала процесс сближения с теми, кто публично поносил его в печати. Сообщалось, что уже на рождественские каникулы председатель уехал, тяготясь своим постом в Думе, а вернулся с твердым желанием отказаться от председательства⁴. Он был разочарован и тем, что о дискуссии по поводу своих интервью сам узнал только из газет⁵.

4 марта 1910 г. Н.А. Хомяков ушел с поста председателя Государственной думы. Поводом к отставке стал конфликт на заседании Думы 3 марта, по итогам которого председателем осталось недовольно большинство депутатов. На следующий день Н.А. Хомяков отказался от должности. По сообщениям газет, октябристы чувствовали себя в определенной мере виноватыми. Крайне правые откровенно ликовали, и их лидеры уже подумывали о новом скандале в Думе⁶.

Н.А. Хомяков всемерно поддерживал думскую прессу, в которой доминировали прогрессивные издания. Это обстоятельство позволило крайне правым поставить председателя Третьей Думы в ряд разрушительных и опасных для России сил. Нападки в его адрес использовались как часть стратегии борьбы с парламентом, который вместе со свободной печатью не вписывался в их политическое мировоззрение. В то же время высказываемые председателем зачастую критические оценки деятельности III Государственной думы отдалили его от октябристов, и те не поддержали его в ходе правой обструкции.

¹ *Николаев А.Б.* Алексеев Михаил Мартинович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 14.

² Кампания против председателя Гос[ударственной] думы // Биржевые ведомости. 1909. 23 декабря (утр. вып.).

³ Н.А. Хомяков и Г[осударственная] дума // Биржевые ведомости. 1909. 30 декабря (утр. вып.).

⁴ *Литовцев С.Л.* «В парламентских кругах» // Речь. 1910. 6 марта.

⁵ [Стембо А.Л.] Беседа с Н.А. Хомяковым // Биржевые ведомости. 1909. 24 ноября (веч. вып.).

⁶ [Стембо А.Л.] Председательский кризис в Г[осударственной] думе // Биржевые ведомости. 1910. 5 марта (веч. вып.).

ЩУКИН Д.В.

От тарелки и буфета, до ресторана: «кухня» в политических процессах и повседневности российского парламентаризма начала XX века (по воспоминаниям членов партии кадетов)

ЩУКИН ДЕНИС ВАСИЛЬЕВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и археологии

Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
(Елец, Россия);

e-mail: dionysios@yandex.ru

Аннотация: На основе воспоминаний членов партии кадетов в статье рассматриваются события, происходящие на политическом пространстве России начала XX века, образы парламентариев — депутатов Государственной думы, специфика повседневности российского парламентаризма данного периода через «кухню» (тарелку, рюмку, ресторацию). Внимание уделяется месту и роли «пространства кухни» в деле формирования политических предпочтений, рядовой организации партийной жизни политических сил России начала XX века, появлению в арсенале политика парламентария новых политических практик и инструментов.

Ключевые слова: Государственная дума, партия кадетов, фракция партии Народная свобода, Российская империя, кухня, парламент, история России.

**От тарелки и буфета, до ресторана:
«кухня» в политических процессах и повседневности
российского парламентаризма начала XX века
(по воспоминаниям членов партии кадетов)**

«Признайтесь, господа, едва ли вы считаете возможным
кормить народ одной вермишелью,
приготовленной на кухне Столыпина»
Ф.А. Головин

«Революции производятся желудком»
Александр Гурьев

Политическая кухня России эпохи начала XX века невозможна без кухни бытовой, повседневной, хотя бы потому, что политики, парламентарии, депутаты, министры или чиновники — это, прежде всего,

люди, которые не только во что-то одеваются, но и завтракают, обедают, ужинают, а также посещают «ресторацию». При этом, если политик эпохи начала XX века через «слово», «пиджак» или «сюртук» отчасти нам известен¹, то политик через кухонный колпак или фартук, а тем более еду на тарелке и рюмку — это кто? Мы знаем о «политических идеалах» представителей политического пространства России начала XX века, но какие у них вкусовые предпочтения в тарелке. Что и где едят, пьют, с кем встречаются и о чем говорят за столом, что «жалуют» из еды, а что не принимают, чем любят себя побаловать из кухни, что рекомендуют и готовят. При этом готовят ли сами или нет? Своеобразие обозначенных вопросов и их содержание формирует, в том числе и по отношению к себе, новое «исследовательское поле» в свете поиска ответов на два главных вопроса: 1) зависят ли от пищевых предпочтений политические? 2) политический режим в стране зависит от пищевых предпочтений жителей. Да или нет?

Все это создает жгучее любопытство и острое желание взглянуть на события, происходящие на политическом пространстве России начала XX века, образы политиков, депутатов, историю повседневности Государственной думы через «пространство кухни» (буфет, тарелку и рюмку).

Попробуем это сделать на основе воспоминаний членов партии кадетов. Однако, предваряя данное, отметим, что на наш взгляд кухня в отечественной истории с позиции политической практики повседневности это не столько место для приема пищи, а 1) пространство принятия «решений государственной важности»; 2) сфера неформального общения на «политические темы»; 3) «трибуна» защиты или критики власти, 4) площадка для «революционных» идей и программ; 5) точка зарождения «освободительного» движения сознания масс.

При этом данное восприятие кухни прямо взаимосвязано с понятием «политической кухни» конкретной исторической эпохи.

¹ См.: *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX в.: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006; *его же*. Пиджак в российской политике: первая примерка // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2014. С. 122—130; *Патрикеева О.А.* 58 квадратных саженей или думский буфет // Родина. 2015. № 1. С. 128—129; *ее же*. Зарождение парламентского ораторского искусства в России в начале XX столетия // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. С. 130—138.; *ее же*. Повседневная жизнь Государственной думы России (по неопубликованным дневникам С.И. Смирновой-Сазоновой. 1906—1917 гг.) // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 133—141.

Так, по словам члена ЦК партии кадетов А.В. Тырковой-Вильямс «Первые, более внятные проявления освободительного движения и его нарастание мне пришлось наблюдать в писательской среде, на литературных ужинах, или банкетах, как их называли в подражание французским банкетам, которые подготовили во Франции революцию 1848 г. Для наших обедов, скромных и по обстановке и по речам, пышное название — банкет — звучало иронически. Собирались мы в кухмистерской, на углу Николаевской и Кузнечного переулка, в грязеньком помещении, где купцы справляли свадебные обеды и похоронные трапезы. Неважная была еда. Неизменно подавалась какая-то таинственная рыба лабардан. Так и спрашивали друг друга: — Что же, пойдем рыбу лабардан есть? Платили за ужин, насколько помню, рубля полтора с физиономии, не считая вина»¹.

Примечательным здесь выступает знание сидящих за столом и испытывавших чувство гордости, которое «возвышало нас в собственных глазах» от того, что «среди лакеев, подававших нам рыбу лабардан, конечно, были агенты охранки». При этом А.В. Тыркова-Вильямс подчеркивает главную «примету» этого времени: «На банкетах в кухмистерской стихов не декламировали, но учились произносить речи. В этой длинной, прокопченной табачным дымом, неряшливой столовой и я произнесла мою первую публичную речь»².

Таким образом, с позиции кухни, период нарастания политического освобождения масс в России в начале XX века, когда «русские языки еще только начинали развязываться» — это лабарданские (рыбные) времена. Эпоха, в которую «мужчины приходили, конечно, в пиджаках», а среди женщин пока еще не было «франтих». Время, в которое «многие лозунги, которые позже были написаны на уличных знаменах, впервые были вынянчены на наших ужинах»³.

В свете истории повседневности политического пространства России начала XX века банкеты как часть жизни любой «кухни» несут свое историческое значение в деле формирования человека политического и публичного (парламентария). При этом, как некий этап освободительного движения рассматриваемого периода, они проходили в ту «подготовительную пору, когда еще только намечалось, как распределять силы и мысли, чтобы идти на штурм самодержавия».

Вот что пишет в своих «Воспоминаниях» лидер партии кадетов П.Н. Миллюков в отношении событий истории первого (учредительного) съезда партии кадетов, который прошел в Москве с 12 по 18 октября 1905 года в особняке Павла Долгорукова (Малый Знаменский пере-

¹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007. С. 72.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 73—74.

улок, 5): «Прямо с закрытого съезда его члены отправились на заранее заготовленный банкет — в Литературно-художественный кружок, который собирался с 1905 г. в особняке 1824 года постройки на Большой Дмитровке.... Через ...нижний игорный зал и приходилось пройти в верхнюю столовую, где был накрыт длинный стол для членов съезда и для почетных московских гостей. Внизу публика была смешанная. Настроение в этой толпе было восторженное: нас и манифест они готовились чествовать вместе. А героем этого чествования оказался я. Меня подняли на руки, притащили к столу, поставленному среди залы, водворили на стол, всунули в руки бокал шампанского, а некоторые, особенно разгоряченные, полезли на стол целоваться со мной по-московски и, не очень твердые в движениях, облили меня основательно шипучим напитком. Когда все немножко успокоилось и около стола плотно сгрудилась толпа, от меня потребовали речи на волновавшую всех тему. Речь, очевидно, должна была выразить общее праздничное настроение»¹. При этом свою речь в отношении манифеста 17 октября 1905 года на данном «мероприятии» лидер партии кадетов П.Н. Милюков закончил одной из самых известных своих фраз: «Ничего не изменилось, война продолжается»².

«Пространство кухни» находит свое отражение и в деле рядовой организации партийной жизни политических сил России начала XX века. Так, в процессе становления и развития деятельности партии Народной свободы (кадетов) особое место сыграет открытый 24 апреля 1906 г. кадетский клуб, инициатором создания которого выступил князь Д.И. Бебутов. По воспоминаниям А.В. Тырковой-Вильямс, «...кн. Бебутов, фигура довольно комическая. Раз и я у него побывала. Он держал отличную кухарку. Ужин был на славу. Подали колоссальную индейку, нафаршированную сложнейшим фаршем. Вино было дорогое. Тосты самого зажигательного характера»³. При этом сам кадетский клуб со своей непримотливой обстановкой, но с хорошим и дешевым буфетом, пользовался среди членов партии кадетов большой популярностью.

Через «кухню» посмотрим и на место проведения заседаний ЦК кадетской партии. Так как первые годы председателем ЦК партии кадетов был И.И. Петрункевич, то по воспоминаниям А.В. Тырковой-Вильямс «заседания происходили в его уютной квартире в Басковом переулке. Темные обои и портьеры придавали столовой внушительный вид. За длинным столом свободно помещалось человек 20. На

¹ Милюков П.Н. Из тайников моей памяти. М., 2015. С. 360.

² Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880—1917. М., 2006. С. 297.

³ Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 364.

столе расставлено обильное угощение, хрустальные вазочки с вареньем, тарелочки с печеньем, сухариками, булочками, тортами. Отборные фрукты, каких я ни у кого в Петербурге не видела, присылала из своего крымского имения графиня С.В. Панина, дочь Анастасии Сергеевны от первого брака»¹.

«Кухня» в политических процессах и повседневности российского парламентаризма начала XX века — это еще и место где происходят «советы» и «совещания» по ряду практических вопросов деятельности российского парламента начала XX века, пространство где «завязываются первые деловые контакты», проходят встречи парламентариев и политиков. Так, во время обеда в «Эрмитаже» осенью 1905 г. будущий председатель I Думы С.А. Муромцев советуется с будущим председателем II Думы Ф.А. Головиным по следующим вопросам: 1) о способе закрытия председателем заседания Думы в случае возникновения такого беспорядка, когда слов председателя не будет слышно; 2) о внешнем виде председателя нижней палаты парламента (о костюме председателя)².

Интересны и воспоминания члена фракции кадетов в Государственной думе В.А. Маклакова о его первом контакте со П.А. Столыпиным: «Моя первая встреча со Столыпиным не была устроена Челноковым, произошла раньше и была связана с моим выступлением по военно-полевым судам. Очень скоро после этого был какой-то обед во «Франции», излюбленной гостинице наших общественных деятелей. Был там и С.А. Котляревский, первоумец, кадет, из дисциплины Выборгское воззвание подписавший, но не могший себе этого шага простить.... Обед не был окончен, как Котляревский вызвал меня из-за стола и сообщил, что Столыпин у аппарата. Так произошел наш первый контакт»³.

В контексте данного можно говорить о том, что именно «ресторация» как неформальное (априори нейтральное) место для общения позволяет политическим деятелям начала XX века устанавливать контакт между собой, несмотря на принадлежность к разным противоположным политическим группам. Это прямо переводит роль места «кухни» из бытового, прикладного значения в плоскость «политического» формата общения, формируя тем самым в России начала XX века новый практический инструмент в арсенале политика парламентария — неформальный диалог на «деловые темы» за тарелкой, рюмкой, обедом, ужином, чашкой чая.

¹ Там же. С. 359—360.

² РГИА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 20, 21.

³ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля — 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 291.

Знаковой «встречей» прошедшей в данном формате на политическом пространстве России начала XX века стало «свидание» лидера кадетской партии П.Н. Милюкова и назначенного 26 октября 1905 г. дворцовым комендантом Д.Ф. Трепова в свете тайных переговоров о кадетском кабинете министров имевшая место быть в кабинете петербургского ресторана «Кюба». Как пишет П.Н. Милюков, «свидание протекало в очень любезных тонах. Не долго думая, Трепов вынул из кармана записную книжку и деловым тоном спросил меня, какие условия ставят к.-д. для вступления в министерство. Пересмотр “основных законов”, новая конституция, созданная учредительной властью Думы, но “с одобрения государя”, отмена Государственного совета — вся эта государственная юриспруденция вовсе не приводила в священный ужас генерала, чуждого законовещения. Все это просто принималось к сведению и записывалось в книжку без возражений. Общее впечатление, произведенное на Трепова нашей беседой, во всяком случае, не исключало дальнейших переговоров. Как признак возникшего между нами взаимного доверия, Трепов дал мне на прощанье номер своего телефона в Петергофе и предложил сноситься с ним непосредственно»¹.

Данный пример не только подтверждает вышеобозначенный тезис, но предлагает еще и пищу для размышлений на предмет использования пространства «кухни» в политических целях при ограничении политических возможностей одной из сторон.

Особое отражение тема «кухни» в политических процессах повседневности России начала XX века находит в рамках повышения материального благополучия российских парламентариев того времени. Так в начальный период работы III Думы было внесено изменение в «Учреждение Государственной думы», утвержденное императором 6 июля 1908 г. В соответствии с ним «народным избранникам» устанавливалось ежегодное довольствие в размере 4200 рублей, которое, начиная со дня избрания, выплачивалось ежемесячно по 350 рублей. Данное месячное жалование депутатов Государственной думы начала XX века составило по подсчетам Счетной палаты РФ в переводе на текущий курс российской валюты в 2016 г. 530 000 руб.

Интересным в свете данного представляется высказывание А.И. Дубровина на закрытом заседании отдела Союза русского народа в Ростове-на-Дону 31 июля 1908 г. В отношении возросшего депутатского жалования он заявил следующее: «Я таки порядком потерялся около Таврического дворца и скажу вам откровенно, что члены Думы — хо-луи и мошенники, они ничего не делают, только сидят в буфете и «прохаживаются по рюмочке», а вечером разъезжают по театрам; в комис-

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 251—252.

сиях работают один — два, остальные и не заглядывают...»¹.

Вместе с тем в своих воспоминаниях член ЦК партии кадетов А.В. Тыркова-Вильямс пишет о том, что в Думе «отражалась борьба идей, а не appetitов, связанных с надеждой подкормиться от казенного сундука»². При этом «в Государственную думу люди шли не ради наживы, не ради корыстного устройства своих делишек. Относительно кадетской партии я это могу утверждать категорически. Да и на остальных скамьях сидели депутаты, не делавшие из политики выгодного промысла»³.

Однако в отношении крестьянских депутатов с этим утверждением сложно согласиться. Так, в своей работе И.К. Кирьянов пишет, что «преобладающее большинство крестьян, по мнению губернаторов, стремилось в Думу ради денежных выгод, которые были связаны со званием члена Государственной думы». При этом в рамках избирательной кампании 1912 г. выборщиками бывшие депутаты третьего созыва из крестьян и священников, как правило, не избирались. Чиновники, наблюдавшие за ходом выборов, отмечали, что это было принципиальной позицией избирателей, выразившейся формулой: «покормился и доволен»⁴.

Таким образом, постановка вопроса «где можно покормиться?» с логическим ответом «на кухне», приводит нас к следующему. Стремление крестьян попасть в Думу, став депутатом — это стремление, продиктованное не желанием «политического», а желанием «бытовым» — открывшейся в начале XX века в России возможностью покормиться (поправить свое материальное положение) от политической кухни того времени.

Отдельное место в рамках данной темы занимает отражение через пространство кухни образов, портретов и характерных черт политиков, членов Государственной думы России начала XX века. Так, в отношении манеры говорить и эмоциональности видного члена партии кадетов Ф.И. Родичева, который «каждое слово бросал, как молот», а «...на свежего человека, никогда его не слышавшего, ...производил впечатление человека, как бы в каком-то ненормальном состоянии, даже пьяного...» правые хулиганы кричали с мест «Должно быть, из буфета пришел!»⁵.

¹ Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 108.

² Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007. С. 344

³ Там же. С. 360

⁴ Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX в.: новые политики в новом политическом пространстве: Дис. ... д. ист. н. Пермь, 2009. С. 191.

⁵ Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 81.

Примечателен и образ председателя III и IV Государственных дум Российской империи М.В. Родзянко. По воспоминаниям лидера кадетов П.Н. Милюкова «первое, что бросалось в глаза при его появлении на председательской трибуне, было — его внушительная фигура и зычный голос. За раскаты голоса шутники сравнивали его с “барабаном”, а грузная фигура вызвала кличку “самовара”. За этими чертами скрывалось природное незлобие, и вспышки напускной важности, быстро потухавшие, дали повод приложить к этим моментам старинный стих: Вскипел Бульон, потек во храм...»¹.

Отметим, что, по воспоминаниям потомков М.В. Родзянко, он любил вкусно и основательно поесть, а из блюд предпочитал борщ. При этом, как нам известно, данное блюдо готовится из множества ингредиентов, которые требуют своего «секрета варки», правильности и очередности закладки. Не маловажное место имеет и то с чем, а главное, как и под что он подается. Данное «искусство» несомненный атрибут мастерства шеф-повара, стоящего во главе своей кухни, что крайне интересно сочетается с должностью самого М.В. Родзянко — председателя III и IV Государственной думы Российской империи.

Своеобразное подтверждение образа М.В. Родзянко как «главного повара» нижней палаты («кухни») российского парламента периода 1911—1917 гг. мы находим в едких стишках того времени, которые при этом еще и дают нам представление о «критике» в адрес блюд» готовящихся под его руководством в Государственной думе:

Остался поваром Родзянко,
Не сев при выборах на мель,
Но не вкусна его солянка,
Когда в ней будет вермишель!

Отметим, что «вермишелью» в пространстве повседневности парламентской деятельности начала XX века наименовалось большое количество правительственных законопроектов («закончиков») вносимых на рассмотрение в Государственную думу. Бывший председатель II Государственной думы Российской империи Ф.А. Головин, будучи уже членом фракции партии кадетов в III Государственной думе, называл их «хомяковской вермишелью» по имени ее первого председателя. При этом он восклицал: «Признайтесь, господа, едва ли вы считаете возможным кормить народ одной вермишелью, приготовленной на кухне Столыпина»². В свою очередь гр. А.А. Бобринский писал: «Это т. н. “законодательная вермишель”, отличительная черта коей та, что 9/10

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 337.

² РГИА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.

членов Государственной думы ни одного из законов, мелькающими перед ними с неимоверной быстротой не читали и, о чем будет речь, абсолютно не знают»¹. В результате многие важные вопросы не проходили своего обсуждения в Думе. Так, вопрос о введении подходящего налога вызывал общее опасение депутатов Государственной думы Российской империи третьего созыва. Неслучайно, что один из руководителей канцелярии Думы, присутствовавший тогда при выработке годового плана работы, сравнил ее с «бабой, просеивающую муку через сито и стремящийся просеять лишь мелочь и очень боящейся, как бы что-нибудь не проскочило крупное»².

Возвращаясь к отражению образов политиков, членов Государственной думы России начала XX века, через «кухню» и ее пространственную атрибутику примечательным выступает следующее. Так, если председатель III и IV Государственных дум М.В. Родзянко «главный повар от парламентской кухни» или «самовар», который так или иначе ставится в центр стола, то неким «буфетным дирижером» пространства повседневности российского парламентаризма начала XX века был лидер кадетской партии П.Н. Милюков.

В своих воспоминаниях по поводу открытия в России первой в ее истории Государственной думы он пишет следующее об этой закрепившейся за ним «должности». «В памятный день 27 апреля я встретил у ворот Таврического дворца депутатов, возвращавшихся по Неве из Зимнего дворца в старый дворец Потемкина. С.Е. Крыжановский выражал сожаление по поводу моего (второго) разъяснения; по его мнению, я “был вреднее вне Думы, чем в Думе”. Он, как и другие, был уверен, что я “дирижирую Думой из буфета”. Я не могу отрицать, что я имел в Думе известное влияние. Как член ЦК партии, я мог участвовать ближайшим образом в деятельности парламентской фракции. В буфете у нас был общий стол, за которым во время завтрака спешно обсуждались текущие вопросы дня, ввиду перегруженности думской работы». При этом, по мнению П.Н. Милюкова «...все же “дирижировать” не только всей Думой, но и нашей фракцией я никоим образом не мог. Не мог бы, даже если бы был депутатом»³.

Свое почетное место в политическом пространстве повседневности российского парламентаризма начала XX века и ее «кухни» по праву занимает и «столыпинская чашка чая».

Внимания здесь заслуживает визит к П.А. Столыпину в ночь со 2 на 3 июня 1907 г. (накануне «третьеиюньского государственного переворота» — дня роспуска II Государственной думы, принятия нового

¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 233. Л. 10.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 337. Л. 89.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 243.

избирательного закона и оформления новой формы государственного строя в России начала XX века — думской монархии) четырех представителей партии кадетов: М.В. Челнокова, В.А. Маклакова, П.Б. Струве и С.Н. Булгакова.

В своих воспоминаниях В.А. Маклаков так опишет итог данной встречи. «Было светло, когда мы возвращались. По дороге мы встречали думских приставов, которые к Столыпину ехали. Чтобы обменяться между собой впечатлениями, решили заехать по дороге в «Аквариум». Было что-то фантастическое в нашем появлении среди гуляющей, подвыпившей публики и раскрашенных дам полусвета. За маленьким столиком, со Струве с его бородой патриарха в жокейской шапочке и в каком-то желтом балахоне, за обязательной бутылкой шампанского, мы обсуждали положение»¹.

Привлекательны в свете данного «романа четырех либералов с премьером» и воспоминания А.В. Тырковой-Вильямс. Она пишет: «Визит почему-то сразу окрестили столыпинской чашкой чаю, хотя Столыпин их ни чаем, ни чем иным не угощал. Но даже мнимая чашка чаю вызвала у многих глубочайшее отвращение, точно это был зазорный напиток... Столыпинская чашка чаю надолго осталась символом недостойного соглашательства, нарушения оппозиционного канона»².

При этом размышляя об этой встрече, А.В. Тыркова-Вильямс высказывает одну из главных мыслей своего времени на предмет противодействия радикальному (революционному) сценарию развития положения дел в России начала XX века. «Столыпинская чашка чаю могла навести избирателей на простую, подсказанную здравым смыслом мысль: а что если бы можно было встречаться с министрами не в боевой обстановке Таврического дворца, а попросту, по-человечески? Ведь они такие же русские люди, как и мы, так же хотят блага России. Почему не попробовать договориться? К несчастью, здравый смысл не всегда играет решающую роль в политике»³.

О «чайном гостеприимстве» П.А. Столыпина пишет и С.И. Тимащев, говоря о том, что тот много времени «уделял неформальному общению с думцами». Едва ли не в обычай вошли его приглашения членов законодательной палаты «на чашку чая». В ходе подобных мероприятий «представители различных лагерей объединялись у столов, заставленных обильным угощением, знакомились друг с другом и вели деловую беседу, которая содействовала выяснению многих вопросов». Эти встречи позволяли членам правительства «ближе сойтись со мно-

¹ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля — 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 316.

² Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007. С. 331.

³ Там же. С. 332.

гими членами Думы, что потом очень помогало в деловой работе»¹. Между тем, по воспоминаниям сына П.А. Столыпина, во время семейных обедов стол в их доме был более чем скромнен, из напитков — только минеральная вода, а жена П.А. Столыпина часто говорила, что «наш дом как у старообрядцев: ни папирос, ни вина, ни карт»².

Таким образом, на политической «кухне» России периода Государственной думы начала XX века был свой «самовар», «заваривался» чаек, велась работа с «вермишелью». При этом «буфетные дирижеры» не упускали возможностей «ресторанных» встреч, где в отдельных кабинках и в неформальной обстановке пытались решить политическую судьбу будущего России.

¹ *Тимашев С.И.* Кабинет Столыпина: Из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое: историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6. С. 118.

² *Столыпин А.* О романе В. Пикуля «У последней черты» // Россия в эпоху реформ. Франкфурт, 1981. С. 338.

ЕГОРОВ А.Н.

**К вопросу о степени влияния Государственной думы
на политические настроения населения Российской империи
(по материалам Вологодской губернии)**

ЕГОРОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и философии
Череповецкого государственного университета
(Череповец, Россия);
e-mail: anegorov65@mail.ru

Аннотация: В статье на основе документов органов политического сыска и материалов периодической печати анализируются влияние III и IV Государственной думы на политические настроения населения Вологодской губернии. Делается вывод о незначительном уровне парламентского влияния, что объясняется безграмотностью большинства населения, низкой степенью информированности о работе депутатов, оторванностью думских дебатов от повседневных забот населения. На провинциальном уровне не подтверждается версия об ответственности Думы за дестабилизацию положения в стране накануне Февральской революции.

Ключевые слова: Государственная дума, избирательные кампании, политический сыск, пресса, губернская администрация, депутаты.

**К вопросу о степени влияния Государственной думы
на политические настроения населения Российской империи
(по материалам Вологодской губернии)**

Историки российского парламентаризма обращают основное внимание на различные аспекты деятельности Государственной думы. Однако не меньшее значение имеют и другие вопросы — насколько велико было влияние Думы за стенами Таврического дворца, насколько население российской провинции прислушивалось к думским дебатам и вообще интересовалось парламентской работой? Особое значение данные вопросы приобретают в свете попыток возложить на Государственную думу ответственность за дестабилизацию положения в стране накануне Февральской революции. Ответить на поставленные вопросы позволяют разнообразные источники, сохранившиеся в региональных архивах. Применительно к Вологодской губернии это жандармские донесения по надзору за политическим настроением населения;

ответы губернской администрации на запросы МВД об отношении населения к Думе; материалы периодической печати.

В начале XX в. Вологодская губерния являлась рядовой провинцией с преимущественно крестьянским населением. На территории края не было больших городов, крупных заводов и фабрик, высших учебных заведений. Революция 1905—1907 гг. прошла в губернии относительно спокойно. Определенный политический колорит краю придавала лишь политическая ссылка, стоявшая на втором месте в империи после Восточно-Сибирской (недаром ее называли «подстоличная Сибирь»).

Донесения жандармских чинов начальнику Вологодского губернского жандармского управления о политическом положении на местах за 1908 — февраль 1917 гг. (материалы по 1906—1907 гг. в архиве не сохранились) показывают, что деятельность Государственной думы практически не оказывала какого-либо существенного влияния на настроения населения. В большинстве донесений Дума просто не упоминается. К существенным факторам политического влияния жандармы относили деятельность органов местного самоуправления, печать, политических ссыльных, но отнюдь не парламент.

В январе 1912 г. в преддверии выборов в IV Думу МВД обратилось к Вологодскому губернатору с просьбой представить сведения по двум вопросам: 1) какое влияние оказала деятельность Государственной думы на настроение населения и местных общественных деятелей; 2) в какой степени «можно ожидать влияния результатов деятельности Государственной думы на ход предстоящих выборов в Думу в смысле политической группировки избирателей» и избрания в депутаты членов той или иной партии?¹ Губернатор направил данный запрос уездным предводителям дворянства и председателям уездных съездов. К апрелю 1912 г. ответы прислали 9 из 10 уездов Вологодской губернии.

Из трех уездов сообщали, что не располагают необходимыми сведениями по первому вопросу, из чего можно сделать вывод о незначительном влиянии Думы на политические настроения населения — иначе ответ был бы другой. Остальные ответы были похожи. Так, из Яренского уезда писали, что интерес населения к деятельности Думы «со времени учреждения ее, прогрессивно ослабевал и в данный момент число лиц, интересующихся деятельностью Думы среди местной интеллигенции, не говоря уже о крестьянах, — весьма незначительно». Председатель Усть-Сысольского съезда отмечал, что население уезда к деятельности Думы «проявляет вообще слабый интерес, влияние ее на настроение населения настолько незначительно, что трудно поддается учетыванию». Из Великого Устюга добавляли: «деятельность

¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4877. Л. 1.

Государственной думы на настроение местного населения заметного влияния не оказала»¹.

Некоторые авторы донесений стремились обосновать свою точку зрения. Председатель Тотемского уездного съезда полагал, что отсутствие интереса к Думе в крестьянской среде объясняется тем, что «взрослое население в большинстве случаев безграмотно или малограмотно и не привыкло еще интересоваться сложными вопросами, касающимися политической и общественной жизни своей родины»². По его наблюдениям, среди городского населения и общественных деятелей намечается интерес к деятельности Думы, причем одних она вполне удовлетворяет, а у «лиц левого направления» вызывает недовольство. Председатель Сольвычегодского уездного съезда безразличное отношение крестьян к Думе объяснял отсутствием «реального проявления ее действий по этому краю» и тем, что она «не содействует земельному устройству государственных крестьян уезда»³.

В ряде донесений отмечалось, что часть городского населения (мелкие чиновники, учителя, деятели местного самоуправления) интересуется Думой в «оппозиционных ее проявлениях». Из Великого Устюга писали: «по мнению правых деятелей, Государственная дума слишком мало времени уделяет серьезному государственному делу и тратит драгоценное время на запросы, часто не имеющие ровно никакого значения для пользы государства, а лишь возбуждающее население против правительства и его агентов. Ясно, что результаты такого рода деятельности Государственной думы поднимут энергию в левых группах населения»⁴.

По второму вопросу (прогноз по выборам) лишь Грязовецкий уездный предводитель дворянства не смог ничего сообщить. Остальные высказали свое мнение. По двум уездам ситуация для властей складывалась благополучно. Из Усть-Сысольска уверенно писали — «население уезда по своим убеждениям вполне благонамеренное», вероятно избрание лиц «вполне благонадежных». Председатель Яренского уездного съезда полагал, что «при отсутствии агитации извне», выберут тех, на кого крестьяне смотрят «только как на ходатаев о своих нуждах перед самодержавным монархом». Далее утверждалось, что местные чиновники и земские служащие политикой интересуются мало, а, значит, исход выборов будет зависеть от директив местных и губернских властей»⁵.

¹ Там же. ЛЛ. 4, 9, 10.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 10 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 4 об., 9.

По остальным шести уездам местные чиновники высказывали тревогу по поводу роста оппозиционных настроений. Вологодский уездный предводитель дворянства отмечал: «левые партии усилились за последнее время, ведут подготовку к избирательной кампании, а правые политические организации распались»¹. В ряде донесений были попытки объяснить ситуацию. Из Никольска писали, что среди крестьян большое значение имеют те кандидаты, которые обещают крестьянам землю, так как «местные крестьяне больше всего заинтересованы земельным вопросом, а таковые вопросы на первое место выдвигает крестьянин Попов, принадлежа сам к кадетской партии». Председатель Тотемского уездного съезда прогнозировал избрание оппозиционного кандидата, так как «сторонниками левых партий будут, несомненно, приняты всякие меры к привлечению на свою сторону избирателей, в том числе и тех, которые безразлично относятся как к самим выборам, так и к программам политических партий»².

В такой ситуации властями делалась ставка на духовенство, которое имело во многих уездах Вологодской губернии большинство в курии землевладельцев. Как сказано в донесении из Сольвычегодска, «если духовенство не примет живого участия в желательном направлении, то возможно избрание элементов нежелательных». Председатель Тотемского уездного съезда прямо предлагал через епархиальное начальство обязать священников принять «деятельное участие в выборах». В этом случае, «выборы от землевладельцев следует считать в смысле благонадежности обеспеченными»³.

Открытая ставка властей на духовенство вызывала тревогу либеральной общественности. «Такое обилие духовенства на выборах в законодательное учреждение заставляет спросить, соблюдались ли здесь интересы страны и благо народа, или же выборы производились в силу условий, от интересов страны и народного блага отнюдь не зависящих?» — спрашивал корреспондент вологодской газеты «Северное эхо»⁴. Эта же газета приводила курьезный пример поведения депутата предыдущей III Думы от Вологодской губернии протоиерея Н.Е. Якубова, почетного товарища председателя Вологодского отдела Союза Русского народа⁵. За все пять лет работы парламента он произнес только одну речь, занесенную в стенограмму. Когда на думскую трибуну поднялся Н.С. Чхеидзе (социал-демократическая фракция⁶), Якубов крикнул с места —

¹ Там же. Л. 8.

² Там же. ЛЛ. 6 об., 12 об.

³ Там же. Л. 12 об., 13 об.

⁴ Северное эхо. 1913. 17 февраля.

⁵ Ромов Р.Б. Якубов Николай Евграфович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 722.

⁶ Николаев А.Б. Чхеидзе Николай Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 687.

«обезьяна». «Такое полезное поведение протоирея — иронизировал корреспондент «Северного эха» — заставило ныне одного из избирателей подать бюллетень с именем священника, кандидата в выборщики и с добавлением: «тоже будет не лучше Якубова»¹. Резкое неприятие использования духовенства в качестве «политического орудия» для достижения нужных результатов выборов продемонстрировала и кадетская «Речь»².

В ряде донесений проводилась мысль, что крестьяне стремятся в Думу за немалым, по крестьянским меркам, доходом. Так, в донесении из Сольвычегодского уезда про грядущие выборы сказано: среди крестьян «все пойдет, как и было, к соревнованию попасть на депутатский оклад». Председатель Никольского уездного съезда объяснял стремление массы желающих попасть в депутаты «не желанием идейной работы, а взглядом местных крестьян как на доходный и выгодный заработок»³. Это наблюдение подтверждается материалами местной прессы. Во время выборов в IV Государственную думу корреспондент «Вологодского листка» писал: «Большая часть избирателей смотрит на депутатство как на доходную статью, как на средство поправления расстроенных дел и даже обогащения. К званию, правам и обязанностям депутата равнодушны, но жалование депутатское представляется заманчивым»⁴.

Своеобразный итог предвыборных настроений подвел Вологодский губернский предводитель дворянства: «Ни для кого из местных жителей не составляет тайны, что в среде будущих избирателей заметно в последнее время усиление оппозиционного элемента и что движение это не имеет связи с деятельностью Государственной думы (выделено мною — А.Е.), а есть продукт местных условий жизни»⁵. В итоге выборы в IV Думу прошли в Вологодской губернии в целом спокойно⁶. Как сказано в донесении Кадниковского уездного исправника, «ни малейшего предвыборного оживления, как среди крестьянского населения, так и городского не наблюдалось: никакой агитации, ни одного предвыборного собрания; отношение, как и при выборах в предыдущую Думу, совершенно индифферентное»⁷. Тем не менее по от-

¹ Северное эхо. 1913. 10 февраля.

² Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. СПб., б/г. С. 195, 206.

³ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4877. ЛЛ. 6, 13 об.

⁴ Вологодский листок. 1912. 8 сентября.

⁵ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4877. Л. 7.

⁶ См. подробн.: *Егоров А.Н.* Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 1. С. 85—93.

⁷ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4871. Л. 189.

дельным городским куриям (Вологда, Сольвычегодск) прошли левые выборщики. Реакция властей последовала незамедлительно — выборы в них были опротестованы.

Возникает вопрос: а что вообще население знало о работе Думы? Информацию о ее деятельности простой обыватель мог получить либо от депутата своей губернии, либо из прессы. Вологодские депутаты III и IV Дум по своим взглядам были правыми и отличались пассивностью. Так, в сентябре 1908 г. корреспондент газеты «Вологодская жизнь» в заметке с характерным названием «Где наши депутаты?» сетовал, что местных депутатов не видно и не слышно: «Население Вологодской губернии не знает, что делали его депутаты в Думе, и что они собираются делать в предстоящую думскую сессию»¹. Анализируя деятельность депутатов от губернии в III Думе, автор «Вологодского листка» отмечал, что вологжане «вялы и пассивны», а от депутатов других северных губерний их отличает меньшее количество выступлений и большее — отпусков².

В таких условиях важнейшим каналом получения информации о работе Думы становилась пресса. С 1906 г. в Вологде выходили как газеты, близкие к кадетской партии, так и правомонархические. Из них интересующийся политикой житель губернского города мог получить более или менее адекватное представление о работе Думы в трактовках либералов и консерваторов. Издание и распространение прессы, близкой к социалистам, в провинции не допускалось. Газеты либеральной направленности могли доходить до уездных городов, но их распространение на уровне волостей было уже невозможным.

Губернские власти наделялись большими полномочиями по контролю за политическим положением на местах. Так, высочайшим указом от 3 июня 1907 г. вологодскому губернатору предоставили специальные полномочия, на основании которых было запрещено распространение сообщений, «возбуждающих враждебное отношение к правительству»³. При этом губернские власти сами решали, какие сообщения относятся к категории антиправительственных. На местах установили контроль за получением печатных изданий и приняли меры к распространению проправительственной прессы. Во время выборов в IV Думу вологодский губернатор дал указание земским начальникам строго наблюдать за тем, какие издания выписываются волостными правлениями, направлять их списки в канцелярию губернатора, изымать левые издания.⁴ Также изымались все листки, воззвания, газеты

¹ Вологодская жизнь. 1908. 26 сентября.

² Вологодский листок. 1912. 30 сентября.

³ Вологодские губернские ведомости. 1907. 5 июня.

⁴ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4873. Л. 7.

и журналы, рассылавшиеся бесплатно без подписки для распространения. Таким образом, агитация социалистических и либеральных партий была чрезвычайно затруднена, зато власти способствовали распространению правой прессы. Тем же распоряжением губернатора с 1 июля 1912 г. всем волостным правлениям предписывалось выписывать местную правую газету «Северное время».

Из материалов прессы человеку, далекому от политики, порой трудно было составить адекватное представление о работе Думы. Для примера, рассмотрим информацию из газеты «Вологодский листок» от 3 ноября 1916 г. о знаменитом заседании Думы 1 ноября. В статье описывается торжественное богослужение в присутствии министров, подчеркивается единение всех депутатов и правительства с царствующим домом, публикуется вполне благонамеренная речь М.В. Родзянко с заключительным приветствием в адрес государя императора. Мог ли простой обыватель заметить в таких текстах скрытый смысл? Конечно, внимательному читателю бросалось в глаза то, что речи Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенского задержаны цензурой председателя Думы (это написано в газете). Можно было обратить внимание на слова М.В. Родзянко: «Первейшей обязанностью Государственной думы должна быть спокойная и тщательная оценка положения и немедленное устранение того (голоса слева: «не того, а кого?») чего не должно быть и что мешает стране достигнуть единственной намеченной цели»¹. Но, много ли было людей в российской глубинке, которые понимали о чем идет речь?

По крайней мере, документы жандармского наблюдения не фиксируют какого-либо существенного влияния думских речей на настроения населения. Мало того, в крестьянской среде Дума порой воспринималась не как оппозиционный орган, а как один из органов власти, помогающий правительству в его начинаниях. В памятных книжках Вологодской губернии сведения о депутатах Государственной думы шли сразу после информации о царствующем доме, а лишь затем указывались губернские власти.

В годы Первой мировой войны по требованию МВД жандармские и полицейские чины были обязаны регулярно сообщать, помимо прочего, сведения об отношении населения к работе Государственной думы. В октябре 1915 г. уездные исправники четырех уездов Вологодской губернии зафиксировали появление определенного интереса к работе Думы среди крестьян и рабочих. Из Вельска даже сообщали: «К работам Государственной думы последнего созыва население относится доброжелательно и доверчиво»². Однако, в других шести уездах си-

¹ Вологодский листок. 1916. 3 ноября.

² ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 35 об.

туация не менялась по сравнению с довоенной — отношение к парламенту оставалось безразличным. Ответы оттуда были стандартными: «К работам Государственной думы низшие классы населения относятся индифферентно». Как писал Вологодский уездный исправник, «на работы Государственной думы вообще, и последнего времени в частности, у большинства массы крестьянства, благодаря его малоразвитости, определенного взгляда не имеется»¹.

В октябре 1915 г. помощник начальника ВГЖУ докладывал своему начальнику: «Более сознательная часть крестьян, весьма незначительная, верит в продуктивность работы Государственной думы, остальная же большая часть — относится безразлично». Суммируя все данные по губернии, начальник ВГЖУ в донесении в Департамент полиции от 26 октября 1915 г. писал: «к работам Думы крестьяне относятся безразлично, среди же интеллигенции и сознательных рабочих замечается поворот в сторону доверия к депутатам, речи их, особенно представителей оппозиции, читаются с живым интересом и видно глубокое огорчение и недовольство перерывом сессии»².

Жандармские донесения осени 1916 г. показывают рост недовольства на местах, связанных с дороговизной, реквизициями зерновых продуктов, перебоями в снабжении и пр. Отмечалось, что «в виду бесцеремонной критики газет и частой смены представителей высшей власти, население относится к правительству пессимистически, а к членам его, носящим немецкие фамилии, — прямо враждебно». Однако жандармы не фиксировали какую-либо взаимосвязь протестных настроений с деятельностью Думы. Как писал помощник начальника ВГЖУ 15 октября 1916 г.: «К деятельности вообще Государственной думы, в частности, в связи с предстоящим возобновлением занятий, отношение в большинстве довольно безразличное»³. В заключение доклада он рекомендовал принять меры к урегулированию продовольственного вопроса, иначе его могут использовать революционные организации для возбуждения недовольства к существующей власти.

В обзоре политического положения в губернии осенью 1916 г. начальник ВГЖУ отмечал, что благодаря «создавшемуся отношению населения к правительственной власти, оно видит выход из тупика только в деятельности общественных организаций и Государственной думы, начало занятий которой и ждет с нетерпением». Но опасность в дестабилизации положения он видел не в парламенте, и не в прессе, а в росте «ненависти к торговцам, беззастенчиво грабящим покупателей», в приезжающих с фронта воинских чинах и частных лицах, рас-

¹ Там же. ЛЛ. 28, 37.

² Там же. ЛЛ. 7, 16.

³ Там же. Л. 268 об.

пускавших слухи о том, что войска недовольны правительством, и по окончании войны с врагом, начнут войну с тылом. «Вопросы земельный и продовольственный, — констатировал он, — настолько близки обывателю, что всякая сплетня на этот счет ловится на лету и идея революции обсуждается, как нечто неизбежное, если не будут приняты экстренные меры к устранению продовольственного кризиса»¹.

Донесения жандармских и полицейских чинов Вологодской губернии не подтверждают версию о серьезной роли Государственной думы в «раскачивании лодки» накануне Февральской революции. Как показывают документы, местное население гораздо больше волновала дороговизна, и другие проблемы военного времени, чем деятельность малопонятной большинству обывателей Думы. Характерно, что даже наиболее дальновидные правые общественные деятели, считавшие деятельность Думы «революционной», признавали осенью 1916 г., что дело не в ней: «Будет ли собрана Государственная дума в январе, будет ли она вновь распущена, будут ли продлены ее полномочия или назначены новые выборы, положение останется столь же нетерпимым и столь же опасным, как и в настоящее время, как и в течение всех последних десяти лет»². Утверждение ряда историков о том, что знаменитая речь П.Н. Милюкова «Глупость или измена» распространялась по всей стране в миллионах экземплярах не подтверждается на материалах Вологодской губернии. Нет ни одного жандармского или полицейского донесения за ноябрь 1916 — февраль 1917 г. в котором эта речь бы просто упоминалась. Для сравнения — Выборгское воззвание широко распространялось в Вологодской губернии, о чем свидетельствуют многочисленные донесения жандармов и полиции. Конечно, в годы Первой мировой войны интерес к деятельности Думы стал возрастать, часть населения возлагала на нее надежды по выходу страны из кризисного положения. Но этот очевидно проявившийся интерес нельзя рассматривать как существенный фактор падения российской монархии. Разумеется, данное наблюдение относится только к положению в провинции — в Петрограде и крупнейших городах ситуация была иной.

В итоге, можно сделать вывод о незначительном влиянии Думы на политические настроения населения Вологодской губернии. Это объясняется многими факторами: безграмотностью большинства населения, низкой степенью информированности простого обывателя о работе Думы, оторванностью думских дебатов от повседневных забот населения, невысокой политической культурой и пр. В то же время было бы

¹ Там же. Л. 272 об.

² Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. V. С. 338.

неправильно сводить проблему только к безграмотности и отсталости большинства населения. В рапорте Тотемского уездного исправника Вологодскому губернатору от 4 октября 1912 г. после констатации «полного равнодушия» населения уезда к выборам в Государственную думу четко сказано: «Нельзя думать, что наше население настолько неразвито и отсталое, что неспособно разобраться в своих правах; наоборот, народ имеет здравый смысл и трудоспособность. Наскучило ему политиканство, которое говорило ему о разных посулах в красивых фразах, но не давало ответы на те запросы, которые больше всего народ занимают. Народу нужна плодотворная спокойная творческая работа, тогда он не будет относиться слепо к выборам»¹.

¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4872. Л. 140.

ГАВРОЕВА Е.С.

М.В. Родзянко и Б.В. Штюмер в 1916 г.

ГАВРОЕВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,

аспирант кафедры русской истории

РГПУ им. А.И. Герцена

(Санкт-Петербург, Россия);

e-mail: feolka@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям председателя Государственной думы М.В. Родзянко и председателя Совета министров Б.В. Штюмера. 1916 г. является одним из важнейших периодов в политической карьере М.В. Родзянко, так как именно в этот период председатель всячески стремился подчеркнуть значение народного представительства, старался реализовать программу Прогрессивного блока, а также защитить законные права Государственной думы.

Ключевые слова: М.В. Родзянко, Б.В. Штюмер, Государственная дума, Совет министров, Прогрессивный блок, военная цензура.

М.В. Родзянко и Б.В. Штюмер в 1916 г.

Взаимоотношения исполнительной и законодательной ветвей власти вызывает сегодня большой интерес в исторической науке¹. Однако деятельность председателя Государственной думы М.В. Родзянко, его отношение к политике Б.В. Штюмера на посту председателя Совета министров не становились предметом специального исследования. Существует ряд работ о деятельности М.В. Родзянко² и Б.В. Штюмера³,

¹ См., напр.: *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016; *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906—1914). М., 2011.

² *Архипов И.Л.* М.В. Родзянко: спикер его величества // Нева. 2005. № 1. С. 173—184; *его же.* Председатель Государственной думы М.В. Родзянко [в 1911—1917 гг.] // Отечественная история. 2006. № 3. С. 114—126; *его же.* М.В. Родзянко: второй человек “думской монархии” // Звезда. 2009. № 11. С. 160—178.

³ *Григорьева Е.В.* Б.В. Штюмер: российский бюрократ на рубеже двух политических эпох: 1872—1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2004; *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004; *его же.* Назначение Бориса Штюмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // Источник. Историк. История. Сб. науч. раб. СПб., 2001. Вып. 1. С. 387—428.

но вопросы об их взаимоотношениях в 1916 г. зачастую ограничиваются упоминанием о противостоянии правительства и Государственной думы.

Остановиться стоит на статье С.В. Куликова «Непризнанный реформатор — Б.В. Штюмер»¹. Автор полагает, что назначение Б.В. Штюмера председателем Совета министров было связано с попыткой достичь компромисса с Прогрессивным блоком². При рассмотрении деятельности главы правительства исследователь указывает на желание Б.В. Штюмера проводить в жизнь реформы, в том числе и те, на которых настаивал Прогрессивный блок и оппозиция. Неудачи «реформаторства» председателя Совета министров С.В. Куликов связывает исключительно с бескомпромиссностью Прогрессивного блока и его нежеланием сотрудничать с «консервативно-либеральным премьером»³, не упоминая о том, что Б.В. Штюмер неоднократно настаивал перед императором о несвоевременности большинства пунктов программы Прогрессивного блока.

В данной статье мы остановимся на двух моментах во взаимоотношениях М.В. Родзянко и Б.В. Штюмера. В первую очередь, нас будут интересовать попытки председателя Государственной думы оказать содействие в реализации программы Прогрессивного блока. М.В. Родзянко согласно ст. 10 гл. 2 «Учреждения Государственной думы» имел право всеподданнейше докладывать о деятельности народного представительства⁴. В годы Первой мировой войны председатель Государственной думы старался оказать наибольшее давление на императора по вопросам внутренней политики, способствовать укреплению авторитета Думы, а также, что самое важное, выступал проводником программы Прогрессивного блока, так как только он мог говорить о требованиях блока на законных основаниях⁵.

¹ Куликов С.В. Непризнанный реформатор — Б.В. Штюмер // Знаменитые и известные бежечане. М., 2005. Вып. 3. С. 52—97. Сразу стоит оговориться, что эту статью следует относить к научно-популярному жанру, так как в ней полностью отсутствуют сноски, а это, в свою очередь, не дает возможности понять, какие источники были положены автором в основу исследования.

² Куликов С.В. Непризнанный реформатор — Б.В. Штюмер. С. 61.

³ Там же. С. 95.

⁴ Законодательные акты переходного времени 1904—1908 гг. СПб., 1909. С. 942.

⁵ В 1916 г. М.В. Родзянко был у императора Николая II с докладами 3 раза — 23 февраля, 24 июня и 16 ноября (Дневники императора Николая II. 1894—1918. 1914—1918. М., 2013. Т. 2. Ч. 2. С. 212, 238, 265). В фонде Государственной думы сохранились 2 отпуски ходатайств председателя Думы о всеподданнейших докладах, которые он делал в 1916 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1125. ЛЛ. 40, 42 об.).

В своих всеподданнейших докладах М.В. Родзянко настаивал перед императором Николаем II на необходимости проведения в жизнь ряда реформ из программы блока. Во время аудиенции 23 февраля 1916 г. председатель Государственной думы говорил о недовольстве внутренней политикой, приводимой правительством, что, в свою очередь, затягивало окончание войны и не способствовало победе над Германией¹. Более же подробно стоит остановиться на докладе 24 июня 1916 г. Председатель Государственной думы говорил о необходимости изменить систему управления в стране подчеркивая, что правительственная власть не доверяет общественным организациям, которые были созданы с целью оказать содействие и помощь в тылу и на театре военных действий, а также указывал императору на необходимость и важность объединения в политике Совета министров, что было крайне важно для достижения победы². В своих мемуарах М.В. Родзянко подтверждает этот момент, правда, упоминает именно первый и важнейший пункт программы Прогрессивного блока — ответственное министерство³. Председатель Думы убеждал императора в необходимости сместить Б.В. Штюмера, назначив на этот пост морского министра И.К. Григоровича⁴. Далее М.В. Родзянко перешел к вопросу о необходимости «реформы местных административных управлений»⁵, говоря об изменении системы управления на местах, что тоже являлось составной частью программы Прогрессивного блока⁶. Еще одним пунктом было рассмотрение законопроектов для упорядочения внутренней жизни страны, чтобы после заключения мира сразу приступить к восстановлению все того, что было нарушено войной⁷. Достаточно подробно М.В. Родзянко остановился на введении мелкой земской единицы, а также на изменении земского и городского положений⁸.

Б.В. Штюмер в своем докладе императору 7 июня 1916 г. настаивал на том, что проведение законопроекта об отмене правовых ограничений для крестьян, земской реформы, изменений городского положе-

¹ Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 150.

² Доклады М.В. Родзянко Николаю II // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 319. Это требование почти полностью соответствует формулировке из программы блока (Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // Красный Архив. 1932. Т. 1—2. С. 133).

³ Родзянко М.В. Крушение империи. С. 162.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 318.

⁶ Речь идет о п. 2 программы Прогрессивного блока, которая призывала к «коренному изменению приемов управления» (Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. С. 158).

⁷ Доклады М.В. Родзянко Николаю II. С. 316.

⁸ Там же. С. 316—319.

ния, нового закона об обществах и союзах являются несвоевременными, а также старался убедить Николая II в невозможности реализации их даже с точки зрения законодательства¹, пытаясь представить деятельность Прогрессивного блока только как еще один способ критики правительственной власти, которая якобы опасается любых преобразований². Не забыл председатель Совета министров сообщить в своем докладе, что М.В. Родзянко согласен с ним в вопросе о несвоевременности проведения реформ программы Прогрессивного блока³. Однако уже через 2 недели председатель Государственной думы в своем всеподданнейшем докладе говорил совсем иначе. 31 октября 1916 г. Б.В. Штюрмер старался убедить императора в незаконности критики правительства с думской кафедры⁴, речь, конечно же, шла о смене министров, а также появлении кабинета общественного доверия⁵. Председатель Совета министров старался доказать Николаю II необходимость роспуска Думы, если думская оппозиция начнет свою работу с призыва изменить существующий строй управления государством, продолжая таким образом вести борьбу с правительством⁶. Накануне открытия сессии М.В. Родзянко в беседе с Б.В. Штюрмером открыто заявил о том, что главная опасность положения в стране связана с внутренней политикой правительства, которое не воспользовалось патриотическим подъемом в стране, а только постоянно вело борьбу с парламентом и общественными организациями⁷. Председатель Государственной думы открыто заявил во время беседы с Б.В. Штюрмером о том, что премьеру следовало бы подать в отставку⁸. Дальнейшие события — «шторм власти», предпринятый в ноябре 1916 г., и смена председателя Совета министров продемонстрировали готовность М.В. Родзянко к решительным действиям с целью продолжать борьбу с правительством.

Еще одним важным вопросом во взаимоотношениях М.В. Родзянко и Б.В. Штюрмера стала военная цензура. Укажем, что 20 июля 1914 г., на следующий день после объявления Россией войны Германии, было принято «Временное положение о военной цензуре»⁹, которое определяло принципы организации военной цензуры на террито-

¹ Дневники и документы из личного архива Николая II: воспоминания, мемуары. Минск, 2003. С. 209.

² Там же.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Там же. С. 225.

⁶ Там же. С. 220.

⁷ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С. 182—183.

⁸ Там же. С. 183.

⁹ СУ. 1914. № 192. Ст. 2057.

рии Российской империи. Исходя из ст. 4 Положения, речи депутатов Государственной думы не подлежали цензуре, так как они производились «во исполнение долга службы или обязанностей звания»¹, а отчеты об общих собраниях Государственной думы допускались к печати после одобрения председателем в соответствии со ст. 45 «Учреждения Государственной думы»². Таким образом, даже несмотря на введение военной цензуры, информация о деятельности Думы не могла подвергаться цензурированию, так как основная часть газетного материала основывалась на стенографических отчетах. Однако, почти сразу после введения «Временного положения о военной цензуре» правительство начало оказывать давление на прессу. Стараниями председателя Совета министров И.Л. Горемыкина появилось распоряжение начальника Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексева № 103 от 7 января 1916 г., которое призывало военную цензуру «оценивать представляемый на просмотр газетный материал не с одной лишь узко военной точки зрения, а также и с общеполитической, дабы не допускать опубликования таких статей, сведений, слухов и рассуждений и сообщений, которые могли бы идти во вред доверия к правительству и сохранению общественного единения и воодушевления пред лицом вторгнувшихся в Россию вражеских полчищ, т.е. во вред военным интересам государства в самом широком смысле этого слова»³. Несомненно, этот документ предоставлял Министерству внутренних дел право почти полностью контролировать материалы периодической печати.

В 1916 г. М.В. Родзянко начал проявлять наибольшую активность по вопросу о военной цензуре. Своеобразным «катализатором» послужила телеграмма редактора «Русских ведомостей» А.А. Мануйлова от 13 февраля 1916 г., в которой он оповещал председателя Думы о требовании Московской военно-цензурной комиссии публиковать речи депутатов только в том виде, в каком их предоставляло Петроградское телеграфное агентство, а собственные сообщения газеты подлежали предварительной цензуре. Редакция газеты, выполнив требование комиссии, получила корректуры отчетов, которые были зачеркнуты от начала до конца, даже, несмотря на то, что многие места совпадали с агентскими сообщениями. А.А. Мануйлов просил оказать содействие в разрешении данного вопроса, настаивая на посягательстве со стороны военной цензуры на свободу слова и права Государственной думы и ее председателя⁴. 16 февраля 1916 г. М.В. Родзянко отправил пись-

¹ Там же.

² Законодательные акты переходного времени 1904—1908 гг. С. 950.

³ РГИА. Ф. 777. Оп. 23 (1916 г.). Д. 3. Ч. 1. Л. 123 об.

⁴ Там же. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1151. ЛЛ. 4—5.

мо, приложив копию телеграммы А.А. Мануйлова, председателю Совета министров Б.В. Штюмеру, в котором в достаточно резкой форме осудил действия Московской военно-цензурной комиссии, которая, по его мнению, могла так действовать только по распоряжению правительства, а это, в свою очередь, могло повлечь за собой дезинформацию общества о происходящих в стране событиях. Председатель Думы напоминал Б.В. Штюмеру о необходимости законодательным учреждениям выполнять свой долг перед родиной и императором, а усиление военной цензуры повлекло бы за собой нежелательные последствия, в том числе и для правительства. Не забыл М.В. Родзянко и упомянуть, что только он имеет право цензурировать те или иные речи в стенографических отчетах. В письме содержалась просьба принять незамедлительные меры для прекращения всевластия цензурных учреждений¹. 16 февраля 1916 г. редактор-издатель газеты «Волжский день» отправил председателю Государственной думы телеграмму, в которой речь шла о требовании местного военного цензора публиковать речи депутатов по телеграммам ПТА, а также просил оказать содействие и помощь провинциальной печати, которая лишена возможности передавать полные тексты выступлений думцев, довольствуясь «чрезвычайно пристрастными бланками агентства»². М.В. Родзянко 19 февраля препроводил копию этой телеграммы председателю Совета министров³. Не получив ответа от Б.В. Штюмера, председатель Государственной думы 24 февраля написал гневное письмо председателю Совета министров, в котором вновь указывал на незаконность воздействия на военных цензоров со стороны правительства и местной администрации⁴. 22 февраля Б.В. Штюмер отправил письмо на имя военного министра А.А. Поливанова с просьбой указать, кто отдал распоряжение Московской военно-цензурной комиссии публиковать отчеты о заседаниях Государственной думы, основываясь на телеграммах ПТА⁵. 25 февраля 1916 г. председатель Государственной думы направил письмо начальнику Штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексееву, к которому приложил копии запросов членов Думы военному министру и письма на имя председателя Совета министров. Председатель Думы просил оказать содействие с целью правильного освещения деятельности законодательных учреждений и других вопросов внутренней политики России⁶. 28 февраля председатель Совета

¹ Там же. ЛЛ. 6—7.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. ЛЛ. 10—10 об.

⁵ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1458. Л. 412.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1134. ЛЛ. 26—26 об.

министров отправил М.В. Родзянко ответ, сообщая ему об отсутствии в делопроизводственных документах правительства интересующего его распоряжения¹. Однако в делах Петроградской военно-цензурной комиссии сохранилась телефонограмма от 14 февраля 1916 г., отправленная на имя начальника Штаба Петроградского военного округа генерала М.И. Тяжельникова с уведомлением о необходимости публиковать речи депутатов Государственной думы по телеграммам ПТА, а не собственных корреспондентов газет во время оглашения и обсуждения правительственной декларации². Это, в свою очередь, позволяет предположить, что данное распоряжение могло распространиться и на Московский военный округ.

Можно также предположить, что в связи с этим вопросом 6 марта Б.В. Штюмер отправил М.В. Алексею письмо с просьбой разрешить начальнику Петроградского военного округа при сношении с МВД определять, какие вопросы внутренней политики могут освещаться на страницах периодических изданий, а какие публиковать нельзя. Такое предложение поступило с целью упростить работу военно-цензурной комиссии, которой необходимо было бы каждый раз запрашивать разрешение у начальника Штаба верховного главнокомандующего³. В ответ М.В. Алексеев 16 марта сообщил о своем согласии и о том, что им отдано распоряжение главнокомандующему армиями Северного фронта о предоставлении начальнику Петроградского военного округа права принимать необходимые меры по вопросу публикации на страницах периодических изданий материалов, связанных с внутренней политикой Российской империи⁴. Иначе говоря, Б.В. Штюмер почти полностью передавал военную цензуру на усмотрение МВД.

В мае 1916 г. Б.В. Штюмер провел частное совещание с председателем Петроградской военно-цензурной комиссии М.А. Адабашем, начальником Петроградского военного округа князем Н.Е. Тумановым и начальником Главного управления по делам печати В.А. Удинцевым, на котором было принято решение о недопущении военной цензурой публикации речей депутатов Государственной думы, более

¹ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1458. Л. 418. Особо стоит отметить, что ответ М.В. Родзянко является черновиком, где зачеркнуты ряд сведений, например, тот факт, что Б.В. Штюмер переписывался по этому вопросу с Министерством внутренних дел, которому сообщил об отсутствии каких-либо распоряжений по Московской военно-цензурной комиссии. Также председатель Совета министров сообщал об отсутствии ответа от военного министра по возбужденному М.В. Родзянко вопросу.

² РГИА. Ф. 777. Оп. 23 (1916 г.). Д. 2. Ч. 2. Л. 292 об.

³ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1458. ЛЛ. 424—424 об.

⁴ Там же. Л. 430.

того, князем Н.Е. Тумановым было отдано распоряжение военным цензорам при Комитете по делам печати, на какие места речей думцев следует обращать особое внимание¹. Несомненно, это распоряжение было принято к руководству, так как уже 3 июня заведующий министерским павильоном при Государственной думе Л.К. Куманин сообщил Б.В. Штюмеру о том, что 3 июня 1916 г. на общем собрании Государственной думы было принято решение о рассмотрении заявления депутатов об обращении к председателю Совета министров, министрам военному и внутренних дел о незаконных действиях чинов военной цензуры². 9 июня М.В. Родзянко направил премьер-министру Б.В. Штюмеру и военному министру Д.С. Шуваеву запросы с просьбой разъяснить действия цензурных учреждений в отношении публикации речей депутатов Государственной думы³. Помощником военного министра генералом П.А. Фроловым был составлен ответ на запрос председателя Государственной думы, который он согласовал с Б.В. Штюмером⁴. 17 июня 1916 г. М.В. Родзянко получил от Д.С. Шуваева письмо, в котором он уведомлял председателя Думы о невозможности дать какие-либо разъяснения о незаконных действиях военной цензуры, так как она находилась в ведение Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта, а не Военного министерства⁵.

В конце июня 1916 г. Б.В. Штюмер один из своих докладов императору посвятил вопросам военной цензуры. Им было предложено ввести в Империи предварительную цензуру, в пример он привел случай Франции⁶. Далее он сообщил Николаю II о том, что поручил начальнику Главного управления по делам печати разработать особую инструкцию для петроградских и московских периодических изданий, где было бы расписано все то, что может появляться в прессе⁷. К октябрю 1916 г. Б.В. Штюмером были приняты меры к значительному ограничению свободы печати в Петрограде и Москве⁸.

¹ Допрос Б.В. Штюмера, 14 июня 1917 г. // ПЦР. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 186.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 22 (1916 г.). Д. 35. Л. 1.

³ Там же. ЛЛ. 10, 11, 14.

⁴ Там же. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1733. ЛЛ. 10, 12.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Дневники и документы из личного архива Николая II: воспоминания, мемуары. С. 215.

⁷ Там же. С. 217.

⁸ Допрос Б.В. Штюмера, 14 июня 1917 г. С. 187. Сам председатель Совета министров во время допроса не отрицал наличия ограничений при публикации речей депутатов Государственной думы на страницах периодических изданий Петрограда и Москвы, несмотря на то, что это нарушало статьи закона о военной цензуре.

Вопрос о военной цензуре отчетов о заседаниях Государственной думы был поднят военным министром Д.С. Шуваевым в октябре 1916 г. накануне открытия ноябрьской сессии. Он жаловался на то, что МВД не дало никаких указаний о недопустимости появления тех или иных вопросов внутренней политики в стенографических отчетах на страницах газет¹. Д.С. Шуваев также отметил активные действия М.В. Родзянко в вопросе о военной цензуре, которая, по мнению председателя Думы, не имела законного права изменять что-либо в материалах о думских заседаниях². Также военный министр настаивал на необходимости, во-первых, привести в порядок вопросы цензурирования и, во-вторых, наладить взаимодействие военной и гражданской властей. Дело состояло в том, что рассмотрение стенографических отчетов председателем Петроградской военно-цензурной комиссии являлось нарушением «Временного положения о военной цензуре», так как комиссия подчинялась Генеральному штабу, а не главнокомандующему армиями Северного фронта, что, несомненно, вызывало недовольство со стороны как М.В. Родзянко, так и депутатов³. После открытия сессии в ноябре 1916 г. и вплоть до отставки Б.В. Штюмера руководство военной цензурой продолжало оказывать давление на прессу, а также запрещало публиковать ряд речей депутатов Думы.

Попытки председателя Государственной думы начать обсуждение программы Прогрессивного блока встречали сопротивление со стороны Б.В. Штюмера, который доказывал императору о незаконности критики правительства и о невозможности проведения ряда законопроектов, которые являлись частью программы Прогрессивного блока. Здесь стоит особо отметить позицию М.В. Родзянко, так как в историографии принято считать, что он являлся проводником проправительственной политики, в то время как его действия позволяют говорить об обратном. Председатель Государственной думы, используя право докладывать государю о деятельности народного представительства, стремился доказать важность программы Прогрессивного блока, чьим сторонником он и был. Важным моментом во взаимоотношениях М.В. Родзянко и Б.В. Штюмера была и военная цензура и борьба с ней, так как председатель Совета министров являлся сторонником цензурирования материалов о деятельности Государственной думы, которые публиковались на страницах периодических изданий, тем самым ограничивая законные права народных представителей.

¹ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1458. Л. 482.

² Там же. Л. 482 об.

³ Там же. ЛЛ. 483—483 об.

ХОЛЯЕВ С.В.

Государственная дума под угрозой роспуска: власть и оппозиция на рубеже 1916—1917 годов

ХОЛЯЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
Ярославского государственного
технического университета, Ярославль, Россия;
e-mail: holyaevsv@ystu.ru

Аннотация: В статье рассматривается противоборство власти и либеральной оппозиции накануне 1917 года. С одной стороны, показана деятельность правительства, добивающегося официального роспуска Государственной думы в начале 1917 года, с перенесением даты выборов в новую Думу на конец года, когда, как ожидалось, уже завершится Первая мировая война, в с другой стороны, депутатского корпуса Государственной думы. Значительное внимание получило освещение тактики оппозиционных депутатских фракций, особенно взаимоотношения кадетов с наиболее радикальной либеральной фракцией прогрессистов. Лидер фракции прогрессистов А.И. Коновалов и другой ее представитель И.Н. Ефремов убеждали Государственную думу жестко противостоять правительству. Делается вывод о том, что примирение в ходе событий, предшествовавших революции, было возможно только со стороны государственной власти. Император Николай II фактически к февралю 1917 года уже принял решение о создании подконтрольного Думе правительства, создания которого так настойчиво добивались либералы. В то время как оппозиционеры были настроены на насильственное отстранение от власти Николая II и отрицали какие-либо компромиссы с властью.

Ключевые слова: 1917 год; Государственная дума; Николай II; А.И. Коновалов; Н.А. Маклаков; дворянство; партия прогрессистов.

**Государственная дума под угрозой роспуска:
власть и оппозиция на рубеже 1916—1917 годов**

Незадолго до начала Первой мировой войны в Берлине вышла книга члена конституционно-демократической партии В.П. Обнинского «Последний самодержец»¹. Из тихого 1912 года ее автор предсказал ряд

¹ Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.

грядущих событий. Так, Обнинский, соглашаясь с П.А. Столыпиным, утверждал, что ускорить падение Николая II может именно война. Но в отличие от других лиц, уверяющих, что причиной смены власти станет неудачная война, автор разоблачающего фоллианта был уверен, что и победная война не изменит судьбы самодержца, если окажется таковой не с самого начала боевых действий. «Армия, воодушевленная общим сочувствием нации, может на военном театре перейти тогда к успехам, но ими уже не воспользуется прежний царь или прежнее правительство, которые будут свергнуты восставшим народом»¹.

В декабре 1916 года ситуация обострилась до предела. С 9 по 11 декабря намеревались провести свои съезды Земский и Городской союзы, планировавшие принятие на них решений, выходящие за пределы своих функциональных обязанностей. Полиция, выполняя распоряжение министра внутренних дел А.Д. Протопопова, предотвратила легальное проведение этих собраний, не дав им состояться. Однако съезды выполнили намеченную задачу, нелегально приняв заранее заготовленные резолюции, и разослали их по всей стране².

Резолюция земского съезда под председательством кн. Г.Е. Львова в очередной раз требовала создания правительства, ответственного перед народным представительством. Объявляя «Отечество в опасности», она призывала Государственную думу, опираясь на организованный народ (под которым понимала подконтрольные либералам общественные организации), «довести начатое великое дело борьбы с... политическим режимом до конца. Ни компромиссов, ни уступок»³.

Государственная дума посвятила заседание 16 декабря обсуждению комплекса вопросов, касающихся разгона правительством заседаний общественных организаций. И здесь основную речь произнес А.И. Коновалов — лидер фракции прогрессистов резко осудил действия правительства. «Этот акт глумления над общественными силами России в момент величайшей борьбы дает нам новое свидетельство о полной отчужденности власти от народа, о полной к нему враждебности и ставит перед нами во весь рост грандиозную проблему власти»⁴.

Из случившегося Коновалов делал ясный вывод: главная опасность стране угрожает теперь не извне, от немцев, а изнутри — от собственного правительства. При этом сам депутат понимал, что положение в

¹ Там же. С. 251—252.

² *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мн., 2004. С. 405; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917 гг. М., 2001. С. 375.

³ *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 405.

⁴ Государственная дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. IV. С. 205.

стране менее трагично, а борьба с правительством объяснялась отстраненностью либералов от рычагов государственного управления. «Господа... крик отчаяния — “Отечество в опасности”... не есть предвидение... сокрушительного... удара со стороны врага, которому будет противопоставлен отпор нашей доблестной могучей армией; это не есть сознание опасности от недостатка живой силы страны и материальных ресурсов, — в них недостатка все же нет»¹.

Из контекста речи Коновалова было очевидно, что он занимался банальным нагнетанием страстей, типичных для многих депутатских речей того времени, обвиняя правительство в неспособности обеспечить победу над внешним врагом. «Власть находится в руках недостойных лиц, которые не могут справиться с грандиозной задачей, выпавшей на их долю... власть в стране является синонимом бессилия воли и мысли...». Наиболее важной в речи Коновалова является мысль о необходимости направить энергию активной части социума против внутреннего политического режима: «основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над врагом внутренним»².

Любопытно то место в выступлении Коновалова, где он стремился показать представителей Городского союза, глав самоуправлений — городских голов, в качестве жертв произвола полиции. «Я был свидетелем в Москве тех деяний, которые творила власть в декабрьские дни, 9, 10 и 11 числа... Господа, я припоминаю тот момент, когда, прибыв к зданию городского Союза, где должен был собраться съезд, я увидел отдельные группы городских голов, съехавшихся со всех концов России, тысячи верст, быть может, проехавших, чтобы прибыть на это совещание, они толпились на тротуаре, и полиция не допускала их войти в самое помещение»³.

Коновалову и другим представителям Прогрессивного блока пришлось выслушать в ходе заседания и критические выступления депутатов из правого меньшинства. Самым запоминающимся было выступление Г.Г. Замысловского, представлявшего русское население Виленской губернии. «Со стороны формальной разгон съезда правительственной властью есть, безусловно, деяние законное, потому что раз в Москве военное положение, то не может быть никаких сомнений в том, что власть имела право это сделать. Что касается существа вопроса, то власть, если она мало-мальски себя уважает, не может допустить, чтобы собирались съезды, которые прямо заявляют, что цель собрания — борьба с этой властью. Понятно, что власть такой съезд должна немедленно распустить. Это логика вещей»⁴.

¹ Там же. С. 204.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1744. Л. 6.

³ Государственная дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. С. 203.

⁴ Там же. С. 221.

Речь Замысловского сопровождалась неоднократными выкриками из зала недовольных приверженцев думского большинства, но оспорить справедливость его возражений им было сложно. «Вы ведете вашу борьбу с правительством во имя законности, вы говорите, что правительство попирает закон. Но если под этим лозунгом ведется ваша борьба, то вы сами должны, прежде всего, закон соблюдать. А что же вы делаете? Этот самый пресловутый московский съезд, которому вы теперь собираетесь выразить свое одобрение, прямо призывает к неисполнению закона... Вы сами не уважаете закона. Вы говорите о законности, а в первом пункте повестки у вас сказано: объединение мероприятий по обороне государства. Разве относятся ваши речи к этому пункту... повестки? Они к этому пункту никакого отношения не имеют... Что же, это называется уважением к закону? Вы прямо попираете закон. У вас, конечно, готтентотская мораль; вам все возможно, а другим ничего нельзя;... ораторам не из блока нельзя говорить с этой кафедры, потому что вы их постоянно перебиваете. Нет, господа, правительство поступило совершенно правильно, что тех, кто хотел с ним бороться, оно разогнало»¹.

В декабре 1916 года Николай II получал письма от многих представителей правых политических кругов. В их числе и послание от Н.А. Маклакова, ранее возглавлявшего Министерство внутренних дел. Маклаков указывал царю на все более разрастающуюся угрозу государству со стороны Государственной думы. «Изо дня в день Государственная дума глумится над Вами поставленным правительством и зовет население к перевороту. Печать бесчинствует и безвозбранно соблазняет всю Россию неслыханной распущенностью и это делается, несмотря на то, что Петроград входит в полосу военных действий, а во всей России введено военное положение. В Москве собираются политические съезды, которые вступают в единоборство с запрещающей их законной властью»².

Бывший министр призывал Николая II к решительным действиям: какими они должны быть непосредственно, в этом обращении прямо не указывалось, но из общего смысла письма было понятно, что под главной мерой понимался роспуск Думы. «Мы подошли, Ваше Императорское Величество, к роковым минутам. Если этому безумию громко и убежденно не будет положен предел — Россия погибла... дальнейшее отмалчивание правительственной власти перед разразившейся политической бурей, готовой уничтожить перед собой все — ... будет равносильно смертному приговору и над Нашей историей и над нашей государственностью...»³.

¹ Там же. С. 221.

² ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 12.

³ Там же. Л. 13.

Мысль о том, что путь к спасению России пролегал через роспуск Думы, давно волновала Николая II, и 9 февраля 1917 года он обратился к Н.А. Маклакову с предложением подготовить Манифест о ее роспуске¹. Разработанный Маклаковым проект Манифеста содержал обвинения Государственной думы в желании произвести государственный переворот в ходе войны. «Государственная дума уклонилась в область политических стремлений и, на радость внешним врагам нашим, вступила в борьбу за власть с правительством»². Разрабатывая текст Манифеста о роспуске Думы, Маклаков предвидел решительное противодействие со стороны депутатского корпуса, а потому предлагал разработать схему дальнейшего поведения власти в случае отпора оппозиционеров³.

Практические меры по возможному роспуску Государственной думы предпринимались с лета 1916 года. В конце июня Николаю II поступила докладная записка, итог совещания у премьер-министра Б.В. Штюрмера. «Создание в будущей Государственной думе работоспособного и патриотически настроенного большинства приобретает особую важность при вызванном войной серьезном положении» — формулировали участники совещания стратегию правительства на предполагавшихся ими скорых выборах⁴. По плану перед выборами готовился выпуск массовыми тиражами политических памфлетов, изобличавших оппозиционных лидеров и их партии. На эти цели правительство собиралось выделить 5 млн. рублей, из которых 2 млн. должны были быть отпущены из казны, а оставшуюся сумму выделяли банки. Планировался выпуск брошюр «Правда о кадетах», «Желтый блок», чтобы донести до рядовых граждан информацию об антигосударственной деятельности думских либеральных партий⁵.

Выборы в новую Думу намечались только на 1 декабря 1917 года, а роспуск предполагался в начале 1917 года⁶. Министр внутренних дел Протопопов действовал солидарно с премьер-министром Штюрмером, а после его отставки в ноябре 1916 года взял на себя руководство процессом подготовки роспуска Думы. Так, в декабре 1916 года он разослал губернаторам циркуляр, где содержался анализ возможных результатов выборов в каждой губернии и составе в них основных групп избирателей⁷.

¹ Там же. Л. 21.

² Там же. Д. 1003. ЛЛ. 1 об.—2.

³ Там же. Д. 1288. Л. 21.

⁴ *Стариков Н.В.* 1917. Разгадка «русской» революции. М., 2008. С. 32.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1003. Л. 2.

⁷ *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 269.

Авторы данной записки, А.А. Бобринский и И.Я. Гурлянд, сумели обобщить все данные, имевшиеся в МВД о каждой отдельной губернии¹. Записка наглядно подтверждала сложность положения правых к 1917 году, но ситуация на тот момент складывалась так, что лишь они могли поддерживать правительство на завершающем временном отрезке войны. «Рассматривая вопрос о возможности проведения выборной кампании, необходимо, прежде всего, остановиться на вопросе: представители каких партий могли бы быть желательны для правительства ... надлежит признать, что допустимы правые октябристы и желательны более консервативные группы». Категорически отвергались правительством левые октябристы: они «настолько переплелись с прогрессистами и кадетами, что найти иную, кроме наименования, грань, отделяющую их друг от друга, почти невозможно»².

Будучи реалистичной, записка прямо указывала, что единственной правой губернией в России является Курская, где дворянство и земские деятели, объединившись в революционную годину для отпора левым партиям, не отошли от правой политической программы³. Эта губерния, во всяком случае, ее дворянская часть, всецело находилась под влиянием Н.Е. Маркова, одного из руководителей СРН. Что и подтвердило губернское дворянское собрание, состоявшееся 18 января. Большинством собрания, в 119 голосов против 6, оно приняло адрес царю⁴.

Записка Бобринского и Гурлянда искала возможности направить в V Государственную думу членов, «преданных государю и чуждых принципиальной критики всего, имеющего отношение к правительству»⁵. Правительство рассчитывало получить опору на окраинных территориях, где правые и националистические общественные силы традиционно привыкли отстаивать русские начала, и которые были наиболее близки православному духовенству⁶. При этом правительство особенно сильно рассчитывало на Северо-Западные губернии: ведь «после войны там остро встанет польский вопрос, который заставит еще больше объединиться русских людей»⁷.

В центральных губерниях предстояла тяжелая борьба. Как более благоприятная оценивалась ситуация во Владимирской, Вологодской, Вятской, Казанской, Московской, Орловской, Нижегородской, Оло-

¹ Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000. С. 243.

² ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

³ Там же. ЛЛ. 1—1 об.

⁴ Бибин М.А. Указ. соч. С. 248—249.

⁵ ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 3.

нецкой, Пензенской, Пермской, Псковской, Рязанской, Симбирской, Тульской и Харьковской губерниях. Очень важная роль в успехе правых сил отводилась губернаторам, от которых требовалось теперь не становиться над схваткой, а влиять на нее, так как в стране официально сохранялось военное положение¹.

Левые элементы, под которыми понимались кадеты, признавались господствующими в Астраханской, Архангельской, Оренбургской, Ставропольской губерниях. Безнадежными считались Костромская, Таврическая и Уфимская губернии, где левые силы захватили важнейшие политические позиции. Трудной предвиделась удачная выборная кампания в Воронежской, Калужской, Новгородской, Петроградской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Черниговской и Ярославской губерниях. В них укрепились октябристы левого толка, которые в союзе с более левыми группами (кадетам и прогрессистами) могут успешно противодействовать умеренным и правым. Но считать эти губернии окончательно безнадежными было нельзя: в каждой из них следовало искать благожелательные элементы в различных общественных группах. Например, в Воронежской губернии преобладали октябристские течения в дворянской среде и еще более левые в земствах — правые же одиноки и разобраны по уездам. Но кампанию можно проводить на духовенстве, с которыми в очень хороших отношениях находится правый губернатор Г.Б. Петкевич².

Абсолютно безнадежными полагались Сибирские губернии, Кавказ, Польша, Виленская и Ковенская губернии. В первых чрезвычайно сплочены прокадетские элементы, в остальных русские не имели никакого значения и борьба ожидалась вокруг местных национальных групп. Невозможно проведение умеренных кандидатов в Думу от городов Москвы, Петрограда и Риги³.

В правых кругах развернулась своеобразная дискуссия о том, какой должна быть новая Дума — такой же, законодательной, или только законосовещательной. Н.Е. Марков предлагал воспользоваться ситуацией и, изменив избирательный закон по примеру 3 июня 1907 года, перевести Думу из статуса законодательного учреждения в законосовещательное. А главное — сделать выборы чисто сословными, избирая депутатов внутри сословий, являющихся базовыми, жизненно важными ячейками для русского народа. Сословная Дума либеральной быть не сможет. Не будет в ней и партийности, так как каждое сословие предпочтет защиту узких экономических интересов⁴.

¹ Там же. ЛЛ. 7, 10.

² Там же. ЛЛ. 11—11 об., 15.

³ Там же. Л. 16 об.

⁴ Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. С. 626.

Тем не менее, Николай II и находившийся рядом с ним круг лиц во главе с Протопоповым, разрабатывавшие план роспуска Думы, никаких изменений в выборном законодательстве не планировали, все же надеясь на избрание консервативного большинства, готового к поддержке правительства, и при действовавшей избирательной системе. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, уже в ходе революции, в 1917 году, А.Д. Протопопов дал следующие показания: «С царем... я никогда не говорил об уничтожении Думы. Это была бы невозможная вещь»¹.

Важная роль в разжигании конфликта между Думой и правительством принадлежала дворянству. Известный советский историк В.С. Дякин в статье, напечатанной в 1982 году в журнале «Вопросы истории», дает объяснение тому, зачем дворяне активно вмешались в этот конфликт и довели его до максимальной степени остроты. «... в верхах существовал некий круг испуганных и недовольных, которые осенью 1916 г. сочли, что пришла пора вмешаться в события, пока не поздно... совет не идти “на конфликт с представительным строем” и удалить “наиболее ненавистных лиц” — вот платформа, на которой... сошлись либеральная оппозиция и ее недавние противники из дворянских кругов»².

Однако объяснять причины вмешательства значительной части дворянского сообщества в конфликт парламента и короны лишь боязнью революции было бы неправильно. Для кризиса имелись более глубокие причины. В российском дворянстве наблюдался серьезный раскол. Консервативная часть дворянства открыто выражала недовольство ослаблением своего влияния на государственные дела, выдвижением на передний план вместо просвещеннейшего дворянства надсословной бюрократии³. Тогда как остальная часть дворянства проявляла еще большее недовольство. Многие из оппозиционеров являлись дворянами, и часто титулованными. Среди земских либералов доля дворян доходила до 90 %, и основную их когорту составляли владельцы крупнейших земельных латифундий. Каждый десятый земский либерал обладал княжеским, графским или баронским титулом. В оппозицию входили видные представители российской аристократии — князья Долгоруковы, Трубецкие, Шаховские⁴.

¹ Бибин М.А. Указ. соч. С. 243.

² Дякин В.С. Кризис верхов в России накануне февральской революции // Вопросы истории. 1982. № 3. С. 78, 80.

³ Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 316.

⁴ Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской: Путь русского либерала. М., 2008. С. 165.

Вхождение в оппозицию людей, принадлежавших к социальным верхам российского общества, говорило о системном кризисе дворянства как первого, главного сословия страны. Дворяне входили во все российские партии, от черносотенцев до большевиков. Показательно, что дворянами были лидеры революционно-социалистических партий, эсеров и большевиков — В.М. Чернов и В.И. Ленин, тогда как, например, лидер системной оппозиционной партии октябристов А.И. Гучков таковым не являлся, относясь к привилегированной городской социальной группе, потомственных почетных граждан. Но если Ленин и Чернов не имели ничего общего с дворянскими сословными интересами и видели Россию бессословной страной, то Гучкова, наряду с Милюковым, следует признать вождями радикальной дворянской России. Радикальная дворянская Россия центральной задачей полагала умаление самодержавной власти, или в виде полной ликвидации царизма, что соответствовало настроениям меньшинства радикальных дворян, или преобразования самодержавия в конституционную монархию с низведением русского царя до положения монарха в Великобритании — царствующего, но не правящего.

Политика радикальных дворян, непосредственно направленная на «штурм власти», делала возможным присоединение к ним и консервативных дворян, также проявлявших недовольство положением дел в стране. Соединение вместе разных отрядов дворянства необычайно углубило остроту конфликта. В.С. Дякин отмечает, что консервативные круги вначале пытались уговорить Николая II заключить соглашение с думской оппозицией, надеясь договориться с ним через прежние пути влияния — салоны и придворные связи. Но данные каналы оказались для них перекрыты — царь находился все время либо в Ставке, либо в Царском селе, где вместе с ним постоянно находилась рядом императрица. В этот момент консервативное дворянство и присоединилось к радикальному, и борьба с императором переросла в общедворянское дело¹.

Но если недовольство все чаще проявлялось в правой части политического спектра, то радикальная среда Прогрессивного блока с гораздо большим нетерпением требовала от руководства Прогрессивного блока решительных действий. Кадетскому центру, как главенствующей группировке в блоке, приходилось сдерживать радикальные настроения левых либералов, и, прежде всего, прогрессистов. Левейшая из партий блока, вышла из него в самом начале пресловутого «штурма» властных позиций, в ноябре 1916 года. Мотивацию выхода прогрессистов из блока объяснил член их фракции И.Н. Ефремов, ставший в

¹ Дякин В.С. Кризис верхов в России накануне февральской революции. С. 77, 79.

1917 году одним из министров Временного правительства: «... уйдя из блока мы не перешли в ряды сторонников правительства, не дезертировали накануне боя, как говорит П.Н. Милюков, а лишь способствовали созданию, по его же словам, большей однородности блока. Наш уход удержал, по-видимому, в среде блока его правое крыло»¹.

Несмотря на критику Милюкова, прогрессисты продолжали сотрудничать с ним. Они стремились, воздействуя на него, заставить действовать его более решительно. «Если уже применять военные термины, то про нас можно сказать, что мы не подчинились дисциплине, не дождались приказа слишком осторожного вождя, а составили партизанский отряд и вышли на передовые позиции, надеясь увлечь за собою всю армию»².

«Партизаны» из прогрессистской партии доставляли на рубеже 1916—1917 годов немало проблем Милюкову как фактическому лидеру блока. 30 декабря по инициативе прогрессистов в Москве была принята резолюция, призывавшая Думу не подчиняться роспуску, считавшемуся неизбежным. Думе предлагалось перебраться в Москву и продолжить заседания в одной из подмосковных вилл (в имении А.И. Коновалова), обратившись при этом с воззванием к стране и армии. Представители основных думских фракций не одобрили данного плана, назвав его «вторым изданием Выборгского воззвания»³.

Но у Милюкова все больше проблем возникало с собственной партией, все труднее становилось удерживать от неповиновения кадетскую фракцию в Думе. Депутат А.М. Александров утверждал: «Мы пришли к революции». Необходимо, чтобы блок немедленно заявил о решимости бороться с правительством до конца⁴. Депутаты понимают, что их политика зашла в тупик. Они уже не могут примириться с правительством, а правительство не может согласиться на принятие программы Прогрессивного блока, считая ее революционной⁵.

В начале второй декады февраля, события сжались, как пружина, готовая в любой момент распрямиться. До начала революции в России оставалось меньше двух недель, но ни одна из сторон этого не знала. Все основные политические силы готовились к принятию важных решений, но при этом были уверены, что у них остается, еще остается, в запасе не менее полутора месяцев.

10—11 февраля для Николая II были непростыми днями. В эти два дня он решал вопрос состоится или нет роспуск Думы. 10 февраля

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1742. Л. 4 об.

² Там же.

³ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. С. 289, 291.

⁴ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 18 об.

⁵ Там же. Л. 19.

у Николая II произошел разговор с Родзянко, получившийся крайне тяжелым. И после него казалось, что судьба Думы повисла на волоске — ее роспуск стал очень вероятен. Во всяком случае, председатель Думы данный разговор полностью провалил. Но 11 февраля эта угроза была устранена. Николай II решил не спешить с роспуском Думы — срок ее полномочий и так истекал в этом году¹.

В данный период император был готов принять самое сложное решение в своей жизни, которое считал прежде просто немыслимым — даровать либералам ответственное правительство. По Петрограду после встречи императора с Маклаковым сразу же пошли слухи о том, что он намерен 14 февраля явиться на открытие сессии Государственной думы и объявить именно там, в стенах Таврического дворца, о своем решении сформировать правительство, составленное на основе предложений думского большинства и ответственного перед ним².

Хотя 14 февраля, когда открылась сессия Думы, оказавшаяся последней, император в Таврический дворец не прибыл, ходившие тогда слухи имели реальную подоплеку. Председатель Думы М.В. Родзянко уверял, что 21 февраля Николай II все же согласился сформировать столь желанное либералам правительство, приняв основных министров во главе с председателем Совмина кн. Н.Д. Голицыным, и объявил им, что на следующий день, 22 февраля, явится в Думу и объявит о формировании ответственного министерства³.

По сведениям такого информированного человека как К.И. Глобачев, отъезд государя в Ставку, состоявшийся в 2 часа дня 22 февраля⁴, означал не изменение принятого решения, а его отсрочку. «Уже после переворота (февральского — С.Х.), когда я встретился с бывшим министром юстиции Н.А. Добровольским в одном из мест заключения, он мне говорил, что указ об ответственном кабинете был подписан государем и находился у Добровольского в письменном столе; он должен был быть обнародован через Сенат, на Пасху». В 1917 году Пасха приходилась на 2 апреля⁵.

Решение Николая II отложить формирование правительства на более поздний срок стало роковым для императорской России. Состоись оно 22 февраля, и тогда сохранялось бы немало трудностей, поскольку

¹ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. С. 287.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 483.

³ Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 254.

⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 62.

⁵ Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 60.

либеральной среде угрожал раскол — слишком активно многие оппозиционеры ненавидели Николая II. Неприятие императора у них достигло критической черты. Так, немецкий Генеральный штаб получил от агентуры в России донесение о том, что члены Думы склонны объявить царя недееспособным¹. А потому даже формирование либерального правительства не исключало того, что наиболее радикальная часть либеральной оппозиции, включая Гучкова, не прекратила бы публичную критику главы российского государства.

Следует признать, в ситуации отказа от роспуска Думы, согласие на формирование либерального правительства оставалось единственной возможностью для императора сохраниться на российском престоле до начала генерального наступления армии. Тогда как решение перенести объявление указа о формировании ответственного правительства на 2 апреля, шансов на реализацию уже не имело, так как Гучков планировал произвести в середине марта дворцовый переворот².

¹ *Хереш Э.* Указ. соч. С. 255.

² *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 477—478.

Таврические чтения 2016

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Дизайн обложки и иллюстраций ???????.
Компьютерная верстка *Поповой Н.В.*

Подписано к печати 26.09.17. Формат 70х100 1/16.
Печ. л. 21,1. Усл. печ. л. 27,8. Тираж 200 экз. Заказ 117

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Издательство «ЭлекСис», СПб, Новочеркасский пр., д. 1